

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Отдел новой истории славянских
и балканских народов

И. В. Чуркина

И. С. Достян

А. В. Карасев

А. Л. Шемякин

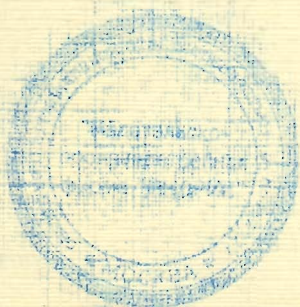
Е. К. Вяземская

В. И. Фрейдзон

В. И. Косик

На путях к Югославии: за и против

Очерки истории
национальных идеологий
югославянских народов.
Конец XVIII – начало XX вв.

Библиотека Института славяноведения и балканистики

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Отдел новой истории славянских
и балканских народов

И. В. Чуркина

И. С. Достян

А. В. Карасев

А. Л. Шемякин

Е. К. Вяземская

В. И. Фрейдзон

В. И. Косик

На путях к Югославии: за и против

Очерки истории
национальных идеологий
югославянских народов.
Конец XVIII – начало XX вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1997

Ответственный редактор

И. В. Чуркина

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(номер проекта 96-01-16219)

На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX вв. / Отв. редактор И. В. Чуркина. — М.: Издательство «Индрик», 1997. — 416 с. — (Серия «Библиотека Института славяноведения и балканистики РАН», кн. 9.)

ISBN 5-85759-054-X

В национальных движениях югославянских народов к XVIII — XX вв. прослеживались две тенденции. Одна предусматривала достижение национальных целей с помощью других югославянских народов, вторая — в опоре только на свои собственные силы. Первая тенденция предполагала союз с другими югославянскими народами, вторая — противостояние с ними. Обе тенденции всегда развивались параллельно, в одно время объединительная тенденция побеждала националистическую, в другое — на первый план выдвигалась последняя. В книге рассматривается борьба этих тенденций, исследуются причины, которые привели к победе объединительных тенденций в национальных движениях югославян и к созданию в 1918 г. Югославии. Книга предназначена для широких кругов общественности: журналистов, учителей, студентов, всех, кто интересуется национальными проблемами.

ISBN 5-85759-054-X

- © Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997
- © Коллектив авторов, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные события в землях бывшей Югославии породили немало новых сложных проблем в современной политологии и истории. Многие, казавшиеся ранее непреложными, истины не выдержали испытание временем.

Цветущая, прекрасная страна, населенная мужественными и трудолюбивыми народами, близкими в языковом и этническом отношении, оказалась не только расколотой, но и втянутой в непримиримое военное противостояние. Идеалы, которые провозглашали лучшие представители югославянских народов, за которые они беззаветно боролись многие десятилетия, выброшены на свалку, объявлены непригодными. Сотрудничество, дружеские чувства сменились проповедью национальной исключительности, нетерпимостью по отношению к своим ближайшим соседям.

Что стало причиной такого резкого поворота в национальном сознании югославян? Вряд ли эта книга сможет дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Но мы надеемся, что картина развития национальных идей у югославянских народов сможет помочь политологам, журналистам, преподавателям, всем, кто интересуется историей и современным положением новых государств, образовавшихся на территории бывшей Югославии, разобраться в сложном переплетении национальных идей, этнических и религиозных взаимоотношений, которые в последнее время выплеснулись наружу и внесли свою лепту в возникновение югославского кризиса конца XX века.

Сложный клубок межэтнических отношений на территории бывшей Югославии завязался после прихода туда славян. Борьба двух центров христианства — в Риме и Константинополе — за сферы влияния оказала на это решающее воздействие. Еще до официального раздела церквей в 1054 г. она проходила достаточно интенсивно: проповедники Рима и Константинополя соперничали во время принятия христианства славянами в Великой Моравии, в Паннонии, в Болгарии и т. д. Славянские племена, получившие крещение от Рима, противопоставляли себя не только язычникам, но и тем, кто был крещен константинопольскими священниками, и наоборот. Еще до начала турецкого вторжения на Балканах установилась граница влияния между сторонниками двух христианских вероисповеданий, католического и православного. Она проходила по западной Боснии. У словенцев и хорватов укрепилось католичество, у сербов, черногорцев, болгар (из последних впоследствии выделились македонцы) — православие. Боснийское население исповедовало православие, частично — католицизм. Но наряду с этим в Боснии было распространено особенно в высших кругах богомилство (патаренство), одна из христианских ересей, против которой активно боролись и католическая и православная церкви. В богомилстве боснийские феодалы видели возможность сохранять свою самостоятельность от католического Венгерского королевства и от православной Сербии, имевшими на нее притязания.

После завоевания турками Балкан, в том числе Болгарии, Сербии, Боснии, религиозные отношения здесь усложнились еще больше. Особенно это касалось Боснии: часть ее населения, главным образом богомилы, приняли ислам. Ислам приняли и некоторые жители Македонии. Турецкие крестьяне колонизовали отдельные сербские и македонские районы. В целом граница, установившаяся на Балканах еще до турецкого завоевания между западной и восточной частями югославянского ареала, не только сохранилась, но и укрепилась. К религиозным различиям между ними добавились и политические: потеряв независимость, словенцы, хорваты, часть сербов оказались под властью католических Австрии и Венеции, а сербы, черногорцы, болгары — в исламской Османской империи.

Уже с конца XV в. турки стали делать набеги на югославянские земли католического ареала. Им удалось захватить вместе с Венгерским королевством часть хорватских земель.

Во второй половине XVI в. австрийские власти создали на границе с Османской империей полосу военных поселений. Ее жители получали наделы, на которых вели собственное хозяйство, и, одновременно, при необходимости отражали турецкие набеги. Здесь селились как подданные Габсбургов, так и лица, бежавшие из турецких владений. Так образовалось смешанное население, состоявшее из хорватов (католиков) и сербов (православных), которые совместно, невзирая на религиозные различия, сражались против турок.

Со второй половины XVII в. усиливается отпор со стороны европейских государств наступлению Османской империи. Активное участие в организации этого отпора принимали Австрия, Россия, Польша, Венеция. После неудачной осады Вены в 1683 г. экспансия османов в Европе практически завершилась. В 1686—1690 гг. успешные военные действия против турок вела Австрия, на ее стороне сражались сербы из османских владений. Хотя австрийским войскам удалось отвоевать некоторые территории, сербские земли остались под властью Османской империи. В 1690 г. вместе с отступившими австрийскими войсками, спасаясь от мести турок, бежало 60—70 тыс. сербского населения во главе с патриархом Арсением III Черноевичем. Они расселились большей частью в южных районах Австрии на отвоеванных у турок территориях. На части этих земель, пограничных с Османской империей, была учреждена Военная Граница, жители которой получали те же привилегии, что и военные поселенцы в XVI—XVII вв. Опустевшие районы Старой (Южной) Сербии — Косово и Метохию — османское правительство вскоре заселило албанцами-мусульманами.

Таким образом, уже к началу XVIII в. земли Австрийского государства, находившиеся на границах с Турцией, а также некоторые османские владения на Балканах, стали весьма пестрыми в этническом и религиозном отношении. В восточных областях Хорватии, в Воеводине наряду с католическим населением имелось и православное (в последней оно преобладало), в Боснии жили сербы, мусульмане и католики, в Македонии большая часть населения была православной, но имелась и значительная мусульманская прослойка. Католики, православные, мусульмане говорили на одном языке, по своему происхождению были одним народом, в то же время различные вероисповедания наложили свой отпечаток на их обычаи, фольклор, а главное — на этническое самосознание.

Задачей данного труда является исследование процессов формирования идеологических концепций югославян, сложных и противоречивых. Этим процессам объективно были присущи и объединительные устремления (попытки единения сил югославянских народов для освобождения от инонационального гнета, для создания объединенного государства югославянских народов), и стремление к созданию национальных независимых государств.

Хронологические рамки труда определяются периодом с конца XVIII в., когда начали формироваться национальные движения, до 1918 г., когда было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев. При этом по мере возможности учитывалось воздействие на национальные движения югославянских народов идеологических течений в Европе, а также влияние международных событий.

Надо иметь в виду, что экономическое и политическое развитие югославянских народов не было однотипным. У словенцев, хорватов, части сербов, находившихся в Габсбургской империи, оно происходило под сильным и определяющим европейским влиянием. Турецкие славяне отставали в своем экономическом, политическом и культурном развитии от австрийских славян, у них сохранились отсталые феодальные формы экономической жизни, многочисленные патриархальные обычаи. В связи с этим развитие национальной идеологии в западной и восточной частях югославянского ареала имело существенные различия. В западной части национальная идеология была идейно близкой к идеалам европейского Просвещения, органически составляя его неотъемлемую часть. Формы национальной борьбы в обеих частях также различались. На западе она шла в основном мирными средствами, поскольку правящие круги Габсбургской монархии пытались найти компромисс с национальными движениями. На востоке, в силу полной неспособности турецкого правительства идти на уступки, национальная борьба принимала чаще всего форму вооруженного выступления. Но национальная идеология и формы национальной борьбы на западе и на востоке не развивались обособленно, а все время влияли друг на друга, благодаря торговым, культурным связям, близости языка и этническому родству.

Пестрота политических, религиозных, этнических отношений порождала самый широкий спектр национальных идеологий от объединительных до откровенно националистических. В разные мо-

менты истории те или другие из них выходили на первый план, овладевая сознанием людей и определяя направление исторического развития югославянских народов.

* * *

Авторами книги являются квалифицированные специалисты по истории югославянских народов нового времени: Вяземская Е. К., Достян И. С., Карасев А. В., Косик В. И., Фрейдзон В. И., Чуркина И. В., Шемякин А. Л. Каждый из них попытался кратко, в популярной форме, но основываясь на необходимых источниках и обширной исторической литературе, изложить свои взгляды на особенности формирования национальных идеологий.

Не во всех случаях оценки этих сложных и противоречивых процессов у различных авторов совпадают — каждый автор высказывает свое мнение по рассматриваемым в книге проблемам. Дело читателя сделать свой выбор.

ГЛАВА I

Национальное возрождение югославянских народов Габсбургской монархии

Начальный период национального возрождения югославян Австрии относится ко 2-й половине XVIII в. Причиной его стали новые процессы в социально-экономическом развитии этих народов. Огромное значение для их возникновения и развития имели реформы просвещенного абсолютизма, преобразования, которые провели французы в части словенских и хорватских земель во время Иллирийских провинций (1809—1813). В результате на территории, где проживали словенцы, хорваты и сербы, были уничтожены многие препятствия для свободного развития капиталистических отношений: личная зависимость крестьян, патримониальный суд, в значительной степени цеховая система и т. д. Под влиянием немецких и французских просветителей в южнославянских землях распространились идеи просвещения, давшие мощный толчок южнославянскому национальному возрождению.

Большое значение для выработки мировоззрения югославянских национальных деятелей имели представления, сложившиеся у европейских ученых второй половины XVIII — начала XIX веков о нации, о тех главных признаках, которые отличают одну нацию от другой. Крупнейшие немецкие и славянские филологи (Ф. Аделунг, Я. Гримм, И. Добровский, К. Копитар, А. Х. Востоков и др.) считали, что главной отличительной чертой каждого народа является его язык, который разделяется на несколько наречий. Такие взгляды были вполне объяснимы, ибо только в конце XVIII — первой половине XIX веках стали формироваться литературные языки ряда

славянских народов (словенцев, словаков, украинцев) и модернизироваться других (чехов, сербов, хорватов).

Основным носителем идей национального возрождения в южнославянских землях являлась интеллигенция. Часть ее составляло духовенство, католическое у словенцев и хорватов, и православное — у сербов.

Католическое духовенство в Австрии во второй половине XVIII в. претерпело значительные изменения, чему, несомненно, способствовала политика просвещенного абсолютизма, проводившаяся Марией-Терезией и Иосифом II. Эти монархи, желая подчинить церковь государству, сделать ее своей союзницей в проведении реформ, прежде всего решили ослабить позиции господствовавшей в государстве католической церкви. Особым патентом было объявлено равноправие всех вероисповеданий (1781), были секуляризованы земельные владения монастырей, а многие из них были закрыты, наконец, из австрийских земель была изгнана наиболее воинствующая и сильная католическая организация иезуитский орден. В образованной католической среде возникло течение янсенистов, которое поддерживало реформы, выступало за модернизацию католической церкви, за неучастие папы в политических делах и т. д. Из числа янсенистов и католических священников, поддерживавших их, вышли видные деятели национального возрождения словенцев и хорватов, например загребский епископ М. Врховац, люблянский епископ К. Герберштейн, способствовавшие созданию в Любляне и Загребе просветительских организаций, и т. д.

В первой половине XIX в. в европейских землях появилось движение либеральных католиков. Его основателем был католический теолог Ф. Р. Ламенне, который пытался примирить католические доктрины с новым духом демократии. В 1829 г. он издал книгу, в которой требовал улучшения морали в обществе и церкви. Для этого Ламенне считал необходимым допустить свободу мнений в католической церкви, признать принцип национального суверенитета. Он мечтал о постепенном объединении человечества на основе заповедей Христа, о свободе мысли и совести. Либеральный католицизм имел успех в германских землях, среди западных и южных славян. Многие его сторонники выступали за объединение христианских церквей. Среди словенских и хорватских национальных деятелей значительная часть духовных лиц придерживалась

принципов либерального католицизма: Й. Ю. Штросмайер, М. Маяр, Р. Разлаг и др. Все они активно действовали в пользу сближения католической и православной церквей.

Напротив, господствующие круги католической и православной церквей стремились воспитать в своих прихожанах нетерпимость друг к другу. В 1818 г. православная церковь запретила православным вступать в брак с католиками. В 1828 г. Рим дал указание католическому духовенству в Боснии предавать анафеме тех прихожан, которые венчаются в православной церкви или пользуются религиозными услугами православного священника. В Боснии отношения между католиками и православными носили более напряженный характер, чем между христианами и мусульманами.

1815 г. стал важной вехой в истории Габсбургской монархии. После победы европейской коалиции над Наполеоном и Венского конгресса в Австрии установился реакционный режим, прозванный по имени своего создателя меттерниховским. Если до этого времени национальным деятелям южных славян было возможно строить какие-то политические концепции и обсуждать их, то теперь их деятельность переместилась в чисто культурную плоскость.

Меттерних в первые годы своего фактического правления выступал за сохранение в пределах Австрии Иллирийского королевства включавшего практически всю территорию Иллирийских провинций. Тем самым создавался противовес Венгрии, где сепаратистские стремления местных феодалов очень тревожили венские власти. Но вскоре Меттерних был вынужден отступить от своего плана: в 1822 г. ту часть Хорватии, которая входила в состав Иллирийских провинций, пришлось отдать Венгрии. Иллирийское королевство в урезанном виде продолжало существовать только на бумаге до 50-х годов. Однако сам факт его существования сыграл определенную роль в возникновении и развитии иллиризма в хорватских и словенских землях, идеи которого широко распространились там в 30—40 гг.

В положении южнославянских народов было много общего. Вместе с тем в нем имелись и отличия, которые в значительной степени определяли особенности национального возрождения каждого из народов.

Сербы. Сербы жили по преимуществу в крайних юго-восточных землях Австрии на границе с обширной Османской империей. Основная их масса переселилась сюда в конце XVII в., перебравшись из сербских земель Порты после австро-турецкой войны, в которой сербы приняли участие на стороне Габсбургской монархии. Император Леопольд I в 1690 г. дал им привилегии, обещав не только свободу вероисповедания и церковную автономию, но и административно-территориальную автономию. В реальности сербы получили значительные права для православной церкви. Сербская церковная иерархия могла избирать митрополита, который практически являлся не только духовным, но и светским главою народа. Православный клир распоряжался финансовыми средствами церкви, владел землями, руководил школами с обучением на сербском языке. Уже к концу 70-х годов XVIII в. светская власть митрополита была ликвидирована, остались только те привилегии православной церкви, которые касались управления церковными делами и школой.

Часть сербского населения жила в районе с гражданским управлением, Провинциале, в который входили южные комитаты Венгерского королевства (Бачка, Банат), а также в Хорватии и Славонии, которые также являлись частью Венгерского королевства. Сербы имелись в Далмации, подчинявшейся непосредственно Вене. Там они составляли 1/5 всего населения. Но почти половина сербов жила на Военной границе, области с особым военным управлением, также находившейся в непосредственном подчинении Вене. Южные комитаты Венгрии и часть прилегавшей к ним Военной Границы, где имелось сербское население (наряду с хорватским, венгерским, немецким, румынским и т. д.), получили название Воеводины. Это название бытовало у сербов, оно не было официальным, также и границы этой предполагаемой провинции не были четко обозначены.

Жители Военной Границы, или граничары, за свои наделы должны были пожизненно нести военную службу. Здесь господствовал практически военно-феодальный режим, царил воинская дисциплина, возможность приобрести землю в собственность была ограничена; заниматься ремеслом, уходить на заработки, брать в долг граничары могли только с разрешения начальства. Поэтому, несмотря на отсутствие помещичьего гнета, условия для развития

буржуазных отношений, а следовательно и общественно-политической мысли в Военной границе были неблагоприятными.

Более развитыми были земли, расположенные в южных комитатах Венгрии. Несмотря на то, что там существовало помещичье землевладение, что в национальном отношении они были очень пестрыми, все же именно эти области стали центром сербского национального движения в Австрии. Здесь находились свободные королевские города Нови Сад, Суботица, Вршац, которые пользовались самоуправлением. В них имелось значительное число сербских ремесленников, прослойка богатых сербских купцов, занимавшихся торговлей хлебом. В южной Венгрии находился и центр сербской православной церкви Сремские Карловцы, множество православных монастырей. Большинство помещиков были немцами или венграми по национальности, однако имелись среди них и помещики сербы. Именно в комитатах южной Венгрии стала формироваться национальная сербская интеллигенция, состоявшая как из представителей духовенства, так и из мирян. Все это создавало условия для развития сербской национальной мысли. На территории Провинциала появились первые будители, первые кружки просветительского толка.

В XVIII в. этническое самосознание сербов было достаточно прочным. Его поддерживала православная церковь. Именно она хранила память о могущественном сербском государстве, существовавшем до турецкого вторжения на Балканы, о сербских святых, воспитывала у сербов понимание их этнического единства. Монастыри и церкви являлись не только хранителями памятников сербской культуры, но и оказывали огромное влияние на ее развитие — школы, мастерские иконописцев, граверные мастерские, написание трудов на сербском языке и переписка сербских книг так или иначе были связаны с ними.

Вместе с тем у сербских книжников, живших в австрийских землях, под влиянием хорватских писателей уже в XVII в. появилось понятие об иллирском народе. В этом отношении представляет интерес деятельность и труды образованного сербского патриота Джордже Бранковича. Он получил воспитание при дворе своего старшего брата митрополита Трансильвании Савы II, знал греческий, венгерский, румынский, турецкий, немецкий, латинский языки. В качестве валашского дипломата Бранкович побывал в Константинополе, Бухаресте, Варшаве, Москве, Солуни, Вене. Во время войны с тур-

ками (1683—1699) Бранкович, используя свои связи в Османской империи, оказал помощь австрийскому правительству. После победы австрийцев под Веной над турками, Бранкович, являясь посланником Валахии в Австрии, направил Императору Леопольду I от себя лично проект создания Иллирийского царства на землях Османской империи с помощью габсбургской монархии и под ее покровительством. Сам он должен был стать государем этого царства. Австрийский император приказал арестовать автора представленного проекта. Находясь 20 лет под домашним арестом, Бранкович написал обширный труд «Славяно-сербские хроники» (5 томов, 2600 стр.). Помимо хроник и древних авторов он использовал в них сочинения хорватских ученых Мавро Орбина и Ивана Луцича, под влиянием которых писал о близости славянских народов, особенно южных славян.

В 1741 г. в Вене вышла первая сербская печатная книга светского содержания «Стематография», которая являлась переводом с латинского языка одноименного сочинения хорватского историка Павле Ритора Витезовича (Загреб, 1700, 1702 гг.). В текст Витезовича были внесены определенные дополнения и изменения. Книгу опубликовали по инициативе карловацкого митрополита Арсение IV. В 1739 г. он, будучи Печским патриархом, с большим количеством сербов переселился из османских владений в Австрию. Переводчиком книги стал его секретарь Павле Ненадович Младший, рисунки были сделаны зографом Христофором Жефаровичем. «Стематография» включала 29 изображений южнославянских святых и государей, в том числе и портреты Арсение IV и Стефана Душана, самого знаменитого сербского царя. Последний был обрамлен гербами южнославянских, а также греческих и албанских областей, которые якобы и составляли Иллирию¹.

Позднее З. Орфелин, издавший в 1772 г. «Житие Петра Велико-го» практически на русском языке с небольшим наслоением сербизмов, называл язык своего труда то «нашим славенским языком», то «иллирическим диалектом»². Понятие «иллирийский» существовало у сербов весь XVIII в.

Начало формирования сербского образованного общества можно отнести к 20-м годам XVIII в. Воеводинский митрополит Моисей Петрович написал в 1718 и 1721 годах два письма русскому царю Петру I, с просьбой помочь сербам создать свои школы, обеспечить

их книгами и учителями. Петр I распорядился направить в Воеводину двух учителей с жалованием по 300 рублей в год. Первым в Воеводину выехал киевский синодальный переводчик Максим Суворов. В октябре 1726 г. он открыл в Сремских Карловцах школу. В 30-е годы в Воеводине появилось еще несколько учителей из России, которые преподавали в Вуковаре, Сремских Карловцах, Нови-Саде, Петроварадине, Араде и др. Один из них Э. Козачинский стал ректором православной семинарии в Сремских Карловцах³. Обучение велось на сербском и русском вариантах церковнославянского языка. Из России в Воеводину шла религиозная и светская (учебная) литература. Русские книги составляли значительную часть фондов монастырских библиотек и частных книжных собраний. Сербская интеллигенция в XVIII в. формировалась под значительным воздействием русской культуры. Первые светские сербские книги (сочинения П. Юлинаца, З. Орфелина) были написаны на языке, который известный хорватский филолог В. Ягич характеризовал как «смесь церковнославянского русской редакции с простонародными сербскими элементами»⁴.

В последние десятилетия XVIII в. сербские просветители, стремившиеся распространить грамотность среди широких масс народа, стали понимать, что книжный язык, на котором писали сербские писатели, очень труден для восприятия простых людей. Они стали выступать за приближение литературного языка к народному сербскому. Э. Янкович, сделавший перевод на народный сербский язык комедии К. Гальдони «Купец» (Лейпциг, 1787) объяснил это в предисловии следующим образом: «А что писал я не на славянском, а на родном языке, каждый меня простит, имея в виду, что я не славянин, а серб, и что пишу я не для славян, а для сербов».

Выдающийся сербский просветитель Досифей Обрадович горячо поддерживал эту точку зрения. Он утверждал, что «славяносербская нация» является особым славянским народом. «Славы, или лучше сказать, славяне, — писал он, — это всеобщее имя: под этим именем подразумеваются русские, поляки, богемцы, хорваты, словаки... сербы и болгары». Обрадович, как и передовая европейская интеллигенция того времени, был убежден, что все люди, говорящие на одном языке, составляют один народ. Религиозные различия, по его мнению, не играют важной роли в национальном самосознании.

Поэтому славяносербской или сербской нацией (народом) он считал все население, говорившее на штокавском наречии сербско-хорватского языка, т. е. тех, кто проживал в Сербии, Боснии, Герцеговине, Черногории, Далмации, Славонии, Среме, Банате и Бачке. «Говоря о народах, — отмечал Обрадович, — которые живут в этих королевствах и провинциях, я понимаю последователей как греческой, так и латинской церквей, не исключая и самих турок-босняков и герцеговинцев, поскольку религия и вера могут измениться, а род и язык — никогда»⁵.

Досифей Обрадович, ссылаясь на опыт русской литературы, призывал сербских литераторов писать на сербском языке, понятном народу, ибо «когда ученые люди излагают мысли свои на общем для всего народа языке, просвещение разума и свет учения не ограничивается теми, которые понимают старый книжный язык, но распространяется и достигает крестьян, передаваясь самому простому народу и пастухам, если только они умеют читать».

Сербские просветители, в частности историк Йован Раич, которого справедливо считают основоположником новой сербской историографии, понимал особую близость южнославянских народов. В 1794 г. в Вене вышел главный труд Й. Раича «История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов». В нем автор всячески возвеличивал древних славян, с любовью говорил о высоких нравственных качествах современных южных славян, о тяжелом иноземном гнете, давящем над ними. Первый том (из 4-х) этой книги был напечатан в С. Петербурге в 1795 г. по личному повелению Екатерины II, которая наградила автора за присланное ей венское издание. В книге Раича, с одной стороны, подчеркивалась общность южных славян, а с другой — говорилось о сербах, хорватах, болгарях как о самостоятельных народах.

Сербская интеллигенция конца XVIII в., как духовная, так и светская, была достаточно политически развита: сказывалось наличие сильных политических традиций, существование организующей силы в лице православной церкви. Политическое сознание австрийских сербов особенно ярко проявилось на Темешварском саборе, состоявшемся в августе — ноябре 1790 г. Он был создан по инициативе императора Леопольда II, который предполагал противопоставить сербов венгерскому дворянству, вступившему в конфликт с венскими властями. На Темешварском саборе присутст-

вовали представители церкви, граничарского офицерства, горожан. Большинство депутатов выступило с ходатайством императору, в котором просило создать согласно прежним привилегиям сербскую административную область с собственным управлением во главе с деспотом, назначавшимся из австрийских эрцгерцогов. Сербь, не жившие в этой административной области, должны были получить право свободно исповедовать православие. Наконец, сербские депутаты выразили пожелание, чтобы в Вене была создана особая Иллирская канцелярия, которая бы ведала делами сербского народа и церкви, минуя Пешт⁶. В этом ходатайстве сербы употребляли понятие «иллирский» в значении «сербский».

Не все депутаты Темешварского сабора присоединились к требованию территориальной автономии. Меньшинство во главе с Савой Текели, богатым купцом и крупным землевладельцем, считало вполне достаточным признание сербов полноправными гражданами Венгерского Королевства, подтверждение венгерскими законами права сербов на церковно-школьную автономию

Пожелания Темешварского сабора были проигнорированы венским двором как только он урегулировал свои отношения с венграми.

Еще более политизировало сербское национальное движение в Австрии восстание против турок сербов Белградского пашалыка. Оно началось в 1804 г. и продолжалось до 1813 г. Д. Обрадович и некоторые другие сербские патриоты из Австрии отправились на помощь повстанцам. Обрадович стал первым министром просвещения в правительстве Карагеоргия, основателем Великой школы в Белграде. Убеденный просветитель, надеявшийся на помощь Австрии в деле прогресса сербов, он изменил свою позицию после общения с повстанцами. Австрийский консул в Бухаресте писал в Вену о ненависти Обрадовича к Австрии, о его старании отвратить от нее своих учеников и весь народ сербский. На последнем этапе своей жизни великий просветитель стал горячим сторонником опоры сербов на Россию. Кардинально изменились и взгляды Текели, в 1790 г. не поддержавшего идею территориальной автономии австрийских сербов. В начале XIX в. Текели писал представления и венскому императору, и Наполеону о необходимости воссоздания сербского государства. Текели на свои средства опубликовал карту сербских земель и часть ее тиража отправил повстанцам Карагеоргия.

Виднейшие сербские национальные деятели создавали планы установления нового сербского государства. Глава православной церкви в Австрии карловацкий митрополит Стефан Стратимирович старался направлять внешнюю политику правительства Карагеоргия, внушая ему мысль о необходимости добиться от Порты предоставления Сербии внутренней автономии по образцу Ионической республики и Дунайских княжеств. Этот совет Стратимировича был воспринят сербскими предводителями: просьбу такого содержания они направили в мае 1804 г. русскому посланнику в Константинополь А. Я. Италинскому, а позднее, в ноябре того же года — прямо в Петербург с сербской делегацией.

Однако планы Стратимировича шли гораздо дальше. Летом 1804 г. он в тайне от австрийского правительства направил в российское министерство иностранных дел «мемориал», в котором не только содержалась просьба оказать поддержку сербским повстанцам, склонить Порту предоставить им автономные права, но и был выдвинут план коренных политических преобразований в Юго-Восточной Европе.

В записке митрополита доказывалась возможность и выгодность для самой России создания Славено-сербского государства во главе с одним из представителей династии Романовых или их родственников — немецких князей-протестантов. Религиозная и этническая общность русских и сербов служила для Стратимировича идеологическим обоснованием необходимости для царского правительства содействовать основанию такого государства, что «столь славно будет всему славянскому роду». Митрополит, как и многие его современники, был убежден, что Османская империя кончит свое существование в ближайшем будущем в силу внутренних причин или под ударами России и Франции. Он доказывал, что не греческая империя, а Славено-сербское царство сможет восполнить равновесие сил в Европе, станет для России удобным соседом и верным союзником. Исходя из употребления населением «славено-сербского» языка и его православного вероисповедания Стратимирович определял национальные границы этого государства. Оно включало и часть владений Габсбургов, населенных сербами. Проект опирался на представления сербов об историческом праве — праве воскресить свою средневековую державу.

«Мемориал» карловацкого митрополита несомненно выразил не только его личные взгляды, но и представления определенной части воеводинских деятелей. Об этом свидетельствуют существование аналогичных предложений и проектов, которыми пытались заинтересовать в это время Петербург епископ Бачки Йован Йованович и Софроний Югович-Маркович, выдававший себя за потомка сербских князей Юговичей, имя которых вошло в эпос.

В октябре 1804 г. почти одновременно с проектом Стратимировича в Петербург была отправлена «челобитная» архиепископа Бачки Йована Йовановича. Значительно менее опытный в политическом отношении, чем карловацкий митрополит, Йованович доверил написание челобитной авантюристу Софронию Юговичу-Марковичу. Он был достаточно образованным человеком, много путешествовал, 12 лет служил в русской армии, в рядах которой воевал против турок.

В тесной связи с «челобитной» Йовановича к Александру I находится прокламация, которую бачский епископ составил в феврале 1805 г. и начал распространять среди турецких поданных. В ней сообщалось о «челобитной», посланной царю, выражалась надежда на помощь, которую вскоре окажет Россия, что даст возможность победить турок и завоевать свободу. В результате будет создано сильное и обширное государство на Балканах, простирающееся от Черного моря до Адриатического. Все участвовавшие в предстоящей войне получат «от царя Константина Неманича» чины, привилегии и земельные владения. Описав заслуги и подвиги средневековых сербских правителей и героев, Йованович рисовал идиллическую картину основания в ближайшем будущем экономически процветающего и просвещенного балканского государства, в котором, как можно понять, политическая гегемония предназначалась сербам. В этой картине можно заметить и отголоски планов известного сербского деятеля XVII в. Георгия Бранковича, и влияние идей просвещенного абсолютизма, распространившихся среди воеводинской интеллигенции в XVIII в., и сильное воздействие сербских исторических традиций, исторической литературы, в частности произведений Йована Раича.

В отличие от Йовановича и Юговича карловацкий митрополит выступал по существу с идеей основания сербского государства в национальных рамках, исходя из своих представлений о правос-

лавии и «славено-сербком» языке как главных признаках, определяющих национальную принадлежность сербов. Притом он обдумывал и принципы государственного устройства будущей сербской державы, как конституционной монархии. Он отвергал революционные методы борьбы, надеясь, что сербский вопрос будет решен путем соглашения великих держав, прежде всего России и Австрии ⁷.

Создание в результате Второго сербского восстания 1815 г. Сербского княжества, находившегося в вассальной зависимости от Османской империи, оказывало определяющее влияние на развитие национальной мысли в сербских землях Австрии.

Сербское национальное движение в меттерниховское правление развивалось в городах Воеводины Сремски Карловцы, Нови-Сад, Земун, Сомбор, Суботица. Эти города были весьма пестрыми в национальном отношении, но сербское население преобладало в них. В венгерской столице Пеште имелась сербская колония, состоявшая из ремесленников, купцов, интеллигенции. Здесь также образовался один из центров сербской национальной жизни.

Как и другие национальные движения югославян, сербское национальное движение развивалось в рамках культуры. Часть сербских патриотов группировалась вокруг карловацкого митрополита Стефана Стратимировича. Он происходил из военной дворянской семьи и, хотя принял монашеский сан, отнюдь не утратил интереса к политике. Стратимирович активно участвовал в Темешварском соборе, на котором его избрали карловацким митрополитом, помогал сербским повстанцам, составил план образования Славяно-сербского государства. Вместе с тем Стратимирович писал стихи, занимался философией и филологией. В 20—30-е гг. XIX в. он выступал одним из самых горячих противников реформы сербского языка, проводимой Вуком Караджичем, хотя сначала и поддерживал реформатора. Стратимирович считал, что сербы должны опираться на Россию, поэтому он не хотел, чтобы сербский письменный язык отдалялся от русского литературного языка, что произошло бы в случае принятия реформы Караджича. Кроме того Стратимирович отрицательно относился к вдохновителю реформ Вука, словенскому филологу Е. Копитару, который являлся убежденный австрофилом.

Другой сербский культурный центр формировался в Пеште. Здесь в 1826 г. образовалось сербское национальное издательство

Матица сербская. Инициаторами ее создания были литератор Йован Хаджич и несколько сербских торговцев. Еще с 1824 г. профессор гимназии в Нови-Саде Джордже Магарашевич издавал журнал «Србска летопис». Этот журнал под названием «Летопис Матице Србске» стал входить в Нови-Саде на средства Матицы в качестве ее официального издания. Самый богатый из австрийских сербов Сава Текелия оставил по завещанию Матице дом в Пеште, большую библиотеку, значительные средства. Матица сербская являлась благодаря этому богатейшей из всех славянских матиц.

В Пеште же выходила с 1835 г. газета «Србски народни лист». Ее издателем и редактором стал Тодор Павлович. До начала 40-х гг. Он помещал в своей газете только официальные и культурные известия, но затем под влиянием венгерской либеральной прессы, прежде всего изданий Л. Кошута, Павлович расширил тематику, стал более решительно высказываться по политическим вопросам. Национализм Л. Кошута и его сторонников заставил «Србски народни лист» вступить с ними в конфронтацию. Газета последовательно защищала права сербов. Павлович был приверженцем идеи славянской взаимности, приветствовал тесное сотрудничество сербов, хорватов, словенцев, но он считал их самостоятельными народами и выступал против их полного слияния⁸.

Сербские патриоты в Пеште, как и круг Стратимировича, являлись противниками реформ Вука Караджича. Они были против отбрасывания традиций сербского письменного языка XVIII в., за то, чтобы на их основе развивать сербский литературный язык, обогащенный за счет современной народной разговорной речи.

Крупнейшим деятелем сербского национального Возрождения в Австрии в 20—40-е гг. XIX в. являлся, несомненно, Вук Стефанович Караджич, лингвист, этнограф и историк. Участник сербского восстания против турок, он в 1813 г. перебрался в Вену. Здесь он издал свою грамматику сербского языка, сборники собранных им народных песен. На талантливого молодого серба обратил внимание крупный ученый-славист Ерней Копитар. Он и подвинул Караджича на реформу сербского литературного языка. Копитар, выдающийся словенский просветитель, как и другие европейские просветители, полагал, что только максимальное приближение литературного языка к народному сделает возможным распространить грамотность среди широких народных масс. Эту идею воспринял и Вук Караджич,

который в 1818 г. изданием «Сербского словаря» с краткой сербской грамматикой провозгласил реформу сербского литературного языка. В основу последнего он положил народный говор Герцеговины. Эта реформа встретила восторженный отклик ученых, в том числе и русских, но вместе с тем вызвала отпор значительной части сербской интеллигенции Австрии и княжества Сербии. Реформа Краджича была поддержана хорватскими деятелями иллиризма, которые увидели возможность использовать ее для создания общего сербско-хорватского литературного языка на основе штокавского наречия, на котором говорили сербы и значительная часть хорватов. Наличие же в сербском литературном языке церковнославянских форм затрудняло сближение сербского и хорватского литературных языков. В этом отношении Краджич пошел навстречу хорватским патриотам, хотя идеи иллиризма были ему чужды и политически он ориентировался на княжество Сербия. Краджич имел свою точку зрения на главные черты, отличающие один народ от другого. «Для каждого народа, — писал он, — самыми святыми являются три вещи: вера, язык и обычаи, благодаря им народы между собой рождаются и один от другого отличаются. Если народ утратит эти три святыни, он утратит и свое имя»⁹. Как можно видеть, в отличие от Досифея Обрадовича, в числе главных признаков народности Вук считал и его вероисповедание. Реформу Вука Краджича поддержали некоторые талантливые деятели сербской культуры: филолог Дж. Даничич, поэты Б. Радичевич и Петр Негош, черногорский владыка. Их позиция во многом способствовала победе идей Краджича.

Сторонников иллиризма среди сербской интеллигенции Австрии было немного. Из них выделялся П. Йованович, директор сербской гимназии в Нови-Саде. В 1841—1845 годах он издавал альманах «Бачка вила», в котором проповедовал свои взгляды. Подавляющее большинство сербских патриотов в культурном и политическом плане были ориентированы на Сербию: на создание единой сербской культуры и единого сербского государства.

* * *

Хорваты. Хорватские земли находились в различных административных областях Габсбургской монархии. Основная их часть составляла Хорватию и Славонию, входивших в состав земель венгерской короны. Пешту же подчинялись Междумурье и Приморье с Риекой.

Что касается Далмации и части Истрии, где также жили хорваты, то до 1797 г. они являлись владениями Венецианской республики, а затем были присоединены как и независимый Дубровник к коронным землям Габсбургской монархии. В непосредственном подчинении Вене находилась Военная Граница, примыкавшая к Османской империи. Значительную часть населения хорватских территорий составляли сербы (в Хорватии и Славонии — 1/4; в Далмации — около 1/5; в Военной Границе — почти половину), отличавшиеся от хорватов вероисповеданием и национальным самосознанием¹⁰.

Помимо административной раздробленности сплочению хорватов в единую нацию мешало еще одно важное обстоятельство: хорваты говорили на трех разных наречиях. Большинство хорватов (в Далмации, Славонии, Дубровнике) пользовалось штокавским наречием (которым пользовались и сербы), меньшая часть (в Хорватии) — кайкавским наречием, близким словенским говорам, и совсем немного (на островах) — чакавским наречием. В конце XVIII — начале XIX в. этноним «хорват» не распространялся на всю территорию, на которой в настоящее время проживают хорваты, а употреблялся только по отношению к региону кайкавского диалекта. Население, говорившее на штокавском диалекте, называло себя иллирами. Одновременно жители Дубровника и юго-восточной Далмации именовали себя словинцами, а жители Славонии — славонцами. И штокавцы, и кайковцы первоначально не считали себя единым народом и развивали литературы каждая на своем наречии. Особенно богатые традиции имела штокавская литература. Центром ее развития в XVI—XVII вв. был Дубровник, который вместе с Италией и средней Европой переживал в то время эпоху Ренессанса.

У хорватов по сравнению с сербами и словенцами имелись свои преимущества — у них сохранился свой национальный господствующий класс. Дворянство Хорватии и отчасти Славонии чувствовало себя хорватским, со времени средневековья оно обладало особыми муниципальными правами, хотя и в рамках венгерской феодальной структуры. Во главе Хорватии стоял бан, который назначался императором. Хорваты имели собственное сословное собрание — сабор, куда входили представители дворянства, высшего духовенства и королевских городов. Сабор обладал рядом прав, обеспечивавших определенное самоуправление Хорватии и Славонии. Среди этих прав важнейшими были вотирование налогов и разрешение набора

рекрутов. Кроме того сабор имел право обсуждать проекты законов, посылать своих представителей в венгерское государственное собрание и др. Хорватские феодалы добились запрещения некаатоликам приобретать землю в Хорватии (меры, направленной против протестантского дворянства Венгрии), права платить налоги в половину меньше, чем в Венгрии, освобождения от постоев солдат и т. д. Хорватское дворянство гордилось своими привилегиями и считало хорватское королевство равным венгерскому.

В конце XVIII в. венское правительство в целях усиления централизации попыталась ликвидировать систему самоуправления в Венгрии и обложить налогами хорватских и венгерских помещиков. Венгерское дворянство решительно воспротивилось этим действиям, его поддержали хорватские и славонские дворяне. Они даже отказались от части своих привилегий в пользу венгерских феодалов: от права утверждения налогов и разрешения набора рекрутов. Это привело к попытке со стороны венгров лишить Хорватию и Славонию остальных автономных прав. Наступление началось в 1790 г., когда венгерские власти попытались сделать венгерский язык официальным языком Хорватии и Славонии вместо латыни. Этот акт превратил хорватское дворянство из союзника венгров в их врага. И его борьба за родной язык, несмотря на то, что она шла в форме отстаивания средневековых муниципальных прав, в первой половине XIX в. приобрела характер национальной борьбы. Такой же характер носило и стремление хорватских феодалов к объединению трех провинций, населенных хорватами — Далмации, Хорватии и Славонии — в Триединое королевство. Эти два требования: введение народного языка во все сферы жизни и создание Триединого королевства стали главными требованиями хорватских патриотов на протяжении ряда десятилетий.

Наряду с дворянским движением в защиту своих муниципальных прав в Хорватии и Славонии с середины XVIII в. начало развиваться национальное движение нового толка, связанное с европейским просветительством. Носителем его стала хорватская интеллигенция, частично из духовного сословия. Как и в других славянских землях первым своим делом она считала возрождение литературы на родном языке.

Просветительское движение началось с Далмации, где еще существовали традиции Ренессанса. В 1747 г. францисканский монах

Ф. Грабовоац издал книгу «Цвет беседы народа и языка иллирского или же хорватского». Он дал в ней историю Далмации с древнейших времен, уделив особое внимание борьбе далматинцев с турецкими завоевателями в XVI — первой половине XVIII в. В историческую ткань были вплетены поучительные диалоги, стихотворения («Слава Далмации», «О натуре и нравах хорватов» и др.), в которых выражалась точка зрения автора на описываемые события, на современность. Грабовоац рисовал картины былого величия Далмации, противопоставляя их ее теперешнему печальному положению, восхвалял такие черты характера своего народа, как гостеприимство, обычай побратимства и т. д. Писатель отождествлял понятия «иллир» и «хорват».

В 1756 г. вышел труд другого францисканца А. Качича-Миошича «Приятная беседа народа словинского». Он также являлся историческим по своей форме, в нем широко использовался далматинский фольклор, прославлялись подвиги предков.

Приблизительно в то же время в Славонии появилась поэма выходца из низших слоев офицерства М. Рельковича «Сатир или дикий человек» (1762). Она была пронизана идеями Просвещения: уважением к тяжелому крестьянскому труду, стремлением распространять среди народа знания, которые могли бы облегчить его жизнь, создать новые, просвещенные отношения в Отечестве. Релькович призывал соотечественников учиться ремеслу и сельскому хозяйству у немцев, поскольку они в этом отношении были искуснее, чем хорваты. Релькович, как и Качич-Миошич широко использовала хорватский фольклор. Оба эти авторы приобрели популярность не только у хорватов, но и у сербов и словенцев.

Попытка венгерских феодалов сделать официальным языком в хорватских землях венгерский язык встретила отпор не только со стороны хорватских дворян, но и со стороны представителей третьего сословия. Карловацкий торговец Й. Шипуш в 1796 г. издал книгу «Основа хлебной торговли», в которой призывал создать общий литературный язык для хорватов, далматинцев и славонцев. Сам Шипуш писал на штокавском наречии, что дает возможность предполагать, что он считал необходимым положить в основу литературного языка именно это наречие.

Одновременно с появлением произведений на штокавском наречии стали издаваться труды и на кайкавском. Крупнейшим кай-

кавским писателем был священник Т. Миклоушич. Он не только публиковал книги на кайкавщине, но и активно агитировал против написания сочинений на штокавском наречии. Деятели кайкавской культуры группировались вокруг загребского епископа М. Врховаца, образованного человека, переписывавшегося с родоначальниками научной славистики чехом Й. Добровским и словенцем Е. Копитаром. Врховац создал загребскую типографию, собрал богатую библиотеку, вошедшую затем в состав университетской библиотеки Загреба. Он выступал против введения в хорватских землях венгерского языка, за объединение Далмации с Хорватией и Славонией. В 1791—1834 гг. ученики и учителя Загребской семинарии совместно с дворянской молодежью ставили пьесы на кайкавском наречии. Самым популярным их автором был Т. Брезовачкий, обличавший в своих комедиях суеверие, пьянство, праздность и другие пороки. Однако круг читателей на кайкавском наречии был узок: всего несколько сот тысяч человек. В 20-е годы ряд кайкавских писателей высказываются за сближение кайкавского литературного языка со штокавским. Так переводчик сочинений Вольтера Ф. Штрехе с грустью отмечал, что «загребское наречие само по себе слишком бедно и неприспособленно, чтобы самому без помощи других, стать когда-нибудь литературным языком хорватов»¹¹.

В начале 30-х годов часть представителей дворянского национального движения хорватов начали воспринимать идеи хорватских просветителей. Они понимали роль языка в сохранении национальной сущности хорватского народа. В 1830 г. один из высших должностных лиц Хорватии Й. Кушевич опубликовал на латинском языке сочинение, в котором говорил не только о муниципальных правах хорватского дворянства, но и об отличии Хорватии и Славонии от Венгрии по своему «хорватско-славонско-иллирскому языку». В 1832 г. вышли в свет два произведения, авторами которых были видные идеологи хорватских дворян: «Гений отечества над спящими своими сыновьями» И. Деркоса (на латинском языке) и «Диссертация или Беседа» графа Я. Драшковича (на штокавском наречии). М. Деркос утверждал, что, хотя хорваты говорят на трех диалектах, различия между ними не могут препятствовать созданию единого литературного хорватского языка. Драшкович высказывался за то, чтобы в его основу было положено штокавское наречие. Он аргументировал свой выбор тем, что штокавское наречие наиболее рас-

пространенное из всех хорватских и имеет самую богатую литературную традицию. Драшкович останавливался не только на вопросе о языке. Он выдвинул в своей «Диссертации» четкую политическую программу: объединение всех хорватских земель (Хорватии, Славонии, Реки, Далмации, а затем и Боснии) в единое Иллирское королевство, которое бы имело равные права с Венгрией.

Таким образом, к началу иллирского движения в Хорватии уже были созданы важные предпосылки, которые заключались в сближении позиций двух ветвей национального движения хорватов: дворянской и просветительской.

В 1808 г. филолог Ф. Аппендини опубликовал в Дубровнике на итальянском языке «Грамматику иллирского языка». Не подвергая сомнению существования единого славянского языка, он высказал мысль о делении его на четыре главных наречия: русское, польское, чешкословенское и иллирское.

Идея существования четырех главных наречий было воспринята славянскими просветителями. Словак Ян Коллар, прославившийся уже в 20-е годы как певец славянской взаимности, в 1836 г. издал труд «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянскими». В нем он утверждал, что единый славянский язык делится на четыре главных наречия: русское, польское, чешкословенское и иллирское. Точка зрения Аппендини была воспринята хорватскими патриотами через труды Коллара.

Перед новым поколением хорватских национальных деятелей, вышедших на историческую арену в конце 20-х годов XIX в., стояла важная задача сплочения хорватской нации, создания единого хорватского литературного языка. В соответствии с представлениями науки того времени, хорватские патриоты считали главным отличительным признаком каждого народа его язык. Всех южных славян они рассматривали как единый народ с общим наречием. Они называли этот народ и этот язык иллирским. Отсюда и движение хорватских национальных деятелей 30—40-х годов получило наименование илиризма. Его вождем стал поэт, историк и филолог Людевит Гай. Он издавал газету «Новине хорватске» и еженедельное приложение к ней «Даница хорватска, славонска и далматинска». Первоочередной задачей Гай и его сторонники считали создание единого литературного языка для всех иллиров, в первую очередь для сербов

и хорватов, и воспитание в обществе и народе любви к нему. В 1835 г. Гай предложил новую орфографию иллирского языка по примеру чешской: каждому звуку соответствовала одна латинская буква, для написания шипящих использовались диакритические знаки. В 1836 г. Гай перевел свои издания с кайкавского диалекта на штокавский. В том же году В. Бабукич поместил в «Данице» «Основу славянской грамматики иллирского наречия». Гай и его круг стремились обосновать единство иллирского народа и историческими аргументами. Так он писал, что современные южные славяне являются потомками древних иллирийцев. Эту точку зрения поддерживали Д. Деметр и И. Кукулевич-Сакцинский, доказывавшие, что античные памятники на территории Хорватии и Далмации являются памятниками предков южных славян.

Л. Гай, считая южных славян единым народом, все же признавал, что серб, хорват и краинец (т. е. словенец. — *Ред.*) всегда останутся таковыми, хотя и имеют общее наречие, историю, фольклор, общие цели. В 1849 г. он утверждал, что сербский язык — «наш литературный язык». Гай причислял к иллирам словенцев, хорватов, славонцев, далматинцев, босняков, черногорцев, сербов, болгар. Видный хорватский ученый Андрия Торквато Брлич в 1854 г. опубликовал грамматику иллирского языка с двумя алфавитами — кирилловским и латинским. Во введении к грамматике он заявлял: «я не думаю, что хорваты и сербы две различные нации, которые говорят и пишут на различных языках»¹².

Молодая хорватская интеллигенция не считала вероисповедание фактором, который способен стать одним из главных признаков национальности. В этом она отличалась, в частности, от Вука Караджича, который к характерным чертам народа относил помимо языка обычаи и религию.

Иллирское движение нашло отклик у части словенцев, у некоторых сербских деятелей в хорватских землях и в Воеводине. Его сторонники вели пропаганду своих идей в Боснии, Сербии.

Сначала иллиризм развивался как чисто культурное движение. Однако вскоре он приобрел и политическое звучание. Сторонники иллиризма практически приняли политическую программу хорватского дворянства, видоизменив ее соответственно своим взглядам. В 20-е гг. хорватское дворянство выступало за создание Триединого

королевства с широкими автономными правами. Это требование и стало центральным в иллирской политической программе.

Наиболее радикальных политических взглядов придерживался Л. Гай. Есть сведения, что еще до революции 1848—1849 годов он мечтал о создании независимого югославянского государства и даже пытался заручиться в этом поддержкой России. В 1846 г. Гай писал, что его цель — царство Душана, которое он рассматривал не как чисто сербское, но как иллирское. Во время своей поездки в том же году в Белград Гай беседовал об этом с сербским князем Александром Карагеоргиевичем. Он считал, что хорватские земли должны войти в пределы этого Душанова царства. Но большинство хорватских деятелей иллиризма, в том числе Б. Шулек, Л. Вукотинович, были гораздо скромнее в своих мечтах. Они выступали за широкую автономию Триединого королевства в рамках Венгрии. Некоторые полагали более выгодным для хорватов вывести Триединое королевство из состава земель венгерской короны и подчинить его непосредственно Вене.

Деятели иллиризма в Хорватии и Славонии приходилось вести упорную борьбу против так называемых мадяронов, большую часть которых составляло мелкое дворянство, упорно стоявшее на позициях хорватского дворянства рубежа XVIII—XIX веков. Их целью являлось восстановление в полном объеме хорватских муниципальных прав.

Власти относились с большой подозрительностью к иллирскому движению. В 1843—1845 г. было запрещено само название «иллир». 29 июля 1845 г. в Загребе произошло столкновение между мадяронами и иллирами, в результате которого погибло несколько сторонников иллиризма. Эта трагедия вызвала взрыв симпатий всего населения Хорватии и Славонии не только к убитым, но и к их взглядам. Даже во всех православных церквах хорватских земель были проведены по ним поминальные службы. Под влиянием иллирского движения стала меняться и позиция хорватского сабора, который в 1847 г. провозгласил официальным языком Хорватии и Славонии хорватский язык.

Несколько по иному развивалось национальное движение южных славян в Далмации. Вплоть до 30-х годов XIX в. здесь официальным языком и языком городского общества являлся итальянский язык. Первой осознала себя славянской сербская интеллигенция. В 1836 г.

юрист Б. Петранович и священник Дж. Николаевич стали издавать на кириллице журнал «Любитель просвещения. Сербско-далматинский альманах», который выходил до 1869 г. под названием «Магазин србско-далматинский». Это было первое периодическое славянское издание в Далмации. Петранович являлся горячим сторонником Гая, и вокруг него группировались далматинские деятели иллиризма¹³. Славянское национальное движение в Далмации развивалось своеобразно: здесь многие славяне, исповедовавшие католицизм, считали себя сербами не только в первой половине XIX в., но и сто лет спустя. Даже католические священники Далмации, прежде всего семинаристы, включились в сербское национальное движение.

Вплоть до 1849 г. в Далмации имелись деятели, которые пытались доказать существование особой славянской далматинской нации. Главным образом это были итальянизированные интеллигенты. Об особом далматинском народе писали филолог Ф. Аппендини («Грамматика», 1808 г.), историк И. Крелянович («Памятники истории Далмации», 1809 г.), историк И. Каталинич («История Далмации», 1834 г.)¹⁴.

* * *

Словенцы. Уже с ранних средних веков в словенских землях крестьяне и низшие слои горожан являлись словенцами, а феодалы и богатые горожане — немцами или итальянцами. В связи с этим словенцы политически были слабо развиты, не имея ни политических традиций, ни класса, который бы являлся их носителем. В культурном отношении словенцы тоже сильно отставали от других югославян: словенская письменность появилась только в XVI в. благодаря трудам протестантских священников.

Территория, на которой жили словенцы, хотя большею частью с давних пор входила в состав коронных земель Габсбургов, была поделена между различными административными областями. В Крайне словенцев было подавляющее большинство, в Штирии и Каринтии приблизительно треть населения. Кроме того словенцы жили в Приморье, Истрии, Венецианской Словении, Прекмурье, где имелось помимо них значительное число венгров, итальянцев, немцев. Большинство словенцев не осознавали своего единства. Этому способствовала не только территориально-административная разд-

робленность, но и наличие большего количества словенских диалектов. По подсчетам словенского филолога Ф. Рамовша еще в середине XX в. их насчитывалось 46.

Все вместе взятое — административная и языковая раздробленность, отсутствие политических традиций — привело к тому, что первые словенские будители создавали практически не общесловенские грамматики, а грамматики отдельных словенских диалектов. Это вполне соответствовало бытовавшему в то время региональному сознанию. Августинский монах Марко Похлин издал в 1768 г. грамматику крайного диалекта, а иезуит Ожбалът Гутсман — грамматику каринтийского диалекта (1777). Похлин первый призвал земляков: «Не стыдитесь своего родного языка, дорогие соотечественники! Ведь он не так плох, как думают»¹⁵

Гутсман поднял вопрос об общности словенских наречий. Во введении к одному из своих религиозно-поучительных сочинений он выражал желание писать так, чтобы его понимали не только в Каринтии, но и в Штирии и Крайне. Гутсман выступал за «истинный литературный язык» словенцев, который он отличал от «территориальных наречий», т. е. диалектов. Для каринтийского просветителя было характерно понимание того факта, что словенский язык относится к группе славянских языков. Словенцев Гутсман называл «несчастной ветвью славянского языкового дерева». Зная о многочисленности славянского населения в Австрии, он приходил к выводу, что Австрия может вполне называться славянской державой¹⁶.

Идеи Гутсмана воспринял и развил виднейший деятель словенского национального возрождения Антон Линхарт. В своем труде «Опыт истории Крайны» (т. I, 1789; т. II, 1791) Линхарт написал историю древнего словенского государства Крантании. Он подчеркивал, что карантанцы являются предками как крайнцев, так и виндов (т. е. словенцев, живущих в Штирии и Каринтии), что те и другие составляют одну и ту же ветвь славянского племени. В предисловии ко 2-му тому Линхарт заявил, что по составу населения Австрия наравне с Россией может считаться славянским государством.

Первой общесловенской грамматикой стала «Грамматика славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии», изданная в 1809 г. Автором ее был Е. Копитар, выдающийся лингвист, один из осново-

положников научного славяноведения. И несмотря на то, что в 20-х годах XIX в. появились снова грамматики отдельных диалектов, грамматика Копитара заложила основы развития общесловенского литературного языка.

Таким образом уже в конце XVIII — начале XIX вв. идеи единства всех частей словенского народа, принадлежности его к славянству, общности судеб всех славян Австрии были восприняты словенскими национальными деятелями. Вместе с тем вопрос об особой близости югославянских народов не ставился ими ни в культурном, ни в политическом аспектах.

Важный толчок пробуждению словенской политической мысли дали Иллирийские провинции, созданные в 1809—1813 гг. французскими властями. Центром их стала Любляна. Французы ввели в них кодекс Наполеона, обучение на родном языке в начальных и средних школах. Некоторые словенские патриоты активно сотрудничали с французскими властями. Виднейшим из них был В. Водник, первый словенский поэт и редактор первой словенской газеты. Он восхвалял Наполеона в оде «Иллирия возрожденная». Впоследствии Водник объяснял свою позицию следующим образом: роль французов в Иллирийских провинциях должна была ограничиться уничтожением в них господства Австрии. Водник надеялся, что потом французы оставят Иллирию, дав ее народам, т. е. словенцам и хорватам, возможность создать свое собственное государственное объединение. Иллирийские провинции заронили в головы некоторых словенских патриотов мысль о необходимости более тесного сотрудничества между словенцами и хорватами.

В 30-е годы XIX в. в словенское национальное движение вливаются свежие силы из числа молодой светской словенской интеллигенции, начавшей активно формироваться в это время благодаря словенизации городов. В среде словенских патриотов возникают два направления. Одно из них выступало за развитие словенского литературного языка и словенской культуры, другое — за создание совместно с хорватами, сербами и другими южными славянами общего для всех иллирского языка и иллирской культуры. К первому направлению принадлежало большинство уроженцев Крайны и отчасти Приморья, т. е. провинций, где словенцы составляли большинство населения и им не угрожала германизация. Среди них имелись лица либеральных взглядов, которые группировались вок-

руг альманаха «Краинская пчелка» и возглавлявших ее великого словенского поэта Ф. Прешерна и философа и критика М. Чопа, а также деятели консервативной ориентации, связанные с Е. Копитаром. По разному относясь к формам, в которых должна развиваться словенская культура, они были едины в стремлении развивать ее на базе словенского языка. В 40-е годы это движение укрепила деятельность Я. Блейвейса, словенского просветителя умеренного толка. Все словенские патриоты группировались вокруг его газеты «Кметийске ин рокоделске новице» («Сельскохозяйственные и ремесленные новости»), начавшей выходить с 1843 г. В течение нескольких лет она являлась единственным словенским периодическим изданием. Наряду с советами крестьянам и ремесленникам по хозяйственным вопросам в ней печатались исторические и литературные сочинения, рецензии на словенские книги и т. д. Эстетический и научный уровень их был невысок.

Второе направление в словенском национальном движении было тесно связано с хорватским иллиризмом. Странниками его являлись по преимуществу уроженцы Каринтии и Штирии, тех провинций, где словенцы составляли меньшинство и где для них более реальной была угроза германизации. Штирийцы и каринтийцы боялись, что своими силами словенцам не удастся устранить эту угрозу. Наиболее горячим приверженцем иллиризма среди словенцев стал молодой поэт из Штирии Станко Враз. Он полагал, что без великой жертвы народ не сможет освободиться от чуждого ярма. Такую жертву, по его мнению, уже принесли хорваты, отказавшись от своего народного имени «хорват» и заменив его названием «иллир». Хорваты отказались и от кайкавского литературного языка и приняли штокавское наречие. Такую же жертву должны принести и словенцы, заменив свое имя и национальный литературный язык на иллирские.

В письме к Прешерну от 1 августа 1838 г. Враз откровенно сетовал на отсутствие героических традиций у словенцев. «Что это за нация, — писал он, — если при создании своей литературы и духовной эмансипации она не может опираться на какую-нибудь возвышенную идею. И откуда мы возьмем эту идею, если будем действовать самостоятельно? Может быть в героических традициях наших предков? А где наша история говорит о них?»¹⁷. В 1838 г. Враз навсегда переехал в Загреб, где полностью перешел на позиции

хорватских иллиров. Он много сделал для развития хорватской литературы, написав на «иллирском» языке прекрасные стихи, перевел на него произведения ряда славянских поэтов, в том числе Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Мицкевича и др.

В Штирии к иллирам примкнули А. Мурко, Д. Трстеняк, П. Дайнко, даже на некоторое время и Ф. Миклошич, будущий знаменитый ученый-славист. Из каринтийских деятелей иллиризмом увлекались А. Сломшек, А. Эйншпиллер, М. Маяр. В Любляне в 1839 г. также возник иллирский кружок во главе с А. Жакелем и Ю. Кобэ.

Однако все перечисленные сторонники иллиризма в словенских землях не приняли его так полностью и безоговорочно, как Враз. Для некоторых, например для епископа А. Сломшека и Ф. Миклошича, иллирские идеи оказались временным увлечением, другие понимали их иначе, чем хорваты. В частности, своеобразием отличались взгляды одного из самых пламенных словенских сторонников иллиризма М. Маяра. Хотя он и мечтал о слиянии всех южнославянских языков (поднаречий, по его терминологии) в единый литературных язык, все же он считал, что литературным языком иллиров должно стать не штокавское наречие, а наречие, на котором говорит население между Люблянкой и Риекой, т. е. переходное от словенского к сербохорватскому¹⁸.

Накануне революции 1848 г. иллиры имели довольно прочные позиции в национальном движении словенцев. Резкого противостояния между ними и сторонниками самостоятельного словенского литературного языка не было, хотя Прешерн и Копитар и выступали против иллиризма. В конкретных случаях деятели обоих направлений нередко действовали совместно. Так в 30-х годах в словенских землях разгорелась «алфавитная война». Дело в том, что в эти годы словенские книги стали печататься тремя алфавитами: алфавитом, введенным в своей грамматике П. Дайнко, алфавитом, предложенным в грамматике Ф. Метелко, и алфавитом, созданным в XVI в. А. Богоричем. Все это создавало путаницу в небогатый словенской литературе, мешало ее становлению. В начале 40-х годов словенские иллиры выступили с предложением печатать словенские книги весьма рациональным чешским алфавитом, который был принят и хорватами при активном содействии Гая. Иллиры видели в этом первый шаг к созданию общего литературного языка для хорватов и словенцев. Идею иллиров поддержал Я. Блейвейс, который

постепенно стал печатать свою газету чешским алфавитом. Благодаря усилиям Блейвейса и словенских иллиров он стал единственным алфавитом словенцев. В газете Бейвейса печатались многие деятели иллиризма, например М. Маяр, Д. Трстеняк.

Социально-экономические и политические программы словенских национальных деятелей были весьма неясны. Они определились только во время революции 1848 г. Как среди иллиров, так и среди сторонников самостоятельного развития словенской литературы имелись лица и консервативных и либеральных взглядов.

Уже в начале 40-х годов в кругу словенских патриотов начали появляться мысли о необходимости объединения всех земель, заселенных словенцами, в единую административно-территориальную единицу. Об этом, в частности, свидетельствует один из создателей словенской политической программы в 1848 г. А. Глобочник. М. Маяр в письмах к С. Вразу от 1842 г. четко сформулировал положение, что славяне в Горице, Венецианской Словении, Штирии, Каринтии, Крайне являются одним словенским народом. Свой вывод он подкреплял не только их языковой близостью, но и общим для всех них этнографическими особенностями: схожестью народной одежды, фольклора и т. д.¹⁹ Впервые употребил название «Словения» поэт И. Весел-Косеский в оде на приезд в 1844 г. в Люблянуг австрийского императора Фердинанда I.

У наиболее радикальных словенских деятелей даже появляются мысли о необходимости освобождения словенцев от чужеземного ига. Так Прешерн в стихотворении «Здравица», написанном в 1844 г., выражал пожелание «чтобы словенцев дому как в старину быть вольным вновь». Однако эти мысли далеко опережали время. Даже в революцию 1848 г. они не нашли поддержки у словенских политиков.

* * *

Подводя итоги развитию национального движения южных славян к революции 1848 г. надо отметить несколько моментов.

Во-первых, оно развивалось главным образом в рамках культуры. Сербы, хорваты, словенцы достигли в этой области значительных успехов. У них в той или иной мере были заложены основы формирования национальных языков. Практически был создан словенский литературный язык, большие успехи в этом направлении

сделали хорваты, приняв за основу своего литературного языка штокавское наречие. Хуже всего пока дело обстояло у сербов. Хотя к началу 20-х годов Вук Караджич уже провел свою реформу сербского литературного языка, но она не была признана сербской интеллигенцией Воеводины и большинством интеллигенции княжества Сербии.

Во-вторых, уровень политического самосознания югославянских народов к 1848 г. был различным. Сербские политики уже мечтали о независимом государстве. Высокий уровень их политического самосознания определяли два обстоятельства: создание автономного княжества Сербии, ставшего центром притяжения для австрийских сербов, и наличие исторических государственных традиций, которые сохранялись сербской православной церковью в Воеводине на протяжении многих десятилетий. Вместе с тем идеи иллиризма в среде сербской интеллигенции особого успеха не имели. Вслед за сербами по уровню политического самосознания шли хорваты. Хотя хорватское государство потеряло свою независимость в самом начале XII в., однако хорватское дворянство в значительной части сохранило свое этническое самосознание, свои привилегии, традиции борьбы за политические права. Несомненно, это повлияло на сравнительную зрелость политических программ. Сложная этническая ситуация в хорватских землях, где сербское и хорватское население жило чересполосно, неверие хорватских патриотов в возможность освобождения собственными силами привело к широкому распространению среди хорватов идей тесного сотрудничества между всеми югославянскими народами. Идеи иллиризма, провозглашавшие слияние южных славян в единый народ с единым языком и культурой, а затем и объединение их в единое государство, зародились и наиболее широко распространились именно в хорватских землях. Что касается словенцев, то будучи, в основном крестьянским народом, не имевшим политических традиций, они в политическом отношении были наименее развиты. К началу революции 1848 г. у них, однако, уже появились идеи о необходимости объединения земель, населенных словенцами. Иллиризм оказал, значительное воздействие на ряд словенских национальных деятелей, но только в плане культурного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Лециловская И. И.* Сербская культура XVIII века. М., 1994. С. 47, 48, 51—54.
- ² *Гудков В. П.* Книжно-письменный язык у сербов XVIII — начале XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 139.
- ³ *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 189—191.
- ⁴ *Гудков В. П.* Указ. соч., с. 136—139.
- ⁵ *Лециловская И. И.* Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу // Славяне и Россия. М., 1972. С. 91, 92.
- ⁶ *Фрейдзон В. И.* Воеводина // Формирование национальных независимых государств на Балканах. М., 1986. С. 213.
- ⁷ *Достян И. С.* Планы основания Славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 98—104.
- ⁸ *Крестий В.* Историја српске штампе у Угарској. 1791—1914. Нови Сад, 1980. С. 40—48.
- ⁹ *Лециловская И. И.* Общественное содержание концепций сербской национальной художественной культуры. Конец XVIII — первая половина XIX в. // Концепция национальной художественной культуры. М., 1985. С. 170—173.
- ¹⁰ *Фрейдзон В. И.* Хорватия // Формирование национальных независимых государств..., с. 226.
- ¹¹ *Данилова А. В.* От культуры народностей к хорватской национальной культуре // Концепция национальной художественной культуры..., с. 134—143.
- ¹² *Екмечић М.* Стваранье Југославије. Београд, 1989. С. 423, 469.
- ¹³ *Petrović R.* Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX st. Sarajevo, 1968.
- ¹⁴ *Екмечић М.* Указ. Соч., с. 431.
- ¹⁵ *Pogačnik J.* Jernej Kopitar. Ljubljana, 1977. S. 132.
- ¹⁶ *Matešić J.* O slavenskoj svijesti i njezinoj ulozi u razdoblju slovenskega prosvjetiteljstva // Obdobje razsvjetljenstva v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Ljubljana, 1979. S. 375.
- ¹⁷ *Kardelj E.* Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1970. S. 290, 291.
- ¹⁸ *Чуркина И. В.* Просветительская деятельность Матии Маяра в 40-е годы XIX в. // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. С. 115.
- ¹⁹ *Чуркина И. В.* Словения // Формирование национальных независимых государств..., с. 257.

ГЛАВА 2

Революция 1848—1849 гг. в югославянских землях Австрии

Революция 1848—1849 гг. была единственной буржуазной революцией, которая одновременно охватила почти всю Западную и Центральную Европу. Если в Западной Европе она ставила перед собою цель дальнейшей демократизации политического и социального строя, то перед странами Центральной Европы стояла задача уничтожения феодальной системы как в политике, так и в экономике, а также решение национального вопроса. Немецкие революционеры боролись за создание единой Германии, итальянские — за единую Италию, польские — за освобождение и воссоединение Польши и т. д.

В Австрии также главными вопросами революции являлись уничтожение феодального строя и решение национального вопроса. Первый из них был решен отменой феодальных повинностей и созданием парламента. Этого удалось добиться благодаря тому, что революционные силы всех народов Австрии выступили единым фронтом. 15 марта 1848 г. венгерские радикалы сформулировали демократические требования (отмена феодальных повинностей, равенство всех граждан перед законом, свобода печати и собраний и т. д.), которые в целом были приняты венгерским государственным собранием. 25 марта в Загребе хорватскими национальными деятелями была составлена декларация «Народные требования», которая полностью повторяла будапештскую декларацию 15 марта. В марте же Нови Сад и ряд других городов Воеводины направили петиции венгерскому государственному собранию, также основанные на вен-

герской декларации. Таким образом сербы и хорваты совместно с венграми выступали за ликвидацию феодальных повинностей и демократизацию общественного строя в австрийской монархии. На этой почве между ними не возникло разногласий. Так же и словенские национальные деятели в социально-экономических требованиях шли за либералами Вены.

По другому сложилось положение с национальным вопросом. Немецкие либеральные и радикальные политики выступали за уничтожение Австрийского государства и за включение коронных земель Габсбургов (куда помимо немецких входили словенские и чешские территории) в состав Объединенной Германии. Венгры также считали необходимым разрушить Австрию, при разделе которой они предполагали создать свое государство на базе земель короны св. Стефана, где помимо венгров жили румыны, словаки, сербы, хорваты, русины. Таким образом и немцы, и венгры мечтали не об образовании чисто национальных государств, а государств многонациональных.

Национальные программы венгров и немцев не устраивали югославянские народы, которые не без оснований опасались, что в новых государствах они будут испытывать еще больший национальный гнет. В противовес немецкой и венгерской национальным программам югославыне, как и другие славяне Австрийской империи, выдвинули свои требования, которые должны были обеспечить им национальные права.

События в западных и восточных землях Габсбургской монархии развивались по-разному. В землях короны св. Стефана, подчинявшихся непосредственно Пешту, национальные противоречия проявились в наиболее острой форме. Здесь еще в 1847 г. венгерский парламент провозгласил венгерский язык официальным. Только у хорватского языка в собственно Хорватии остались некоторые права. Что же касается сербов, то даже записи в церковных книгах они были обязаны делать на венгерском языке. Отношения между сербами и хорватами, с одной стороны, и венграми — с другой, резко ухудшились. Так что уже накануне революции в землях короны св. Стефана национальная напряженность была весьма велика.

Как уже говорилось выше, в марте демократические требования венгров были полностью поддержаны представителями сербского и хорватского национальных движений. Ни те, ни другие не предпола-

гали вступать в конфронтацию с новым венгерским правительством, но думали договориться с ним, обеспечив свои национальные права. 27 марта делегация сербов Воеводины, состоявшая из молодых либералов Д. Стратимировича, А. Костича, М. Полита и др. прибыла в Пожонь (ныне Братислава), где в то время заседало венгерское государственное собрание. Они передали лидеру венгерских революционеров Л. Кошуту петицию горожан Нови Сада. В ней, в частности, говорилось, что сербы «в своем воодушевлении выражают самую горячую приверженность к отечеству, братскому согласию и к самому тесному союзу с милыми соотечественниками дорогими братьями венграми... и добровольно признают первенство и господство венгерского языка и народа во всех общегосударственных делах». Вместе с тем сербы просили признать существование сербского языка и сербской нации в Венгерском королевстве и разрешить свободно употреблять сербский язык в школе, местных учреждениях, церкви. Все национальные учреждения предполагалось передать под управление сербского сабора¹. Несмотря на весьма умеренные требования сербской стороны, Кошут их решительно отверг в личной беседе с делегацией Нови Сада. Когда Стратимирович пригрозил, что в случае отказа сербы станут искать свои права в другом месте, венгерский вождь отметил, что их спор рассудит оружие². Слова Кошута исполнились через месяц. В конце апреля венгерские войска подавили восстание сербов в маленьком городе Велика Кикинда.

Национальная программа хорватов с самого начала была более определенной: она предполагала создание Триединого королевства, объединявшего Хорватию, Славонию, Далмацию и Приморье с Риекой. Кошут отнесся к хорватам более снисходительно: 22 марта за ними было признано право пользования национальным языком. Но Славония и Приморье с Риекой остались частью Венгрии, права, данные жителям Хорватии, не распространялись на них. Такие уступки венгров ни в коей мере не могли удовлетворить хорватов. Уже в середине апреля между ними произошло первое серьезное столкновение: пештское правительство потребовало, чтобы Й. Елачич, избранные хорватским банном, приехал в Пешт для принесения присяги. Елачич, не только отказался сделать это, но и издал 19 апреля указ, запрещающий хорватам до созыва их сабора подчиняться венгерским властям. Одновременно Хорватия и Сла-

вония перестали платить налоги в венгерскую казну. Решительные действия Елачича, за которым стоял Л. Гай, не были случайными. Истинные цели хорватских политиков шли дальше автономии хорватских земель в пределах Венгерского королевства. Гай и Елачич видели центром будущего югославянского королевства Белград. В мае 1848 г. Гай даже послал Гарашанину доверительное письмо, в котором писал об этом ³.

Венский двор в споре между Елачичем и венгерскими властями встал на сторону последних. 7 мая император потребовал от Елачича безоговорочного подчинения Пешту, а 11 мая были аннулированы все распоряжения Елачича и назначен комиссаром Хорватии, Славонии и Военной Границы генерал Храбовский.

Таким образом уже в мае 1848 г. отношения между венгерским правительством, с одной стороны, и сербами и хорватами — с другой, были близки к разрыву. Угроза со стороны венгров заставила сплотиться все национальные силы сербов и хорватов: национальную интеллигенцию, либералов и консерваторов, городские слои, крестьян, духовенство. Это проявилось на сербской скупщине в Сремских Карловцах, происходившей 13—15 мая. На ней все сербы выступили единым фронтом. Скупщина избрала сербским воеводой генерала С. Шупликаца, провозгласила митрополита Й. Раячича патриархом, создала правительство (Главный Одбор) во главе с Д. Стратимировичем, объявила сербский народ политически свободным. Скупщина провозгласила создание Воеводины (в нее входили Срем, Бачка, Баранья, Банат, Военная Граница) в союзе с Триединым королевством. Но одновременно в решении скупщины указывалось, что Воеводина будет находиться в составе Венгерского королевства под властью правящего австрийского дома. Сербские национальные деятели снова протягивали руку венграм. В ответ пештское правительство объявила скупщину незаконной, а 10 июня венгры начали военные действия против сербов. Никаких переговоров с сербами венгерские власти вести не желали ⁴.

Хорватский сабор открылся 5 июня. Почти половина депутатов, присутствовавших на нем, являлись сербами, жившими на хорватской территории. Они вообще принимали активное участие в хорватском национальном движении, в большинстве своем поддерживая Гая и Елачича, решительно выступавших за тесный союз сербов и хорватов. В апреле Елачич обратился с воззванием «Народу

хорватскому и сербскому в Триедином королевстве», в котором призывал сербов и хорватов к взаимному согласию на основе полного равноправия. Воззвание было напечатано латинским и кирилловским шрифтами. О необходимости сотрудничества хорватов и сербов писал все время Гай и его газета.

На хорватском саборе Елачич был торжественно возведен в должность бана и провозглашен главнокомандующим хорватскими войсками. Клятву действовать на благо народа он дал перед сербскими патриархом Раячичем, поскольку загребский епископ Хаулик отказался признать созыв сабора законным. Клятва Елачича была встречена всеобщим ликованием народа. И последующие выступления на саборе отличались духом взаимного согласия сербов и хорватов. Так И. Мажуранич заявил: «мы с сербами один народ и так тесно спаянный, что нас больше ничто на свете не может разъединить»⁵. Следует подчеркнуть, что таково было мнение хорватских иллиров, представлявших либеральную часть хорватского национального движения. Мадыяроны же стояли на прежних позициях сохранения феодальных привилегий Хорватии и тесного сотрудничества с венграми. Но мадыяроны не имели влияния, многие из них во время военных действий вынуждены были бежать в Венгрию.

Хорватский сабор объявил о создании Триединого королевства в союзе с Воеводиной и словенскими землями. Это югославянское объединение, должно было войти в Австрийскую империю, реорганизованную на принципах федерализма. В ответ на решения сабора глава венгерского правительства граф Баттиани добился от императора подписания манифеста 10 июня о смещении Елачича с поста бана и лишении его военных чинов. Через месяц 6 июля королевский комиссар в Хорватии, Славонии и Военной Границе Я. Храбовский получил приказ отстранить Елачича от всех дел и созвать «законный» сабор. За два дня до этого вновь начались бои в Воеводине между сербами и венграми.

Главнокомандующим сербских войск был избран Стратимирович. Наступление венгров развивалось довольно успешно. Правительство княжества Сербии не осталось равнодушным к бедствиям своих соплеменников. Князь Александр Карагеоргиевич подарил им 12 тысяч форинтов, один из видных сербских политиков С. Кничанин собрал значительный отряд добровольцев (15 тыс.) и вместе с ним сражался против венгров в Воеводине. Все же говоря о политике

сербского правительства нужно отметить, что оно под влиянием представителей польской эмиграции считало необходимым добиться примирения между венграми и воеводинскими сербами. Особенно активно оно действовало в этом направлении с конца 1848 г.

Если венгры вообще не желали разговаривать с сербами, то с хорватами они пытались достичь договоренности. 7 июля хорватский сабор принял условия, на которых могло быть заключено соглашение с венграми. Наряду с созданием Триединого королевства хорваты требовали автономии для Воеводины. Последняя должна была быть объединена с Триединым королевством и словенскими землями. Именно на этих позициях и стоял Елачич в переговорах с венграми в 20-х числах июля. И снова венгры шли на предоставление некоторых прав хорватам (кроме самостоятельных финансов и армии), но решительно отказывались идти на какие-либо уступки сербам. Елачич, следуя наказам сабора, не принял условий венгерской стороны и прервал переговоры. Консерваторы (барон Кульмер, Ожегович) стояли за заключение соглашения с венграми на тех условиях, которые они предлагали. Но все хорватские либералы решительно поддержали поступок Елачича. В либеральном «Славянском юге» в конце августа — начале сентября появилось несколько статей, восхвалявших бана. В них говорилось о Елачиче как о сыне революции и человеке прогресса, истинном патриоте, который, «станет щитом и спасителем западного славянства»⁶.

В целом хорватские и сербские национальные деятели действовали согласованно. Однако со стороны консервативных провенгерских сил наблюдались попытки нарушить это согласие. Эти попытки проявились уже во время проведения хорватского сабора. Среди его участников загребский капитул стал распространять слухи, что сербы якобы хотят перевести хорватов в православие. Подобные слухи распространяли офицеры-мадьяроны. В ответ на это Главный Одбор Воеводины 13 июля издал обращение «Славянам римокатоликам в Среме и Славонии», в котором заявлял, что будет защищать католиков от всех, кто посягнет на их веру. Хорватский сабор и Елачич также выступили против слухов, приняв закон «О пресечении ложных слухов о том, что римокатолической церкви грозит опасность». В законе предписывалось католическим епископам разослать по хорватским церквям послания, в которых бы опровергались высказывания о желании православной церкви подчинить

себе католиков. В сентябре Раячич снова должен был обратиться к православному населению Воеводины. Он запрещал ругать и преследовать католиков, ибо это против воли Спасителя и принесет только вред и сербам и хорватам. Только объединившись они смогут разбить общего врага. Спустя несколько дней Елачич призвал католических и православных священников искоренять религиозную нетерпимость среди своей паствы. Подобные действия со стороны сербских и хорватских лидеров позволили предотвратить столкновения между сербами и хорватами несмотря на попытки консерваторов рассорить оба народа ⁷.

К осени 1848 г. положение складывалось следующим образом: сербы и хорваты противостояли венгерскому правительству, австрийское правительство склонялось к союзу с венграми. Только в конце сентября, когда венгры окончательно порвали с центральной властью, стал складываться союз монархии и югославянских национальных движений. К этому союзу югославянских политиков толкало несколько причин. Во-первых, венгерское правительство выступало как против сербов и хорватов, так и против Вены. Поэтому их объединение против общего врага было вполне понятным. Во-вторых, многие хорватские и сербские национальные деятели являлись легитимистами и поддержка Габсбургов вполне соответствовала их настроениям. Наконец, нужно принять во внимание еще один момент. Часть сербских и хорватских политиков в достижении своих национальных целей надеялись на помощь России. В июне 1848 г. русскому посольству в Вене воеводинцы передали свою петицию, в которой они просили русского царя защитить сербов в Австрии, как он защищает их в Турецкой империи. 21 июля по просьбе бана Елачича И. Кукулевич и Л. Вукотинович посетили русское посольство. Они вели там разговор о денежном займе для хорватов. И в том и другом случае представители русского посольства заявили о своей поддержке Габсбургов и постарались направить действия сербов и хорватов в легитимное русло. 20 октября патриарх Раячич лично обратился через русского консула в Белграде к Николаю I с просьбой взять воеводинских сербов под свое покровительство.

Венгерские и немецкие революционеры клеймили в печати сербов и хорватов за их вынужденный союз с Габсбургами. Сербские и хорватские национальные деятели отвечали им достаточно обоснованно. Светозар Милетич, стоявший на левом фланге сербского

национального движения, выступил 7 декабря 1848 г. в газете сербской демократической интеллигенции «Напредак» со статьей «Характер движения в Австрии». Немецкие и венгерские демократы, отмечал он, ругают славян за то, что они больше ценят национальность, чем свободу. «Я спрашиваю их, — продолжал Милетич, — а какова та свобода, которую требуют немцы, стремясь к единой свободной Германии, итальянцы — к единой свободной Италии, поляки — к единой и свободной Польше?.. Разве они не могли бы пользоваться гражданской свободой в существующем государстве? И почему нет? Потому что они хотят быть свободными не только как отдельные люди и граждане, но и как нация»⁸. На тех же позициях стояла и хорватская газета «Славенски юг». Она писала в начале января 1849 г.: «Мы... вновь повторяем, что нам свобода так же дорога, как и национальность, что только в крайнем случае, если бы нам пришлось выбирать между первой и второй, мы предпочли бы пожертвовать и свободой ради национальности, зная, что национальность обеспечит нам и свободу; но в любом другом случае мы будем бороться за ту и другую с тем же самым жаром нашего сердца и одинаковым напряжением всех наших сил»⁹.

В ноябре 1848 г. в «Славенском юге» появилось два плана переустройства Габсбургской монархии. Один план был разработан хорватским сербом О. Острожинским. Он считал, что апрельская конституция явилась только первым этапом революции: она дала личную свободу людям, но не предоставила свободы нациям. Второй этап должен довершить революцию, превратить Габсбургскую монархию в свободную конфедерацию ее народов. Острожинский предполагал разделить империю на автономные части по этническому принципу: немецкая, венгерская, чехославянская, югославянская, польско-русинская, румынская и итальянская. В этой конфедерации общими предполагалось сделать армию, финансы, внешнюю торговлю, иностранные дела. Новая Австрия, в будущем могла бы стать центром средневропейской федерации.

Близкий к вышеуказанному план переустройства Австрии был предложен анонимом, подписавшимся «Славофил». Он заявил, что сербы, хорваты, словенцы перед всем миром должны выступать как единый народ, но их государственное объединение должно быть основано на федеративном принципе и входить в качестве составной части в Габсбургскую монархию, также построенную на феде-

ративных началах. Обе программы явились дальнейшим развитием тех принципов, которые были определены в общих чертах на сербской скупщине и хорватском саборе в мае-июне 1848 г.

В сентябре 1848 г. австрийский император сделал Елачича главнокомандующим всех австрийских войск в Венгрии. Когда 6 октября вспыхнуло восстание в Вене, Елачич совместно с австрийским генералом Виндишгрецом подавил его.

Подавлением венского восстания закончилась революция в западной части империи, т. е. в коронных землях Габсбургов. Но революция в землях короны св. Стефана продолжалась. Военные действия между венграми и австрийской армией, которой активно помогали сербы и хорваты, то затихали, то возобновлялись с новой силой. При этом перевес был все-таки на венгерской стороне. Венское правительство понимало, что своими силами оно не в состоянии справиться с венгерской революцией. В конце 1848 г. новый австрийский император Франц Иосиф обратился к Николаю I с просьбой о введении русских войск в пределы Габсбургской монархии. В конце апреля 1849 г. русская армия вступила в восточные районы Австрийской империи. Удача отвернулась от венгров. Они стали терпеть поражения, а в августе 1849 г. в битве при Вилагоше были разбиты наголову. Венгерская армия во главе со своими генералами вынуждена была сдаться в плен русским.

Весь этот период от поражения венского восстания и до битвы при Вилагоше со стороны сербов и хорватов предпринимались попытки договориться с венграми. В ноябре 1848 г. безрезультатные переговоры с Кошутом вел Раячич. В марте и июне 1849 г. польские эмигранты не без поддержки правительства княжества Сербии выступали посредниками между венграми и воеводинскими сербами и снова безуспешно. Хорватские левые, группировавшиеся вокруг газеты «Славенски юг», также проявили стремление пойти на сближение с венграми. Редактор газеты Д. Кушлан в конце мая 1849 г. встретился в Белграде с Д. Андраши, одним из венгерских лидеров. Кушлан обещал, что хорваты выступят на стороне венгров, если последние признают их национальную программу. Венгры оставались глухими, когда дело касалось уступок в национальном вопросе. 10 июня 1849 г. Баттиани в согласии с Кошутым отправил инструкцию командирам пограничных отрядов, в которой гово-

рилось, что основой национальной политики является единство Венгрии и признание венгерского языка государственным.

После поражения венгерской армии революция в Габсбургской монархии была закончена. Оценивая роль в ней венгерских революционеров нужно отметить ее противоречивость. Борьба венгров против Габсбургов особенно с осени 1848 г. носила национальный, а не социальный характер. Выступая против австрийского правительства за свои национальные права венгры вели справедливую войну. Не желая признавать национальных прав сербов и хорватов, подавляя их в вооруженной борьбе, венгры выступали как контрреволюционная сила. Именно они разрушили единый фронт народов Австрийской империи против Габсбургов и дали возможность последним укрепить свое положение. Именно национализм прежде всего венгерских (а также и немецких) революционеров привел к тому, что второй коренной вопрос революции 1848 г. в Австрии — национальный — не был ею решен.

Совместная борьба с венграми укрепила дружеские отношения между хорватами и сербами. Их цели совпадали, перед ними стояли одни и те же противники. Идея политического союза из области идей перешла в конкретную плоскость.

В коронных землях Габсбургов, в состав которых входили словенские территории, революционные события протекали в значительно более сглаженном виде. Причиной этого были: во-первых, бóльшая сговорчивость властей, во-вторых, слабость словенского национального движения по сравнению с сербским и хорватским. Как уже говорилось выше, к началу революции словенцы еще не имели своей политической программы, их лидеры, являясь выходцами из крестьян, небогатых горожан, были очень ограничены в своих политических познаниях. Не случайно поэтому в первые же дни революции наиболее активно выступили представители молодой словенской интеллигенции — студенты, учившиеся в Вене и Граце. Политическая и общественная жизнь в этих городах была гораздо более развита, чем в тихих провинциальных словенских городах. Именно в Вене и Граце появились первые словенские общества. Центр словенской национальной жизни Любляна в этом отношении отставала.

Первым сформулировал национальные требования словенцев каринтийский иллир Матия Маяр Зильский. 29 марта 1848 г. он

опубликовал в единственной словенской газете «Кметийске ин рокоделске новице» (далее «Новице») статью «Чего мы, словенцы, требуем?». В ней он заявил о необходимости бороться за право вводить в Словении в школах и канцеляриях родной язык. В начале апреля Маяр в особой листовке требовал уже установления особой административной области Словения со своим провинциальным собранием (дежельным збором) и обосновывал для нее необходимость союза с Хорватией, Славонией и Далмацией. Выступления Маяра подтолкнули словенскую молодежь в Вене к созданию программы «Объединенная Словения». 12 апреля два члена венского общества «Словения» М. Семрайц и А. Глобочник опубликовали в «Новицах» статью, в которой требовали объединения всех словенских земель в единое целое. 20 апреля «Словения», возглавлявшаяся одним из известнейших славистов XIX в. Ф. Миклошичем, провозгласила программу «Объединенная Словения». В 1848 г. она являлась программой не только либеральной, но и умеренно консервативных словенских национальных деятелей. Суть ее состояла в следующем: объединение всех словенских земель в административно-политическую единицу Словению со своим дежельным збором; предоставление в ней словенскому языку тех же прав, которые имеет в немецких землях немецкий язык; вхождение Словении в состав Австрийской империи, а не Германии. Программа Объединенной Словении отличалась от национальных программ сербов и хорватов тем, что она базировалась исключительно на этническом принципе: в Словению должны были войти только те территории, которые были населены словенцами.

Программа Объединенной Словении не предусматривала создания независимого государства. Все словенские национальные деятели считали, что Словения безусловно должна входить в состав Габсбургской монархии, переустроенной на федеративных началах. В этом они были полностью солидарны с лидером чешских либералов Ф. Палацким. Как и Палацкий словенские политики были убеждены, что новая Австрия станет наилучшим гарантом свободного развития славянских народов, угрозу существования которым они видели не только со стороны объединенной Германии, но и со стороны России. Уже в апреле 1848 г. словенский либерал в Граце Й. Драгони-Крженовский писал о стремлении словенцев находиться в переустроенной Австрии, решительно отвергая намеки немецкой

прессы в якобы существовавшем их желании присоединиться к России. В июне это же повторил и Маяр, заявив: «Нам свобода милее, чем любое насилие, будь оно русским или франкфуртским»¹⁰. Нападки немецкой прессы, пытавшейся уверить общественность, что требование славян удовлетворить их национальные права является следствием их стремления объединиться с Россией, во многом способствовали возникновению неприязни словенских патриотов к немецким национальным деятелям.

Австрославистская программа словенцев имел отличие от австрославистской программы чехов, поскольку в ней значительное место занимали югославистские моменты. Особый интерес к югославизму был связан у словенских национальных деятелей с илирской традицией; культурный илиризм приобретал политическую форму.

Уже в первом варианте словенской национальной программы, предложенной Маяром в начале апреля, подчеркивалась необходимость для словенцев союза с Хорватией, Далмацией, Славонией.

В мае 1848 г. четырнадцать каринтийских словенцев (в том числе М. Маяр, А. Эйншпиллер и др.) послали приветствие сербской скупщине в Сремских Карловцах. В нем они призывали восстановить старый союз между сербами, хорватами и словенцами, «который бог скрепил между ними силой общей крови и языка». В то же время в Штирии был проведен сбор подписей под петицией, в которой требовалось объединить словенские земли с хорватскими. Эта петиция собрала 11 тыс. подписей и 6 июня была вручена хорватскому сабору.

Вплоть до конца июня 1848 г. — до восстания в Праге и подавления его войсками Виндишгреца — национальное движение в словенских землях развивалось вполне спокойно. В первые дни революции словенские национальные деятели были полны радужных надежд на то, что они смогут добиться равноправия для своего народа при содействии и с помощью немецких либералов. В уже упомянутой статье от 29 марта Маяр писал: «Мы все братья — славяне, немцы, итальянцы, венгры». Однако националистическая позиция немецких либералов, стремившихся включить словенские и чешские земли в Объединенную Германию и не желавших считаться с чаяниями славян, охладила симпатии словенских и чешских

политиков. В конце апреля чешский национальный лидер Ф. Палацкий призвал славян выступить против вхождения славянских земель в Германию и бойкотировать выборы во франкфуртский парламент. В начале мая 30 членов венского общества «Словения» отправились на родину для переговоров с местными политиками по вопросам выборов во Франкфурт и в австрийский парламент. Единства по выборам во франкфуртское собрание достигнуто не было. Либералы решительно поддержали мнение Палацкого о необходимости бойкота выборов и вели агитацию против них, консерваторы лояльно приняли участие в голосовании. В противовес Франкфуртскому собранию славяне решили созвать свой съезд в Праге, чтобы определить общие задачи для всех славян Австрийской монархии и продемонстрировать перед миром их единую волю. Съезд начался 2 июня. Участвовало в нем более 300 человек. И только трое из них приехали из словенских земель. Всего на съезде было 4 словенца, если считать и С. Враза, который прибыл с хорватской делегацией. Таким образом, участие словенцев в Славянском съезде в Праге было незначительным. 12 июня в Праге вспыхнуло восстание, вызванное действиями князя Виндишгреца, командующего австрийскими войсками в городе. К повстанцам присоединилась часть участников Славянского съезда. Через четыре дня Виндишгрец подавил восстание. Немцы в Чехии восприняли поражение повстанцев как немецкую национальную победу над «панславистами». Немецкие революционеры в Вене не высказали солидарности с побежденными. Но у славянских национальных деятелей разгром пражского восстания и недоброжелательная реакция на него со стороны подавляющего большинства немецких газет вызвала прилив антинемецких настроений. Маяр, в начале революции приветствовавший немцев и венгров, после подавления Пражского восстания стал выступать с антинемецких позиций. В июле 1848 г. он писал, что немцы зря жалуются на неприязнь к ним со стороны словенцев: словенцы не могут любить насильников, запрещающих им пользоваться родным языком. Мнение Маяра придерживались многие словенские либералы. Война венгров против сербов и хорватов способствовала распространению среди словенцев антивенгерских настроений. В августе 1848 г. Словенское общество в Любляне собирало средства в поддержку сербов и хорватов.

Рост антинемецких и антивенгерских настроений среди словенцев привел к некоторой корректировке их национальной программы. Это проявилось в статьях, напечатанных после июньских событий в Праге.

В июле 1848 г. Маяр напечатал в либеральной газете «Словения» статью «Славянское согласие», в которой высказал свое мнение по поводу переустройства Австрии. Он отметил, что поскольку славяне не могут воспрепятствовать немцам и венграм создать свои собственные государства, то славяне должны сами позаботиться о себе. Им следует объединиться под скипетром Габсбургов в единую державу. В нее должны были войти Словения, Хорватия, Славония, Далмация, Воеводина, Чехия, Галиция, Владимирия (Лодомерия), Моравия, земли венгерских словенцев (т. е. словаков). Это славянское государство должно было стать конституционной монархией¹¹. Еще дальше шла программа молодого словенского либерала Й. Крайнца. Он также считал, что Австрия должна быть чисто славянским государством, которая пробудит славян, находившихся под турецким гнетом. С помощью своих австрийских братьев эти славяне освободятся и войдут в славянскую Австрию. Выдвигалась идея объединения турецких и австрийских славян в едином государстве, возглавлявшемся Габсбургами, которая также имела сторонников среди славянских политиков, и статьи на эту тему время от времени появлялись в газете «Словения».

После поражения октябрьского восстания в Вене вопрос об Объединенной Германии отпал: немецкие земли оставались в пределах Габсбургской монархии. Изменилась соответственно и словенская австрославитская программа. Ее снова предложил Маяр. В статье «Провинции нашей империи», появившейся не без влияния хорватских югославянских проектов Острожинского и автора выступавшего под псевдонимом «Славофил», он писал, что в Австрии живут пять народов (славяне, немцы, венгры, румыны и итальянцы). Каждый из них должен образовать свою административно-политическую единицу. Границы между ними должны проходить строго по этническому признаку. Предполагалось, что центральное австрийское правительство занималось бы финансами, торговлей, армией, международными отношениями. Каждая автономная единица тоже имела бы определенные права. Славянская автономия — Славия — имела бы свое правительство и свое представительное собрание, куда выбирались бы депутаты из всех славянских земель. Преро-

гативой центральных органов являлась выработка политики по отношению к общеавстрийскому правительству и к остальным народам Австрии. Сама Славия также строилась по федеративному признаку: каждое славянское племя имело представительное собрание, своего губернатора и своего военачальника. По мнению Маяра, в Австрии проживало восемь славянских перемен: словенцы, далмато-хорвато-славонцы, сербы, чехи, мораване, словаки, поляки, русины. Каждое из этих племен должно иметь равные права с другими, но перед лицом других народов славяне должны выступать как единый народ. Иначе, полагал Маяр, славян ждет гибель из-за слабости и раздоров¹².

Существовали словенские национальные программы и другого типа. Словенский либерал В. Клун опубликовал на страницах одного из радикальных итальянских изданий своеобразную всеславянскую политическую программу. В ней предлагалось создать славянскую конфедерацию, которая бы включала в себя территории четырех главных славянских племен: польского, чешского, русского, иллирского. Инициативу установления подобной конференции должны были взять на себя славяне Австрии. Программа Клуна призвана была противостоять программе объединения славян вокруг России. Последняя не имела хождения в 1848 г., но ее, однако, очень опасалась либеральная и демократическая Европа. Взгляды Клуна не имели последователей среди словенских национальных деятелей.

Союз югославянских народов в границах Габсбургской монархии проповедовали словенские либералы, многие из которых накануне революции участвовали в иллирском движении. Но идеи взаимопомощи между югославянами и остальными славянами Австрии не были чужды и словенским консерваторам. Хотя они не выдвигали конкретных политических программ, но так или иначе сочувствовали призывам к более тесному сотрудничеству между австрийскими славянами и между югославянами в особенности.

В период революции в словенских землях, в отличие от хорватских и сербских земель, национальный вопрос интересовал только небольшую прослойку национально сознательной интеллигенции. Крестьянство, составлявшее основную массу словенского народа, относилось к нему с полным безразличием. Крестьянское движение в Словении началось весной и протекало достаточно активно: крестьяне отказывались платить налоги и нести повинности, в неко-

торых местах дело доходило до разгрома помещичьих усадеб. Крестьяне требовали отмены феодальных повинностей без выкупа, права пользоваться бывшими общинными угодьями. Требования крестьян не были поддержаны ни либеральными, ни консервативными словенскими национальными деятелями, которые, не отрицая необходимости отмены повинностей, все же считали, что отмена должна быть произведена за выкуп. Со своей стороны, крестьяне не воспринимали выступлений словенских политиков, пытавшихся их агитировать бороться за национальные права. Несколько более сознательными в национальном отношении были крестьяне в Штирии, которые поставили 11 тысяч подписей под петицией об установлении более тесных связей между словенскими и хорватскими землями. Но национальное сознание штирийцев нельзя преувеличивать: ведь в петиции говорилось об уничтожении таможенных поборов между хорватскими и словенскими землями, что для Штирии, непосредственно граничившей с Хорватией, имело особо важное значение.

Все же политическая активность словенских крестьян была достаточно высокой. Это показали выборы в австрийский парламент, проводившиеся в июне 1848 г. Словенское население (т. е. главным образом крестьяне) избрало в него 17 депутатов — словенцев. 6 из них являлись крестьянами, 11 — представителями интеллигенции, при этом четверо были крестьянскими сыновьями. Ни один помещик и ни один священник не прошли в парламент от словенцев. Большинство словенских депутатов занимало прогрессивные позиции: 8 человек поддерживали левицу, 7 человек — либеральный центр и только двое голосовали с консерваторами. Только трое из 17 словенских депутатов (М. Кавчич, Й. Крайнци, Ф. Миклошич) выступали на заседаниях рейхсрата по национальному вопросу, остальные же его даже не касались¹³.

Крестьянское движение сошло на нет после провозглашения 7 сентября императорского патента о ликвидации феодальных отношений в австрийской части империи.

* * *

Революция 1848/49 гг. имела огромное значение для социально-экономического и национально-политического развития славян. В это время впервые четко сформировались национальные поли-

тические программы словенцев, хорватов, сербов. Идеи иллиризма, носившие чисто культурный характер, теперь воплотились в югославистские политические проекты. Вопрос о политическом объединении южных славян был поставлен на повестку дня, правда еще в австрославистской форме. Среди хорватских деятелей появились политики, которые мечтали об образовании югославянской федерации вне рамок Австрии и Османской империи. Идеи югославизма завоевали себе сторонников главным образом среди либералов. Деятели консервативного направления не уделяли им особого внимания. Югославистские программы наиболее подробно разрабатывались хорватскими и отчасти словенскими политиками. Сербы к ним относились более сдержанно, для них была главной перспектива объединения с княжеством Сербией. Однако совместная борьба против венгров укрепила сотрудничество и взаимопонимание между сербскими и хорватскими политиками.

Югославянское крестьянство за время революции прошло школу политической и классовой борьбы, уровень его политического сознания значительно повысился. Уровень же национального сознания у крестьян был различным. У сербов и хорватов он был достаточно высок, у словенцев — значительно более низким. Помимо прочего в этом большую роль сыграли события, которые развивались в период революции на хорватских, сербских и словенских территориях. Хорватские и сербские земли стали ареной военных столкновений между хорватами и сербами, с одной стороны, и венграми, с другой. В этих столкновениях участвовали не только национально сознательные слои сербского и хорватского общества, но и широкие массы крестьян и горожан. Война с венграми стала для них школой воспитания в национальном духе. В словенских же землях национальная борьба велась в форме газетной и журнальной полемики между словенскими и немецкими политиками и она практически не затрагивала низшие слои общества. Да и позиция словенских национальных деятелей по вопросу об отмене феодальных повинностей (за выкуп) не способствовала возникновению у крестьян доверия к ним самим и к взглядам, пропагандировавшимся ими.

После победы над революцией Габсбурги не оправдали надежд, возлагавшихся на них югославянскими национальными деятелями. Но все же кое-какие права югославыне получили. Сербь с помощью российского правительства добились уже в конце 1848 г. признания

со стороны Вены Воеводины особой территориально-политической единицей¹⁴. Это была определенная победа, хотя Воеводина в этом качестве просуществовала всего несколько лет. Кроме того славянские народы получили возможность более свободного развития своих национальных учреждений, чем это было до 1848 г. Так словенцам в 1851 г. разрешили основать национальное издательство «Общество св. Могора», в чем им было отказано в середине 40-х гг. Славяне получили возможность создавать средние школы с обучением на родном языке, что явилось шагом вперед в деле установления национального образования.

В начале марта 1849 г. была провозглашена Октроированная конституция (т. е. Конституция, дарованная государем, а не парламентом), вызвавшая большое недовольство югославянских национальных деятелей. Особенно возмущались хорваты. Они направили делегацию хорватского сабора в Вену, которая потребовала у венских властей введения национального языка в официальные учреждения и подтверждения союза хорватских земель с Воеводиной. Делегация ничего не добилась. Против Октроированной конституции выступили многие видные хорватские деятели. Так И. Кукулевич-Сакцинский писал в августе 1849 г. Елачичу, что Октроированная конституция соответствует стремлениям немцев, но не славян. Она противоречит идеалам югославян; приняв ее, хорваты отрекутся и от создания Триединого королевства, и от своего влияния на Боснию и Сербию. Словенские политики тоже были разочарованы. Маяр воспринял Октроированную конституцию как новую попытку немцев продать славян Франкфурту (т. е. Объединенной Германии).

После введения Октроированной конституции хорватская Народная (Национальная) партия не отказалась от своей цели создать югославянское политическое целое. В первой половине апреля 1849 г. радикальная хорватская газета «Славенски юг» опубликовала «Основы закона об отношении (Триединого) королевства к австрийской монархии», принятые хорватским правительством. В «Основах закона...» говорилось о необходимости объединения всех хорватских земель в Триединое королевство с последующим его соединением с Воеводиной и Словенией в единую автономную территорию, входившую в состав федерализированной Австрии. Эту программу

поддерживали хорватские либералы и радикалы. «Основы закона...» Были перепечатаны и «Словенией».

В конце 1849 г. «Славенски Юг» призывал к созданию югославянской административно-политической единицы в пределах Австрии на принципах свободы, братства и равноправия. В этом случае, по его мнению, югославы станут мощным средством для усиления влияния Австрии на Балканах и для противодействия влиянию там России. Эти же идеи проводил в своей брошюре «Ост унд Вест» (1849) И. Ткалац. Он прямо предлагал австрийскому правительству с помощью австрийских югославян присоединить к Габсбургской монархии южных славян Османской империи. Того же мнения придерживались и некоторые словенские политики. 10 апреля 1849 г. И. Драгани-Крженовский поместил в «Моравских новинах» статью, в которой, поддерживая югославистскую политическую программу, выступал за языковое и культурное сближение всех австрийских славян. В следующей своей статье он заявил, что славянская Австрия должна объединить в своих пределах всех южных славян, включая и турецких. Будущее Австрии на Балканах, подчеркивал он, объединив всех южных славян, она будет препятствовать там влиянию России. Словенская молодежь в Вене, не отказываясь от югославянской политической программы, расширяла ее толкование. Студент Ф. Ериша в ноябре 1849 г. писал в «Словении» о необходимости единого языка для сербов, хорватов и словенцев, призывал их объединиться политически «под единым главою». Но для него, как и для многих других словенских студентов, югославизм был только шагом к всеславянству.

Однако не все словенские и хорватские либералы оставались на подобных позициях. Провозглашение Октроированной конституции привело часть их к отходу от югославистской и австрославистской программ. В этом отношении интересна эволюция Л. Гая. В первой половине сентября его газета «Народне новине» опубликовала статью «Размышление о настоящем и будущем славян; движение сербов и хорватов и его последствие для славян», написанную Гаем или его единомышленником.

Автор отказывался от революционных методов борьбы за национальные права, подчеркивал, что только просветительская деятельность может привести к желаемым результатам. По его мнению, славяне должны опираться на славянскую взаимность, мир и поря-

док, европейская же революционность является для них главной опасностью. Помощь славянские народы могут получить только от России. «Следовательно,— подчеркивал автор статьи,— север несет нам жизнь, а не цепи и оковы, гибель же несут поблекшие демократические идеалы, которые... скорее принесли бы нам ущерб, чем пользу». Он полагал, что необходимо прежде всего создать языковое, литературное и культурное единство всех славян, а политическое их объединение отложить на будущее¹⁵. В середине октября в «Народних новинах» появилась статья, в которой говорилось, что югославянская идея — только часть всеславянской идеи. Эти взгляды газета Гая пропагандировала и в дальнейшем.

Новая программа Гая нашла отклик у некоторых словенских либералов. И снова инициатором новой словенской программы стал М. Маяр. Его давно уже увлекали всеславянские идеи, в частности идея общеславянского языка. В своей книге «Правила, как образовывать иллирское наречие и общеславянский язык», изданной в 1848 г., он предлагал сначала в духе Коллара создать четыре литературных славянских наречия, из которых затем постепенно сконструировать общеславянский язык. Маяр не отрекался от политической борьбы и после введения Октроированной конституции. В середине 1850 г. после закрытия либеральной газеты «Словения» он призывал своего соратника Й. Муршеца писать в «Югославенски новине», выходившие в Загребе. Маяр считал, что «народ без политической газеты то же самое, что человек без языка: он не может говорить и защищать свои права, он слуга других народов». Сам Маяр не раз печатал в указанной газете свои статьи.

В 1851 г. австрийский император стал все меньше считаться даже с теми немногими правами, которые даровала австрийским народам Октроированная конституция. Были распущены отряды Национальной гвардии, отменена присяга чиновников конституции.

В краткий период действия Октроированной конституции произошли события, оказавшие заметное влияние на дальнейшее развитие югославянских народов Габсбургской монархии. 28 марта 1850 г. в Вене был заключен литературный договор между сербскими и хорватскими учеными Хорваты принимали реформу В. Караджича. Таким образом, были заложены основы развития единого сербохорватского языка и литературы на основе штокавского наречия. В договоре этот выбор объяснялся тем, что штокавское на-

речие наиболее распространенное из всех, что оно наиболее близко старославянскому языку и что оно наиболее развито благодаря богатому фольклору и дубровницкой литературе. Договор подписали хорваты Л. Гай, И. Кукульевич, А. и И. Мажураничи и др., сербы В. Караджич и Дж. Даничич, словенец Ф. Миклошич, в то время уже ставший крупнейшим славистом в Европе¹⁶.

Против венского договора активно протестовала группа хорватских политиков во главе с А. Старчевичем, которая выступала против югославистских программ. Старчевич и его сторонники считали, что все южные славяне являются хорватами. Подобная точка зрения была выдвинута в противовес концепции В. Караджича. В 1849 г. Караджич опубликовал статью «Сербы: все и везде» в сборнике «Ковчежец». Сербский реформатор, основываясь на взглядах ученых того времени, что главным признаком каждого народа является его язык, приходил в выводу, что все югославяне, говорящие на штокавском наречии, являются сербами. Таким образом сербами объявлялась большая часть хорватского населения.

31 декабря 1851 г. император Франц-Иосиф отменил Октроированную конституцию. Бурная эпоха истории югославянских народов Австрии окончилась. Она сыграла огромную роль в развитии их национального самосознания.

Во время революции наибольшую популярность среди югославянских политиков Габсбургской монархии приобрел югославизм в его австрославской форме. Вместе с тем в конце революции в среде югославянских национальных деятелей появились и сугубо националистические сербские и хорватские идеи, которые в то время еще не имели большого количества сторонников, но уже достаточно четко определились в непримиримом противостоянии друг другу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848—1849. Март — јуни 1848. Београд, 1952. С. 45—47.

² Тот Э. И. Кошут и национальный вопрос. Будапешт, 1954. С. 7, 8.

³ Korunić P. Jugoslavenska ideologija u hrvatskoj i slovenskoj politici, Ljubljana, 1986. S. 146.

⁴ Перовић Р. О српском покрету у Војводини 1848—1849//Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848—1849..., с. XXVII.

- ⁵ Крестич В. Историја срба у Хорватској и Славонији 1848—1914. Београд, 1992. С. 20—23.
- ⁶ Šidak J/ Studije iz Hrvatske povijesti za revolucije 1848—1849. Zagreb, 1979. S. 229—232.
- ⁷ Крестич В. Указ. соч. С. 24—27.
- ⁸ Перовић Р. Указ. соч. С. XI.
- ⁹ Леуциловская И. И. Общественно-политическая борьба в Хорватии в 1848—1849 гг. М., 1977. С. 64.
- ¹⁰ Slovenija. Ljubljana. 18. VI. 1848.
- ¹¹ Čurkina I. Matija Majar-Ziljski. Ljubljana, 1974. S. 29.
- ¹² Slovenija. 26. XII. 1848.
- ¹³ Velidova L. Voltve v avstrijski državni zbor v slovenskih deželah v letu 1848//Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1986. № 4. S. 438, 439.
- ¹⁴ Екмечич М. Стварање Југославије. Београд. 1989. С. 574.
- ¹⁵ Корунић Р. Опт. cit. P. 139, 141, 147, 148, 150—153, 179, 180.
- ¹⁶ Данилова А. В. Хорватская культура (1835—1865)//Становление национальной классики. М., 1991. С. 131.

ГЛАВА 3

Сербы и черногорцы в борьбе за национальное освобождение

В конце XVIII — начале XIX вв. Османская империя оставалась достаточно устойчивым и грандиозным по территории, по своим ресурсам государством, но признаки его упадка становились все более заметными, хотя европейскими политиками они обычно преувеличивались. Шло разложение военно-ленной системы землевладения, ленники-спахии вытеснялись чифтлик-сахибиями, захватывавшими землю в собственность. Военная мощь раскинувшейся на трех континентах державы падала и вести успешные завоевательные войны она уже не могла. Власть центрального правительства — Порты — слабела, а сепаратистские тенденции местных пашей, предводителей корпуса пехотного войска янычар усиливались. Периодически вспыхивали мятежи янычар, ставших орудием дворцовых смут и переворотов. Иногда власть на местах захватывали удачливые авантюристы, сколачивавшие свои военные отряды, грабившие местное население.

Просвещенная и более дальновидная часть правящего класса Турции предпринимала попытки реформировать общественно-экономический строй империи, не разрушая его основ, приспособить к новым условиям жизни. Султан Селим III в 1790-х гг., после окончания войны с Россией и Австрией декретировал и частично провел в жизнь преобразования, которые должны были укрепить военное ленное землевладение, упорядочить систему управления, а главное — создать регулярную, обученную по-европейски армию вместо разложившегося янычарского корпуса. Но все эти меры натолкнулись

на упорное сопротивление некоторых общественных слоев, а в особенности исламского духовенства и янычар. От усилившейся в стране анархии от янычарской вольницы жестоко страдали балканские христиане, в том числе сербы Белградского пашалыка.

Экономически эта часть сербских земель была несколько менее зависимой от Османской империи, чем Греция, Болгария, Босния. Через Белград пролегал транзитный путь торговли между Балканами и Центральной Европой. Обилие дубовых лесов сделало выгодным для сербов свиноводство, продукция которого, не привлекала интереса турок, но находила выгодный сбыт в Австрии. Пограничное положение Белградского пашалыка, 20-летнее нахождение его в составе Австрии (1718—1739) значительно ослабили там позиции турецких землевладельцев и власть турецкой администрации. Управление находилось в руках паши (везира) и других чиновников, подчинявшихся непосредственно Порте.

Спецификой Белградского пашалыка, как и некоторых прилегающих к нему сербских земель, было наличие общинных институтов, игравших немалую роль в общественной жизни. Старосты-кметы имелись в каждом селе, несколько сел составляли кнежину, в ней был кнез, а в более крупных административных единицах — нахиях — обер-кнез. Кнезы, а особенно обер-кнезы, обладали достаточно широкими обязанностями и значительной властью: судили по мелким делам, иногда собирали налоги, выступали как доверенные лица турецких землевладельцев или посредники в отношениях местного населения с турецкими властями. Они пользовались некоторыми привилегиями, иногда освобождались от налогов. Одним из важных патриархальных институтов в сербских землях являлись скупщины, на которые для решения важных народных дел собирались кнезы, кметы, старейшины, уважаемые и влиятельные люди. Органы местного самоуправления, скупщины в дальнейшем — в ходе вооруженного восстания, в процессе создания государственной организации — сыграли важную роль.

Можно считать, что в конце XVIII в. сложились определенные предпосылки для приобретения Белградским пашалыком автономных прав в системе балканских владений Порты. Попытки выдвинуть такую программу были сделаны в конце войны Турции с Австрией 1788—1791 гг., в которой на стороне последней участвовало много отрядов сербских добровольцев¹.

После окончания войны, стремясь привлечь сербов на свою сторону, побудить беженцев вернуться к своим очагам, султан Селим III запретил янычарам, которые уклонялись от участия в прошедшей войне, оставаться в Белградском пашалыке и в 1793—1796 гг. издал несколько ферманов (указов), предоставлявших сербам довольно широкие автономные права. Но ввести их в жизнь так и не удалось, ибо мятежные янычарские предводители (дахии) вскоре захватили власть в пашалыке и начали расправляться с непокорными сербами. В ответ ранней весной 1804 г. началось массовое вооруженное восстание. Его организовали кнезы, торговцы, зажиточные крестьяне, а во главе стал избранный скупщиной повстанцев Георгий Петрович Черный, или Карагеоргий (1768—1817), впоследствии основатель одной из правящих сербских династий. Он был выходцем из бедной крестьянской семьи, предводителем сербского добровольческого отряда, сражавшегося против турок в прошедшей войне, который после ее окончания занялся торговлей и разбогател. Человек жестокий — молва приписывала ему отцеубийство, что и дало прозвище Кара, т. е. Черный, — совершенно необразованный, он обладал способностями военачальника и опытом партизанской войны. Успехи повстанцев в борьбе с янычарами в 1804—1805 гг. позволили Карагеоргию приобрести большой авторитет и власть, далеко превзойти в этом отношении других предводителей восстания.

Возникнув как протест против кровавого режима дахийцев и янычар, сербское восстание уже в 1805 г. превратилось в массовое национально-освободительное движение. К концу 1806 г. турки окончательно потеряли власть в пашалыке, ими была оставлена и белградская крепость. Первое сербское восстание захватило соседние с Белградскими пашалыком населенные сербами области и неуклонно расширялось. Тесные связи с сербами, находившимися в составе Австрии — Воеводине, дали повстанцам возможность получать оттуда тайно оружие, военные припасы, помощь людьми. Некоторые представители духовной и светской интеллигенции Воеводины сыграли важную роль в разработке политической программы восстания, в установлении связей белградских сербов с иностранными государствами и в особенности с Россией (см. об этом: глава 1, с. 16—18).

Активизация российской политики в отношении Турции, балканских народов и Восточного Средиземноморья в конце XVIII —

начале XIX вв., создание греческой Республики Семи Соединенных островов, воспоминания о недавних русско-турецких войнах, о планах разрушения Османской империи — все это порождало у сербских предводителей стремление заручиться поддержкой России. В первые же месяцы восстания, действуя по подсказке карловацкого митрополита Стефана Стратимировича, они начали добиваться предоставления Сербии при посредничестве русского правительства автономных прав по образцу Республики Семи Соединенных островов или Дунайских княжеств. Эта просьба была сформулирована в письме вождей восстания российскому послу в Константинополе в мае 1804 г., а затем более определенно и конкретно — в прошении сербских депутатов, приехавших в Петербург в ноябре того же года².

В условиях первых лет XIX в., когда в Юго-Восточной Европе и Средиземноморье все обострялось противоборство между Россией и наполеоновской Францией, такого рода требования совпадали со стремлениями правительства Александра I создать в западной части Балкан ряд автономных или полунезависимых государств, подобных основанной в 1800 г. Республике Семи Соединенных островов, которые могли бы стать заслоном против французской экспансии в этом регионе. Эта идея была выдвинута в 1804 г., (а в новом варианте два года спустя) влиятельным советником царя, фактическим главой российского МИД в это время, поляком Адамом Чарторийским. В «балканских планах» Чарторийского предусматривалось в частности создание славянского автономного государства. Советы, которые осенью 1804 г. он дал прибывшим в Петербург сербским депутатам, вполне соответствовали этим замыслам.

Однако такого рода идеи не имели ничего общего с проектами создания обширного и независимого «славено-сербского царства», которые в 1804 г. стали выдвигать воеводинские деятели, обосновывая свои предложения средневековыми традициями и «историческим правом» сербов возродить державу Неманичей.

Расчеты на поддержку Россией планов воеводинских сербов были нереальными. Правительство Александра I в первые годы XIX в. имело добрососедские отношения с Портой и ревниво оберегало ее владения от предполагаемого нападения наполеоновской Франции. Оно не собиралось откликаться на утопические проекты воеводинских сербов, но пыталось помочь повстанцам дипломатическими средствами, исходя из собственных интересов. Так в

конце 1804 г., в ходе переговоров с Великобританией о третьей коалиции и привлечении к ней Порты был поставлен вопрос об улучшении положения ее христианских подданных и выдвинута идея о создании одной или двух республик — греческой и славянской (фактически сербской) — находящихся под суверенитетом России и Турции. Одновременно в Петербурге советовали сербским депутатам, продолжать борьбу, добиваясь от султана предоставления автономных прав³.

В первые же годы восстания в освобожденных районах Сербии на основе существовавшего ранее местного самоуправления стали складываться органы власти. Главную роль в них играли кнезы, воеводы, старейшины и др. На скупщины собирались наиболее влиятельные люди, старейшины, представители духовенства для решения общих дел. Летом 1805 г. был создан Правительствующий совет как верховный орган власти, имевший административные и судебные функции. Его председателем Карагеоргий назначил протоиерея Матию Ненадовича, а секретарем образованного серба из Воеводины Божидара Груйовича. По проекту, составленному последним, Правительствующий совет и скупщина должны были стать верховными органами власти в молодом сербском государстве, а его гражданам обеспечена законность, свобода, безопасность личности и имущества. Но для столь демократических принципов государственного устройства Сербия не была подготовлена. Карагеоргий с самого начала постарался полностью подчинить себе слабый еще Совет. Воеводы и старейшины пытались сосредоточить в своих руках власть на местах, оспаривали права Карагеоргия как верховного правителя. Борьба за власть в руководящих кругах повстанцев неуклонно усиливалась⁴.

Летом 1806 г. сербы одержали несколько значительных побед, расширив освобожденную территорию за границы Белградского пашалыка, а в конце года овладели Белградом. Одновременно они продолжали добиваться удовлетворения своих требований Портой. В январе 1807 г. султанское правительство издало ферман, предоставлявший сербам достаточно широкие автономные права. Но в это время уже началась развязанная Францией русско-турецкая война. С ее началом (декабрь 1806 г.) наступил новый этап в истории Первого сербского восстания. В случае победы России при условии участия в войне задача создания полностью независимого государ-

ства становилась для сербов реальной. Весной и летом 1807 г. они вели успешные боевые операции на всех фронтах уже за пределами Белградского пашалыка, объединились с переправившимся через Дунай российским отрядом и нанесли серьезное поражение турецким войскам. Связи сербов с правительством Александра I и командованием действовавшей на балканском фронте Молдавской армии существенно расширились. Им из России направлялись деньги, оружие, боеприпасы, военные специалисты. В июне 1807 г. в Сербии побывал посланец царя Ф. О. Паулуччи, который должен был выяснить нужды повстанцев и их военные возможности. В результате его переговоров с Карагеоргием и другими старейшинами был составлен документ, содержащий изложение просьб сербов к царскому правительству. Прежде всего заявлялось о желании народа быть под покровительством российского императора, который «прислал бы в управлении способного з е м л е у п р а в и т е л я» и он бы «в приличный порядок народ привел, землю сербскую расположил и по нравам народа конституцию устроил», то есть ввел основные государственные законы. Затем выдвигалось требование, «чтобы никогда в Сербии не могла быть ни малейшая часть земли никому отдана: сиречь, чтобы помещика никакого не было и средством такового, чтобы никто под рабство не подпал»⁵. Такое условие свидетельствовало о росте социальных противоречий в сербском обществе, об отпоре, который встречали попытки воевод и старейшин захватить поместья турецких землевладельцев, прибегать к феодальным методам эксплуатации крестьян.

Прибывший вскоре затем в Сербию первый российский дипломатический представитель К. К. Родофиникин должен был кроме военно-политических задач содействовать созданию там органов власти. Он застал Народный совет в полном расстройстве: в нем заседает, писал он, не более четырех человек, неграмотных и делающих то, что им прикажут, реальную же власть удерживает Карагеоргий и другие военачальники, между которыми «большой дружбы нет». С участием некоторых сербских старейшин Родофиникин составил проект государственного устройства Сербии, по которому широкие права предоставлялись Сенату, а власть верховного вождя — Карагеоргия — значительно ограничивалась. Это, казалось бы, создавало условия для поддержания русского влияния в стране благодаря опоре на воевод. Проект не был утвержден правительством

Александра I, однако оказал влияние на дальнейший процесс создания государственного устройства Сербии, на практическую деятельность по формированию органов управления и законов. Но попытка расширить власть Совета натолкнулась на сильное противодействие Карагеоргия и привела к усилению борьбы группировок среди воевод и старейшин. Одна из них, члены которой были тесно связаны экономически с Австрией, поддерживала Карагеоргия; другая, полностью ориентированная на Россию, ратовала за расширение прав Совета и ограничение власти Карагеоргия, за усиление власти местных воевод и старейшин.

Хотя полное освобождение страны от турецкого господства с 1807 г. составляло основу программы сербского освободительного движения, Карагеоргий и его сторонники в 1808 г. и позднее вели переговоры о включении Сербии в состав австрийской Военной границы, о передаче Австрии Белграда. Но перспектива решения участи Сербии при поддержке России оставалась более реальной. Поэтому сторонников прорусской ориентации среди сербских предводителей было немало, а у народных масс непоколебимой оставалась вера, что русский православный царь станет освободителем угнетенных мусульманами балканских народов.

Правительство Александра I и командующие Молдавской армией, конечно, старались побудить сербов активно участвовать в войне с Османской империей, помогать русским войскам. Ради этого иногда давались обещания добиться полного освобождения сербов от турецкой власти (например, главнокомандующим И. И. Михельсоном в начале войны). Но все такого рода обещания не были достаточно серьезными и не основывались на реальных возможностях России, да и не вполне сочетались с задачами ее политики в Юго-Восточной Европе. Решение сербского вопроса и конкретные акции в этих целях правительства Александра I зависели от дальнейших успехов в войне с Османской империей, от исхода мирных переговоров, от всей международной обстановки в Европе. Не исчезала и надежда на близкий конец существования империи османов, на ее распад. Пока же, в условиях 1807 — начала 1809 гг. русское правительство не добивалось полной независимости Сербии, а также значительного расширения ее границ. Так в марте 1807 г. в инструкции о ведении переговоров по заключению прелиминарного мирного договора с Турцией предписывалось требовать превращения Сербии «в вас-

сальное и зависимое от нее княжество, управляемое князем, избираемым пожизненно, в соответствии с волей и свободным выбором народа, который будет утвержден его высочеством султаном»⁶.

Перспектива обсуждения сербского вопроса с турецкой стороны конкретно стала на повестку дня в конце 1808 г. в связи с предстоящими мирными переговорами. Соображения в этом отношении Родофиникина и главнокомандующего Молдавской армии А. А. Прозоровского были рассмотрены Александром I. Степень «независимости» Сербии по его заключению зависела от успеха переговоров с Портой, а уплата ей дани обуславливалась согласием на то самих сербов. Страна должна была стать монархией с наследственными или пожизненными правами Карагеоргия на престол. Опасаясь подозрений европейских кабинетов, что Россия собирается присоединить Сербию к своим владениям (такого намерения в действительности не было), император предпочитал избегать прямого вмешательства во внутренние дела нового балканского государства, заботиться прежде всего о «сохранении доверенности» сербского народа к своей покровительнице и о противодействии распространению в Сербии политического влияния других государств — Австрии или Франции⁷.

В записке Родофиникина был затронут вопрос о будущих границах Сербии. Учитывая, по-видимому, желание сербских предводителей, он предлагал не только расширить территорию бывшего Белградского пашалыка за счет земель уже освобожденных от турецкой власти, проведя границу по рекам Тимок, Дунай, Сава и Дрина, но также включить в состав нового государства Нови Пазар (то есть, вероятно, всю Старую Сербию) и Скопле (то есть северную часть Македонии), ибо все это составляло «древнее достояние сербов»⁸.

А у Карагеоргия и некоторых его приверженцев, в том числе у влиятельного богача, председателя Правительствующего совета Младена Миловановича, у образованного выходца из Воеводины Ивана Юговича, уже зрели замыслы явно великосербского характера. Родофиникин сообщал, что, «видя разваливавшийся дом врагов своих» (имелся в виду дворцовый переворот в Стамбуле и убийство султана Селима III), сербские вожди выдвигали проект, в котором

предлагалось включить в состав будущего сербского государства Боснию, Албанию, Болгарию.

В конце 1808 г., в связи с возможностью начала русско-турецких переговоров о мире сербские предводители решили заявить о своих программных требованиях и настаивать на поддержке их Россией. В Яссы прибыли три депутата, но переговоры с А. А. Прозоровским и М. И. Кутузовым в январе-феврале 1809 г. фактически вел один из них — Югович. Он заявил, что сербы никогда и никоим образом «турецкими подданными остаться не могут», что Россия обязана добиться полной самостоятельности страны и точного определения ее границ. Эти требования обосновывались обещанием, данным в начале войны Михельсоном от имени царя⁹.

Прозоровский заявил Юговичу, что русское правительство не может согласиться на восстановление средневекового «сербского царства» и этого не допустят другие державы, что Михельсон, давая такие обещания, превысил свои полномочия. Он заметил, что Сербия слишком мала, чтобы стать «особою державою, имея с одной стороны империю Турецкую, а с другой — Австрийскую». Главкомандующий сообщил в министерство иностранных дел, что считает неприемлемым включение в мирный договор условия о «совершенной независимости» Сербии, ибо это может иметь опасные последствия: между соседними державами возникнуть раздоры из-за столь маленького государства, а само оно начнет поднимать на бунт турецких подданных, болгар, албанцев, а также австрийских сербов, стремясь присоединить их к своему царству. Все это вызовет международные осложнения¹⁰.

В таких соображениях, исходивших из учета реальной ситуации, практических возможностей России и самих сербов, было немало справедливого. Петербург не мог, да и не хотел добиваться создания на Балканах нового совершенно независимого государства, хотя такая перспектива в случае падения Османской империи не исключалась. К тому же кроме России ни одно европейское государство не собиралось помогать сербам освободиться от турецкой власти.

Всего этого политически неопытные, воодушевленные своими военными успехами и радужными надеждами на полное сокрушение Османской империи сербские деятели не учитывали, а свои силы и возможности в противоборстве с еще достаточно мощным в военном отношении государством явно преувеличивали. Когда в конце фев-

раля 1809 г. обнаружилось, что русско-турецкие переговоры о мире так и не начнутся, сербские депутаты предложили главнокомандующему Молдавской армией заключить договор о русско-сербском военном союзе. В секретных статьях его предполагалось утвердить «будущее соотношение сербского народа с Россией», которая тогда могла бы рассчитывать на содействие в войне Сербии, а последняя имели бы «нечто положительное в рассуждении будущего своего жребия». Были сформулированы (конечно, именно Юговичем) конкретные условия такого союза: Россия должна признать сербский народ «независимым и самостоятельным», а Карагеоргия князем Сербии и добиться того же со стороны Австрии. Сообщалось и о намерениях сербов в предстоящей военной кампании поднять против турок «весь сербский род из разных пределов Сербии, Боснии, Герцеговины и Черной Горы по взаимному договору... турок изгнать или их истребить, себя освободить и под единое собственное правительство собраться». Россия должна была помочь осуществлению этого замысла деньгами, военными припасами, прислать мастера для литья ядер¹¹.

Как вскоре оказалось, такие заявления о намерении повстанцев начать борьбу за освобождение от турецкой власти всего сербского народа, за создание единого национального государства не были голословными. Весной 1809 г., когда Турция, нарушив перемирие, объявила о возобновлении военных действий против России, сербы, надеявшиеся на поддержку русских войск, которым предстояло переправиться на правобережье Дуная, на восстания населения в турецком тылу, начали широкое наступление в направлении Нового Пазара, Черногории, Боснии и Герцеговины. Сначала был достигнут некоторый успех, но население указанных территорий не восстало, а переправа российских войск через Дунай задержалась, и турки смогли бросить против сербов большие силы. Начавшиеся среди некоторых сербских военачальников раздоры ослабили сопротивление повстанческих войск. Турецкие части продвинулись в глубь Сербии и подошли к Дунаю, в Белграде началась паника, население спасалось бегством в Австрию.

Разочарованные в надеждах на Россию Крагеоргий и его сторонники предприняли внешнеполитические акции, чтобы вывести страну из кризиса. Но заручиться поддержкой Австрии или Франции не удалось, а вскоре, хотя и с запозданием пришла русская помощь.

Новый главнокомандующий Молдавской армией П. И. Багратион начал активные операции на Нижнем Дунае, что заставило турок оттянуть свои войска из Сербии. Карагеоргий сумел организовать оборону и осенью повстанцы освободили почти все занятые ими ранее территории.

Между тем в Сербии все усиливались внутренние неурядицы, разгоралась борьба между группировками воевод и старейшин. Одна из них пыталась ограничить власть Карагеоргия за счет расширения прав Правительствующего совета и местных чиновников: другая, включавшая немало выходцев из Воеводины, противодействовала этому. События 1809 г. усилили сторонников прорусской ориентации. Нарастала угроза вооруженного сопротивления власти Карагеоргия со стороны некоторых влиятельных воевод, таких как Яков Ненадович, Миленко Стойкович, Петар Тодорович Добриняц. В некоторых районах происходили вспышки недовольства населения. Но в январе 1811 г. соотношение сил в борьбе за власть резко изменилось: скупщина провозгласила Карагеоргия наследственным правителем и верховным вождем сербского народа. Было создано правительство из шести министров-попечителей под председательством Карагеоргия, самовластие которого очень слабо ограничивалось назначавшимся им же, узким по составу Правительствующим советом. Все эти преобразования, введенные по конституционному акту 1811 г., умаляли мощь воевод-оппозиционеров, подавляли их сепаратистские стремления. Борьба за власть в стране не прекратилась, а скорее усилилась, недовольство простого народа безудержно обогащавшимися, захватывавшими землю вождями восстания, как Карагеоргием, так и воеводами — его противниками, нарастало.

Все более неблагоприятной для интересов сербов становилась международная обстановка. Угроза нападения наполеоновской Франции заставляла Россию торопиться как можно скорее окончить войну с Османской империей и готовиться отразить нападение наполеоновской Франции. При разработке плана этой новой войны было решено предпринять глубокую диверсию в тыл Франции, пройдя через Сербию и Боснию к побережью Адриатики. Чтобы обеспечить успех этой «адриатической экспедиции» предполагалось привлечь к войне против Франции на стороне России южнославянские народы, греков, албанцев.

В связи со всеми этими смелыми, но малореальными замыслами и было провозглашено намеренье России создать в Юго-Восточной Европе независимые государства и в частности «славянское царство», то есть сербское государство, которое как бы противопоставлялось основанному в 1809 г. Наполеоном Иллирийским провинциям. Ядром «славянского царства» должна была стать повстанческая Сербия. В плане диверсии против Франции со стороны Адриатики наибольшая роль также отводилась сербам как русским союзникам в войне с Турцией, имеющим достаточно организованные военные силы и опыт. Карагеоргию и другим сербским предводителям не только было сообщено о намеренье России создать «славянское царство», но и предпринята практическая подготовка к началу «адриатической экспедиции»¹².

Таким образом, перед лицом грозной опасности Александр I решил провозгласить себя поборником освобождения балканских народов от турецкой власти, создания в Юго-Восточной Европе самостоятельных национальных государств и прежде всего обширной сербской державы. Тем самым удовлетворялись самые смелые требования, выдвигавшиеся идеологами повстанческой Сербии, начиная с 1807 г. Но бросив лозунг, который мог привлечь сербов к военным действиям против Франции, в Петербурге не очень беспокоились о возможности выполнения данных обещаний. Приступить к осуществлению рискованного похода на Адриатику так и не решились. Проект образования «сербского царства» оказался очередной утопией.

Между тем в реальной жизни для сербов готовились тяжкие испытания. Ведший переговоры о мире М. И. Кутузов добивался включения в договор с Портой условия о предоставлении сербам внутренней самостоятельности и самоуправления под верховной властью султана, но натолкнулся на упорное сопротивление турецких уполномоченных. В Бухарестский договор, заключенный в мае 1812 г. незадолго до начала Отечественной войны, была включена статья, которая не соответствовала полностью первоначальным требованиям русской стороны и вызвала громадное разочарование и недовольство сербов. В ней говорилось, что Порта дарует сербам амнистию и договорится о предоставлении им самостоятельного управления внутренними делами при уплате определенных податей. В Белград и несколько других крепостей вводились ту-

рецкие гарнизоны, что имело для сербов самые неблагоприятные последствия. К тому же добиться выполнения султанским правительством условия об автономных правах, совершенно не конкретизированных, было нелегко без поддержки России, занятой войной с Францией.

Между тем Турция, используя выгодную для себя международную обстановку решила расправиться с сербами и вернуть их под свою власть. Карагеоргий же предпочел вести переговоры с Константинополем без посредничества русской дипломатии, пренебрегая условиями Бухарестского договора и, требуя полной независимости Сербии при номинальном сохранении суверенитета султана. Такая тактика оказалось непоправимой политической ошибкой. Несмотря на попытки русской дипломатии удержать Порту от военных акций в середине июля 1813 г. турецкие войска вторглись в Сербию. Они повсеместно встречали сопротивление, но силы были неравны. В сентябре основные коммуникации и крепости страны пали. Карагеоргий и другие предводители повстанцев бежали в Австрию, тысячи сербов, спасаясь от турецкого террора, переправлялись через Саву и Дунай, уходили в леса и горы.

Так сербы, в течение почти 10 лет самоотверженно боровшиеся за освобождение от турецкой власти, за создание своего самостоятельного государства, потерпели жестокое поражение. Наиболее активные и жизнеспособные силы народа были истреблены и рассеяны. В Белградском пашалыке и прилегавших к нему территориях была восстановлена турецкая администрация и спахийская аграрная система. Но вскоре обнаружилось, что султанское правительство ни жесточайшим террором, ни путем подачек и уступок не в состоянии восстановить свою власть над познавшим национальную свободу народом. Уже в следующем году в нескольких нахиях Белградского пашалыка началось плохо подготовленное и быстро подавленное восстание. В ответ на последовавшие репрессии весной 1815 г. сербы взяли за оружие под водительством нового избранного скупщиной предводителя Милоша Обреновича. В это время наполеоновская Франция была уже повержена и громадное усиление влияния России в международной жизни Европы не позволило Порте расправиться с непокорными подданными военной силой. Второе сербское восстание закончилось компромиссом, открыв следующий этап борьбы за создание национального сербского государства.

* * *

Черногория была наиболее отсталой в общественно-экономическом отношении частью югославянских земель, находившихся в составе Османской империи. В ней сохранялись значительные остатки общинно-родового строя, патриархальные порядки. Но именно Черногории удалось первой фактически освободиться от чужеземной власти. Этому благоприятствовало окраинное положение этой маленькой, укрытой неприступными горами страны, воинственность ее населения, объединенного в военно-политические союзы (племена) и постоянно отстаивавшего свою свободу, а также организующая роль в освободительном движении духовенства и некоторых племенных старейшин (сердарей, воевод). Приобретение политической самостоятельности в основном завершилось к концу XVIII в. Важной вехой в этом процессе явился 1796 г., когда черногорцы, объединившись с населением Брды, нанесли сокрушительное поражение войскам могущественного албанского паши Махмуда Бушати.

В это время черногорским митрополитом и правителем страны был Петр I Петрович Негош (1784—1830) — выдающийся государственный деятель и военачальник. Именно под его руководством черногорцы и брдяне одержали победу над скадарским пашей, что значительно укрепило личный престиж и власть владыки. Соперничавшие с ним светские правители-губернаторы (гувернадур) из семейства Радоничей, ориентировавшиеся на Австрию, были оттеснены на задний план.

В XVIII в. в Европе появлялось немало политических авантюристов, выдававших себя за какого-либо властителя или потомка средневековых правящих династий и пытавшихся захватить власть в одном из европейских государств. Внимание некоторых таких авантюристов привлекала Черногория. В 1767—1773 г. ее правителем был Степан Малый, выдававший себя за спасшегося от смерти российского императора Петра III. Позднее некоторые из югославянских эмигрантов пытались достичь аналогичных целей и при этом рассчитывали на поддержку России, войны которой с Османской империей, как многие надеялись, в скором времени должны были привести к падению державы османов.

Так Давид Неранджич, серб, эмигрировавший в Россию и дослужившийся там до генерального чина, в 1785 г., когда возникла угроза начала русско-турецкой войны из-за Крыма, обратился с

письмами к Г. А. Потемкину, в которых говорилось, что черногорцы и славянские народы, некогда владевшие «Иллирией и другими землями до Черного моря», в случае войны могут восстать и изгнать турок. При этом он выдавал себя за потомка «царского рода» и утверждал, что черногорцы обратились к нему с предложением стать их «верховным старейшиной». Три года спустя когда война России с Османской империей началась, Неранджич изложил Потемкину план формирования в Черногории войска, объединения с ней соседних славянских народов и албанцев. Но ответа на свои письма Неранджич не получил. А в 1796 г. в Петербурге появился другой авантюрист Дмитрий Вуйич. Он также рассчитывал стать правителем Черногории, ввести там законы и государственную организацию, а затем, объединив все восставшие балканские народы, освободить их от турецкой власти. В 1799 г. Вуйич отправился в Черногорию и провозгласил себя ее князем, но не встретил никакой поддержки и был арестован¹³.

Возможно, что еще в XVIII в. и в самой Черногории, а также в Боснии и Герцеговине среди высшего православного духовенства зрели мысли о восстановлении «Иллирийского королевства», или «Старой Рашки». Так в анонимном сообщении, полученном в Вене утверждалось, что Петр Петрович обсуждал с боснийским и герцеговинским митрополитами план создания «Иллирийского королевства» под протекторатом России и в 1798 г. послал в Петербург для переговоров по этому поводу некоего Саву Любишу. Но каких-либо других данных о поездке посланца черногорского митрополита в Россию не имеется, поэтому достоверность этого факта сомнительна.

Владыка Петр Негош в своей чрезвычайно активной деятельности преследовал важнейшие задачи: добивался создания в стране государственной организации, расширения ее территории и получения выхода к Адриатическому морю путем присоединения Боки Которской, которая после падения Венецианской республики по Кампоформийскому миру 1797 г. была передана во владение Австрии. Он надеялся, что Россия как покровительница Черногории будет поддерживать ее интересы на международной арене.

В конце XVIII в. начало определяться государственное устройство Черногории. В 1798 г. народная скупщина избрала Правительство суда черногорского и брдского (Кулук) и приняла первую часть составленного митрополитом Общего законника черногорского и

брдского, а в 1803 г. была принята вторая часть Законника и декларируется создание Правительства. Кулук состоял из 40—50 членов, избранных по принципу племенного представительства и имел прежде всего судебные функции: занимался примирением постоянно враждовавших между собою племен, вел борьбу с обычаем кровной мести, уносившим больше жизней, чем война. Предполагалось собирать налоги с населения, платить жалованье чиновникам. Но ввести в жизнь все эти новшества оказалось чрезвычайно трудным делом, требовавшим времени и денежных средств, которые в стране отсутствовали. Обо всем этом посланцы Негоша не раз сообщали в Петербурге, прося оказать помощь в «открытии публичного правительства», снабдить деньгами.

Между тем с началом наполеоновских войн Черногория как фактически независимое от Порты государство, расположенное вблизи Адриатического побережья могла приобрести стратегическое значение в международных конфликтах на Балканах и Ближнем Востоке. В начале 1799 г. в ответ на обращения митрополита Павел I издал грамоту, в которой подтверждалось покровительство России черногорцам и возобновлялась уплата денежной субсидии «на общественные надобности»¹⁴. Но ожидания помощи из России после прихода к власти Александра I оказались напрасными, что вызывало открытое недовольство владыки. В 1802—1803 гг. он предпринял попытку завязать отношения Бонапартом и заручиться его поддержкой в деле упрочения и расширения Черногорского государства. Сведения об этом, дошедшие до Петербурга, чрезвычайно встревожили российское министерство иностранных дел. В Черногорию отправили генерала М. К. Ивелича, который должен был добиться отстранения от власти Петра Негоша и отправки его в Россию на суд Синода. Осуществить эту грубую акцию не удалось, но попытка черногорцев установить связи с Францией была пресечена. С середины 1804 г. петербургский двор начал менять свою политику в отношении Петра Негоша, который как можно было убедиться, пользовался громадной популярностью и властью среди своего народа.

Заинтересованность царского правительства в тесных политических контактах с черногорцами стимулировалась и международной обстановкой: переговорами о создании новой коалиции держав против наполеоновской Франции, ожидавшейся высадкой французских войск на Балканах. В этом случае прилежавшая к

Адриатическому побережью, фактически независимая Черногория, издавна пользовавшаяся покровительством России могла стать для нее удобной опорной базой на случай развертывания военных действий против Франции.

Когда в 1804 г. в российском МИД разрабатывались упомянутые выше «балканские планы» А. Чарторыйского предполагалось, что центром одного из автономных, полунезависимых государств — «славянской республики» — может стать именно Черногория. Российские политические акции в Черногории на протяжении 1805 — первой половины 1807 гг. находились в тесной связи и с «балканскими планами» Чарторыйского и с предпринятой в 1805 г. экспедицией российской эскадры под водительством адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземном море.

В начале 1805 г. в Черногорию был направлен как «доверенная особа» Александра I С. А. Санковский. Это был опытный дипломат, отличавшийся либеральными взглядами, поборник активной политики России на Балканах, оказания помощи народам, находившимся под властью Турции. В соответствии с полученными инструкциями он уделял большое внимание проблеме формирования государственного устройства Черногории, центральных и местных органов власти, ее военных сил. Петром Петровичем, гувернадуром Вуко Радоничем и некоторыми старейшинами при активном участии Санковского был составлен конституционный проект и осенью 1805 г. отослан в Петербург на утверждение царя. Согласно этому проекту провозглашалась покровительственная система отношений Черногории с Россией, которая гарантировала международное признание ее независимости. Но важнейшие решения — объявлять войну, поддерживать внешнеполитические связи — молодое балканское государство могло лишь с согласия петербургского двора, то есть попало фактически в сильную зависимость от России. При разработке основ этой своеобразной конституции авторы исходили из специфики общественно-политического строя Черногории, из стойко сохранявшихся патриархальных обычаев, которые, не подвергаясь коренной ломке, приспосабливались к новым условиям. Оставалась скупщина как верховный орган власти, митрополит и губернатор объявлялись двумя «президентами», которых в дальнейшем должна была утверждать скупщина, правительство — Сенат — состояло из двух частей, ведавших административной и судебной властью¹⁵.

Имея свой кодекс законов (Законник Петра Петровича) и утвержденную российским императором конституцию, Черногория могла бы превратиться в маленькую «славянскую республику» с достаточно сильной центральной властью, с пламенным представительством, с таким демократическим институтом как народная скупщина. Это была очень благоприятная перспектива для черногорцев, но добиться осуществления столь широких замыслов они не могли собственными силами. Все расчеты были на политическую и материальную поддержку России.

Между тем отношения петербургского двора к черногорской проблеме зависело от ряда часто менявшихся обстоятельств: от расстановки сил в правительственных кругах и личной позиции осторожного и нерешительного Александра I, исхода войны третьей коалиции с Францией и всего сложного комплекса международных отношений в Европе. Когда в Петербурге были получены донесения Санковского с прошением об утверждении проекта государственного устройства Черногории, Европа находилась под впечатлением аустерлицкой трагедии. По заключенному в декабре 1805 г. Пресбургскому миру между Австрией и Францией во владение последней должны были перейти Истрия, Далмация и Бока Которская. На овладение последней, как говорилось выше, претендовала Черногория.

В условиях разгоравшейся борьбы с наполеоновской Францией в Восточном Средиземноморье и западной части Балканского полуострова Черногория приобретала для России все большее значение. В январе 1806 г. на Государственном совете специально рассматривался курс политики в отношении этой страны, которая, по мнению Чарторыйского, должна была стать «средоточием» русских военных акций. При этом им снова было выдвинуто предложение о создании на Балканах самостоятельных государств, одно из которых включало бы Черногорию, Герцеговину, Далмацию и Котор. Промшение митрополита и старейшин «о новом устройстве под особым покровительством России» вполне отвечало подобным замыслам и давало основание ввести в страну некоторое количество русских войск. Но никакого решения об утверждении черногорского конституционного акта так и не было принято, хотя идея создания самостоятельных государств на Балканах, находящихся под покровительством России, не была отвергнута Александром I и его ближайшими советниками по внешнеполитическим делам. Правда,

для ее осуществления необходимо было заручиться поддержкой либо Великобритании либо Франции. Но попытки начать переговоры по этой проблеме, предпринятые российскими дипломатами весной 1806 г. в Лондоне и Париже, были решительно пресечены.

Между тем Петр Петрович и его приближенные, поддерживавшие тесные дружеские отношения с Санковским, с адмиралом Сенявиным, были осведомлены о планах петербургского двора создать самостоятельное славянское государство в западной части Балканского полуострова. Прибытие российской эскадры, совместные военные операции черногорцев с российскими моряками, занятие Котора и перспектива овладения Дубровником — все это побуждало черногорского митрополита сказать свое слово при решении проблемы политической перестройки балканских земель, для которой начало русско-турецкой войны казалось бы создавало благоприятные условия.

Весной 1807 г. посланец Негоша архимандрит Симеон Ивкович подал новому российскому министру иностранных дел А. Я. Будбергу ходатайство от имени «всех единоверных народов, населяющих Черногорию, Боку де Катаро, Герцеговину и Далмацию». В нем излагалось «желание» митрополита и народа, чтобы «по низложению всемирного врага» (то есть после победы над наполеоновской Францией) к Черногории были присоединены города Подгорица, Спуж и Жебляк, Бока Которская, Герцеговина, Рагуза (Дубровник) и Далмация и создано «Славяно-сербское царство». Российский император принял бы титул царя этого государства и назначил бы туда своего «наместника, или президента из природных россиян», а вице-президентом стал бы черногорский митрополит.

Совершенно очевидно, что все это предложение основывалось на идее, которую выдвигал в начале 1806 г. Адам Чарторыйский. Его план лишь конкретизировался и приспособлялся к новым условиям, возникшим после начала русско-турецкой войны. Но Петр Негош сообщил и о своем более смелом и сокровенном желании, смыкавшемся со стремлениями некоторых идеологов сербских повстанцев. «К большому и наивернейшему успеху сего общего дела единоверцев послужило бы и наивяще укрепить могло присоединение к царству славяно-сербскому всей Боснии с Сербиею, коих равное и не менее ревностное желание издавна к тому стремится...», — говорилось в письме Ивковича Будбергу. В ответ на это обращение

российский министр в самой благожелательной форме сообщил митрополиту, что в настоящее время не представляется возможности изменить политическое положение Черногории, но дал понять, что в случае успеха России в войне с Францией, при решении общеевропейских дел «одним из главнейших попечений» царя будет благоденствие черногорцев и сопредельных с ними народов, и установление их «жребия, ...колько то можно, согласно с их общим желанием»¹⁶.

Между тем к лету 1807 г. международная обстановка вновь изменилась не в пользу России. После разгрома четвертой коалиции был заключен Тильзитский мир, по условиям которого Далмация и Котор перешли к Франции. Тесные военно-политические контакты черногорцев с Россией оборвались, были похоронены и планы создания «славянской республики», о которой мечтал Петр Негош и его сподвижники.

В 1813 г. черногорцы при поддержке английского флота освободили от французских войск Котор, после чего скупщина бокезцев и черногорцев приняла решение об объединении Боки Которской с Черногорией. Но по соглашениям, заключенным между Австрией, Пруссией и Россией, захваченные Францией области на восточном побережье Адриатики переходили в состав Австрии. Александр I не поддержал настоятельных просьб Петра Негоша об оставлении в составе Черногории Котора. Подчиняясь решению держав, черногорцы вынуждены были сдать Боку Которскую австрийцам.

Таким образом, с конца XVIII в., в период правления митрополита Петра I Петровича Негоша Черногория, сделав шаг вперед в деле создания государственной организации, кодекса законов, не смогла осуществить других важнейших задач. Она не добилась международного признания своей независимости, не получила так необходимого выхода к морю, хотя территория страны несколько расширилась — к Черногории присоединилась Брда.

* * *

После Великой французской революции, в период наполеоновских войн было положено начало формированию двух югославянских национальных государств нового времени, выделявшихся из состава Османской империи. Одно из них образовалось в ходе Первого сербского восстания в северной части сербских земель, где

три с половиной столетия назад кончило свое существование средневековое сербское государство. Другим — стала Черногория, фактически самостоятельное государство — очень маленькое и экономически неполноценное, но чрезвычайно политически активное. Степень общественно-экономического развития, особенности всего строя жизни и государственной системы в будущем Сербском княжестве и Черногории существенно различались.

Освобождение от чужеземной власти части сербского народа стимулировало процесс его национальной консолидации, складывания национального самосознания. Расширились общественные и культурные связи между сербами, жившими в различных административных единицах Османской империи и в Австрии. Но условий для объединительного движения в рамках всего сербского этноса фактически не было. Может быть отчасти поэтому попытки руководителей повстанцев привлечь к войне с Турцией сербов из Боснии и Герцеговины, Новопазарского санджака, черногорцев не имели успеха. Население этих областей в большей мере тяготело к Черногории как центру антитурецкой борьбы.

Период конца XVIII и начала XIX в. явился важным этапом в формировании политической программы сербского освободительного движения. Главную роль в этом сыграли Первое сербское восстание и создание начатков государственной организации в Черногории. Но немалое влияние оказывали и общеевропейские события, а в особенности политика России в отношении Франции, Османской империи и ее балканских владений.

Политическая программа руководителей сербского восстания выработывалась при самом активном участии образованных сербов из Воеводины и высшего духовенства Карловацкой митрополии. Все они исходили из распространившихся в это время представлений об этническом принципе государственных объединений, а с другой стороны, — из исторического права сербов, права на возрождение по прошествии столетий державы Неманичей. Мыслилось, конечно, воссоздать обширное балканское государство, границы которого не всегда точно определялись, хотя имелось представление о размежевании с землями, населенными греками.

В конце XVIII и начале XIX в. в Европе имело хождение немало проектов и предложений относительно политических преобразований на Балканском полуострове в результате казавшегося

близким и неотвратимым падением Османской империи. Их выдвигали государственные и общественные деятели (особенно часто в России), сербские эмигранты, политические авантюристы, для которых это было средством осуществления личных расчетов и амбиций. Некоторые из такого рода планов касались дальнейшей судьбы сербского народа и как бы обрамляли политическую программу самих сербских руководителей. Все эти явления может быть выражали «дух времени», а с наступлением наполеоновских войн порождались беспрестанной перекойкой политической карты Европы, предпринимаемой по произволу властителя Франции.

Первое сербское восстание имело важнейшее основополагающее значение в истории создания сербского национального государства нового времени. В ходе его возникли важнейшие компоненты и институты государственной организации, наметилось содержание социальной борьбы вокруг государственного устройства, обнаружилась непримиримость противоречий между правителем — Карагеоргием, стремившимся к неограниченной власти, и влиятельными воеводами, пытавшимися ограничить его власть, расширить свое участие в управлении государством.

Трагический исход восстания приводил к пониманию, что маленький народ не в состоянии победить в противоборстве с мощной военно-феодальной державой, что революционные методы достижения национальной свободы не ведут к быстрому и легкому успеху. Это, по-видимому, уже осознавал Милош Обренович, который несколько лет спустя стал добиваться создания сербского государства, применяя иные методы, медленно, но неуклонно двигаясь к цели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 94.

² Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн. I. С. 24—29, 60—62.

³ Там же. С. 64—66, 77—78.

⁴ Формирование национальных независимых государств... С. 102—103.

⁵ Первое сербское восстание..., кн. I. С. 386—387.

⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. М., 1963. Сер. I, т. III. Прим. № 347. С. 738.

⁷ Там же. М., 1965. Т. IV. С. 424—426.

- ⁸ *Богишич В.* Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия» // Отчет о тринадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1872. С. 264—265.
- ⁹ Первое сербское восстание... М., 1983. Кн. II. С. 56—61.
- ¹⁰ *Уляницкий В. А.* Материалы к истории восточного вопроса в 1808—1813 годах // Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1901. Кн. 4 /199/. С. XIV—XVI.
- ¹¹ Первое сербское восстание..., кн. II. С. 67—68.
- ¹² *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 74—77.
- ¹³ *Пантелић Д.* Београдски пашалук пред Први српски устанак. Београд, 1949. С. 369—378.
- ¹⁴ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. 385—386.
- ¹⁵ Черногорско-русские односи. 1711—1918 // Черногорско-русские отношения. 1711—1918. Подгорица — Москва, 1992. Књ I: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. С. 89—96.
- ¹⁶ Первое сербское восстание..., кн. I. С. 356—357, 362—363.

ГЛАВА 4

Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (1820—1850-е гг.)

В апреле 1815 г. на народном собрании в одном из сел Белградского пашалыка не покинувший родину после поражения Первого восстания воевода Милош Обренович объявил о начале нового вооруженного выступления против турецкой власти. Несмотря на неравенство сил повстанцы быстро добились значительных успехов, хотя до окончательной победы было еще далеко, ибо боснийский и румелийский паши готовились вторгнуться в страну с большим войском. Однако европейские события — битва у Ватерлоо и окончательное поражение наполеоновской Франции, значительное укрепление престижа и влияния России на международной арене — заставили Порту воздержаться от новой расправы с сербами, пойти на перемирие и устное соглашение с Милошем Обреновичем. Было издано несколько ферманов о самоуправлении и налоговых обязанностях населения пашалыка, к границам которого была сведена территория Сербии. Содержание ферманов не свидетельствовало о признании ее автономного статуса. Борьбу за это предстояло продолжить, но уже не военными средствами. Ее возглавил Милош Обренович, начавший сосредотачивать в своих руках верховную власть в стране. С конца 1815 г. он стал верховным князем и правителем Сербии (1815—1839, 1858—1860).

По своим личным качествам и роли в истории сербского государства Милош Обренович был человеком чрезвычайно противоречивым. Неграмотный и совершенно необразованный, не брезго-

вавший любыми средствами для личного обогащения или устранения своих соперников, правивший методами восточной деспотии, он благодаря природному уму, ловкости и хитрости добился значительных успехов в борьбе за самостоятельность Сербского княжества, за расширение его территории. Он уже не призывал народ к вооруженным акциям, а склонял султанское правительство к уступке за уступкой, не скупясь на подарки и взятки высокопоставленным чиновникам. Во время своего долгого правления князь Милош в основном успешно отстаивал государственные интересы Сербии. Как будет рассказано ниже, он полностью осознавал необходимость борьбы за полную независимость страны, за освобождение от турецкой власти других балканских земель.

Стремясь закрепить свою неограниченную власть, Милош прежде всего расправился с несколькими своими соперниками, а в 1817 г. его наемником был вероломно убит вернувшийся на родину из России Карагеоргий. Вслед за этим скупщина провозгласила Милоша наследственным князем Сербии, и он стал добиваться признания этого права Портой. Тенденция к подавлению демократических институтов, присущих сербской общественной жизни, к утверждению неограниченной монархии в годы правления Милоша наметилась ясно и первоначально не встретила активного сопротивления старейшин и народа. Стремясь сосредоточить в своих руках власть, Милош решительно боролся с сепаратизмом, противодействуя стремлению старейшин стать полными хозяевами в своих нахиях и кнежинах. Централизация управления давала возможность снижать вмешательство во внутренние дела страны белградского пашы и турецких чиновников. В результате, как писал Вук Караджич, «паша остался господином в городах над турками и муселимами, а Милош — в стране над народом и кнезами», то есть власть турецких пашей и чиновников уже не распространялась на сербов¹.

Громадное значение в развитии Сербии как самостоятельной государственной единицы в составе Османской империи имело официальное признание и точная фиксация султанским правительством ее прав и обязательств. Этому Порте упорно сопротивлялась, так как не теряла надежды вернуть сербов под свою власть. Она пошла на соглашение по сербскому вопросу лишь через 15 лет после Второго восстания, и произошло это благодаря дипломатическим и военным усилиям России.

Прибывший в Стамбул в 1816 г. российский посланник Г. А. Строганов в течение нескольких лет вел переговоры с турецким правительством по поводу выполнения условий Бухарестского мира в отношении сербов, настаивая на издании султанского хатти-шерифа (рескрипта, грамоты), в котором бы определялась система внутреннего управления страны, величина налогов, уплачиваемых Порте и турецким властям, добивался уменьшения турецких гарнизонов в крепостях Сербии. Но переговоры сербских депутатов, находившихся в Константинополе, были прерваны после начала в 1821 г. революционных событий в Дунайских княжествах и Греции, приведших к Восточному кризису 1820-х гг. и разрыву русско-турецких дипломатических отношений. Возникла перспектива возобновления борьбы сербов за свою свободу в союзе с греками, к чему руководители греческих повстанцев пытались склонить Милоша. Однако он предпочел сохранять покорность Порте и продолжать добиваться урегулирования отношений с ней мирными средствами.

Лишь после победы России в войне с Турцией 1828—1829 гг., согласно условиям Адрианопольского мирного трактата султан в 1829 и 1830 гг. издал хатти-шерифы об автономных правах Сербского княжества, которое, находясь под верховной властью Османской империи, обязывалось уплачивать ежегодно точно фиксированную дань. Турецкие чиновники не должны были впредь вмешиваться в управление страны. Турки — жители городов, в течение 5 лет выселялись из княжества. Но на его территории сохранялось 6 крепостей с турецкими гарнизонами, в числе которых была и белградская крепость. Сербам предоставлялась свобода вероисповедания, право торговать в Османской империи, основывать свои школы, больницы, почту. Одновременно Милошу Обреновичу были предоставлены наследственные права на сербский престол. Однако Порта не торопилась передавать в состав княжества отторгнутые в 1813 г. нахии. Лишь после того как в некоторых из них при подстрекательстве Милоша вспыхнуло восстание, в 1833 г. был издан еще один хатти-шериф, объявлявший о включении в княжество спорных нахий, что увеличивало его территорию более, чем на одну треть. Устанавливалась и величина ежегодно уплачиваемой дани.

Таким образом, в 1830—1833 гг. благодаря активной поддержке России автономные права Сербии и ее территория существенно расширились, была окончательно ликвидирована турецкая феодаль-

ная система. Полунезависимый статус княжества получил международное признание, что создавало условия для установления его самостоятельных отношений с европейскими державами.

В 1830-е гг. Сербия оставалась страной экономически слабо развитой. Основная масса населения — крестьянство — вело натуральное хозяйство. Все же в стране наблюдался рост городов, развитие ремесла и торговли, а также просвещения и культуры. При преобладании мелкой крестьянской собственности, появились крупные по местным масштабам земельные владения, принадлежавшие некоторым сановникам и старейшинам, князю и семейству Обреновичей. Все они пользовались принудительным трудом крестьян, что вызывало недовольство последних. Характерным для Сербии было то обстоятельство, что привилегированный и зажиточный слой населения тесно срастался с чиновничье-бюрократическим аппаратом, который стал играть очень значительную роль в общественно-политической жизни.

В ходе русско-турецкой войны для Сербского княжества создавалась возможность вести активную политику в прилегающих балканских землях, оказавшихся в тяжелом положении. Князь Милош защищал и давал убежище беженцам, через торговцев и своих агентов поддерживал связи с влиятельными лицами в Южной Сербии, Западной Болгарии, Северной Македонии. В отношении участия сербов в войне на стороне России он занял выжидательную позицию, но после известий об успехах русских войск летом 1829 г. поторопился заявить российскому военному командованию, что сербы готовы вступить в войну с Портой, если в намерения России входит сокрушение Османской империи. Он утверждал, что готовит диверсии в турецком тылу, что Мустафа паша Шкодерский высказывал желание провозгласить себя владельцем Албании и стать под покровительство царя, что Албания и Босния ждут призыва сербского князя к антитурецкому восстанию².

Между тем накануне и в ходе русско-турецкой войны 1828—1829 гг. ввиду создавшейся перспективы полного сокрушения Османской империи стали выдвигаться предложения и проекты политических преобразований на Балканах. Эта проблема занимала и правительство Николая I, исходившего из заявленного обязательства отказаться от каких-либо территориальных приобретений в случае победы в войне, что исключало возможность раздела империи османов между великими державами. Вследствие этого еще в 1827 г. в российском

министерстве иностранных дел бы выдвинут план создания в случае распада Османской империи на месте ее европейских владений греческого и других самостоятельных государств, превращения Константинополя в «вольный город». Именно такой замысел министр иностранных дел России К. В. Нессельроде изложил греческому президенту Иоанну Каподистрии, попросив представить свои предложения относительно состава новых государств, «которые должны заступить место турецкого управления», а также о «политической организации» Константинополя. Высказывая свои соображения, греческий президент в самой общей форме, по исторически сложившимся областям наметил состав пяти государств, которые можно было бы создать на месте европейских провинций Турции. Одно из них «Королевство Сербия» должно было включать кроме самой Сербии также Болгарию и Боснию. Это означало, что Каподистрия предлагал объединить вокруг Сербского княжества все или большинство (исключалась Македония) населенные славянами земли, находившиеся в составе Турции. Нет сомнения, что в таком южнославянском государстве сербы заняли бы руководящие политические позиции³.

Записку И. Каподистрии о решении балканских дел российский МИД передал на рассмотрение специалиста по этим проблемам Д. В. Дашкова, который в основном одобрил принцип разделения европейских провинций Турции по языкам и происхождению обитателей, но отметил, что в некоторых областях, в том числе в Боснии, живет большое количество мусульман, которые не подчинятся без отчаянного сопротивления владычеству христиан⁴.

Идеи Каподистрии и Дашкова в какой-то мере характеризуют представления о задачах политических преобразований на Балканах, распространенных в 20—30-х гг. Как видим, создание новых государств в этом регионе задумывалось образованными, политически мыслящими деятелями того времени на основе объединения по языковому и этническому принципу, но трудности в решении данной проблемы уже осознавались (в частности Дашковым).

В самой Сербии, конечно, также обдумывалась перспектива полного освобождения страны от турецкой зависимости и расширения ее территории за счет остававшихся под властью Порты сербских земель. Этому способствовали и распространившиеся в Европе ожидания близкого падения Османской империи. В 1829 г. князь Милош говорил французско-путешественнику А. Караману, что сербы

всегда желали основать сербское царство, в которое вошли бы Сербия, Босния и часть Албании.

Наиболее полно взгляд Милоша и его окружения на решение балканской проблемы представлен в письме француза Боа-ле-Конта, побывавшего в Сербии в 1834 г. Князь сказал ему, что надо, наконец, покончить с распадающейся Турцией и дать возможность уничтожаемым ею народностям жить свободно, что Сербии необходимо предоставить полную независимость и сравнять с землей остающиеся там турецкие крепости. «Пусть сербам и грекам, албанцам и болгарам дадут возможность управляться самостоятельно в землях, где они живут и, если это необходимо, Константинополь пусть станет большим торговым городом под гарантией всех держав... Зачем подчинять один народ другому? Все это противно законам природы, а природа в конце концов никогда не перестает требовать свои права», — рассуждал будто бы князь Милош, пытаясь обосновать передовыми идеями своего времени программу борьбы за полную независимость, что предполагало, вероятно, и задачу присоединения к княжеству соседних областей с сербским населением. Раздел османских владений в Европе между великими державами он полностью отвергал⁵.

Между тем ни международная обстановка, ни внутреннее положение Сербского княжества в 30-х гг. не благоприятствовали осуществлению подобных задач. Россия — единственная из великих держав, которая могла бы содействовать созданию независимого сербского государства, расширению его границ, после Адрианопольского мира резко изменила курс политики в Восточном вопросе. Правительство Николая I сочло более выгодным поддерживать дружеские отношения с Портой, отстаивать принцип неприкосновенности ее владений на международной арене, поддерживать существование «слабого соседа», рассчитывая полностью подчинить его своему политическому влиянию. Российская дипломатия, хотя и защищала интересы сербов в Константинополе, не предпринимала каких-либо попыток изменить систему отношений княжества с Портой.

Недовольство деспотическим правлением Милоша Обреновича имело место уже в 20-е гг., выразившись в нескольких быстро подавленных местных восстаниях, и заметно усилилось в середине следующего десятилетия, когда стало очевидным, что князь тормозит необходимые стране преобразования и введение законов. В на-

чале 1835 г. в нескольких округах вспыхнуло восстание, получившее название по имени одного из его руководителей — Милетин бунт. В нем участвовали крестьяне, а во главе стояли влиятельные старейшины, выступившие под лозунгом борьбы за принятие конституции (устава) и письменных законов, ограничения власти князя, обеспечения всем слоям общества гражданских прав, за ликвидацию остатков феодальных порядков.

Милетин бунт кончился бескровно, ибо Милош быстро пошел на примирение с восставшими. Была созвана скупщина, на которой принят наспех составленный Сретенский устав. При всех недостатках, наличии противоречивых положений этот конституционный акт имел демократический характер и отражал насущные потребности страны. В нем гарантировалось всем гражданам равенство перед законом, право занимать государственные должности, неприкосновенность личности и имущества. Верховная законодательная и исполнительная власть принадлежала князю и Государственному совету. Широкие права предоставлялись скупщине. Но провозглашение скупщиной конституции не привело к введению ее в жизнь. Этому воспротивилась и Порта, и правительство Николая I, да и сам князь Милош, не склонный примириться с ограничением своей власти Советом старейшин⁶.

В течение почти четырех лет в Сербском княжестве разворачивалась борьба вокруг конституционных проблем, в которой помимо так называемых уставобранителей (защитников конституции) — сербских деятелей, отстаивавших свое право на участие в управлении страной, с одной стороны, и приверженцев Обреновичей — с другой, большую роль играли дипломаты России, Австрии, Великобритании. В течение 1836—1838 гг. в Белграде были созданы консульства этих государств, стремившихся закрепить свое политическое преобладание в молодом балканском княжестве, которое постепенно становилось притягательным центром для населения соседних областей, остававшихся под турецким управлением. Для самой Сербии тем самым открывалась возможность поддерживать отношения не только с Россией как державой-покровительницей, но и с другими европейскими странами, что позволяло вести самостоятельную внешнюю политику и являлось шагом вперед в процессе завоевания статуса независимого государства.

Вопрос о конституционном устройстве постепенно превратился в главный предмет внутренних раздоров. Упорная борьба между князем и оппозицией его режиму, вмешательство в разработку устава иностранных дипломатов — все это позволило Порте взять на себя роль арбитра в решении данного вопроса. Составление устава было закончено уже в Стамбуле, куда вызвали сербских делегатов. В декабре 1838 г. Устав Сербии был подписан в виде султанского хатти-шерифа, направленного белградскому паше и Милошу Обреновичу. Он был прозван сербами «турецким», ибо умалял автономные права княжества, создавал условия для вмешательства Порты в его внутренние дела. Власть князя ограничивалась, но не народным представительным органом, каковым могла стать скупщина, а Советом, состоявшим из богатых и влиятельных старейшин. Устав 1838 г. все же имел положительное значение в процессе формирования сербского государства, ибо в нем провозглашалось равенство всех граждан перед законом, неприкосновенность личности и собственности, отменялся кулук (отработочная повинность), создавался независимый от администрации суд.

Разоренная и обезлюдившая после подавления Первого сербского восстания Сербия за почти двадцатипятилетнее правление Милоша Обреновича достигла немалых успехов в деле создания своего национального государства. Эти успехи, конечно, производили большое впечатление на христианское население соседних с княжеством турецких санджаков, порождая их надежды на близкое освобождение. Престиж Милоша Обреновича на Балканах сильно возрос. «Христиане здесь ожидают князя Милоша как мессию, который освободит нас от тяжкого положения», — сказала путешественнику по Сербии французцу Ами Буе повстречавшаяся в районе Косова сербка⁷.

Так Сербское княжество стало превращаться в своего рода южнославянский Пьемонт, и это высокое предназначение, несомненно осознавалось и использовалось сербскими общественно-политическими деятелями. Еще в 1829 г. бывший белградский митрополит Леонтий писал в записке, направленной в российское министерство иностранных дел, что Сербия благодаря своему географическому положению должна стать очагом для славянских народов, ибо все граничившие с ней области стонут под ярмом мусульманской тирании. У Боа-де-Конта во время встреч с Милошем и его окружением в 1834 г. создалось впечатление, что Сербия стала «центром или даже опорной и движущей точкой славянского движения»⁸.

До конца своего первого правления князь Милош не оставлял замысла создать сильное и полностью независимое сербское государство, в которое вошли бы все сербы Османской империи, а позднее, возможно, Македония и Болгария. Недолгое существование много веков назад обширной сербской державы по-прежнему служило обоснованием этих идей. Их разделяли некоторые сподвижники князя, в том числе публицист и чиновник Д. Давидович, один из будущих вождей уставобранителей А. Петрониевич. Они высказывали, даже надежду на возможность в будущем создать «союз всех сербских племен», т. е. имели в виду и сербов из Австрийской империи⁹.

Примечательно, что осуществить все эти грандиозные планы мыслилось не революционным путем, а постепенно склоняя Порту к уступкам или при благоприятной международной обстановке, например, в случае распада Османской империи, опираясь на поддержку какой-либо европейской державы. Но такую поддержку князь Милош собирался искать не у России, фактически обеспечившей признание Портой широкой автономии Сербии. В 1830-е гг. он стал рассчитывать на защиту интересов Сербии Францией, а позднее и Великобританией, надеялся заменить единоличное покровительство России Сербскому княжеству гарантией его автономных прав всеми великими державами, так как видел в этом путь к полному освобождению страны от турецкой зависимости.

В период правления Милоша Обреновича, особенно в 30-е гг. не только была выдвинута идея создания на Балканах большого полностью независимого сербского государства, но и предпринимались практические действия, которые должны были подготовить возможность осуществления таких планов в случае благоприятной международной ситуации. В отношении населения соседствующих с Сербией турецких провинций князь Милош проводил достаточно продуманную и целенаправленную политику, которая должна была содействовать сближению и расширению общественно-политических и культурных связей с княжеством.

Наиболее активно такая политика проводилась в отношении сербов Боснии и Герцеговины, Косова и Метохии. Из этих областей шло переселение жителей в княжество, иногда вследствие ухудшения их положения в родных местах принимавшее массовый характер (например, как это было с переселенцами из Боснийской Краины в 1835 и 1836 гг.). Хотя Милош Обренович инспирировал восстания в

нахиях, присоединения которых к Сербии добивался в 1838 г., в дальнейшем он всеми способами — лестью и подарками, всевозможными обещаниями — старался заслужить доверие Стамбула и действовал как поборник легитимности, сохранения мира и порядка в балканских владениях Порты. Поддерживая ее борьбу с мятежными пашами, Милош часто был в курсе готовившихся восстаний, но не поощрял их, принимал непосредственное участие в урегулировании конфликтов, хотя иногда отстаивал при этом интересы местного христианского населения (например, во время Нишского и Пиротского восстаний 1835 и 1836 гг.). Князь не скупился на деньги турецким пашам, добиваясь таким путем различных преимуществ для сербов в Боснии и других санджаках. Он защищал интересы местных торговцев и давал денежную помощь православным церквям и монастырям. Примечательно также содействие, которое оказывалось болгарам в области культуры, прежде всего в издании болгарских книг белградской типографией (с 1833 по 1839 гг. были напечатаны 24 книги на болгарском языке), предоставлялась помощь монастырям, особенно Рыльскому.

Итак, Милош Обренович и некоторые деятели из его окружения не скрывали стремления создать большое независимое государство, объединяющее всех сербов, а возможно и другие южнославянские народы, хотя и не выдвигали официально каких-либо требований такого рода, как это делалось когда-то, в годы Первого сербского восстания. В отношении Порты велась двуличная политика. В расчете добиться новых уступок и расширения автономии поддерживались усилия Стамбула ввести в жизнь реформы, преодолеть сепаратистские устремления пашей в окраинных областях Балкан. Но при этом с нетерпением ожидалось наступление благоприятного момента для коренных политических преобразований в этом регионе. Престиж и влияние автономного Сербского княжества и его правителя среди подданных султана постепенно распространялись. Притягательный центр сербского освободительного движения в 1830-е гг. фактически определился.

* * *

Хотя Милош Обренович вынужден был ввести предусмотренные Уставом 1838 г. новшества, назначил министров, членов Совета и проч., он не смог примириться с ограничением своих прав, постоянно

оспаривал решения Совета. После неудачной попытки одержать верх над своими противниками — уставобранителями князь Милош летом 1839 г. покинул Сербию и некоторое время спустя на престол был призван его несовершеннолетний сын Михаил (1839—1842, 1860—1868). Но молодой неопытный князь не смог стабилизировать внутреннее положение страны, побороть оппозицию уставобранителей, которые в 1842 г. подняли восстание, возглавленное искусным демагогом Т. Вучичем-Перишичем и поддержанное турецкими властями. Михаил вынужден был бежать в Австрию, а на созванной уставобранителями скупщине, состоявшей главным образом из их приверженцев, князем был провозглашен младший сын Карагеоргия Александр (1842—1858). Так сербский престол был возвращен династии Карагеоргиевичей.

Начало правления уставобранителей сопровождалось значительными внешнеполитическими трудностями: лишь после нового избрания Александра Карагеоргиевича скупщиной, созванной в июне 1843 г., Россия признала его законным князем. Сложной оставалась и внутренняя обстановка в стране. Широкие обещания, которые давались во время борьбы с князем Михаилом, большей частью не были выполнены, а снижение налогов неблагоприятно сказалось на государственном бюджете. Все это вызывало недовольство населения, особенно крестьянства. Олигархически-бюрократический режим, установившийся в стране, не принес облегчения народу. Вскоре выросло число сторонников Обреновичей, которые организовали заговоры и восстания.

Александр Карагеоргиевич, прибывший в Сербию из России в 1839 г. и не имевший каких-либо заслуг перед родиной, не отличался сильной волей и талантом государственного деятеля. Приведшие его к власти уставобранители рассчитывали сделать нового князя своим послушным орудием, но тот постепенно стал проявлять непокорность, старался укрепить свою личную власть, оспаривал права Совета, пополнял его своими приверженцами. Усилились раздоры среди самих уставобранителей, в том числе по вопросу внешнеполитической ориентации. Председатель правительства и министр иностранных дел А. Петрониевич придерживался протурецкого курса, Т. Вучич-Перишич теперь занял позицию враждебную режиму, а затем и пророссийскую, Александр Карагеоргиевич, первоначально настроенный туркофильски, постепенно стал ориентироваться на

Австрию. В целом уставобранители проводили прозападный курс. Позиции России в княжестве очень ослабли.

В 40—50-е гг. в Сербии произошли благоприятные сдвиги в общественно-экономической области. Расширилось земледельческое производство, значительно увеличилась внешняя торговля, за счет вывоза скота в Австрию. Развитие товарно-денежных отношений в деревне способствовало распаду семейных общин — задруг. Единичные промышленные предприятия мануфактурного и фабричного типа стали появляться в городах, но господствующим оставалось ремесло.

После прихода к власти уставобранителей начали осуществляться важные меры по введению в стране правопорядка, сходного с установившимся в европейских государствах. В 1844 г. был принят Гражданский законник княжества Сербского, основанный преимущественно на австрийском кодексе законов, но включивший и элементы народного сербского права. В нем юридически закреплялись права граждан на частную собственность как полную и ничем не ограниченную. Был основан верховный (конституционный) суд, принят закон о судопроизводстве, хотя практически оно осталось рутинным, в нем процветала коррупция. Уставобранители старались сделать чиновничество привилегированным слоем, преданным режиму. Число чиновников значительно увеличилось, они освобождались от налогов, им было увеличено жалование, даны пенсии.

Общественно-экономический прогресс Сербского княжества, складывание национального самосознания народа способствовали наступлению нового этапа в формировании политической мысли сербов и появлению впервые ее достаточно четкой программы. Такая программа была сформулирована в записке, составленной в конце 1844 г. выдающимся сербским государственным деятелем, тогда министром внутренних дел Илией Гарашанином. Это был строго законспирированный документ, известный лишь князю и очень ограниченному кругу лиц. Он стал известен общественности лишь в начале XX столетия и получил в историографии наименование «Начертание»¹⁰.

Позднее в архиве вождя правого крыла польской эмиграции после восстания 1830—1831 гг. князя Адама Чарторыйского была обнаружена записка, в которой намечались задачи сербской внешней политики. Затем в архиве самого Илии Гарашанина найден так называемый «План» Франьо Заха, бывшего с конца 1843 г. агентом

польской эмиграции в Белграде. Этот документ почти полностью совпадал с «Начертанием» и, по-видимому, являлся его первоначальным наброском. Все это свидетельствовало о непосредственной причастности Чарторыйского и в особенности Заха к разработке программы внешней политики Сербского княжества во время правления уставобранителей. Исходными доводами при изложении ее задач в «Начертании» служило распространенное мнение, что Османская империя близка к своей кончине и турецкие владения в Европе могут разделить между собой Россия и Австрия, что крайне нежелательно. Противодействуя такой перспективе, Сербское княжество должно добиваться полной независимости и расширения своей территории за счет присоединения Боснии и Герцеговины, Черногории, Северной Албании (т. е. Старой Сербии — Косова) и получения выхода в Адриатическое море. К этим целям надо идти постепенно, отрывая от Турции кусок за куском, стараясь ее ослабить. Созданию большого независимого сербского государства будут содействовать Франция и Великобритания, ибо они не заинтересованы в усилении России и Австрии. Последняя является главным противником основания на своих границах большого сербского государства. С Россией же в дальнейшем можно было бы заключить союз, в случае, если она откажется от солидарности с Австрией, от вмешательства во внутренние дела Сербии и обеспечит ее территориальное расширение. Все эти сложнейшие внешнеполитические задачи, обосновывались историческим правом на воссоздание некогда существовавшего сербского государства. Осуществить их предполагалось как бы сверху — путем дипломатических акций и войн, при поддержке европейских держав. Вопрос о государственном устройстве будущей сербской державы не затрагивался, но по-видимому, предполагалось, что это будет конституционная монархия во главе с династией Карагеоргиевичей¹¹.

Внеся некоторые коррективы в «План» Ф. Заха, Гарашанин не упоминал в «Начертании» о южнославянской державе, о вхождении в нее хорватов, а говорил лишь о создании «сербского царства». Перспектива государственного объединения всех южных славян — не только находившихся в составе Османской империи, но и Австрии, — все же не отвергалась. Об этом свидетельствует тот факт, что пропаганду за объединение, политическую и культурную деятельность предполагалось вести также в болгарских землях и среди

славян в Австрии. Проблема основания южнославянского государства выходила за рамки исторического права сербов, да и недостаточно созрела к середине 40-х гг. Возможно, эти обстоятельства и побуждали Гарашанина проявлять осторожность и не затрагивать данной темы сколько-нибудь конкретно и определенно.

Можно заметить, что «Начертание» в основном повторяло идеи, давно присущие сербской политической мысли и получившие распространение в период наполеоновских войн, когда успехи сербского восстания и активная политика России в Восточном вопросе породили надежды на создание новых государств в Юго-Восточной Европе, в том числе сербского. Добиться расширения территории Сербского княжества и признания его независимости считал своей главной задачей князь Милош и другие сербские государственные деятели.

Таким образом, в «Начертании» еще раз формулировались общие и очевидные цели сербского национально-освободительного движения, сохранялись и традиционные ссылки на историческое право, а прообразом новой сербской державы служило царство Стефана Душана. Но при этом намечались непосредственные задачи Сербского княжества, определялась его внешнеполитическая ориентация, исходя из внутреннего положения страны и международной обстановки 40-х гг. В этих вопросах, вероятно, и пытались оказать воздействие на Гарашанина поляки-эмигранты. Чарторыйский вернулся к «балканским планам», задуманным им 40 лет назад. Но и тогда и в середине XIX в. он заботился не только об интересах сербов и других южных славян: сокрушение власти Турции на Балканах и создание там национальных государств могло явиться прецедентом, который облегчил бы задачу освобождения польских земель от господства России, Пруссии и Австрии, возрождение единого и независимого польского государства. По своим целям польское и южнославянское национально-освободительные движения имели немало общего, что в какой-то мере порождало солидарность и стимулировало деятельность в Константинополе и на Балканах правого крыла польской эмиграции. А сербские политики нуждались в поддержке извне и рассчитывали посредством польской эмиграции установить контакты с западными державами, прежде всего с Францией.

Чарторыйский, и его балканские агенты — М. Чайковский, Ф. Зах и др. — старались направлять внешнюю политику Сербского княжества, рассчитывая создать в его лице свою опору в Юго-Вос-

точной Европе. Но в полной мере это не удалось: Гарашанин смягчил ярко выраженную в «Плане» Заха антироссийскую направленность и, проявив осторожность, уклонился от заявления о намеренье создать под эгидой Сербии государство, объединяющее всех южных славян.

Концепция «Начертания» по разному трактовалась в историографии. Некоторые сербские историки отрицают, другие признают наличие националистических тенденций внешнеполитической программы Гарашанина¹². Представляется, что «Начертание» было по своему содержанию и целям противоречивым. Основать большое сербское государство, включающее земли, населенные не только сербами, предполагалось не в результате свободного объединения народов, а путем их присоединения к княжеству. Оно было более развитым в общественно-экономическом отношении, чем Черногория, Босния и Герцеговина, Косово, и сербские правящие круги, конечно, рассчитывали захватить ключевые позиции в будущем государстве. Вместе с тем сформулированные в 1844 г. идеи не только отвечали национальным задачам сербов — созданию полноценного экономически жизнеспособного государства, — но и совпадали со стремлением большинства южных славян освободиться от власти Османской империи. Решение сербского вопроса связывалось с дальнейшей судьбой других народов Балканского полуострова. В целом «Начертание» явилось важной вехой в истории развития сербской общественно-политической мысли XIX в.

Илия Гарашанин был не столько теоретиком и мыслителем, сколько государственным деятелем, способным последовательно и упорно добиваться реализации своих внешнеполитических задач, а при необходимости приспособиться к новым условиям и изменить тактику. Это в полной мере обнаружилось во второй половине 40-х гг. и особенно после начала революции 1848 г.

Сербский министр, некоторые члены Совета, при поощрении и содействии активно работавших на Балканах польских эмигрантов предпринимали практические шаги в русле осуществления идей «Начертания». Через доверенных лиц, агентов-осведомителей пропаганда велась преимущественно во владениях Османской империи. Были установлены контакты с черногорским владыкой Петром II Петровичем Негошем, которому сербское правительство стало оказывать денежную помощь, с торговцами и влиятельными людьми Боснии, Герце-

говины, Старой Сербии. Особое внимание обращалось на приобщение болгар к планам освобождения всех южных славян и объединение их в одном государстве под главенством Сербии. Проводниками таких идей стали некоторые болгарские учителя и священники. В Белграде продолжали печататься болгарские церковные книги.

В 1846 г. в княжестве было образовано молодежное объединение «Душанов полк», выступавшее за свержение Александра Карагеоргиевича, возведение на престол Михаила Обреновича, а затем освобождение от турецкой власти всех сербских земель и создание «сербского королевства». Годом позже возникла «Дружина сербской молодежи» — литературный кружок имевший тайной целью возобновление «царства Душана». Все это свидетельствовало о распространении в сербском обществе, преимущественно среди молодежи идей, сходных с выдвинутыми Гарашаниным в «Начертании». Неизменно фигурировал и прообраз будущей сербской державы — царство Стефана Душана.

Деятелям польской эмиграции были свойственны идеи единения славянских народов как средства борьбы за их национальное освобождение. М. Чайковский, Ф. Зах старались добиться, чтобы пропаганда за государственное объединение велась сербами и в австрийских владениях. Под их влиянием, при активном участии дубровчанина Матии Бана в Белграде был организован Тайный панславистский демократический клуб, в который входил ряд австрийских славян — известных общественных, научных и культурных деятелей. Обществу обещали оказывать покровительство князь Александр Карагеоргиевич, Гарашанин и другие сановники княжества. Однако практически сербская пропаганда в монархии Габсбургов не велась¹³.

Положение изменилось после начала революции 1848 г., когда центром политической деятельности уставобранителей стали Воеводина, Хорватия, Далмация. Эмиссар сербского правительства Матия Бан посетил Сремски Карловцы, Нови Сад, Загреб и Цетинье, обсуждая возможность сотрудничества. Пропагандистскую деятельность в турецких и австрийских владениях вели Ф. Зах, С. Херкалович и др. Возникшая перспектива распада Австрии стала порождать планы создания государства, объединяющего с Сербским княжеством Воевину, хорватские и болгарские земли. Помощь

сербскому движению в Австрии, оказываемая княжеством, способствовала сближению с сербами Воеводины, но вопрос о ее присоединении практически не ставился. Гарашанин по-прежнему считал, что начинать надо с объединения южнославянских земель, находившихся в составе Османской империи.

Используя опасения Порты, что революция сможет захватить и ее балканские владения, была сделана попытка заставить султанское правительство пойти на уступки своим подданным. Представитель княжества и Стамбуле К. Николаевич выдвинул проект создания Сербского вице-королевства, включающего южнославянские земли Турции и находящегося под ее верховной властью. Предполагалось, что это предложение благодаря настояниям польской эмиграции поддержит Франция. Но Стамбул не пожелал идти на такие перемены, могущие привести к очень опасным для целостности империи последствиям. Гарашанин стал понимать, что предусмотренное в «Начертании» решение сербского вопроса путем соглашений с Портой, дипломатическими средствами нереально.

Это разочарование, возможно, повлияло на разработку в марте 1849 г. сотрудниками Гарашанина — Й. Мариновичем, М. Баном и Т. Ковачевичем «Устава политической пропаганды, которую надо проводить в славяно-турецких землях». Целью такой пропаганды объявлялась подготовка «всестороннего и одновременного вооруженного восстания нашего народа для освобождения от турецкого ига», что означало признание метода народной вооруженной борьбы за национальное освобождение. В это же время сербские агенты усилили активность в Северной Албании, в Далмации и на Хорватско-Славонской Военной Границе.

Примечательным стало появление в сербской общественной мысли идеи о создании южнославянской федерации — Югославии. Она была разработана участниками Тайного панславистского клуба еще до революции, но стала распространяться в марте 1848 г. в прокламации под названием «Политические принципы южных славян». В ней говорилось, что сербы и хорваты как наиболее сознательные среди южных славян договариваются о своей политической будущности, о создании федеративного государства из трех племен — сербского, хорватского и болгарского. Это государство будет иметь общего государя — короля (предполагалось, что им станет Александр Карагеоргиевич), центральное правительство, скупщину

и армию. Но каждое племя будет пользоваться широкой административной и культурной автономией и полным равноправием.

В «Политических принципах южных славян» перечислялись области, где расселялись сербское и хорватское племена, которые должны были войти в состав федерации. В сербское племя включались кроме княжества: Старая Сербия и г. София, «вся славянская Македония», Зета с албанцами-католиками мирдитами, Черногория, Бока Которская и Дубровник, Герцеговина и Босния на восток от р. Врбас. Остальная часть Боснии отходила к хорватскому племени, к которому кроме собственно Хорватии относились и все словенские земли (Крайна, Каринтия, Славянская Штирия). Состав болгарского племени не указывался. По-видимому, этот вопрос оставался для авторов проекта не вполне ясным и не столь важным¹⁴.

Как видим, этнический и национальный состав населения Юго-Восточной Европы намечен в прокламации весьма произвольно. Территории, заселенные сербами и хорватами, значительно расширились. Так к сербскому племени относились македонские славяне, албанцы-мирдиты, боснийские мусульмане, уже потерявшие славянское самосознание. При определении племенной принадлежности не соблюдался принцип как языковой, так и конфессиональной общности. Таким образом, будущая федерация лишь преимущественно, чисто внешне состояла из этнических или национальных общностей. Возможно это было не следствием неверных представлений образованных людей середины XIX в. о демографической картине Балканского полуострова, а делалось умышленно ради поставленной цели создания достаточно крупного, жизнеспособного государства, в котором преобладающие позиции предназначались двум народам — сербам и хорватам. Проект создания такого государства был утопичен, ибо в нем предавались забвению многие реалии: чрезвычайная пестрота демографической структуры Балкан, большие различия в уровне развития, в общественно-экономической жизни отдельных частей будущего государства, не говоря уже о внешнеполитических препятствиях. Но важен сам факт существования к 1848 г. в сербской общественной мысли и некоторого распространения в годы революции идеи южнославянской федерации.

Итак, внешнеполитические планы, намеченные в «Начертании», получили в революции 1848—1849 гг. большую определенность и новое направление. Задумывалось создать обширное южнославян-

ское государство, включающее сербов, хорватов, болгар, а фактически все славянские этнические группы Юго-Восточной Европы. Возникший проект федеративного устройства такого государства свидетельствовал о понимании необходимости обеспечить равноправие входящих в него народов, что не исключало наличия у сербских идеологов националистических замыслов.

Окончание революции привело к сворачиванию деятельности, проводившейся в южнославянских землях Австрии, а затем и в Османской империи. Созданная Гарашаниным пропагандистская организация постепенно распалась.

Европейские революции оказали большое воздействие на внутреннюю жизнь Сербского княжества. Возросло недовольство широких народных масс режимом уставобранителей, усилились раздоры среди правящей верхушки, Обреновичи продолжили попытки вернуться к власти. Правительство после большого перерыва созвало летом 1848 г. Петровскую скупщину. На ней были выдвинуты требования о налоговых облегчениях, свободе печати, о включении в Совет представителей всех округов, о регулярном созыве скупщины и проч., но большинство этих требований так и не было проведено в жизнь. После поражения революции в Австрии реакция усилилась и в Сербии. В 1850 г. была распущена либеральная «Дружина сербской молодежи». Обострились отношения с Австрией и Россией. Накануне начала Крымской войны правительство Николая I добились отставки назначенного в 1852 г. главой кабинета Илии Гарашанина, что не исключило, однако, его влияния на государственные дела и еще более обострило отношения княжества с Россией.

После начала Крымской войны 1853—1856 гг. сербское правительство заявило о своем нейтралитете. Положение страны было сложным ввиду концентрации на ее границах и в прилегающих областях австрийских, турецких и русских войск. Чтобы смягчить ситуацию и закрепить нейтральную позицию Сербии, Порта издала ферман, подтверждавший ее права и привилегии. По условиям Парижского мира 1856 г. автономный статус Сербского княжества был еще раз подтвержден, но поставлен под совокупную гарантию всех договаривающихся держав (Россия, Англия, Франция, Австрия и др.).

Крымская война лишь оттянула наступление кризиса режима уставобранителей, которые оказались не в состоянии разрешить

экономические и общественно-политические проблемы молодого сербского государства.

* * *

После окончания наполеоновских войн Черногория оказалась в чрезвычайно трудном положении. Правительство Александра I избегало открыто поддерживать политические контакты с Петром Негошем и не оказывало черногорцам материальную помощь. Как бы в знак протеста против такой политики престарелый митрополит в 1822 г., когда открылся конгресс Священного союза в Вероне, направил европейским монархам предложение, чтобы какое-либо государство, а конкретно Австрия, взяло под свое покровительство Черногорию, установило в ней государственную власть и порядок. Но эта демонстративная акция оказалось, как и следовало ожидать, безрезультатной.

После прихода к власти Николая I была возобновлена выплата Черногории денежной субсидии, а начало русско-турецкой войны 1828—1829 гг. возродило надежду, что Россия возьмет под защиту маленькую фактически независимую славянскую страну. Летом 1829 г., когда победа русских войск стала очевидной, Негош в письме царю просил при заключении мира добиться присоединения к Черногории порта на Адриатике (Бара) и территории бывшей Зеты. Тогда можно было бы создать в стране правительство, школы и все необходимое для поддержания независимости. Письмо это дошло в Петербург уже после окончания войны. Но в любом случае просьбы такого рода остались бы без последствий.

В 30-е гг. начался новый этап в борьбе за укрепление государственной организации Черногории, за разрушение старых патриархальных порядков и приобщение к европейской цивилизации. Эти сложные задачи выпали на долю Петра II Петровича Негоша (1830—1851) — выдающегося черногорского государственного деятеля и поэта, творчество которого имело общесербское значение. Вступив на престол 17-летним юношей, племянник покойного митрополита привлекал к себе симпатии благодаря незаурядному уму, благородной наружности, красноречию и такту. Петр II быстро завоевал непререкаемый авторитет среди черногорцев, но немало было у него врагов среди претендовавших на власть и самостоятельность старейшин, среди приверженцев гвернадура.

Пресекая попытки лишить его светской власти, молодой митрополит начал свою государственную деятельность с ликвидации института гувернадурства. Ввиду обнаруженных связей гувернадура Вука Радони́ча с Австрией скупщина лишила его должности, после чего начались открытые столкновения между сторонниками Радони́чей и Петрови́чей. Тогда все семейство Радони́чей было изгнано в Австрию. Но на этом борьба за власть не закончилась.

В 1831 г. в Цетинье приехали из России с большой суммой денег, посланной правительством Николая I в счет невыданной в предыдущие годы субсидии «на общественные потребности», черногорцы-эмигранты Иван Вукович и Матей Вучичевич. Они оказали помощь Негошу в пресечении попыток Вука Радони́ча восстановить должность гувернадура, в деле создания аппарата управления. Был учрежден Правительствующий сенат черногорский и брдский — высший административный и судебный орган, состоявший из 16 советников из числа племенных старейшин. Президентом Сената стал Вукотич, а вице-президентом Вучичевич. Гвардия, набиравшаяся из представителей племен, должна была поддерживать порядок в нахиях, проводить в жизнь решения Сената, разыскивать преступников. Начали регулярно собираться налоги, но эта мера наталкивалась на активное сопротивление населения.

Негош создавал местные органы управления, превращая племенных вождей в чиновников, находившихся на государственном содержании. Непокорные, сепаратистски настроенные главари отстранялись от власти. Но выступления против политики централизации управления не прекращались, и митрополит жестоко расправлялся с ними.

Вукотич и Вучичевич вскоре вступили в конфликт с Негошем, так как пытались сосредоточить в своих руках высшую власть, и в 1834 г. вынуждены были покинуть Черногорию. После этого Правительствующий сенат уже не посягал на какое-либо ограничение самовласти владыки.

В течение 20-летнего правления Петра II Черногория оставалась страной очень отсталой, хотя патриархальные порядки постепенно разрушались. Предприимчивые крестьяне, старейшины и особенно семейство Петрови́чей — родичей митрополита, пользовавшиеся всевозможными привилегиями, богатели благодаря торговле на местных рынках, в турецких и австрийских владениях. Но основная

масса населения жила в чрезвычайной бедности, частые неурожайные годы вызывали голод. Правительство оказывало посильную помощь голодающим из средств, поступавших от России, а позднее и от Сербского княжества, куда постоянно переселялись черногорцы в поисках более благоприятных условий жизни.

В течение всего периода правления Петра Негоша Черногория находилась в сфере безраздельного политического влияния России, денежная помощь которой, увеличенная в 1837 г., позволяла содержать органы управления, платить жалованье чиновникам. Благодаря поставкам зерна из России был создан запас хлеба на случай неурожая.

Следуя советам Петербурга, Негош старался поддерживать мирные отношения с Портой, с соседними турецкими пашами, с австрийскими властями в Далмации. Но продолжая политику своего предшественника, он не отказался от замысла присоединить к Черногории соседние земли, входившие в состав Герцеговины и Шкодринского пашалыка, получить выход к Адриатическому морю. Попытка овладеть Подгорицей и плодородными землями Верхней Зеты была сделана уже в 1831—1832 гг., но успеха не принесла. В 1836 г. Негош обратился к правительству Николая I с просьбой оказать содействие в деле расширения границ Черногории за счет плодородных земель Зеты, что существенно улучшило бы экономическое положение страны. Ответ был неблагоприятным. Российский министр иностранных дел К. В. Нессельроде не отрицал, что Верхняя Зета «составляла древнее достояние Черногории», но заявил, что оспаривать права Порты на ее владения невозможно — они «находятся ныне в нравственном ручательстве всех европейских держав». Следуя принципу сохранения целостности и неприкосновенности Османской империи, петербургский двор не поддерживал открыто стремления Негоша расширить территорию страны, но в спорах по некоторым пограничным вопросам все же старался защищать перед Портой интересы черногорцев.

Точно определенных границ Черногории с соседними турецкими и австрийскими владениями не существовало, что постоянно приводило к конфликтам и вооруженным столкновениям. Так например, жители Грахова в Герцеговине тяготели к Черногории, не хотели признавать местные власти и платить им налоги. Такого рода споры, в том числе в отношении Грахова, обычно урегулировались

путем соглашений и договоров с герцеговинским везирем и его представителями. В 1841 г. при российском посредничестве была заключена конвенция, точно устанавливавшая австрийско-черногорскую границу.

Черногория давно уже представлялась современникам независимым государством. В договорах с некоторыми соседними пашами она именовалась «независимой областью» и даже «независимой Черногорией». Но Порты не признавала такой статус, не утвержденный и в международных договорах. Негош не имел дипломатических представителей в европейских государствах, а защиту интересов страны на международной арене и перед Портой осуществляла Россия, также обходившаяся без своего постоянного представителя в Черногории, но периодически посылавшая туда своих чиновников со специальными миссиями. Несмотря на это Петр II Петрович постепенно расширял политические контакты с европейскими государствами — с Австрией и Францией¹⁵.

Наиболее тесными в первые годы после прихода нового владыки к власти стали связи Черногории с Сербским княжеством. Заинтересованность в этом проявили обе стороны. Негош, правитель молодой и неопытный, нуждался в поддержке и советах князя Милоша. Последний постоянно подчеркивал свою отеческую заботу об интересах Черногории — этого, по его словам, «гнезда сербского, которое столько сотен лет оставалось свободным, тогда как другие части сербского народа томилась под чужеземным игом». Митрополит, со своей стороны, заверял князя, что нуждается в его «отеческих и благоразумных советах», что «Черногория желает теперь как того желала всегда, жить в дружбе и любви со своей старшей сестрой Сербским княжеством». Практически же князь Милош пытался направлять деятельность Петра Петровича, координировать ее со своей позицией в отношении Порты и местных восстаний, которые неоднократно вспыхивали в Боснии и Герцеговине, Северной Албании и Старой Сербии. В своих письмах владыке он призывал не вмешиваться в распри соседних пашей с султанским правительством, отказаться от вооруженных нападений на турецкие владения, проявлять покорность Порте. Но такого рода советы не могли заставить черногорцев прекратить вооруженные набеги на соседей, попытки расширить государственную территорию. Ко второй половине 30-х годов отношения Черногории с Сербским княжеством

охладилась, Негош перестал доверять князю Милошу, считая его двуличным и коварным¹⁶.

Еще до прихода к власти в Сербии уставобранителей владыка стал их приверженцем. Он вел переписку с Александром Карагеоргиевичем, выражал свое преклонение перед героизмом и заслугами его отца. Сербско-черногорские контакты постепенно активизировались, чему содействовал агент А. Чарторыйского в Белграде Ф. Зах. Благодаря его настояниям в Черногорию стала посылаться денежная помощь. По некоторым сведениям Негош, находясь в Вене в 1844 г., был приобщен к планам польской эмиграции начать борьбу за освобождение от турецкой власти и государственное объединение южных славян. Он будто бы взялся привлечь к такому союзу герцеговинцев и народы, соседствующие с Черногорией. Неясно, был ли Негош непосредственно ознакомлен с содержанием «Начертания» И. Гарашанина, но нет сомнения, что он поддерживал его идеи — это обнаружилось несколько лет спустя.

В начале 1848 г. черногорцы стали готовиться к выступлению против Турции, а когда в конце апреля в Цетинье прибыл Матия Бан, ему не пришлось склонять владыку к совместным действиям сербов и хорватов ради национального освобождения и последующего государственного объединения. Негош горячо и безусловно поддержал планы белградских деятелей, обещал набрать 7 тыс. отменных борцов, но просил снабдить их аммуницией, продовольствием и деньгами. Он согласился в будущем государстве стать главой церкви, отказавшись от своих династических прав в пользу Карагеоргиевичей. Тем самым признавалась ведущая роль Сербского княжества в деле создания федеративного южнославянского государства. Переговоры Белграда с Цетинье продолжались и в 1849 г., но практических шагов для осуществления задуманных планов так и не было предпринято.

Негош не проявлял большого рвения к выполнению своих обязанностей как церковного главы, зато старался развить в стране просвещение и культуру, преодолеть архаичные обычаи и представления народа. Он не получил хорошего образования, но многого достиг сам, имел большую библиотеку, хорошо знал сербскую и русскую историю и литературу. Своим поэтическим творчеством Негош внес громадный вклад в дело осознания и распространения среди южнославянских народов идей национального возрождения и освобож-

дения. Большая часть его произведений была построена на исторических сюжетах. Это песни о борьбе с турками, об участии черногорцев совместно с русскими в войне с Наполеоном («Слободиада»), драма «Самозванный царь Степан Малый», в которой автор выступал поборником единства Черногории, сильной власти, опоры на Россию. Вершиной творчества Негоша была лирико-драматическая поэма «Горный венец», посвященная событию черногорской истории конца XVII или начала XVIII в., когда по преданию владыкой Данилой были истреблены или изгнаны из страны все турки и потурченцы, что избавило черногорцев от угрозы быть поглощенными «турецким морем», потерять свою национальную самобытность и свободу.

Содержание поэтического творчества Петра Негоша выходило за рамки черногорской действительности, охватывало историческое прошлое всех сербов с такими незабываемыми героическими страницами, как царство Стефана Душана, Косовская битва и ее герой, убийца султана Мурада — Милош Обилич. Он воспевал вождя Первого сербского восстания — Карагеоргия, который «несмотря на все препоны, все ж достиг великой цели: поднял он народ крещенный, рабство варварское рушил, сербов воскресил из мертвых, в них вдохнул живую душу»¹⁷. Карагеоргию — «праху отца Сербии» и был посвящен «Горный венец».

В этом произведении трагический пафос сочетался с глубоким патриотизмом, с верой в светлое будущее сербского народа. «Горный венец» был опубликован в 1847 г. в Вене, и распространение этого произведения в революционные годы оказывало, конечно, немалое воздействие на образованные круги сербского общества, как в Сербском княжестве, так и в Воеводине.

Петр Негош сочувствовал иллирскому движению, имел личные связи с Людевитом Гаем и Антоном Мажураничем, которые побывали в Цетинье, находился в переписке с хорватским поэтом Станко Вразом, стал почетным членом Общества сербской словесности. Все это, а главное поэтическое творчество владыки, его культурно-просветительная деятельность, стимулировали интеграционные процессы среди сербов, черногорцев, хорватов.

В октябре 1851 г. Петр II Петрович Негош скончался от чахотки, назначив в завещании своим преемником молодого племянника Данилу Петровича (1851—1860). Поддержка русского правительства

помогла Даниле одержать верх над своим соперником — братом покойного митрополита, президентом Сената Перо Томовым Петровичем. Но Данила не захотел принять монашество. В 1852 г. скупщина вынесла решение о необходимости преобразования страны в светское государство — наследственное княжество. После согласия на это России Данила был торжественно провозглашен князем.

Разделение светской и духовной власти, фактически подготовленное в период правления Петра II Негоша, явилось прогрессивной мерой. Была ликвидирована архаичная форма правления, ставшая давно уже тормозом общественно-политического развития страны. Ее международное положение укрепилось, а престиж среди балканских народов усилился.

В годы правления Данилы в Черногории значительно укрепилась центральная власть, вспыхивавшие сепаратистские и протурецкие выступления в некоторых нациях подавлялись. В 1855 г. скупщина приняла важный конституционный акт — Общий государственный законник, введивший некоторые нормы буржуазного права: равенство граждан перед законом, охрана государством их имущества, свободы и жизни. Черногорское княжество постепенно приспосабливалось к условиям европейской жизни, сохраняя вместе с тем традиционную форму правления — самодержавный режим, с неограниченными правами князя при слабой роли Сената и скупщины, лишь формально утверждавшей издаваемые князем законы и распоряжения.

В своей внешнеполитической деятельности князь Данила, как и его предшественники, преследовал две задачи: добиться признания независимости Черногории и расширения ее территории, получения выхода к Адриатическому морю. С начала 50-х гг. стало резко усиливаться освободительное движение сербского населения Герцеговины, возглавлявшееся Лукой Вукаловичем, а также в пограничных районах Шкодринского пашалыка. Опорой всех этих восстаний служила Черногория. Оттуда тайно поставлялось оружие и боеприпасы, там создавались четы, затем отправлявшиеся в Герцеговину, повстанцы всегда могли рассчитывать найти убежище в Черногории. Постепенно князь Данила стал распространять свою власть на население некоторых пограничных районов Герцеговины и Шкодринского санджака. Порта не могла оставаться равнодушной

к таким акциям. После захвата черногорцами крепости Жабляк, в 1852 г. она совершила карательный поход, проникнув в глубь страны. Военные действия были прекращены только благодаря энергичному дипломатическому вмешательству России и Австрии. Первая попытка Данилы присоединить пограничные районы Герцеговины и Шкодрина санджака не удалась, но влияние Черногории среди их населения сохранилось. Так жители Грахова и его правитель фактически подчинялись власти Данилы.

Поражение России в Крымской войне ослабило ее влияние среди правящих кругов Черногории. Князь Данила взял курс на сближение с Францией, надеясь, что Наполеон III поможет решить внешнеполитические задачи Черногории. Он решил при посредничестве держав-победительниц добиваться рассмотрения на Парижском мирном конгрессе 1856 г. вопроса о признании независимости Черногории, расширении ее границ за счет присоединения плодородных земель и получения выхода в Адриатическое море. Такие требования вызвали резкий протест Османской империи, поддержанной Великобританией и Австрией. Россия ввиду тяжелой для нее международной обстановки не стала защищать интересы Черногории, Франция же поддержала требования Данилы при условии признания им хотя бы формально верховной власти султана. Сближение Данилы с Францией и намеренье начать переговоры с Портой привели к его конфликту с Петербургом, который, однако, ввиду заинтересованности обеих сторон был быстро урегулирован. А вскоре после этого в Герцеговине вновь началось восстание, захватившее пограничные с Черногорией районы, что исключило возможность переговоров с Портой. В 1858 г. черногорские войска при поддержке герцеговинских повстанцев одержали победу над большой турецкой армией, посланной для подавления восстания, что значительно повысило престиж Черногории на международной арене и среди балканских народов. Урегулирование отношений Черногории с Османской империей стало на повестку дня европейской дипломатии. Сблизившиеся между собой Россия и Франция усилили давление на Порту, прибегнув даже к военно-морской демонстрации на Адриатическом море. После долгих оттяжек, в Стамбуле осенью 1858 г. между представителями великих держав и Портой была подписана конвенция об установлении турецко-черногорской границы. К Черногории присоединялись пограничные районы Герце-

говины и Шкодринского санджака, которые фактически уже ряд лет находились в ее составе: Грахово, Рудина, Никшичская жупа, часть Дробняка и Восоевичей, Кучи, Додоши. Но выхода к Адриатическому морю страна не получила.

В условиях подъема — национально-освободительного движения балканских народов, Черногория, как и Сербское княжество, становилась для них опорой в предстоящей борьбе с Османской империей. Князь Данила усиливал военные приготовления, мобилизовывал внутренние ресурсы. Но его внутренняя и внешняя политика, проводимые преобразования наталкивались на сопротивление и протесты части старейшинского слоя. В Вене с недовольством следили за акциями черногорского князя, которые могли расстроить давно задуманный план присоединения к Австрийской империи Боснии и Герцеговины. Однако летом 1860 г. Данила был убит.

* * *

Таким образом, в рассматриваемый период определилась внешнеполитическая программа Сербского княжества: создание полноценного независимого государства, объединяющего на основе этнической общности весь сербский народ. Но представление об этой этнической общности оставалось неопределенным, часто мыслилось слишком расширительно. Географические рамки будущего государства были недостаточно ясными. В первую очередь предполагалось присоединить к княжеству Черногорию, Боснию и Герцеговину, Старую Сербию (Косово и Метохию), где уже велась соответствующая пропаганда. В 1848—1849 гг. укрепилась идея включения в такое государство югославянских владений Австрии, а также возник проект создания федеративного балканского государства.

Хотя все эти идеи имели распространение только среди очень узкого круга деятелей, они уже находили отклик в соседней Черногории. Во время правления митрополита Петра II Петровича Негоша и князя Данилы там были достигнуты значительные успехи в деле укрепления государственной организации и расширения территории за счет соседних турецких владений — некоторых районов Герцеговины и Шкодринского санджака.

Так в середине XIX в. было практически положено начало идее собирания сербских земель, великосербской объединительной

политики, что не было изолированным явлением. В это же время аналогичные задачи возникли перед другими балканскими народами — греками, румынами, болгарами. В условиях развития буржуазных отношений и национальных движений у этих народов тенденция формирования национальных государств на мести владений османов в Юго-Восточной Европе стала необратимой, хотя на этом пути возникали большие трудности и межнациональные конфликты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Караџић Вук*. Милош Обреновић, кнез Србије//Скупљени историјски и етнографски списи Вука Караџић. Београд, 1896. Књ. I. С. 167.
- ² *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Београд, 1912. Књ. 3. С. 51—139.
- ³ *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 270—271, 297.
- ⁴ Там же. С. 301—304.
- ⁵ Споменик Српске Краљевске Академије. Београд, 1894. Књ. XXIV. С. 39.
- ⁶ Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 125.
- ⁷ *Лушић Р.* Књежевина Србија. 1830—1839. Београд, 1986. С. 391.
- ⁸ Споменик... Књ. XXIV. С. 37.
- ⁹ *Лушић Р.* Указ. соч. С. 385.
- ¹⁰ Текст «Начертания» см.: Споменик... Београд, 1939. Књ. ХСI. С. 63—113.
- ¹¹ О истории создания, содержания и реализации «Начертания» см. подробнее: *Никифоров К. В.* Сербия в середине XIX в./Начало деятельности по объединению сербских земель/М., 1995. С. 43—78; *Ћубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Изд. 2. Београд, 1982. С. 121—152.
- ¹² *Никифоров К. В.* Указ. соч. С. 5—7.
- ¹³ Там же. С. 78—87.
- ¹⁴ *Дурковић-Јакшић Љ.* Србијанско-црногорска сарадња/1830—1851/. Београд, 1957. С. 78—81, 87—88.
- ¹⁵ Формирование национальных независимых государств... С. 188.
- ¹⁶ *Дурковић-Јакшић Љ.* Указ. соч. С. 19, 22.
- ¹⁷ *Петр Негош.* Горный венец. М., 1955. С. 23.

ГЛАВА 5

Сербские национальные программы и борьба за их реализацию в 1856—1878 гг.

Парижский мирный договор 1856 г., юридически оформивший итоги Крымской войны, внес существенные изменения в международно-правовой статус Сербского княжества. Оно оставалось «как прежде, под верховной властью Блистательной Порты, согласно с императорскими хати-шерифами утверждающими и определяющими права и преимущества онога», но не при российском только, как раньше, а «общем совокупном ручательстве договаривающихся держав», т. е. Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии, Сардинии и России. Порта сохраняла право иметь свои гарнизоны в крепостях на территории Сербии, однако без предварительного соглашения между державами, поставившими свои подписи под Парижским мирным договором, не могло быть «допущено никакое вооруженное в Сербии вмешательство»¹.

Это условие договора имело важное значение для княжества, поскольку существенно затрудняло осуществление вооруженной интервенции извне. По мысли творцов Парижского трактата коллективные гарантии держав должны были помешать установлению в Сербском княжестве преобладающего влияния одной из них. На практике же оказалось, что австрийское влияние в Сербии вскоре после окончания Крымской войны стало господствующим. Используя свое географическое положение, а также ослабление позиций России в княжестве, Австрия, опираясь на австрофильскую политику князя Александра Карагеоргиевича, стремилась подчинить Сербию себе. Франция и Англия, заинтересованные в первую оче-

редь в ослаблении влияния России на Балканах, не препятствовали австрийским притязаниям.

После Крымской войны внутривосточная ситуация в Сербии становилась все более напряженной, приобретая взрывоопасный характер. Ясно обозначился глубокий политический кризис олигархического режима уставобранителей ярким проявлением которого явилась борьба между сербским князем и Советом — главным органом уставобранительского режима — за политическое преобладание. Князь, не имея опоры внутри страны, стремился найти поддержку вовне. Австрийский консул в Белграде Т. Радосавлевич каждый день появлялся в княжеском дворце и как свидетельствовал прусский консул в Белграде «князь ничего не решал без согласования с Радосавлевичем». Австрийский консул добился назначения проавстрийски настроенных министров. Во внешней политике князь Александр во всем следовал советам австрийской дипломатии. Среди политических деятелей Сербии конца 50-х гг. не было, да и не могло быть единства взглядов по вопросам внешнеполитической ориентации княжества. Наиболее дальновидный деятель уставобранительского режима Илия Гарашанин считал, что Австрия является непримиримым врагом Сербии, выступая против австрофильского курса князя, он предлагал опираться на Францию. Часть уставобранительских лидеров симпатизировало России, большинство же в борьбе с князем опиралось на Турцию.

Ростом недовольства политикой Александра Карагеоргиевича воспользовались сторонники династии Обреновичей, активизировавшие свою деятельность. Наиболее последовательными борцами против режима уставобранителей были сербские либералы — Е. Груйич, М. Янкович, Р. Алимпич и др., — стремившиеся перенести идеи буржуазной государственности, заимствованные ими в Западной Европе, на сербскую почву. Против князя объединились представители различных политических группировок, в том числе многие видные деятели уставобранительского режима — И. Гарашанин, Т. Вучич и др.

После ряда неудавшихся попыток свергнуть Александра Карагеоргиевича широкая оппозиция его правлению по совету министра внутренних дел И. Гарашанина решила использовать в качестве средства свержения князя народную скупщину, которая за все время

пробытия у власти уставобранителей созывалась лишь один раз, в 1848 г.

Начавшаяся в конце ноября 1858 г. Свято-Андреевская скупщина стала крупнейшим событием в истории Сербии этого времени. По ее решению был свергнут Александр Карагеоргиевич и на сербский престол вновь избран Милош Обренович. Важнейшим результатом скупщины явилась ликвидация олигархического режима уставобранителей.

Созыв Свято-Андреевской скупщины вызвал недовольство Порты. В ее протесте по этому поводу было заявлено, что для управления страной вполне достаточно предусмотренных конституцией 1838 г. органов государственной власти — князя и Совета. В защиту Сербии выступили Франция и Россия². Особые опасения в Стамбуле вызвал выбор скупщиной князем Сербского княжества Милоша Обреновича. Однако под давлением России и турецкому правительству пришлось согласиться. Оказавшись второй раз на сербском престоле Милош Обренович начал дипломатическое наступление, требуя прежде всего признания султаном наследственных прав своей династии и выселения турецкого населения, проживавшего в княжестве за пределами крепостей. В 1860 г. старый князь скончался и на княжеский престол вступил его сын — Михаил. Порта, стремясь избежать новых осложнений в Сербии, была вынуждена согласиться с его кандидатурой.

Михаил Обренович был европейски образованный человек. Он взшел на престол с широкой и претенциозной программой внутри и внешнеполитического развития Сербии. Приблизив к себе самого способного представителя консерваторов — И. Гарашанина, Михаил вскоре назначил его министром иностранных дел, а затем — премьер-министром. Русский консул в Белграде А. Е. Влангали в связи с этим в одном из своих донесений отмечал, что «И. Гарашанин чуть ли не единственный, кто понимает положение дел в стране». Сербский князь разделял национальную внешнеполитическую программу, составленную И. Гарашаниным в 1844 году и известную под названием «Начертание». В 50-х и 60-х гг. она получила свое дальнейшее развитие. В соответствии с внешнеполитической программой Михаила — Гарашанина автономное Сербское княжество во главе с династией Обреновичей должно было возглавить борьбу против Османской империи с целью создания нового государства, в

состав которого должны были войти земли, населенные не только сербами, но и другими югославянскими народами — Босния и Герцеговина, Черногория, Македония, Хорватия, последняя — в случае распада Австрии. Князь Михаил и И. Гарашанин понимали, что без объединения всех сил балканских народов и использования благоприятной международной обстановки — без поддержки одной из великих держав, невозможно одолеть столь сильного противника, как Османская империя. Так появилась идея создания Балканского союза. Главой и основной силой этого союза по мысли его создателей и идеологов должна была стать Сербия, так как только в этом случае можно было рассчитывать на претворение в жизнь великосербской программы. Князь и его премьер-министр разработали и осуществили целый ряд реформ, чтобы подготовить страну к предстоящей войне с Османской империей.

Так выдающийся сербский политический деятель и национальный идеолог Гарашанин во второй раз (после 40-х гг.) приступил к реализации своих планов, поддержанных князем Михаилом. В области внутренней политики князь Михаил и его премьер-министр, убежденный сторонник принципа монархизма, прежде всего стремились укрепить личный режим князя. Главным препятствием на этом пути являлась конституция 1838 г. (так называемая Турецкая конституция, сильно ограничивавшая права князя). Михаил Обренович и И. Гарашанин решили выяснить мнение европейских правительств относительно возможности отмены старой конституции и замены ее новой. В Петербурге им был дан совет, не отменять формально конституцию 1838 г., а свести ее на нет принятием ряда новых законов³.

В начале 60-х гг. в Сербии были изданы законы, обеспечившие укрепление власти князя и установление авторитарного режима князя Михаила. Государственный совет был полностью поставлен под контроль князя, создан совет министров, члены которого назначались князем и были ответственны только перед ним, князь получил право определять своего престолонаследника, народная скупщина была превращена в совещательный орган не имеющий реальных полномочий и созываемый раз в три года. Одной из важнейших реформ стала военная реформа: было создано так называемое народное войско и введена всеобщая воинская повинность. Это позволяло княжеству иметь значительную армию, что князь Михаил

и его премьер-министр считал важнейшей предпосылкой выполнения своих внешнеполитических планов.

Принятие новых законов и активизация внешней политики княжества привели к резкому обострению сербско-турецких отношений. Османская империя решила поставить вассальное княжество на место. В результате возник Белградский кризис 1862 г., приведший к бомбардировке города турецкими крепостными орудиями. По инициативе держав-гарантов Парижского мира в предместье Константинополя была созвана международная конференция для урегулирования вопроса о 6 турецких крепостях с гарнизонами и турецким населением, жившим и за их пределами. Сербия добивалась ликвидации этих крепостей, Порты не желала уступать. В итоге было принято компромиссное решение о срытии двух малозначительных крепости — Сокола и Ужице а в Белграде под турецкой юрисдикцией осталась лишь крепость.

В ходе белградского кризиса 1862—1863 гг. сербское правительство убедилось еще раз в необходимости объединения усилий балканских народов для успешной борьбы с Портой. Гарашанин в начале 60-х гг. сделал первые попытки начать переговоры о возможном союзе против Османской империи с Черногорией и Грецией. Однако эти переговоры не принесли позитивных результатов, что в значительной мере было обусловлено противоречиями между самими балканскими государствами, усугублявшимися вмешательством великих держав.

Австро-прусская война 1866 г. и поражение Австрии, главного противника осуществлению сербских планов на Балканах, создавали, по мнению князя Михаил и Гарашанина, благоприятную обстановку для активизации действий Сербии по организации Балканского союза. Какое-то время Австрийская империя (после 1867 г. — Австро-Венгрия) не могла проводить активную внешнюю политику в том числе и на Балканском полуострове. 1866 г. был отмечен ростом напряженности и в европейских владениях Османской империи. Вспыхнуло восстание на Крите, усилились волнения среди албанского населения. На заседании совета министров Сербии в июле 1866 г. было принято решение ускорить военную подготовку страны, активизируя одновременно переговоры по созданию Балканского союза ⁴.

Князь Михаил и Гарашанин считали создание Балканского союза важнейшим условием для начала вооруженной борьбы с Османской империей. Они понимали, что силы отдельных балканских государств слишком слабы, чтобы нанести поражение такому сильному противнику. При помощи двухсторонних переговоров с балканскими странами и представителями освободительных движений сербское правительство рассчитывало избежать противоречий (или, по крайней мере, смягчить их) по территориальным вопросам, обнаружившихся уже на начальной стадии переговоров в первой половине 60-х гг.

И. Гарашанин рассматривал союз с Черногорией как краеугольный камень создаваемого Балканского союза. Провозглашение Черногории светским княжеством способствовало консолидации разрозненных племен и упрочению государственности. После прихода к власти князя Николая (1860—1918) несколько улучшилось экономическое и политическое положение страны. Ведя непрерывную борьбу с Турцией (в 1862 году было отражено очередное нашествие турецких армий, угрожавших Цетинью) князь Николай был заинтересован в сближении с Сербией. Опираясь на ежегодные русские субсидии, а также на дипломатическую помощь и защиту России, Черногория добилась к середине 60-х г. укрепления своего внутреннего положения, роста авторитета и влияния среди других балканских народов, особенно в Герцеговине.

Исторически так сложилось, что за право играть ведущую роль в национально-освободительном движении сербского народа соперничали два государства, два княжества — Сербия и Черногория. Князь Николай вполне разделял «заветную мысль» князя Михаила и Гарашанина о необходимости объединения и освобождения сербского народа, но если последние видели результатом этого процесса создание «великой Сербии» во главе с династией Обреновичей, то князь Николай хотел, чтобы это новое государство возглавляла династия Петровичей-Негошей. Эти династические разногласия порождали взаимное недоверие сербского и черногорского князей, они постоянно соперничали и домогались руководящей роли в национально-освободительном движении (особенно в Боснии и Герцеговине). Но и тот и другой ощущали настоятельную необходимость взаимного сотрудничества. Распыление и без того ограниченных сил княжеств вело лишь к поражениям.

С мая 1866 г. возобновились сербско-черногорские переговоры. Каждая сторона разработала свой проект соглашения. Сами переговоры проходили в очень сложной обстановке. Князь Николай не желал смириться с ведущим положением Сербии в союзе. Однако он не мог не считаться с общественным мнением черногорского и сербского народов в пользу объединения усилий двух княжеств для борьбы с Османской империей. Отказ от подписания договора неминуемо привел бы к умалению роли Черногории в национально-освободительном движении на Балканах. Поэтому князю Николаю пришлось пойти на определенные уступки. 23 сентября (5 октября) 1866 г. договор был подписан в Цетинье. Обмен ратификационными экземплярами состоялся в Белграде 14/26 октября 1866 г.

Согласно тексту подписанного договора, состоявшего из 12 статей, основной целью сербо-черногорского союза была совместная деятельность княжеств «по скорейшей подготовке восстания против Османской империи для освобождения всего сербского народа в Турции от турецкого ига и соединения его в едином сербском государстве». В случае успеха этого предприятия князь Николай обещал присоединить Черногорию к новому государству во главе с Михаилом Обреновичем, который со своей стороны брал на себя обязательство обеспечить в новом государстве князю Николаю ранг принца правящей династии и ежегодное содержание в размере 20 тыс. дукатов, а также право первенства в наследовании сербского престола перед всеми после князя Михаила, его сына или законного наследника, если таковой будет. Имя князя Николая должно было упоминаться в молитвах во всех церквях после имени князя Михаила. Соответствующее материальное положение гарантировалось и ближайшим родственникам черногорского князя. В случае объединения княжеств все черногорские старейшины и чиновники получали равное содержание с сербскими чиновниками, а весь народ черногорский права и свободы, которыми пользовались жители Сербии. Из уважения к заслугам черногорцев сербский князь должен был проявлять всяческое снисхождение при распределении налогов в новом объединенном государстве. Поскольку в Черногории не было обязательной воинской повинности, черногорцы на 25 лет освобождались от рекрутских наборов, но могли вступать в армию как добровольцы.

Ряд статей договора был посвящен конкретизации обязательств сторон по подготовке к войне с Портой. Оба князя согласились,

каждый в границах своих возможностей, привлекать союзников, вести подготовку к восстанию среди подвластных Османской империи народов и добиваться поддержки их планов со стороны великих держав. Черногорский князь должен был начать войну вместе с Сербией всеми наличными силами. С этой целью Черногория обязывалась интенсивно готовиться к войне, а Сербия оказывать ей в этом всяческую помощь. Оба князя обещали не начинать никаких военных действий против Османской империи без предварительного согласования и не вступать в сепаратные переговоры с Портой. Черногория должна была во всем следовать выработанному совместно военному плану⁵. Сам договор сохранялся в строжайшей тайне.

Заключение союзного договора между Сербией и Черногорией было первым шагом на пути претворения в жизнь планов Гарашанина и князя Михаила в деле создания Балканского союза. Сербско-черногорский договор по праву можно считать становым хребтом Балканского союза. Его заключение означало объединение сил двух княжеств для борьбы против Османской империи. Формально договор устранял противоречия между двумя династиями. Князь Николай, по крайней мере на бумаге, отказывался от династических притязаний ради общего дела — национального освобождения.

Идея объединения сил Сербии и Черногории для борьбы против Османской империи была в тот период чрезвычайно популярна как в кругах сербской интеллигенции, так и среди широких народных масс обоих княжеств. Только на путях единства можно было рассчитывать на успех. Такие настроения не могли не воздействовать на князя Николая. В случае отказа подписать договор он мог лишиться пиетета одного из лидеров национально-освободительной борьбы сербского народа.

Значение договора трудно переоценить. Впервые после Первого сербского восстания 1804—1813 гг. идея объединения сил Сербии и Черногории для борьбы против османских угнетателей получила свое материальное воплощение. Он отражал объективно назревшую необходимость сплочения сил княжеств для решения стоявшей перед ними главной исторической задачи — освобождения и объединения сербского народа. В этом и заключалось позитивное значение соглашения между Сербией и Черногорией 1866 г. Вместе с тем нельзя не отметить, что в договоре получила свое воплощение концепция создания «Великой Сербии», заключавшаяся в присо-

единении новых территорий к Сербии. Правящие круги сербского княжества хотели закрепить главенствующую роль Сербии в национально-освободительной борьбе сербского народа.

Черногорский князь вынужден был согласиться с гегемонией Сербии, позиции которой были усилены поддержкой России. Однако взаимное соперничество и недоверие династий Петровичей и Обреновичей не исчезло в результате подписания союзного договора 1866 г. Это отразилось на дальнейшем развитии сербско-черногорских отношений. Руководители Сербского княжества делали все возможное для удержания Черногории в фарватере внешней политики Сербии, в то время как князь Николай стремился укрепить авторитет и влияние Черногории в Герцеговине, при этом часто действуя вопреки договору о союзе.

Важное значение для готовившегося столкновения с Османской империей имело и соглашение с Грецией — единственным в это время независимым государством на Балканском полуострове. Переговоры с греками вел сербский представитель в Стамбуле Йован Ристич. Но сначала успеха в ходе переговоров добиться не удалось. Только после прихода к власти в Афинах в 1866 г. группировки А. Кумундурса дело сдвинулось с мертвой точки. После долгих переговоров союзный договор был подписан в августе 1867 г.

В тексте договора подчеркивалось, что необходимость такой договоренности вытекает из постоянной угрозы нападения турецких войск на Сербию и Грецию. В случае объявления войны Порте стороны должны были предварительно договориться о своих действиях. В случае турецкого нападения на одну из договаривающихся сторон, другая сторона немедленно вступала в войну. Сербия должна была к марту 1868 г. иметь в готовности 60 000 солдат, а Греция — 30 000 и флот. В случае нападения турецких войск на одну из сторон до марта 1868 г., другая сторона должна была помогать своему союзнику всеми средствами, а после упомянутого срока — сама вступить в войну. После объявления войны Османской империи обе стороны обязывались вести борьбу до полного освобождения всех христианских народов в Европейской Турции и на островах Архипелага. В случае невозможности осуществления этой конечной цели, союзники давали друг другу обязательство обеспечить присоединение следующих территорий: к Греции — Эпира и Фессалии, к Сербии — Боснии и Герцеговины. Союзники обязывались уважать

волю народов, которые присоединятся к общей борьбе. Всем обеспечивалась возможность либо присоединиться к одной их договаривающихся сторон, либо создать собственные государства, входящие в совместную с Сербией и Грецией конфедерацию. Союзники брали на себя обязательство привлекать к борьбе против Османской империи соседние народы, например албанцев, и вооружать их; общими усилиями привлечь к союзу Румынию. Вовлечение в союз Черногории поручалось Сербии. Договор о союзе дополнялся специальной военной конвенцией. Обе договаривающиеся стороны обязывались всеми средствами добиваться признания дружественными государствами права балканских народов самим решать свою судьбу.

Договор вступал в силу после ратификации его греческим королем и князем Сербии. В отдельном протоколе, приложенном к тексту договора указывалось, что союзники должны будут договориться о границах областей, которые они могли бы присоединить в случае, если один из них не сможет получить предусмотренные территории. Это дополнение было внесено по настоянию сербской стороны, которая очень опасалась противодействий сербским притязаниям в Боснии и Герцеговине со стороны Австро-Венгрии ⁶.

Ход сербо-греческих переговоров выявил значительные противоречия между двумя сторонами, прежде всего по вопросу о разделе подлежащих освобождению территорий Европейской Турции. Противоборство двух национальных программ — панэллинской и велокосербской стало главным препятствием на пути объединения их усилий в борьбе против Османской империи. Сербо-греческое соглашение представляло собой компромисс, не дававший значительных преимуществ ни одной из сторон. Туманные упоминания о возможности создания конфедерации дальнейшего развития не получили.

Сербскому княжеству также удалось достигнуть соглашения о дружбе с Румынией, правда, не предусматривавшее военный союз, но и в таком ограниченном виде оно было очень важным для Сербии, так как обеспечивало ее коммуникации с Россией, которая оказывала поддержку Сербии в ее планах ⁷. Наряду с заключением договоров и соглашений с независимыми и полунезависимыми балканскими государствами И. Гарашанин в своих планах большое значение придавал вовлечению в борьбу с Османской империей

народов, лишенных своей государственности. Здесь Сербия стремилась опереться на политические организации и группы, готовые к сотрудничеству с ней. Так И. Гарашанин рассчитывал привлечь лидеров хорватских буржуазных партий к сотрудничеству с Сербией. Он поддерживал личные контакты с главой хорватской Национально-либеральной партии (народняков) епископом Й. Штросмайером. Политическая программа народняков не исключала возможности достижения соглашения с Сербией. Народняки допускали, что Сербия может стать центром объединения южных славян и приветствовали внутреннюю стабилизацию Сербского княжества и его внешнеполитические успехи. Их югославизм получил свое выражение в определении конечной цели партии, заключавшейся в государственном объединении всех южных славян. Однако югославизм в идеологии народняков сочетался с австрославизмом, т. е. стремлением добиться равноправия славян с помощью федерализации Австрийской империи.

До 1866 г. контакты Гарашанина со Штросмайером сводились в основном к обмену мнениями по различным политическим вопросам. После австро-прусской войны народнякам и сербскому правительству стало ясно, что поражение Австрии неизбежно повлечет за собой серьезные перемены в империи. Не исключалась даже возможность ее распада. В этих условиях вопрос о создании югославянского государства приобретал реальный характер. Гарашанин полагал, что распад Австрийской империи дело недалекого будущего, что на месте империи может возникнуть конфедерация из трех независимых государств, созданных чехами, венграми и южными славянами. В июне 1866 г. он решает начать непосредственные переговоры с Й. Штросмайером. Однако лидеры партии народняков после поражения Австрии в войне с Пруссией еще надеялись добиться федералистского переустройства империи в духе идей австрославизма. Поэтому зондаж Гарашанина не принес практических результатов⁸. Но уже осенью 1866 г., когда все больше стала вырисовываться перспектива оформления австро-венгерского дуализма, лидеры народняков в своей внешнеполитической деятельности начинают проявлять стремление к сближению с Сербией. В сентябре 1866 г. Штросмайер сообщил Гарашанину о согласии сотрудничать во имя создания единого югославянского государства. В марте 1867 г. Анте Орешкович, бывший капитан австрийской

армии, дезертировавший в Сербию в 1862 г. и ставший доверенным лицом Гарашанина, составил проект программы югославянской политики Сербии, который был отредактирован Гарашаниным и отослан Штросмайеру. Хотя никакого документа в этой связи не было подписано и, следовательно, юридически соглашение осталось не оформленным, Штросмайер и руководство народняков согласились с основными принципами, изложенными в проекте, о чем уведомили Гарашанина⁹. Отсутствие формального договора по всей видимости объяснялось позицией сербского правительства, не желавшего заключать международные акты с теми, кто не имел на это права с точки зрения государственных юридических норм, и опасавшегося компроментации Сербии.

«Неизменной и вечной» целью сербов и хорватов в проекте программы объявлялось освобождение христиан, изнывавших под гнетом Османской империи и создание условий для образования объединенного союзного югославянского государства, политическое устройство которого определят объединившиеся в нем народы. Достичь этой цели предполагалось постепенно, поэтапно. Ближайшей задачей программы, ее первым этапом было освобождение и присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины. Возглавить борьбу за их освобождение должны были «два столпа югославянского дела» — Белград и Загреб. Основой будущего единого государства признавался национальный принцип. Освобождение Боснии и Герцеговины являлось первой ступенью к достижению цели. Хорватия со своей стороны также должна была готовиться к ее осуществлению, избегая усиления зависимости от Вены и Будапешта. Программа предусматривала целый ряд конкретных мер по организации восстания в Боснии и Герцеговине, которое должно было начаться «еще в этом году». При этом предусматривалось перебросить в Боснию и Герцеговину ряд чет, которые затем стали бы ядром повстанческой армии. Четы должны были формироваться и получать снабжение из Сербии, Черногории, Хорватии и Военной границы. Для координации четнической деятельности предполагалось создать специальные комитеты в Белграде и Загребе. Важным условием успеха восстания, по мысли авторов программы, являлось обеспечение невмешательства великих держав. Для этого нужно было представить дело так, чтобы восстание выглядело как спонтанное движение народов Боснии и Герцеговины. После освобождения значительной части их

территории должно было составиться правительство, которое провозгласило бы объединение этих областей с Сербией при сохранении вассальных отношений с Портой. Расчет делался на то, что Османская империя не сможет собственными силами подавить восстание, а великие державы, как и в случае с Критом, не решатся на прямое вмешательство. Однако в данном случае договаривающиеся стороны ошибались. Австро-Венгрия не исключала возможности вторжения Сербии в Боснию. В декабре 1867 г. Андраши говорил австро-венгерскому послу в Константинополе А. Прокешу-Остену, что в таком случае «монархия немедленно оккупирует Сербию»¹⁰.

Ясно прослеживается главная цель сербской стороны при создании программы — обеспечить содействие хорватской Национальной партии в деле присоединения Боснии и Герцеговины к Сербии. В обмен на это содействие давались туманные обещания о создании в будущем объединенного югославянского государства.

Народняки соглашались с планами Гарашанина — Орешковича, рассчитывая на поддержку Сербии в их борьбе за права хорватского народа. Уже в мае 1867 г. был создан Главный комитет в Загребе. Близкий соратник Штросмайера М. Мразович, приехав в Белград в апреле 1867 г., сообщил Гарашанину, что несмотря на неблагоприятное впечатление, произведенное на руководство Национальной партии поездкой князя Михаила в Константинополь, она не отказывается от сотрудничества и согласна, в случае необходимости, ожидать нового срока начала совместных действий. Гарашанин заверил Мразовича в искренности намерений Сербии и, по сообщению российского консула в Белграде Н. П. Шишкина, просил передать лидерам Национальной партии, что пока следует «содействовать приготовлению по знаку Сербии восстания в Боснии; когда же настанет час действия, помочь княжеству присылкою офицеров, волонтеров и всяких средств для поддержания движения». Мразович заявил, что в случае восстания, хорваты готовы выйти из состава Австрии и присоединиться к Сербии.

Перемена международной обстановки и изменение внешне-политического курса Сербии в конце 1867 г., когда князь Михаил пытался присоединить Боснию и Герцеговину при содействии Австро-Венгрии, привели к тому, что контакты сербского правительства с хорватской Национальной партией не получили дальнейшего развития. Тем не менее рассмотренная выше программа

явилась важным шагом на пути объединения сил балканских народов в их борьбе за национальное освобождение.

Сербское правительство вело также переговоры о возможном участии в совместном антиосманском выступлении и с Добродетельной дружиной, объединявшей представителей крупной болгарской эмигрантской буржуазии. Сербское правительство при этом стремилось установить контроль над действиями болгарского освободительного движения, рассчитывая использовать восстание болгар прежде всего для реализации собственной внешнеполитической программы. До заключения формального соглашения дело не дошло, хотя представители Добродетельной дружины предлагали проекты соглашения, предусматривавшие создание объединенного сербско-болгарского государства. Очевидно И. Гарашанин не хотел связывать себя слишком серьезными обещаниями на будущее, не доверяя своим болгарским партнерам.

Еще одним неотъемлемым элементом планов сербского премьер-министра была организация сербской политической пропаганды в пограничных с Сербией областях Османской империи и подготовка там восстания. По его мысли одновременно с выступлением участников Балканского союза должно было начаться восстание в Боснии и Герцеговине, на Косово и в Албании. Самым важным сербский министр считал создание хорошо организованной сети тайных агентов в турецких областях из местных жителей. «Если послать человека из Сербии,— писал И. Гарашанин Й. Мариновичу,— то в таком случае это расценивалось бы уже не как внутреннее дело угнетенного народа, а как эгоистические устремления Сербии. В этом случае предприятие не имело бы никакого смысла, а Сербия подвергалась бесполезной компрометации»¹³.

В 1862 г. был создан специальный комитет, задачей которого было руководство и координация всей деятельности по организации сербской пропаганды за пределами княжества и подготовка восстания. Комитет составляли: председатель — государственный советник Л. Арсениевич-Баталака и два члена: полковник Ф. Зах, начальник артиллерийской школы, и А. Николич, выполнявший обязанности секретаря. Деятельностью комитета непосредственно руководил сам И. Гарашанин. Ему передавались все донесения агентов, содержание которых сообщалось и князю Михаилу. Техничес-

кой стороной дела ведал А. Николич. Он знал подлинные имена агентов и их псевдонимы, высылал им деньги¹⁴.

Практический результат работы агентов И. Гарашанина состоял в сборе информации о положении дел в Европейской Турции и распространении там влияния сербского правительства. Однако сфера деятельности и влияние малочисленных агентов были очень ограниченными. После отставки И. Гарашанина с поста премьер-министра в конце 1867 г. подготовка княжеством вооруженного выступления против Османской империи прекратилась.

Ошибочным было представление сербских государственных деятелей, что в любом районе Европейской Турции можно вызвать восстание в нужный момент, благоприятный с точки зрения международной обстановки в Европе, используя для организации его своих доверенных лиц. Они заблуждались, полагая, что все условия для такого восстания давно созрели и надо только бросить клич. Сербские политики недоучитывали тот факт, что у крестьянского населения Боснии, Герцеговины и других, сопредельных с Сербией областей Османской империи, на первом месте стояли социальные противоречия, усугубленные непомерным гнетом феодальной Османской империи.

Для И. Гарашанина и его соратников подготовка восстания в Европейской Турции всегда была вспомогательным средством в реализации сербской внешнеполитической программы. Они хотели организовать такое движение, которое с самого начала было бы ограничено строгими рамками и не выходило из-под их контроля. Это заранее обрекало подобную акцию на неудачу.

С формальной точки зрения к маю 1868 г. сербскому правительству удалось добиться максимальных результатов в деле создания Балканского союза. Было достигнуто соглашение с Черногорией, заключен союзный договор с Грецией. В начале 1868 г. была подписана сербо-греческая военная конвенция, ратифицированная в мае и был заключен договор о дружбе с Румынией. В сербско-греческой военной конвенции была даже намечена дата совместного выступления против Порты — сентябрь 1868 г. С большим или меньшим успехом сербское правительство вело переговоры о сотрудничестве с хорватами, болгарами и албанцами. Правительству удалось добиться в 1867 г. вывода турецких гарнизонов их всех крепостей, расположенных на территории Сербского княжества.

Но Балканский союз так и не проявил себя в действии. В ноябре 1867 г. князь Михаил неожиданно уволил в отставку И. Гарашанина, а в мае 1868 г. князь был убит заговорщиками. После этого практическая деятельность по реализации идей Балканского союза прекратилась. Однако причины неудачи союза нельзя сводить только к гибели князя Михаила и смене его симпатий.

Одной из главных причин отказа от осуществления этих планов была военная слабость всех союзников и прежде всего Сербии, что не могло не отражаться на политике князя Михаила, понимавшего огромную степень риска для Сербии. Это обстоятельство сыграло важную роль в том, что Михаил начал весьма сложную игру с графом Андраши, обещавшим ему получение Боснии и Герцеговины мирным путем, без войны¹⁵.

На деле это была лишь хитрая приманка для Сербии. Австро-Венгрия сама имела притязания на Боснию и Герцеговину, но в это время стремилась избежать каких-либо обострений на Балканах, поэтому она оказала большое давление и на Порту, чтобы та согласилась передать оставшиеся крепости на сербской территории сербскому князю.

Еще одной важной причиной неудачи союза были резкие противоречия между участниками, прежде всего по территориальным вопросам. Если понимание необходимости объединения усилий для освобождения от власти Порты присутствовало у всех, то перспективы дальнейшего развития событий в случае победы все видели по-разному.

Наконец, свой вклад внесли и противоречия великих держав на Балканах. Еще очень слабые в тот период балканские государства не могли обойтись без поддержки извне. Гарашанин всячески стремился обеспечить для Сербии поддержку нескольких великих держав, но на практике лишь Россия, заинтересованная в восстановлении своего влияния на Балканах после Крымской войны, оказала Сербии значительную дипломатическую, материальную и военную поддержку¹⁶. Остальные великие державы занимали или открыто враждебную позицию, или не оказали никакой поддержки.

Но несмотря на неудачу Балканского союза 60-х гг. сама идея объединения усилий балканских стран и народов в борьбе за освобождение не была дискредитирована.

Консервативные взгляды князя Михаила и И. Гарашанина на способы и методы реализации национальных сербских идей отнюдь не исчерпывали весь спектр сербского идейного наследия 60-х гг. прошлого века. Либеральное направление было представлено движением Омладины — сербской молодежи, центр которого находился в Воеводине. Омладина объединяла различные по своему характеру группы и организации: литературные кружки, политические союзы, студенческие общества. Основное направление ее деятельности было культурно-просветительное. Главной своей задачей Омладина и ее идеологи Владимир Йованович и Светозар Милетиц считали создание политического единства всех сербских земель. Таким образом, если понимание необходимости освобождения и объединения сербского народа как важнейшей задачи присутствовало как у консерваторов, так и у либералов, то в отношении средств достижения этой цели и форм ее реализации единства не было.

Гарашанин и князь Михаил пытались привлечь не свою сторону Омладину и воеводинских либералов. Но из этого ничего не получилось. Либералы были недовольны авторитарным режимом, установленным князем Михаилом в Сербии. На Белградском съезде Омладины дело дошло до ее полного разрыва с сербским правительством. Главным идеологом революционно-демократического направления сербской общественной мысли был Светозар Маркович. Сущность его взглядов на развитие Сербского княжества заключалась в ликвидации монархии и установлении демократической республики, он считал необходимым реорганизовать государственное устройство княжества на началах широкого самоуправления. Внешнеполитическая часть его программы также включала в себя освобождение и объединение всех составных частей сербского народа, но средством достижения этой цели сербский идеолог считал национально-освободительную революцию южнославянских народов, в результате которой был бы создан союз (федерация) свободных и равноправных народных республик. Реальная политическая ситуация, сложившаяся на Балканах в 60—70-е гг. не давала оснований для реализации такой демократической программы. Слабое экономическое и социальное развитие балканских народов, раздираемых внутренними противоречиям, постоянное вмешательство великих держав делали практически невозможной реализацию идей Светозара Марковича.

После смерти князя Михаила сербский престол остался без прямого наследника. Князем был провозглашен малолетний Милан Обренович, племянник князя Михаила. До его совершеннолетия власть в стране переходила в руки трех регентов — М. Блазнаваца, Й. Ристича и Й. Гавриловича. Главным идеологом регенства был умеренный либерал Йован Ристич. На словах он никогда не отказывался от продолжения прежнего направления внешней политики княжества, разработанного И. Гарашаниным, но на деле наместники не вели какую-либо подготовку вооруженного выступления против Османской империи. Ристич считал, что Сербия сможет получить территориальные приращения и осуществить свою главную цель — завоевание независимости — с помощью дипломатических комбинаций при опоре на великие державы. Но попытки возобновить торг с Австро-Венгрией в отношении Боснии и Герцеговины закончились ничем. Наместничество стало снова искать пути сближения с Россией. Проавстрийский курс не способствовал росту авторитета княжества среди балканских народов. Черногорский князь Николай начал реально претендовать на роль лидера национально-освободительного движения сербов, воспользовавшись пассивностью Сербского княжества.

В 1875 г. вспыхнуло восстание христианского населения в Боснии и Герцеговине, вызванное в первую очередь резко усилившимся экономическим гнетом Османских властей и положившее начало восточному кризису 1875—1878 гг. Оно быстро распространилось на всю территорию Боснии и Герцеговины, вызвав небывалый национальный подъем в Сербии и Черногории. Общественность требовала оказания помощи сербским братьям, добровольцы отправлялись сражаться за «сербское дело».

Правительство княжества было застигнуто врасплох. Прежняя деятельность Гарашанина по проведению сербской политической пропаганды в окрестных территориях Османской империи и подготовке к восстановлению была заброшена. Князь Милан не желал вступать в войну с Османской империей, но давление на него и правительство нарастало.

В этой обстановке была предпринята попытка возобновить союзные договоры, заключенные князем Михаилом и Гарашаниным. Однако переговоры с Румынией и Грецией закончились ничем. Удалось договориться только с Черногорией, но князь Николай не захо-

тел возобновлять прежний договор 1866 г. Он согласился выступить против Порты заодно с Сербией, однако при этом отказался от заключения военной конвенции и потребовал сохранения за ним права командования черногорской армией. Договорились лишь о разработке общего плана военных действий¹⁷. Снова разгорелось прежнее соперничество между Сербией и Черногорией за руководство повстанческим движением в Боснии и Герцеговине. Черногория доминировала в Герцеговине, а сербское влияние было преобладающим среди боснийских сербов. Все это не способствовало успеху боснийско-герцеговинского восстания.

В июне 1876 г. началась сербо-черногоро-турецкая война. На помощь Сербии направились добровольцы из России. Командующим сербской армией стал генерал М. Г. Черняев. Но если черногорцы успешно действовали в горах Герцеговины, то Сербия оказалась гораздо уязвимей. Турецкая армия, сосредоточенная против Сербии, которую Порты справедливо считала главным противником, перешла в наступление. Несмотря на героическое сопротивление сербского народного войска турки прорвали фронт под Джунисом и по долине Моравы двинулись на Белград. России удалось остановить турецкие войска своим ультиматумом. Но Сербии пришлось выйти из войны. Продолжала сражаться лишь Черногория.

В 1877 г. началась русско-турецкая война. После долгих уговоров и колебаний князь Милан присоединился к России и снова вступил в войну с Османской империей, однако продвижение сербских войск на южном фронте было остановлено перемирием, заключенном между Россией и Турцией. Сербским войскам удалось освободить ряд районов на юге (Пирот, Вранье).

Как известно драматические события Восточного кризиса 70-х гг. завершились Берлинским конгрессом. По его решению Сербия и Черногория добились признания своей независимости. Оба княжества получили и территориальные приращения: к Сербии были присоединены 4 новых округа площадью 11 тыс. кв. км., Черногория также в 2 раза увеличила свою территорию, получив ряд плодородных земель с городами Подгорица, Ульцин и др. Завоевание независимости явилось результатом длительной и героической борьбы Сербии и Черногории.

Эти итоги были весьма неплохи для Сербского княжества, особенно учитывая первую неудачную для него войну с Турцией. Но

решением Берлинского конгресса Австро-Венгрия получила право на бессрочную оккупацию Боснии и Герцеговины, занимавшей центральное место во внешнеполитических планах Сербии и ставшей причиной вступления княжества в войну. Теперь на пути сербских планов в Боснии и Герцеговине встало непреодолимое препятствие: сражаться с Австро-Венгрией ей было не под силу.

Результатом оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины стал в дальнейшем перенос внешнеполитической активности сербского княжества на юг, где вокруг Македонии, оставшейся в составе Османской империи, возник новый узел напряженности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917 гг. М., 1952. С. 31.
- ² *Ловановић С.* Уставобранители и њихова влада. Београд, 1933. С. 243, 244, 367.
- ³ АВПР, ф. Отчеты МИД, 1860 г., л. 229, 229 об.
- ⁴ *Шкеровић Н. П.* Записници седница Министарског Савета Србије 1862—1898 гг. Београд. 1952. С. 37—38.
- ⁵ Текст договора см.: *Јакишић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)//Прилог, 5. Београд, 1963. С. 486—489.
- ⁶ *Јакишић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)//Прилог, 14. Београд, 1963. С. 510—514. *Терзић Славенко.* Србија и Грчка. (1856—1903) Борба за Балкан. Београд, 1992. С. 128—138.
- ⁷ *Јакишић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)..., с. 519—521.
- ⁸ *Крестић В.* Хрватско-угарска нагодба 1868 г. Београд, 1969. С. 233—234, 349.
- ⁹ *Јакишић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)..., с. 362. *Вучковић В.* Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије. 1859—1874. Београд, 1965. С. 281—283.
- ¹⁰ *Јакишић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)..., с. 398. *Крестић В.* Хрватско-угарска нагодба..., с. 367—368.
- ¹¹ АВПР. ф. ГА VА2. д. 252. л. 59—60.
- ¹² *Косев Д.* Русија, Франција и бугарското ослободително движење 1860—1869. Софија, 1878. Док. 28. С. 183—184. *Пирочанац М.* Кнез Михаило и заједничка радња балканских народа. Београд, 1895. С. 36—37.

- ¹³ И. Гарашанин — Ј. Мариновићу 6/18 мая 1861 г. // Писма И. Гарашанина Ј. Мариновићу. Књ. 2 (1851—1874). Београд, 1939, Док. 176. С. 88—89.
- ¹⁴ *Никашић А.* Опис радне по предмету општег споразумљења за устанак и уједињење. // Мешовита грађа. Књ. VII. Београд, 1979.
- ¹⁵ *Вучковић В.* Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије 1859—1874. Београд, 1965. Док. 137. С. 248—250.
- ¹⁶ *Карасев А. В.* Из истории русско-сербских отношений в 60-х гг. XIX века // Сов. славяноведение. 1978. № 2.
- ¹⁷ *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении и русско-черногорские отношения в 50—70 гг. XIX в. М., 1979. С. 310—312.

ГЛАВА 6

Сербская национальная идея в 1878—1903 гг. Время разочарования и осмысления

Восточный кризис 1875—1878 гг. оказал огромное влияние на развитие сербской национальной идеи. На долгие 25 лет идея югославянского объединения теряет свою политическую актуальность, на первый план выдвигается «прадедовская задача» сербского освобождения и объединения. Берлинский конгресс 1878 г. и его решения означали, таким образом, конец целой эпохи — эпохи «сербского национального романтизма времен князя Михаила и Объединенной оmlадины». На смену ей пришла пора жестокого разочарования и «малых дел». По образному выражению Йована Скерлича, «насколько в шестидесятые годы все летало по небу, настолько в восьмидесятые все ползало по земле»¹.

Восточный кризис 70-х гг., завершившийся конгрессом в Берлине, имел для Сербии последствия двоякого рода. С одной стороны, Сербское княжество, как и Черногория, значительно расширив свою территорию, получило политическую независимость, что, особенно с точки зрения международного права, представляло собой большой шаг вперед. Независимая впервые со времен Косова Сербия становилась полноправным членом европейского сообщества.

С другой же стороны, решения Берлинского конгресса оказались для Сербии драматическими; этому способствовала интернационализация славяно-турецкого конфликта на определенном этапе Восточного кризиса и тот факт, что право его решения оказалось в руках великих держав, которые руководствовались при этом отнюдь не интересами балканских народов.

Решения конгресса, как известно, окончательно оформили раздел Балкан на сферы влияния. Получение Австро-Венгрией санкции на оккупацию Боснии и Герцеговины и введение своих гарнизонов в Новипазарский санджак прозвучало для сторонников сербской, а тем паче югославянской идеи похоронным звоном. Надежды на скорое их освобождение и объединение с Сербией, что на протяжении всего XIX в. являлось главной целью всех вариантов сербской национальной программы, рухнули.

Выступая на первой послевоенной скупщине, Никола Пашич — будущий бессменный лидер сербской радикальной партии и крупнейший политический деятель Сербии конца XIX — начала XX вв. — горько констатировал: «Наша идея освобождения и объединения получила на Берлинском конгрессе смертельный удар». Его можно понять, ведь еще в 1875 г., находясь в центре восстания — в Герцеговине — он пришел к выводу: «Кем турки были для наших дедов и отцов, тем же самым станут для нас австрийцы, если мы не организуем отпор возможному окружению, которое для нас готовит Вена». Отпора не получилось, и произошло самое худшее из того, о чем предупреждал Пашич — геополитическое положение Сербии резко ухудшилось, ибо, несмотря на некоторое территориальное приращение на юго-востоке, на ее границах: западных с Боснией и юго-западных с Новипазарским санджаком появился новый неприятель, гораздо более сильный и опасный, чем ставшая уже привычной Турция. Австро-венгерские владения, включая и Воеводину, полукольцом охватили территорию Сербского княжества.

Территориальная экспансия Дунайской монархии и вытеснение ею Турции из всей западной части Балканского полуострова опрокинули все прежние проекты освобождения и объединения всех сербов в единое государство. Немецко-мадьярский «марш на Дрину» означал для сторонников сербской национальной идеи фактическое открытие «второго фронта». «Противник нашего освобождения и объединения изменился,— писал Пашич в 1880 г.,— место «прогнившей» Турции заняла Австро-Венгрия», которая, заметим, с этого момента и вплоть до своего краха в 1918 г. будет для него врагом номер один, ибо оккупация Боснии и Герцеговины стала главным препятствием на пути реализации национальных амбиций Сербии. В противостоянии сербского Давида и австро-венгерского Голиафа часы были пущены. Чья-то судьба была предreshена.

Еще одним важным последствием Восточного кризиса для сербской национальной идеи был откровенный розыгрыш Россией «болгарской карты». Влекомая собственными внешнеполитическими целями и интересами, она стремилась к созданию «Великой Болгарии», которая должна была стать, по замыслу российских стратегов, главной опорной базой русского влияния на Балканах и плацдармом на пути к Константинополю. Сан-Стефанский прелиминарный договор с Турцией (3 марта 1878 г.) и предполагал рождение независимой Болгарии «от моря до моря» с включением в ее состав практически всей Македонии. Сербия же — недавний, кстати, союзник России в войне с Турцией — недвусмысленно «толкалась» российской дипломатией к Австро-Венгрии. Прав был последний российский посланник при сербском королевском дворе князь Г. Н. Трубецкой, заметивший в своих воспоминаниях, что во времена Берлинского конгресса «Болгария была нашим любимым детищем, а Сербия забытой падчерицей»².

Подобная неоднозначность подхода России к Болгарии и Сербии привела к столкновению сербской и болгарской национальных идей в македонском вопросе. Сан-Стефанский прецедент стал сильнейшим идеологическим обоснованием неизмеримо возросших претензий Софии практически на всю Македонию. Аппетиты росли. Сан-Стефанская Болгария стала для ее правящих кругов национальным идеалом, с чем, естественно, не могли согласиться в Белграде, где Македонию, вернее часть ее, считали исконно сербскими землями. Тот же Пашич писал, что Сан-Стефанские соглашения «как громом поразили сербские идеалы». И несмотря на то, что они подверглись значительной ревизии на Берлинском конгрессе, «в сердце сербского народа осталась—таки глубокая рана — оказалось, что Сербия вела две войны с Османской империей в пользу болгарского, а не своего народа». Вспыхнувшее соперничество безнадежно ухудшило сербо-болгарские отношения; македонский вопрос надолго стал в них камнем преткновения.

Получивший международное благословение в Берлине австро-венгерский «Drang nach Süden» и «сан-стефанская» позиция России сильнейшим образом повлияли на состояние умов в Сербии и привели к коренному изменению ее внешнеполитической концепции. Настроенный прежде пророссийски, Милан Обренович с 1880 г. открыто переходит на австрофильские рельсы, связав судьбу страны

и династии с Веной. На долгие четверть века, вплоть до «майской революции» 1903 г. австро-венгерское преобладание в Сербии станет безраздельным.

Столь резкая переориентация сербского монарха вызвала негативную реакцию в сербском общественном мнении. Большая его часть рассматривала сближение с Австро-Венгрией, как предательство национальных интересов. Именно здесь, на наш взгляд, лежат корни того глубокого общественного раскола, который поразил Сербию в 80—90-е гг. Историки сходятся во мнении, что с 1880 г. все в Сербии меняется. «Монарх, правительство, политические партии, а за ними весь народ с этого времени перестают быть факторами, которые гармонично, дополняя друг друга, действуют в одном и том же направлении»³ — писал сербский историк Ж. Живанович. Взаимные угрозы и обвинения в предательстве и продажности, быстро переросли в страшную борьбу, которая ломала людей и характеры, и которая в конце концов смела короля Милана.

Вместе с тем, нельзя забывать, что именно после обретения Сербией независимости резко усиливается процесс ее общественно-политического и экономического развития. В 1881 г. принимается целый ряд прогрессивных законов: о свободе печати, союзах и собраниях, что открыло дорогу конституированию в том же году первых политических партий. В 1882 г. страна провозглашается королевством, а в 1888 г. после длительной, нередко кровавой, внутриполитической борьбы получает новую (взамен Устава 1869 г.) конституцию — одну, кстати, из самых демократических в Европе того времени. Кроме того, создается регулярная армия и укрепляются институты буржуазной государственности. Параллельно с этим проводится налоговая реформа, основывается первый общенациональный, так называемый Народный банк, прокладываются первые сотни километров железных дорог. Новый курс Милана Обреновича тягивал, правда, весьма однобоко, Сербию в цивилизацию Европы. И хотя, повторим, политическая нестабильность и конфронтационность являлись отличительными чертами внутренней истории Сербии двух последних десятилетий XIX столетия, без того, что было сделано в этот период, вряд ли стали бы возможными успехи сербской национальной политики начала XX в. Речь, наряду с модернизацией и европеизацией государства, идет об идеологической перестройке сербского национального движения.

В начале 80-х гг. сербская демократическая оппозиция, оправившись от первоначального шока, ставит перед собой задачу реанимации сербской национальной идеи, получившей столь жестокий удар в Сан-Стефано и Берлине. В борьбе против австрофильской ориентации короля Милана Обреновича постепенно складывается и кристаллизуется альтернативный подход к решению задачи сербского освобождения и объединения — подход, основанный на учете новых послеберлинских реалий как в Сербии, так и в Европе. Формирование этого нового подхода было связано с деятельностью основанной в январе 1881 г. Народной радикальной партии — крупнейшей и влиятельнейшей национальной политической организации Сербии. Пройдя через этапы разочарования и осмысления (а кое-кто и арьергардных боев) радикальные идеологи сформулировали к рубежу веков национальную программу, ставшую после избрания в июне 1903 г. на сербский престол Петра Карагеоргиевича фактически официальной национальной доктриной Сербского королевства.

Все это, конечно, отнюдь не означает, что кроме позиции короля и радикалов в 80—90-е гг. XIX в. не было никаких иных подходов к возможному решению сербского национального вопроса. Практически каждая партия имела свои предложения на этот счет. Хотелось бы подчеркнуть лишь то обстоятельство, что противостояние «последние Обреновичи — радикалы», которое, то усиливаясь, то ослабевая оставалось главным стержнем рассматриваемой эпохи, порождало ситуацию политической биполярности, в рамках которой все иные политические структуры быстро теряли свое самостоятельное значение субъектов политики (как случилось, к примеру с либеральной партией некогда всесильного Й. Ристича). В основе же противостояния лежал, как уже говорилось, конфликт двух различных концепций решения сербского национального вопроса, двух различных трактовок сербской национальной идеи.

Но вернемся к исходной точке повествования: в 1880 г. Милан Обренович «переводит стрелку» сербской внешней политики с Петербурга на Вену.

Включенная как бы с согласия Петербурга в сферу влияния Австро-Венгрии, Сербия сразу же ощутила на себе мощное давление северной соседки. А иначе и быть не могло. Слишком важное место в своих обширных планах отводили Белграду политики Вены. Вы-

тесненная в предыдущие десятилетия из Центральной Европы, Дунайская монархия осваивала в 70-е гг. балканское направление своей внешней экспансии, целью которой стало проникновение через Новипазарский санджак (разделявший Сербию и Черногорию) и Вардарскую долину на побережье Эгейского моря в Салоники. Оккупация Боснии и Герцеговины явилась первым шагом по пути реализации этой новой геополитической стратегии венского кабинета.

В этих условиях вполне понятен его интерес к Сербии, готовность сделать все, чтобы привязать Белград к своей колеснице, превратить в своего верного сателлита. «Главная опора нашего могущества на Юго-Востоке — это Белград, — писал посол Австро-Венгрии в Петербурге, а затем и ее министр иностранных дел граф Г. Кальноки. — Не укрепив там своих позиций, мы обрекаем себя только на оборону. Лишь распространив на Сербию свое влияние, неважно какими средствами, мы сможем спать спокойно и не беспокоиться за Боснию и Герцеговину, за наше влияние на нижнем Дунае и в Румынии; только тогда наша сфера влияния на Балканах обретет твердую опору и придет в соответствие с великими интересами нашей монархии». Во исполнение данной установки Вена и начинает оказывать на Сербию массивное давление, широко используя при этом экономические и политические рычаги.

Первой пробой пера венского кабинета в желании подчинить Белград своему влиянию, первой же и последней проверкой того на прочность стала коллизия вокруг торгового договора, который Сербия обязалась заключить с Австро-Венгрией.

Либеральное правительство Й. Ристича, выступая за экономическое равноправие Сербии, отказывалось подписать предложенный Веней проект, который гарантировал той значительные односторонние преимущества (право наибольшего благоприятствования без взаимных обязательств с ее стороны). Милан Обренович сначала поддерживал эту позицию своего премьер-министра и был готов даже, по свидетельству современника, в случае необходимости вступить в экономическую войну с Австрией, если она не примет предложений Сербии. Однако вскоре, побывав в сентябре 1880 г. с визитом в столице Дунайской монархии, он резко изменил свою точку зрения на торговый договор и на сербо-австрийские отношения вообще. Став на путь сближения с империей Габсбургов и связав с ней судьбу страны и собственной династии, князь, естественно, не

испытывал более надобности в кабинете Ристича, которого лично он, добавим, не терпел и побаивался. 19 октября 1880 г. Ристич получил отставку; ему не смену пришло правительство младоконсерваторов (Милан Пирочанац, Милутин Гарашанин, Стоян Новакович, Чедомиль Миятович), готовое проводить австрофильскую политику. Торговый договор был подписан. Начиналась пора личного правления Милана Обреновича.

В своей австрофильской позиции сербский монарх до конца оставался исключительно последовательным. В условиях резко возросшей активности оппозиции, и прежде всего радикалов, внутри страны, и деятельности за границей его легитимного соперника в династически правах князя Петра Карагеоргиевича, за которым, по его мнению, стояла Россия, Милан посчитал австро-венгерское покровительство единственной твердой гарантией для сохранения сербского престола за собой и своими потомками. В июне 1881 г. он заключил с австро-венгерским правительством Тайную конвенцию — документ, который как Дамоклов меч будет висеть над Сербией и определять направление ее внешней и внутренней политике вплоть до начала XX в. В ней он брал на себя обязательство без предварительного соглашения с правительством Австро-Венгрии не вести переговоров и не заключать политических договоров с каким бы то ни было другим государством и не предоставлять свою территорию для размещения иностранных войск, даже под видом добровольцев.

Конвенция также юридически закрепляла отказ Белграда от притязаний на Боснию и Герцеговину: от имени Сербии князь Милан обязался «ни в каком виде не терпеть политическое, религиозное или какое-либо иное вмешательство, которое бы, исходя с ее территории, было направлено против австро-венгерской монархии, имея в виду и Боснию и Герцеговину, и Новопазарский санджак». В ответ на это Вена выступила гарантом династии Обреновичей и дала формальное согласие на возможное в будущем расширение территории Сербии в южном направлении, т. е. в Македонии.

Тайная конвенция, действие которой предусматривалось до 1889 г., была плодом личной политики Милана Обреновича, узурпировавшего к моменту ее заключения управление внешними сношениями страны. Кроме него и подписавшего документ Ч. Миятовича — министра иностранных дел и давнего конфидента князя — никто в

Сербии и понятия не имел о столь тесном альянсе Белграда с Веной. Только некоторые члены кабинета, да и то постфактум, были ознакомлены с текстом Конвенции.

Если оценивать документ с точки зрения сербских национальных перспектив, то становится очевидным намерение князя резко изменить вектор национальной политики Сербии. Отказываясь от де факто уже потерянной Боснии и Герцеговины, он полагал целесообразным сосредоточить все внимание на Македонии и, обеспечив поддержку Австро-Венгрии, со временем компенсировать все то, что Сербия потеряла в 1878 г. К этому лишь добавим, что дальнейшие события показали всю праздность ожиданий Милана Обреновича относительно искренности обещаний венского кабинета.

Оценивая последствия заключения Тайной конвенции, как квинтэссенции «нового курса» сербского монарха, Милорад Экмечич подчеркнул, что «эти документы (Конвенция и торговый договор с Австро-Венгрией. — А. Ш.) прервали преемственность сербской национальной идеологии, и вместо стремления к созданию крупного югославянского государства Сербия примирилась с требованием скоординировать свои национальные идеалы с политикой великих держав. Следствием этого стало широкое распространение в сербском народе чувства разочарования и ощущения безысходности»⁴.

Тем временем события в Сербии развивались своим чередом. В условиях открытой экспансии Дунайской монархии антинациональная, по мнению многих, политика монарха, придерживавшегося, кстати, весьма реакционного курса внутри страны, требовала от демократической оппозиции поиска действенного ей противовеса. 8 января 1881 г. была основана сербская Народная радикальная партия. Ее основателями стали молодые интеллигенты, бывшие соратники сербского социалиста С. Марковича — Пера Тодорович, Раша Милошевич, Пера Велимирович, Лаза Пачу и другие. Заметную роль среди них играл Никола Пашич, бывший в свое время в весьма близких отношениях с покойным Марковичем. Именно он стал председателем Главного комитета радикальной партии.

В ответ на вызов радикалов все остальные общественные силы страны также перестроили свои ряды и организовали собственные политические организации. Младоконсервативная группа, призванная князем после падения Й. Ристича к власти, трансформировалась в том же январе 1881 г. в напредняцкую (прогрессивную) партию,

которая управляла страной вплоть до 1887 г.; сторонники же некогда всесильного премьера Ристича возродили несколько месяцев спустя либеральную партию под несколько странным именем — «Дружина помощи сербской литературе». Каждая партия имела свой печатный орган: радикалы — «Самоуправу» (Самоуправление); напредняки — «Видело» (Свет); либералы — «Српску Независност» (Сербскую Независимость).

Что касается напредняцкой партии, то основной акцент в своей программе она сделала на необходимость внутренней модернизации страны. Ее руководители, являясь представителями «третьего поколения отечественной интеллигенции», получившими образование на Западе, полагали основой прогресса Сербии использование достижений Европы и выступали за перенесение многих политических институтов оттуда на сербскую почву.

Иными словами они последовательно стремились к провозглашенной ими цели — «превратить нашу патриархальную страну в современное европейское государство».

Но сербский народ в массе своей пошел за радикальной партией, предложившей принципиально иную концепцию развития страны, а не за напредняками. Ирония истории и одновременно драма последних заключалась в том, что не найдя в стране широкой опоры для выполнения своей объективно буржуазной программы развития независимой Сербии по пути, уже пройденному большинством развитых европейских стран, им ничего не оставалось, как только опираться при проведении своей политики на авторитет монарха, который, естественно, в обмен на поддержку, требовал от кабинета учета своих интересов. Отсюда прямая зависимость правительства от Милана Обреновича и готовность до конца следовать его крайне непопулярному в сербском общественном мнении «новому курсу». Следствием этого стала скорая потеря министрами всякой самостоятельности. Провозглашенный в 1882 г. королем, Милан с полным правом мог заявить в разговоре с одним из лидеров либералов Алимписе Васильевичем, говоря о напредняках: «Это моя партия».

Говоря о внешнеполитической позиции напредняков, следует заметить, что в их программных документах начала 80-х гг. нет упоминаний о «заветной мысли сербской» — освобождении и объединении сербского народа. В них говорится лишь о необходимости

«сохранения драгоценных народных особенностей и за пределами Сербского княжества».

Полагая необходимым следовать во всем за Европой, лидеры напредняков по крайней мере на протяжении 80-х гг. были искренни в своей ориентации на Австро-Венгрию (что так гармонично совпало с желаниями монарха). Именно Вена, по их мнению, была для Сербии «окном в Европу». По словам премьера напредняцкого правительства М. Пирочанца, Австро-Венгрия — это естественный союзник Белграда, ибо «даже в своих крайних целях... она никогда не сможет представлять для Сербии опасность в отличие от России». И они честно выполняли все обязательства, вытекающие из Тайной конвенции. Тем более, что случай подтвердить свою лояльность Вене им предоставился скоро. Когда в 1882 г. в Герцеговине вспыхнуло очередное, на сей раз антиавстрийское, восстание, а через Сербию туда направлялись вооруженные отряды черногорских добровольцев, министр внутренних дел Сербии М. Гарашанин по поручению премьера информировал об этом австро-венгерского посланника графа Кевенхиллера. Должностным лицам на местах был дан приказ задерживать и разоружать добровольцев. Надо сказать, что популярности в народе подобные акции кабинету отнюдь не прибавляли.

Партия напредняков находилась у власти в Сербии в самый драматичный период правления Милана Обреновича — в годы внутренних и внешних столкновений и потрясений. Она управляла страной и во время Тимокского восстания в Восточной Сербии (осень 1883 г.), и во время войны с Болгарией (осень 1885 г.). В 1887 г. загнавший себя в очередной политической тупик король вынужден был пожертвовать своими преданными сподвижниками.

В программе либеральной партии 1881 г. национальной проблематике, в отличие от напредняков, было уделено значительное место. Целью партии провозглашалось объединение всего сербского народа в его «естественных этнографических границах». Гарантии «народной свободы и независимости» виделись либеральным идеологам в «сближении и конфедерации (союзе) восточных народов, имеющих схожую историческую судьбу и единые политические и культурные интересы». В первую очередь ставилась задача «создания таможенного союза с этими народами и государствами». В области внешнеполитической либералы выступали за развитие

отношений «с теми государствами и народами, чьи политические и экономические интересы не приходили в столкновение со стремлениями и интересами восточных народов. В этом смысле, Сербия должна добиваться и дорожить симпатиями всех великих и просвещенных народов и никогда не забывать ту дружбу и помощь, которые уже вписаны в скрижали современной сербской истории».

Последнее весьма витиеватое и подлинно эзоповское иносказание обо «всех великих и просвещенных народах», оказывавших «дружбу и помощь» сербам, должно было, судя по всему, означать несогласие разработчиков программы с политикой безусловной опоры на Австро-Венгрию, их желание восстановить дружеские отношения с Россией. Ведь антиавстрийская позиция либералов и их русофильство ни для кого в Сербии не были секретом.

Итак, «заветная мысль сербская» продолжала звучать в программе либералов и в 80-е гг. Однако ныне она оказалась лишь формальной декларацией. К началу 80-х гг. партия Ристича исчерпала весь свой поступательный потенциал. Войны с Турцией, обретение Сербией независимости и присоединение четырех округов стали ее «звездным часом», но одновременно и «лебединой песней». Перестроиться, приспособиться к новым историческим реалиям постаревшие либералы не смогли, да и была ли вообще возможна хоть какая-то их эволюция, если вместо либеральных идей в партии с тем же названием уже давно доминировала личность весьма консервативного Йована Ристича.

Кризис либеральной идеологии создал условия для прорыва новых идей. Во второй половине 70-х — начале 80-х гг. мощно заявил о себе радикализм, выросший из социалистического движения С. Марковича. Прорыв радикальных идей явился значительнейшим поворотом в идейном развитии Сербии второй половины XIX в. Почувствовав этот поворот, Ристич пытался бороться с новыми общественными силами, не разглядев в них, особенно после 1878 г., своих объективных союзников и наследников в национальной борьбе.

Национальный вопрос действительно был важнейшим для сербских либералов, он был основой их политической стратегии. Либералы в отличие от напредняков были национальной партией. Но, по точной оценке С. Терзича, Сербия во времена Ристича «больше реагировала на события, чем их предвидела или готовила»⁵. Будучи у власти, он проводил по сути кабинетную, чиновничью

национальную политику, больше веря в силу бюрократии и в свое дипломатическое искусство игры на противоречиях великих держав, чем в возможности собственного народа.

Итак, с падением в октябре 1880 г. Й. Ристича заканчивалась эпоха национальной политики либералов. Ничего принципиально нового они уже предложить не могли. Оставаясь лояльной оппозицией его величества и иногда на короткое время призываясь к власти (1887, 1892 гг.), либералы вспоминали свои прежние заслуги и повторяли в новых изданиях партийной программы свой любимый тезис о необходимости объединения сербского народа в его «естественных этнографических границах». К середине 90-х гг. они как партия полностью сошли на нет. А тем временем знамя сербской национальной идеи, выпадавшее из их слабеющих рук, принимали новые люди. Представляется целесообразным коротко обрисовать тот исторический фон, на котором происходила передача эстафеты.

Уже упоминалось, что сербская радикальная партия была основана в условиях экономического и политического наступления Вены в противовес внутренней и внешней политике Милана Обреновича. Она выступала против своевластия бюрократии, за введение демократических прав свобод и самоуправления снизу доверху, а также за изменение внешнеполитического курса страны.

Антиправительственная пропаганда радикалов падала на благодатную почву. В сербском крестьянстве, вынесшем все тяготы двух сербо-турецких войн и получившем от независимости лишь усиление налогового гнета, призванного покрыть потребности разбухавшего государственного аппарата и способствовать выплате огромного внешнего долга, зрело недовольство и усиливалось брожение. Имея прекрасных агитаторов, наследники С. Марковича добились того, что крестьяне в массовом порядке вставали под радикальные знамена. Партия, которая в момент своего образования являлась фактически лишь клубом радикальных депутатов скупщины, менее чем за два года стала огромной, хорошо организованной силой общенационального масштаба, и уже в 1882 г. превратилась в один из решающих, наряду с королем Миланом Обреновичем, факторов политической жизни страны. Именно радикальная партия и монарх, который желал единолично управлять государством, оказались во главе двух враждебных лагерей.

Противостояние это отличалось бескомпромиссностью и очень скоро превратилось в прямую конфронтацию. Милан, которому, кстати, не было еще и тридцати лет, считал всякую оппозицию режиму своим личным и династическим противником и не шел ни на какие уступки. Радикальные же лидеры, которые за исключением Пашича также были не намного старше, под воздействием своих быстрых успехов полагавшие, что победа над режимом не за горами, также не были склонны к компромиссу. Самые горячие головы уже предвкушали удовольствие «увидеть Милана, свергнутого с престола, официантом в пивной, разносящим пиво». Каждый лагерь имел свою опору. Оппозиция рассчитывала на поддержку народа, король надеялся на Тайную конвенцию и регулярную армию. В воздухе запахло грозой, которая не замедлила разразиться. На восстание крестьян Тимокского края осенью 1883 г. король ответил карательными действиями, военно-полевым судом, тюрьмами и расстрелами. Главный комитет радикальной партии в полном составе был арестован. Н. Пашич, чью голову жернова королевской мести смололи бы в первую очередь, бежал за границу. Начинались его шестилетние скитания по Болгарии, Румынии, России.

Здесь остановимся и поразмышляем о мотивах столь жестокого антагонизма радикалов по отношению к королю. Казалось бы, все просто: в его основе лежит решительное неприятие внешнеполитического курса монарха. В принципе, так оно и есть, но почему их реакция на него была столь враждебной? Для того, чтобы разобраться в этом вопросе нужно проанализировать национальную стратегию самой радикальной партии, выяснить, что же предлагали радикалы.

В программе партии торжественно провозглашалось: «Целью нашего государственного устройства мы считаем: внутри страны — народное благосостояние и свободу, а вне ее — государственную независимость и освобождение и объединение остальных частей сербского народа». Что касается областей, населенных сербами и находившихся все еще под властью иностранных держав — Австро-Венгрии и Турции — программа радикалов предполагала «организацию культурной помощи..., а также пробуждение сознания нашего народного единства в самых удаленных сербских областях». В отношении внешней политики подчеркивалась необходимость достижения «согласия со всеми братскими соседними народами, а особенно... с Черногорией и Болгарией». Бросается в глаза, что националь-

ная установка радикалов практически совпадает с соответствующим тезисом либералов. И здесь, и там провозглашается верность «заветной мысли сербской». Но это лишь видимое сходство. За одними и теми же словами скрывались два различных тактических подхода: один — уходящий в прошлое, другой — формирующийся и перспективный.

Чем интересна эти послеберлинская национальная декларация радикальной партии? Прежде всего своей умеренностью по сравнению с тем, как смотрели те же люди — основатели и идеологи партии — на национальные перспективы сербского народа в далекие уже предвоенные годы. Тогда при жизни С. Марковича и в первое время после его смерти (февраль 1875 г.) практически все они разделяли идеи своего учителя, полагавшего, что практический смысл социализма с точки зрения национального развития сербского народа содержится в следующем: революция в Турции и федерация на Балканском полуострове. В подтверждение тезиса о верности учеников идеям учителя приведем отрывок из письма Н. Пашича воеводинскому либералу, сотруднику Светозара Милетича, Мише Димитриевичу от 4 апреля 1876 г.: «Что касается освобождения и объединения внешнего, то мы всегда выступали — за, только, по нашему мнению, лучшим решением этого вопроса было бы освобождение революционным путем..., что привело бы к объединению по воле народа, а не монархов. Мы за союз сербско-болгарского народа, а, по-возможности, и за создание Дунайской конфедерации».

А в 1881 г., о революционном пути в программе радикальной партии речь уже не идет. После оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией идея революции в Турции перестала быть актуальной, чего не могли не осознавать радикальные лидеры. В новых условиях они были вынуждены признать необходимость поэтапного решения проблемы освобождения и объединения. На первый план выдвигалась задача коренного внутреннего переустройства Сербии и превращения ее в демократическое, экономически самостоятельное государство с тем, чтобы, как писал Пашич в 1880 г., «благополучие и свободы в стране могли бы развивать достоинства гражданские и человеческие..., и в то же время (что самое важное.— А. Ш.) служили бы притягательным примером для сербов и иных народностей, который бы вызвал у них стремление к объединению с нами».

Последнее положение представляется весьма значительным. В нем заложено новое национальное кредо радикальной партии, которое можно сформулировать так — в условиях перехода от увлечения национальным романтизмом к органической национальной работе внутреннее устройство Сербии становилось важнейшим критерием ее возможности и способности претендовать на роль сербского Пьемонта — объединителя всех населенных сербами земель. Позднее, в 1902 г., в своей «Политической исповеди» Пашич трансформирует эту мысль в чеканные формулы: «Национальная свобода всего сербского народа всегда была для меня ббльшим идеалом, чем политическая свобода сербов в королевстве». И далее: «Только свободная и конституционная Сербия может соответствовать своей национальной задаче, поэтому я и стал проповедником радикальных принципов. Я уверен, что только демократически-конституционная Сербия может быть центром притяжения всех сербов...»⁶.

Очевидно, таким образом, что свою решительную борьбу с бюрократией за конституционное устройство Сербии и народные свободы радикалы рассматривали отнюдь не как самоцель. Для них победа демократии в собственной стране была лишь средством осуществления национального идеала *. Любопытно в связи с этим отметить, что на съезде партии, состоявшемся в 1891 г. в Заечаре, это кредо было возведено в ранг типичного балканского принципа. «Радикальная партия верила и верит, — говорилось в докладе председателя ее Главного комитета, — что демократические институты и широкие политические свободы способствуют решению малыми государствами своих национальных задач»⁷.

Итак, мысль о теснейшей взаимосвязи внешнеполитических задач (освобождения) с внутренними (демократизацией), стала важной отличительной чертой национальной идеологии радикалов. Вплоть до «победного» 1903 г. они будут бороться различными средствами за «внутреннее освобождение» Сербии, чего удастся добиться лишь с падением династии Обреновичей. Только тогда, когда демократия

* Насколько дальновидной была такая постановка вопроса свидетельствует хотя бы следующее высказывание одного из лидеров хорватско-сербской коалиции в Загребе Светозара Прибичевича: «Если бы в Сербском королевстве до войны (I мировой. — А. Ш.) существовала авторитарная система правления, как, например, в царской России..., югославянам из Австро-Венгрии и в голову не пришло бы объединиться с Сербией» (*Прибичевич С.* Диктатура Краля Александра. Београд, 1953. С. 46).

в Сербии окончательно победит и, что самое важное, будет достигнут национальный консенсус, новое сербское руководство сможет, не отвлекаясь больше ни на что, заняться национальными проблемами, а именно внешнеполитическим, психологическим, техническим обеспечением сербских национальных амбиций, подготовкой страны к маячившим в отдалении решающим столкновениям. В том, что они грядут, не возникало сомнений. В докладе Пашича на съезде радикальной партии в Заечаре (1891) говорилось: «Несмотря на все жертвы, принесенные на алтарь независимости, Сербия не имеет права оставаться равнодушной к грядущим событиям, от которых будет зависеть само существование и будущее сербского народа. Она должна концентрировать все свои силы, улучшать организацию своей армии, добиваться народного согласия с тем, чтобы события эти не застали ее врасплох». Но все это будет позже (после 1903 г.), когда радикальная партия «всерьез и надолго» придет к власти.

Пока же, за двадцать лет до этого, когда австрофильская политика Милана Обреновича и зависимого от него кабинета напредняков с подписанием Тайной конвенции уже достигла своего апогея, перед радикалами стояли совсем иные, гораздо более скромные задачи. Они, конечно, не подозревали, на сколь «высокий» уровень вознеслись отношения Белград — Вена, но откровенная и все усиливавшаяся безрасчетность, с которой король Милан, по выражению С. Д. Сказкина, «шел напролом... против своего народа» в объятия габсбургской монархии, подсказывала им, что главной задачей момента является сохранение и гарантия сербского независимого государства, которое в тех условиях, как писала «Самоуправа», «Австрия может проглотить, как только у нее проснется аппетит»⁸. Выступая в 1882 г. с программной речью в скупщине, Пашич четко расставил акценты: «Внутри страны — народное благосостояние, народные свободы и самоуправление, а вне ее — во-первых, сохранение Сербии, а затем освобождение и объединение с остальными братьями»⁹.

В подобной ситуации, при безмерно последовательном австрофильстве Милана Обреновича, стремление к сохранению реальной независимости сербского государства, а уж тем более мечты о решении сербского национального вопроса в полном его объеме не могли не перейти на практике в плоскость открытой борьбы против королевского режима. В одном из писем периода эмиграции Пашич отметил по этому поводу: «Мы в Сербии вели борьбу более всего

потому, что ее правитель отошел от сербской традиционной политики, забыв о неосвобожденных сербских землях, о славянстве, о старых и верных в беде надежных союзниках и помощниках, о Боснии и Герцеговине, Старой Сербии и Македонии»¹⁰.

Однако, борьба против режима Милана могла увенчаться успехом только при наличии серьезных ему противовесов. Пашич, который, как верно заметил Слободан Йованович, «с меньшим безоглядным оптимизмом молодости, чем остальные радикальные лидеры, смотрел в будущее»¹¹, не мог этого не осознавать. И если для победы внутри страны, по его сценарию, достаточно было иметь на своей стороне заведенный демагогией и агитацией народ, к тому же еще и вооруженный (народное ополчение до 1883 г. являлось основой военной организации Сербии), то для международной гарантии этой победы нужны были могучие и надежные покровители. Речь идет в первую очередь о России. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Но для начала следует выяснить один, весьма важный в данном контексте, нюанс. Какие настроения господствовали в народной среде Сербии 80-х гг., какова была реакция сербской «глубинки» на изменение внешнеполитического курса государства?

Для большей объективности предоставим слово представителям обоих крайних флангов сербского политического спектра. Так, митрополит Михаил — воспитанник Киевской духовной академии и самый последовательный русофил в Сербии того времени, изгнанный, кстати, в октябре 1881 г. с митрополичьего престола за невосприятие нового официального курса, писал слависту Ап. А. Майкову: «Народ (сербский. — А. Ш.) вообще желает связи, дружбы и покровительства России, хотя официальная сфера тянет к Австрии во вред и себе, и народу нашему»¹². Ч. Миятович — министр иностранных дел в правительстве М. Пирочанца, чья подпись стоит под Тайной конвенцией — описывая ситуацию, сложившуюся в Сербии в начале 80-х гг., отмечал: «Большинство сербского народа было всегда русофильски настроено. Каждый серб знал, что сербы и русские этнически очень близки, что оба народа принадлежат к одной славянской семье и к единой восточноправославной церкви, что все их церковные обряды идентичны и исполняются на общем старославянском языке, и что их собственные языки очень похожи, хотя и не идентичны. Каждый серб наполнялся почти личной гордостью, ощущая силу и величие России»¹³.

И наконец, мнение самих русских. Дипломатический представитель России в Белграде А. И. Персиани доносил в Петербург 25 мая 1883 г.: «Преданность народа растет по мере того, как в правительственных кругах усиливается австрийское влияние. Я могу смело сказать, что имя России популярнее ныне в Сербии, чем даже после последней войны»¹⁴. Похожее сообщение содержится и в письме П. А. Кулаковского — известного русского слависта, занимавшего в 1878—1882 гг. кафедру русского языка и литературы в белградской Великой школе — И. С. Аксакову в Москву: «Бельгийский посланник, который путешествовал по Сербии... рассказывает, что ему народ говорил по поводу слухов о речах Миятовича, будто Сербия пойдет за Австрией против России, так: «Ни одно ружье не будет против России, все ружья, сколько их у нас есть, будут направлены против Австрии»»¹⁵.

Итак, все современники однозначно сходятся во мнении, что отношение сербского народа к России оставалось неизменно дружеским и доброжелательным. Мало того, в условиях усиливавшегося проникновения Австро-Венгрии и «капитулянтской» политики короля Милана и правительства напредняков симпатии сербов к ней росли. Пашич и его соратники тонко чувствовали эти настроения и всячески их поддерживали. В своих выступлениях они всегда подчеркивали значение русской поддержки и помощи, особенно во время двух минувших войн. В связи с этим исключительно интересным представляется отношение Пашича к Сан-Стефанскому прелиминарному договору, его трактовка этого документа в апелляциях к крестьянским массам.

Лично Пашича позиция России, естественно, не могла не разочаровать: положения Сан-Стефанского договора, по его словам, «как громом поразили сербские идеалы». Вместе с тем, в общении с народом он отнюдь не афишировал это свое отношение. Наоборот, он всячески стремился развеять неблагоприятное впечатление, рожденное «некорректной» политикой России. Любопытна его публичная оценка Сан-Стефанского договора, вернее, мотивов, толкнувших Россию к его заключению. В своем депутатском отчете перед населением Заечара 2 июня 1881 г. Пашич заявил: «Первую войну мы начали без союзников и вопреки советам России... Фактически мы вступили в войну против ее воли. Чем все закончилось, вы хорошо знаете. И опять мы должны были благодарить

русского царя, к советам которого до этого не хотели прислушиваться, за то, что он остановил врага после нашего несчастного поражения под Джунисом и тем самым спас страну от разорения. Во время первой войны мы получили от России заем от 6 до 7 миллионов динаров, во время второй войны Россия подарила нам примерно такую же сумму... Между тем, наша внешняя политика всегда действовала против советов России и стремилась уверить европейские державы в том, что она слепо не следует этим советам, и искала симпатий и поддержки у Западной Европы. В конце концов, немудрено, что она потеряла симпатии России. И когда все эти обстоятельства берутся в расчет, и плюс к тому то недоверие, с которым русское правительство относилось к кабинету Ристича... только тогда можно понять поведение России при заключении Сан-Стефанского мира и на Берлинском конгрессе»¹⁶.

Совершенно очевидно, что Пашич намеренно искажал реальное положение вещей, взваливая всю вину на якобы бездарную «антирусскую» политику Ристича, каковой, заметим, она никогда не была, и считая именно ее причиной сан-стефанского поворота «обиженной» России. Этой трактовкой событий Пашич по сути убивал двух зайцев. С одной стороны, он дискредитировал Ристича (своего политического противника) в глазах народа, а с другой, он — уже признанный народный лидер — публично отпускал России ее сан-стефанский «грех», давая простому сербскому крестьянину возможность укрепить его пошатнувшуюся было веру.

Быстро сориентировавшись в условиях экономического и политического наступления Австро-Венгрии, определив, что в массах все еще господствовали прорусские настроения и публично с ними солидаризировавшись, т. е. заручившись поддержкой «снизу», Пашич и его соратники стали всерьез подумывать об установлении прямых связей как с российской общественностью, так и с официальной Россией. В письме П. А. Кулаковскому из Софии (апрель 1884 г.) Пашич писал: «...мы решили, что наш верный и надежный товарищ и Ваш добрый приятель Раша Милошевич будет поддерживать связи с видными представителями России, чтобы информировать их о нашей деятельности и консультироваться с ними по важным вопросам. Мы договорились об этом, ибо предвидели, что недалеко то время, когда наша партия будет играть ведущую роль в стране. Мы решили послать двух своих представителей, которые должны были

бы вступить в тесный контакт с российскими кругами и с лидерами общеславянской партии (славянофилами.— *А. Ш.*), чтобы познаться с теми факторами, которые могли бы повлиять на события в нашей стране, а с другой стороны, чтобы сообщить им конфиденциальную и точную информацию обо всех новых явлениях в Сербии и о крайних намерениях нашей партии. Однако, все, что мы готовили, мы не смогли выполнить, ибо неожиданные события (Тимокское восстание и его подавление.— *А. Ш.*) спутали нам на время все карты»¹⁷.

Имел также место и зондаж в официальных кругах. А. И. Персиани сообщал в мае 1883 г. министру иностранных дел России Н. К. Гирсу: «12 мая профессор Николаевич (Светомир — член Главного комитета радикальной партии.— *А. Ш.*) явился ко мне с извещением, что радикальная партия, в которой он играет немаловажную роль, желала бы в день коронавания (Александра III.— *А. Ш.*) заявить о сочувствии своем великому празднеству, отправив в миссию депутацию от имени партии. Я счел долгом отклонить предложение это, не признавая за какими бы то ни было политическими кружками право обращаться с адресом к государю императору. Г-н Николаевич не скрыл от меня, что он и не надеялся на успех, но что он должен был выполнить поручение своих доверителей, цель которых состояла в том, чтобы представить императорскому правительству доказательства в глубокой разнице, существующей между крайней либеральной партией (так Персиани называет радикалов.— *А. Ш.*) и европейскими революционными кружками»¹⁸.

Нельзя не заметить присутствия в обоих высказываниях одного общего мотива. В первом — это необходимость разъяснения российским деятелям «крайних намерений» радикальной партии, а во втором, как бы в развитие этого, имеет место уже открытая попытка дистанцироваться в глазах России от европейских нигилистов. В чем тут дело? По всей вероятности, Пашич и его коллеги из руководства радикальной партии достаточно четко осознавали то настроенно-негативное отношение к ней, заочно складывавшееся в российском общественном мнении, виной чему было их социалистическое прошлое. В качестве иллюстрации такого отношения сошлемся на точку зрения посетившего летом 1884 г. Белград известного славянофильского деятеля В. И. Ламанского. Владимир Йованович — бывший идеолог сербской либеральной партии —

вспоминал, что в беседе с ним Ламанский поставил сербских радикалов на одну доску с русскими нигилистами. «Эти, как и те, не брезгают в своей агитации и нелегальными средствами»¹⁹, — подчеркнул русский ученый. Таким образом, и несостоявшийся визит в Россию двух радикальных функционеров, и разъяснения, сделанные С. Николаевичем российскому дипломатическому представителю означали желание радикалов предстать в глазах России, на которую делалась немалая ставка, эдакими респектабельными реформаторами, а не наводящими ужас (в 80-е-то годы) нигилистами. Все это свидетельствует, пусть косвенно, о том значении, которое придавали отношениям с Россией Пашич и его соратники.

И еще несколько слов. Недоверие России и русских к Пашичу и радикалам (явно идеологического характера) изживалось довольно медленно. Первыми им простили юношеские «заблуждения» российские славянофилы. В конце 1885 г. они принимали Пашича — этого бывшего бакуниста — в Петербурге и Москве уже как союзника в борьбе за общеславянское дело. В позиции же официальных российских кругов первые проблески доверия к сербским радикалам обнаруживаются в 1886—1887 гг.

Подведем итог. В начале 80-х гг. Пашич и его коллеги определили в качестве своей первоочередной задачи сохранение и защиту независимости Сербии, сделав ставку в этом трудном деле на сербский народ, разделяя и укрепляя его русофильские настроения, и на Россию, отношения с которой должны были, по мысли лидера радикалов, стать важным и постоянным фактором внешнеполитической стратегии партии. Именно поэтому приготовления к установлению контактов с ней отличались последовательностью и глубиной. Вместе с тем, не только задача сохранения независимости толкала Пашича на поиски союза с Россией. Выполнение национальной программы радикальной партии — объединение всех сербов в едином государстве — также не мыслилась им без содействия России. Трезво оценивая ситуацию, он полагал, что какие-то шаги в этом направлении Сербия в состоянии предпринять самостоятельно, а какие-то, более сложные, только опираясь на Россию. В письме Косте Таушановичу (1887 г.) Пашич прямо об этом и говорит: «Боснию и Герцеговину, а также другие сербские земли в Австро-Венгрии мы не можем вернуть самостоятельно без помощи России, но Македонию мы в состоянии спасти для Сербии и без военного содействия России»²⁰.

Таким образом, ставка на народ и на Россию стала еще одной характерной чертой национальной идеологии радикалов. Кстати, говоря о народе, следует еще раз подчеркнуть, что, в отличие от других партий радикалы сознательно вовлекали сербское крестьянство в политику, видя в нем главный внутренний фактор будущего «освобождения и объединения». Пробуждение крестьянства от политической спячки и привлечение его в радикальную партию стало решающим моментом в процессе политической эмансипации сербского села. Повернув крестьянство лицом к проблемам собственного национального государства, радикалы в течение считанных десятилетий подняли его на высокий, редко где в Европе встречавшийся, уровень политического сознания, и когда в начале XX в. пришла пора решающих переломов, сербский крестьянин храбро вступил и в войны 1912—1913 гг., и в I мировую войну, причем, «будучи исключительно политизированным, он знал, за что воюет — в первую очередь за освобождение своих еще неосвобожденных братьев сербов, а затем и за освобождение остальных братьев и за объединение с ними», — пишет сербский историк Дж. Станкович²¹. Начало этим историческим для Сербии процессам было положено как раз в январе 1881 г.

Итак, казалось бы, все ясно. Россия была нужна Пашичу и радикалам в качестве главной опоры в деле выполнения сербской национальной программы, Австро-Венгрию же они ненавидели по причине того, что она стала главным препятствием на пути сербского «освобождения и объединения». Однако, была еще одна, глубинная, причина устойчивой ненависти радикалов к Вене, перенесенной ими и на ее внутренних приверженцев — короля и напредняков, и настойчивых поисков союза с Петербургом. Уже говорилось, что объективно буржуазная программа модернизации Сербии с использованием опыта Западной Европы, предложенная напредняцким кабинетом, не нашла в стране заметного отклика. Радикалы «перехватили» историческую инициативу и повели народ за собой. Встает законный вопрос — что же они ему предложили?

Прежде всего должно отметить, что к началу 1880-х гг. в силу целого ряда причин, и не в последнюю очередь под влиянием глубоких исторических и геополитических подвижек, происшедших на Балканах в результате все того же Восточного кризиса, лидеры радикалов отошли от теории революционного скачка через капи-

тализм к крестьянскому социализму, некогда и в иных условиях ими разделявшейся. Эта теория была заменена ставкой на глубокие реформы и эволюционное развитие. Главной целью радикальной партии стал приход к власти в стране посредством всеобщих выборов.

Идеология радикальной партии в первые годы ее истории, по точной оценке Латинки Перович, не была «идеологией торговой или промышленной буржуазии. Это народническая доктрина: ее социальный стержень эгалитаризм»²². Сербский путь к прогрессу, по мысли радикальных идеологов, лежал вне западной либерально-капиталистической традиции. Капитализм с его расслоением общества на враждебные классы, с его культом индивидуалистического начала, оставался для сербских радикалов системой чуждой, враждебной и, как следствие этого, не достойной подражания. Поэтому и стремились они к сохранению изначальной социальной гармонии сербского общества, лишённого аристократической и буржуазной надстроек, рассматривая сербский народ как единый социальный и национальный организм и разделяя его приверженность традиционным ценностям солидаризма.

Именно отсюда вытекают и становятся окончательно ясными мотивы и пафос той острой, бескомпромиссной борьбы радикальной партии против австрофильского курса короля Милана Обреновича и правительства напредняков, которые, по словам Пашича, «желали бы сразу же обратить Сербию в маленькую западную державу, не обращая внимания ни на что сербское и славянское». Лидер радикалов и целый ряд его коллег по радикальному руководству рассматривали экономическую и политическую экспансию Дунайской монархии как наступление того самого западного капитализма, западной цивилизации, которая грозила уничтожить сербскую самобытность, сам менталитет сербского народа. Против этого — то наступления радикалы и боролись. «Главное стремление в нашей политической борьбе, — писал Пашич в марте 1887 г., — состояло в том, чтобы сохранить хорошие и соответствующие сербскому духу учреждения и воспрепятствовать введению новых западных учреждений, которые бы могли разрушить самобытность жизни нашего народа и внести смуту в народное развитие и жизнь».

Отсюда же проистекает и желание Пашича к установлению тесных связей с Россией. Петербург, в качестве антагониста Вены и противовеса ей, помог бы, по логике лидера радикалов, нейтрализо-

вать и отразить массивированное политическое давление, оказываемое на Сербию ее могучей соседкой, и стать международным гарантом подлинной ее независимости и самобытности. Именно здесь лежат истоки прочного русофильского определения Николы Пашича, определения, скажем так, цивилизационного, а не только политически-конъюнктурного. «Наша партия, — указывал он, — во внешней политике держалась славянской и православной России, а во внутренней политике — сербских обычаев и духа. Вот откуда происходит для многих непонятное явление, что почти весь народ тотчас же встал на нашу сторону»²³. Отказав, добавим, в поддержке напреднякам в их западнических устремлениях.

Подобный «почвеннический», антизападный подход Пашича и радикалов к перспективам внутреннего развития Сербии окрасил и их национальную программу в насыщенные славянофильские тона, что явилось еще одной ее специфической особенностью. Пашич пишет о «славянской, православной России», как оплоте славянской, православной цивилизации, которая должна послужить фундаментом национального и духовного возрождения всего сербского народа. Австрофильская политика короля Милана, по его мнению, подрывала основы этой цивилизации в Сербии и открывала дорогу германскому и католическому проникновению в сербские земли. В столь принципиальном вопросе на компромисс радикалы идти не могли, тем более, что и король высказывался по этому поводу более чем определенно. «Моя забота, — заявил он, к примеру, в 1887 г., — чтобы наша сербская идея не потонула в волнах славянства»²⁴. Столкновение двух цивилизационных подходов — западного и восточного — определяло и постоянно подпитывало почти четвертьвековое противостояние в сербском обществе, затрудняя поиски национального консенсуса в эпоху последних Обреновичей.

Россия и Австро-Венгрия, таким образом, всей логикой событий и господствующих в сербском патриархальном обществе представлений и традиций, втягивались в самое пекло внутривнутриполитической борьбы, становясь символами и знаменами противостоящих лагерей. Относительно этих лагерей Пашич в своей «Политической исповеди» сделал интересное заключение: «У нас, т. е. в сербской политике, можно считать непреложным правилом следующий расклад: определение во внутренней политике в пользу парламентских методов и конституционной власти, пользующейся доверием

большинства народа, непременно ведет во внешней политике к ориентации на славянскую, православную Россию. И наоборот: опора во внешней политике на Австро-Венгрию обязательно приводит к реакции, власти меньшинства, столкновению ее с народной волей, к мерам строгим и чрезвычайным»²⁵. Весьма глубокое наблюдение. Оно отражает один из алгоритмов новой сербской истории.

В этой связи любопытным представляется тот факт, что российское правительство приняло эти правила игры. На одной из депеш А. И. Персиани, в месте, где говорилось о целесообразности и полезности для России способствовать установлению в Сербии конституционного порядка, Александр III начертал: «Да». Тот же Персиани в ноябре 1887 г. писал Н. К. Гирсу: «Будущность принадлежит этой (радикальной. — А. Ш.) партии и с нею придется считаться. Хотя я знаю недоверие, которое питает к ней императорское министерство, и держусь, на основании инструкций, в стороне от радикалов, долгом считаю уверить ваше высокопревосходительство, что между ними можно насчитать более искренних приверженцев России, чем даже между либералами...»²⁶. К концу 80-х гг. в отношении российских верхов к сербским радикалам прагматический подход окончательно вытеснил прежнюю идеологическую нетерпимость. Так постепенно складывался, на первый взгляд, несколько парадоксальный союз радикалов — единственной демократической партии в Сербии — и деспотического Петербурга.

Итак, определяя суть нового национального подхода радикалов, сложившегося в общих чертах к концу 80-х гг. можно заключить, что основной своей задачей в новых условиях они видели собирание всех населенных сербами земель вокруг Сербского королевства, которое было обречено в их планах стать сербским Пьемонтом. Этот подход по своим целям не был оригинальным. Он во многом опирался на традиции знаменитого «Начертания» Или Гарашинина. Новым было то, как радикалы предполагали добиваться выполнения «прагматической задачи». Отказавшись от идеи революции в Турции и столкнувшись с необходимостью борьбы на два фронта, они были вынуждены признать неизбежность поэтапного и постепенного решения сербского национального вопроса. В этих условиях ставка была сделана на прочную привязку «маленького сербского плота к могучему русскому кораблю», как тогда говорили, и на «мобилизацию» собственного народа, как главного внутреннего фактора будущей

реализации «заветной мысли сербской». Радикалы смотрели в перспективу и старались подготовиться к грядущим событиям.

В качестве же главной задачи момента они (по выражению Пашича) считали сопротивление проникновению «эгоистической западной культуры» и сохранение в Сербии традиционных ценностей славянской цивилизации. Борьба за демократизацию и новое конституционное устройство страны, основанное на широком самоуправлении, т. е. в духе той же цивилизации, должна была способствовать примирению сербского народа с собственным национальным государством, изживанию у крестьянских масс негативного отношения к нему, как к экономически немотивированному бюрократическому аппарату. Речь идет о необходимости достижения все того же национального консенсуса, без которого никакие широкие внешние акции ни в настоящем, ни в будущем, естественно, были бы попросту невозможны, что сербо-болгарская война 1885 г. и продемонстрировала. С другой стороны, это новое устройство должно было придать привлекательность реформированной таким образом Сербии в глазах сотен тысяч сербов, остававшихся под властью Турции и особенно Австро-Венгрии.

Пора разочарований, таким образом, к рубежу 80—90-х гг., похоже, заканчивалась. Механизмы решения чисто сербского национального вопроса в теории были выработаны. Наступало время серьезно-го осмысления.

* * *

Показанный выше процесс формирования нового национального подхода радикальной партии отнюдь не походил, как могло бы показаться, на эдакое бесконфликтное движение вперед по накатанному пути. Он вызревал и, наконец, вызрел, в арьергардных боях радикалов со своим собственным прошлым. Не секрет ведь, что «внутренняя» борьба радикальной партии в первые годы ее истории не была лишена элементов былого революционаризма, отклики которых столь ярко проявились в Тимокском восстании. Предельная конфронтационность и манипулирование анархической стихией поднятых радикалами масс отнюдь не способствовали успеху взятого ими же курса на реформы. К чести радикалов заметим, что им в конечном итоге удалось обуздать эту стихию и направить ее в русло «органической работы». Но это произошло позднее, после того, как они сумели

обуздать сами себя. Тимоцкий «нокдаун» радикальной партии подействовал на нее явно отрезвляюще.

Также и в сфере национальной, традиции недавнего социалистического прошлого довели над радикалами и после 1878 г. и изживались не сразу. В партии до 1883 г. не было единства в отношении возможных путей решения национальных задач. Разделяя общую цель относительно необходимости «освобождения и объединения» сербского народа, провозглашенную партийной программой, часть радикальных деятелей во главе с Перой Тодоровичем — этим самым верным адептом учения С. Марковича в радикальной среде вплоть до 1883 г. — выступала за решение сербского национального вопроса в духе старой программы: без отрыва от общего освободительного движения на Балканах, делая ставку на объединенные усилия всех балканских народов, и, по возможности, без вмешательства великих держав. Идеалом национально-государственного устройства Балкан она считала балканскую федерацию.

Особенно интересным является отношение фракции П. Тодоровича к России. Его отличала крайняя идеологическая нетерпимость. Россия оставалась для радикальных леваков «деспотической страной». Антипатия к Петербургу особенно ярко проявилась в острокритическом изображении «Самоуправой», которую курировал как раз П. Тодорович — виднейший и талантливейший партийный журналист — российской действительности, негативный характер которого особенно усилился после царубийства 1 марта 1881 г. Тезисы о том, что «горький опыт Александра II ничему не научил Александра III», и что «абсолютизм и далее усиливается, добавив в свою программу еще и войну либерализму» и т. д. часто появлялись на страницах радикального органа.

Подобный резко антирусский настрой части радикального руководства в Белграде, не скрываемый даже в интересах тактики, вызывал неприятие у многих партийных функционеров на местах, хорошо знакомых с господствующими в «глубинке» настроениями. «Мы бы хотели, — подчеркивалось в одном из писем с мест в адрес Главного комитета радикальной партии (декабрь 1882 г.), — чтобы при освещении в нашем партийном органе «Самоуправа» русских сюжетов, по возможности выбирались менее острые выражения, когда дело доходит до критики..., так как нам всегда следует иметь

в виду, что кроме симпатий русского народа нам необходимы и симпатии его правительства».

Как видим, в руководстве радикальной партии в начале 80-х гг. уживались два различных подхода к потенциальному главному союзнику. Практически одновременно с тем, как Пашич поднимал реноме официальной России в глазах народа и предпринимал первые попытки серьезных с ней контактов, контролируемая левыми «Самоуправа» разражалась в ее адрес филиппиками и печатала материалы, которые явно не могли вызвать у петербургского кабинета симпатий и доверия к радикалам.

Но удивляет отнюдь не раздвоение мнения радикального руководства по вопросу о тактике решения сербского национального вопроса. Этот первоначальный плюрализм изживется довольно быстро: освобождаясь после Тимоцкого отрезвления от былых крайностей конфронтационного радикализма, партия в 1886 г. освободится и от главного радикального максималиста начала 80-х гг. П. Тодоровича, который, находясь в тюрьме по делу о Тимоцком восстании, отрекся от своих прежних убеждений и перешел в лагерь недавнего непримиримого врага — короля Милана Обреновича. Самым парадоксальным являлось то, что главным арьергардным бойцом в стане радикалов в середине 80-х гг. оказался сам Никола́ Пашич.

Вынужденный поздней осенью 1883 г. бежать за границу, он резко изменил тактику. Предводитель относительно умеренного крыла радикалов до Тимоцкого восстания, оказавшись в эмиграции, становится на путь открытой подготовки переворота в Сербии. «Главной ошибкой радикальной партии, — писал он в известном меморандуме „О восстании в Сербии“ (декабрь 1883 г.), — было то, что она всегда уверяла народ, что рыба с головы не гниет..., то, что она всегда была противником насильственных мер; сейчас эту ошибку исправил сам король Милан». А. И. Персиани совсем не без оснований посчитал этот документ, широко растиражированный европейской печатью, «объявлением открытой борьбы эмигрантов сербскому престолу».

В борьбе против монарха Пашичу были необходимы сильные и надежные союзники. В поисках таковых он устремил свои взоры на Россию, в полном соответствии со своей концепцией опоры на нее. Но одного желанья Пашича было мало; требовалось согласие Петербурга помочь ему, а вот его-то и не последовало. Отношение

российского правительства к сербской радикальной эмиграции и ее планам организации восстания в Сербии и насильственного свержения короля Милана отличалось холодностью и недоверием.

Причин для подобного недоверия было, как представляется, две. Во-первых, петербургский кабинет, серьезно занятый в середине 1880-х гг. болгарскими делами, отнюдь не желал ввязываться в рискованное и сомнительное предприятие сербских эмигрантов. «Как бы неполитично не вел себя король Милан,— высказывал «взгляд императорского правительства» А. И. Персиани,— Россия не будет сочувствовать революции». В условиях обострения отношений с Софией русское правительство было весьма заинтересовано в сохранении спокойствия в сопредельной стране, о чем Персиани недвусмысленно заявил белградским радикалам в сентябре 1886 г. По его словам, «готовящееся в Сербии движение кажется мне несвоевременным, так как императорское правительство в настоящее время занято улучшением болгарского вопроса, и... всякое новое осложнение на Балканском полуострове могло бы лишь затруднить решение в желательном смысле»²⁷. Вторая причина недоверия известна — политическое прошлое самих радикалов. Дипломатический представитель России в Болгарии А. С. Ионин открыто заявил Пашичу в ноябре 1883 г.: «Хотя мы сознаем причины и законность недовольства сербского народа, но собственно с радикальной партией... мы не можем иметь ничего общего, ибо не можем сочувствовать утопиям... Мы... уверены, что дальнейшее брожение по программе радикальной партии произведет только хаос — резню без цели и мысли»²⁸.

При подобном отношении ожидать поддержки от российских властей было бессмысленно. Все апелляции к ним Пашича остались без ответа. В итоге, многочисленные попытки эмигрантов поднять восстание в Сербии закончились провалом.

Все это, естественно, не могло, не вызвать у Пашича чувства недоумения и горечи. В одном из писем в октябре 1885 г. он писал: «Не знаю в чем причина, но факт остается фактом, что до сегодняшнего дня российские дипломатические представители не ударили палец о палец, чтобы наше дело продвинулось вперед». В том же письме он назвал политику России на Балканах ошибочной и недальновидной.

Карагеоргий Петрович (1768–1817)

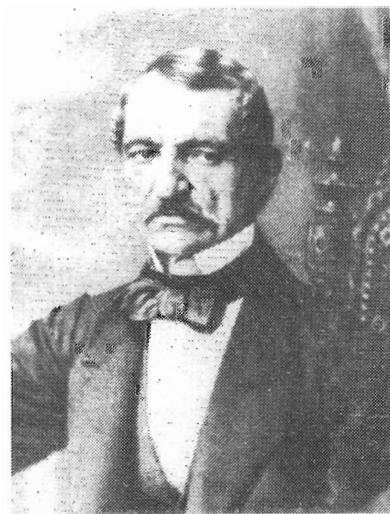
*Милош Обренович (1780–1860)
Князь Сербии 1815–1839, 1856–1860*

Вук Стефанович Караџић (1787–1864)

Досифеј Обрадовић (1739–1811)

Илия Гарашанин (1812-1874)

*Михаил Обренович (1823-1868)
Князь Сербии 1839-1842, 1860-1868*

Светозар Маркович (1846–1875)

*Милан Обренович (1854–1901)
Князь и король Сербии
1868–1889*

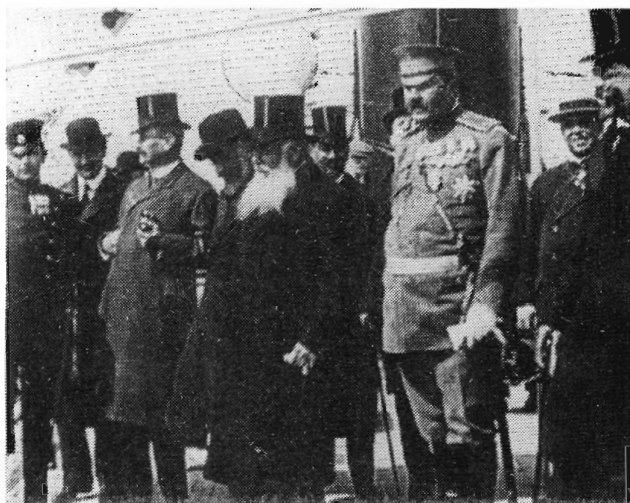
*Александр Обренович (1876–1903)
Князь и король Сербии
1889–1903*

*Петр I Карагеоргиевич
(1844–1921)
Король Сербии и Югославии
1903–1921*

*Александр I Карагеоргиевич
(1888–1934)
Король Югославии
1921–1934*

*Премьер-министр Сербии Никола Пашич (1845–1926)
и премьер-министр Черногории сердар Янко Вукотич (1866–1927)
Белград, 1913*

*Петр II Петрович Негош (1813–1851)
Митрополит Черногорский 1831–1851*

*Данило Петрович Негош
(1826–1860)
Князь Черногории 1852–1860*

*Николай Петрович
(1841–1921)
Князь и король Черногории
1860–1918*

*Митрополит Боснийский
Георгий Николевич
1885–1896*

*Васа Пелагич
(1838–1899)*

Пашича можно понять. Лишившись почвы под ногами и слишком обостренно воспринимая происшедшие события, пребывая в постоянном опасении, как бы временное торжество короля Милана не обернулось окончательным поражением «славянского дела» в Сербии, он негодует по поводу нежелания России каким-либо образом вмешаться, чтобы предотвратить угрожающий его стране полный триумф «западной идеи».

В этих условиях Пашич возвращается к замыслу десятилетней давности — идее Балканской федерации. «Можно утверждать, — пишет он в Париж своему политическому единомышленнику и давнему другу Михаилу Свилокосичу, — что интересы народов Балканского полуострова были бы гарантированы надежнее всего, если бы во всех этих государствах образовались партии, стремящиеся к созданию федерации балканских народов»²⁹.

Здесь следует отметить одну качественную особенность Н. Пашича как политика, отличавшую его, скажем, от С. Марковича или П. Тодоровича. Он всегда был больше практиком, чем теоретиком. Большинство его идей крепко привязано к реальности, а ее изменение, в свою очередь, вело или к реанимации идей прежних, или порождало что-то новое, но всегда при неизменности главной цели — необходимости сербского освобождения и объединения. Отсюда и проистекает та знаменитая гибкость Пашича — политика, которую кое-кто трактовал как оппортунизм и беспринципность. Еще в 1880 г. он высказал мысль о том, что «политика определяется только мерой успеха».

Если вспомнить его довоенную приверженность идеям революционного пути «освобождения и объединения», союза «сербско-болгарского народа» и Дунайской конфедерации, что очевидно из приведенного выше письма М. Димитриевичу, то следует иметь в виду, что в момент его написания (весна 1876 г.) революция в Турции была уже для Пашича реальным фактом (движение в Боснии и Герцеговине, Апрельское восстание в Болгарии). И потому его идеи в той ситуации имели под собой хоть какое-то практическое обоснование. Теперь же, почти десять лет спустя, его обращение к ним явилось следствием «новой реальности». Гарантом «конфедерации балканских, а еще лучше югославянских народов» должна была стать Франция. В том же письме в Париж Пашич шлет М. Свилокосичу инструкции тайно, чтобы слухи не донеслись до Петербурга (!),

вступить в переговоры с влиятельными французскими политиками (он называет Ж. Клемансо) и показать им, насколько ангажированность в это дело Франции была бы полезной и перспективной для нее самой в той сложной международной обстановке.

Правда, из переговоров этих ничего не вышло; даже неизвестно велись ли они вообще. Французский проект очень скоро потерял актуальность, отступив на второй план, по причине новых революционных изменений на Балканах. Речь идет о Пловдивском перевороте и объединении Восточной Румелии с Болгарией в сентябре 1885 г.

Как известно, в ответ на столь откровенное нарушение решений Берлинского конгресса (как это мотивировалось официально) король Милан Обренович провел мобилизацию сербской армии и, тайно поддержанный Веной, развязал против Болгарии боевые действия. Но статус кво восстановить так и не удалось. В ноябре того же года сербы были разбиты под Сливницей, что фактически предопределило их поражение в войне, а Европа в конечном итоге согласилась с новыми границами Болгарии.

Никола Пашич был посвящен в планы Пловдивского переворота; он находился в весьма близких отношениях с его фактическими организаторами Захарием Стояновым и Димитрием Ризовым. Для него воссоединение Восточной Румелии с Болгарией означало как бы возвращение старых, довоенных времен — «революция в Турции» на короткое время снова стала реальностью. И мгновенно реанимируется идея революционного пути «освобождения и объединения» и федерации с той лишь разницей, что на сей раз освобождению в первую очередь подлежала сама Сербия. «Исходя из развития событий на Балканском полуострове, — говорилось, к примеру, в подготовленном сербскими эмигрантами проекте совместного сербско-болгарского соглашения, — крайне необходимым как для болгарских, так и для сербских интересов может быть перенесение пламени революции в Сербию, которая ждет не дожидается освобождения от нынешнего режима»³⁰. В день переворота, 6 сентября, Пашич отправил З. Стоянову приветственное послание, в котором между прочим писал: «Дорогой брат! Дело, которое вы совершили во имя спасения болгарского народа, есть дело славное и историческое... От имени сербского народа я вас поздравляю, а мы в свою очередь также хотим делом помочь нашему отечеству. В тот момент, когда вы получите это письмо, в нескольких округах Сербии вспыхнет

восстание. Если счастье и удача будут на нашей стороне, и если вы нам пошлете тысячу-другую ружей с патронами, то можете быть уверены, что мы успешно выполним наше народное дело в Сербии»³¹.

А что же дальше, после предполагаемой победы «народного дела» в Сербии? В автобиографии Пашича, написанной или продиктованной им уже в 20-е гг. нынешнего столетия, незадолго до смерти, читаем: после устранения Милана Обреновича планировалось «провозгласить унию (сербско-болгарскую. — А. Ш.) под эгидой династии Карагеоргиевичей, поднять восстание в Македонии и присоединить ее к нашему совместному государству». Оставляя на совести восьмидесятилетнего Пашича упоминание о Карагеоргиевичах, как о возможном олицетворении этой унии (сорок лет назад, в 1885 г., его отношение к ним отличалось крайней сдержанностью, и уния предполагалась под эгидой иного исторического персонажа — Александра Баттенберга), отметим, что снова, как и в 1876 г., актуализируется идея «союза сербско-болгарского народа». Тогда она высказывалась на фоне Апрельского восстания, ныне же обрела второе дыхание под воздействием Пловдивского переворота и болгарского воссоединения.

Весьма важным представляется тот факт, что идея сербско-болгарского союза получила широкое хождение и в среде болгарских контрагентов Пашича. По словам отставного флотского лейтенанта Эспера Серебрякова — русского политического эмигранта из нигилистов, прибывшего в 1885 г. из Швейцарии в Болгарию, «в то время в Болгарии мечтали о создании федерации, а среди государственных деятелей было немало сторонников этой идеи»³².

Однако, поначалу дальше мечтаний о федерации дело не двинулось. Главное условие реализации подобного замысла — устранение Милана Обреновича с сербского престола — выполнено не было. Болгарские союзники не оказали Пашичу той помощи, на которую он рассчитывал, и вторжение эмигрантов в Сербию с целью перенесения туда «пламени революции» сорвалось. А вскоре стало очевидным и то, что время для подобной акции уже упущено. Мобилизация сербской армии в ответ на болгарское воссоединение и появление многочисленных слухов о ее якобы предстоящем вторжении в Старую Сербию заставили Пашича на время отказаться от своих заговорческих планов — в новой ситуации любая попытка

такого рода носила бы слишком двусмысленный характер (нож в спину своему же «национальному делу»).

А события тем временем развивались стремительно. Вместо Старой Сербии король Милан, как известно, отдал приказ наступать на Софию; незадолго до этого болгарское правительство Петко Каравелова депортировало сербских эмигрантов в Румынию, где Пашич, опасаясь выдачи его румынскими властями Сербии или Австро-Венгрии, тотчас же скрылся в небольшом придунайском городке Тулча у известного русского народника-эмигранта, шурина писателя В. Г. Короленко, Василия Ивановского. Именно здесь в разгар боевых действий между сербами и болгарами его и нашел З. Стоянов, прибывший в Румынию по поручению Д. Ризова. Между посланцем Софии и Н. Пашичем состоялся прелюбопытный разговор о возможном будущем Болгарии и Сербии.

План Д. Ризова, изложенный в общих чертах Стояновым Пашичу, сводился к следующему: в условиях военного поражения, когда режим М. Обреновича в Сербии зашатался, Болгария обязывалась оказать сербским эмигрантам помощь в деле организации срочного восстания в соседней стране с тем, чтобы, свергнув короля и взяв власть в свои руки, именно радикальная партия с Пашичем во главе смогла бы вести переговоры с Софией о мире и о будущем сербско-болгарских отношений. В таком случае Сербия и Болгария, по мнению авторов проекта, могли бы сами, без вмешательства великих держав, договориться обо всем. И вновь в разговоре двух давних знакомых завила идея федерации. «Мы вряд ли сможем освободиться от влияния великих держав, — заявил З. Стоянов, — если нам не хватит ума договориться о совместной деятельности и солидарном противодействии всякому иностранному проникновению. И вас, и нас могла бы спасти федерация. Без нее мы сломаемся под натиском русских, а вас проглотит Австрия»³³.

Пашич со своей стороны также поддержал идею сербско-болгарской федерации. «Нынешнее соглашение, — заметил он, — могло бы заложить фундамент федерации двух наших государств». В ответ на просьбу своего собеседника он высказал свое мнение относительно содержания этого возможного соглашения. Приведем его полностью: «... сербская армия оставляет занятую ею болгарскую территорию, болгарские войска поступают также; военные репарации не взимаются; с целью дальнейшей совместной деятельности заключается

оборонительно-наступательный договор; Сербия признает воссоединение Румелии с Болгарией и для того, чтобы оно стало необратимым, она должна помочь Болгарии, т. е. оба государства должны действовать синхронно и солидарно в направлении того, чтобы Восточная Румелия была окончательно признана за Болгарией, с одной стороны, и чтобы Сербия получила соответствующую компенсацию в Старой Сербии, с другой. Вопрос о Македонии должен пока остаться открытым, а к его решению необходимо будет приступить, когда придет время». И наконец, «следовало решить таможенный вопрос...; таможенная политика,— заключает лидер сербской эмиграции,— должна проводиться в интересах обоих государств». Вот из этого-то соглашения, по его мнению, и могла впоследствии вырасти сербско-болгарская федерация. З. Стоянов вполне одобрил точку зрения Пашича и срочно телеграфировал Д. Ризову о результатах переговоров. Нужно ведь было организовывать помощь обретавшимся в Румынии сербским эмигрантам с тем, чтобы, как выразился болгарский посланец, обращаясь к своему сербскому визави, «вы смогли бы так изменить положение в Сербии, что именно вам, и никому другому, довелось вести с нами переговоры о мире».

Получив телеграмму своего соратника, Ризов помчался в Пирот, в ставку болгарского князя Александра Баттенберга. И вот здесь-то и возникли разногласия. В то время как князь и военный министр майор Никифоров были согласны с планом Ризова (Баттенберг, кстати, был в курсе поездки Стоянова к Пашичу), премьер Каравелов пускаться в совместное с сербскими эмигрантами предприятие решительно отказался. Он предпочел синицу в руках — победу в сербско-болгарской войне — журавлю в небе — призрачной сербско-болгарской федерации. Помощи эмигрантам снова не последовало. З. Стоянов и Д. Ризов негодовали, но сделать ничего не могли. 29 ноября Пашич получил из Софии телеграмму: «Дело закончилось неудачей вследствие изменившихся обстоятельств. Действуйте по вашему усмотрению. Димитриев (Стоянов.— А. Ш.).». В декабре Стоянов сообщил сербским эмигрантам и причину этой неудачи — «противодействие только одного человека, которого вы знаете, и который ныне диктаторствует в Болгарии (П. Каравелов.— А. Ш.).».

Итак, самый серьезный арьергардный бой Пашича заканчивался очередным фиаско. Он опять проиграл. Вернее, у него снова отняли шанс попытаться выиграть. Оставалось на время смириться и заду-

маться. «Несчастливая судьба балканских народов,— писал Пашич в июле 1886 г.,— привела к тому, что два братских народа столкнулись в кровавой схватке. Если сторонники славянского, а особенно сербско-болгарского сообщества будут лишены возможности влиять на дальнейшее развитие событий на Балканском полуострове — тогда мы так и останемся игрушкой в руках неприятелей славянского дела. Дай Бог дожидаться лучших времен»³⁴.

В ожидании их Пашич занялся самообразованием. Особое внимание он обратил — что видно из его писем своему давнему и интимному другу Владимиру Летичу, писанных им в 1888 г. в Одессе, — на книги «по славянской истории, филологии и праву, т. е. вообще по славистике». Сильное впечатление произвела на него книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Увлечение ею было настолько сильным, что, находясь в Бухаресте, он сообщал секретарю С.-Петербургского славянского благотворительного общества В. И. Аристову, что переводит кое-что из Данилевского на сербский язык с намерением опубликовать³⁵.

Таким образом, можно заключить, что к концу 1880-х гг. и для главного радикального бойца начиналась новая пора — пора серьезного осмысления сербской национальной перспективы, которая приходила на смену жестоким разочарованиям и арьергардным боям недавнего прошлого.

А в Сербии тем временем происходили серьезные изменения. Положение короля Милана Обреновича, пошатнувшееся в связи с поражением в войне с Болгарией, становилось все более непрочным. К прежним неприятностям добавились неурядицы внутри собственного семейства, чему причиной были как неумный темперамент самого монарха, так и политические амбиции его супруги — королевы Натальи. Нервы короля не выдержали, и он решил отступить. В 1888 г. он созвал Великую народную скупщину, на которой была принята новая конституция Сербии, установившая было в стране парламентский режим. Многие положения программы радикальной партии нашли в ней свое воплощение. Сам король не мог выдержать этой «вакханалии» демократии и в феврале 1889 г. отрекся от престола в пользу своего несовершеннолетнего сына Александра. В марте того же года из эмиграции на родину вернулся Никола Пашич. Его возвращение было триумфальным. Сошедшего с парохода «Делиград» на пристань города Смедерево Пашича встречали де-

сятки тысяч людей со всех концов Сербии, видевших в нем мученика за народное дело и пророка. Казалось, вот она, олицетворенная в триумфе лидера, победа радикальной партии. Но нет. До полной победы было еще далеко.

* * *

Следующие четырнадцать лет сербской истории были временем крайне нестабильным. Режим Александра Обреновича, совершившего 1 апреля 1893 г. государственный переворот и отменившего конституцию 1888 г., шарахался из крайности в крайность — от «оттепели» к «заморозкам». Относительно либеральный курс начала 90-х гг. сменился к концу столетия завинчиванием гаек, символом чего стала названная по имени главы кабинета министров Владана Джорджевича (1897—1900 гг.) «владановщина». Неустойчивость во внутренней политике сопровождалась колебаниями и во внешнеполитической ориентации: от Австро-Венгрии к России и обратно.

Венцом противоречивого правления Александра Обреновича стала его женитьба на Драге Машин — бывшей фрейлине его матери, женщине с весьма небезупречной репутацией. Своим выбором Обренович-младший оттолкнул от себя и тех немногих, кто продолжал его поддерживать, включая и собственного отца. Этот брак, а также связанные с ним аферы вроде ложной беременности королевы и слухов об объявлении престолонаследником ее брата, ускорили развязку. 29 мая 1903 г. король и его супруга были убиты в результате офицерского заговора, и династия Обреновичей, таким образом, сошла с исторической арены. Живых ее представителей более не осталось. Провидение хранило экс-короля Милана от участи свидетеля трагедии собственного сына; он умер в 1901 г.

С точки зрения внешнеполитической позиции Сербии, последнее десятилетие XIX в. интересно тем, что в это время все более и более сужается внутренняя база традиционного австрофильства. Единственная последовательно австрофильская партия в Сербии — напредняцкая — к середине 90-х гг. отказывается от своей прежней политики. Ее лидер Стоян Новакович — крупнейший сербский историк, филолог, писатель, дипломат и государственный деятель, иностранный член Российской Академии Наук — возглавивший в начале июля 1895 г. правительство, решительно выступил за восстановление дружеских отношений с Россией. Этот поворот напредня-

ков от Вены к Петербургу явился событием весьма значительным. Он означал, что отныне все сербские политические партии, несмотря на многочисленные внутренние противоречия и разногласия, начинают смотреть на сербские национальные задачи и на отношения с соседней монархией одними и теми же глазами. Национальный консенсус в сербском обществе, таким образом, постепенно вызревал. Австро-Венгрия, потеряв в лице напредняков своего самого важного союзника, могла теперь рассчитывать только на двор. Король Александр остался в Сербии фактически единственным защитником курса своего отца, который, заметим, накануне отречения продлил действие Тайной конвенции на очередной срок.

Главной причиной отхода напредняков от Австро-Венгрии стала Македония. Еще во время войны 1885 г. у них сложилось впечатление, что поддержка Веной Белграда в македонском вопросе не отличается особой искренностью. В условиях же обострившегося в послевоенные годы соперничества сербской и болгарской национальной пропаганды в македонских землях (особенно это касалось разногласий в церковном и школьном вопросах) Австро-Венгрия по самой своей природе не могла стать слишком полезным покровителем.

Занимая в течение длительного времени пост сербского посланника в Стамбуле, С. Новакович пришел к двум выводам. Во-первых, в вопросах православной церкви и школы в Македонии русское влияние всегда было сильнее австрийского и при дворе султана, и в канцеляриях Константинопольской патриархии. И, во-вторых, в этих вопросах Австро-Венгрия, как неправославное государство, никогда, по его мнению, не стала бы помогать Сербии слишком усердно. Потому-то и возвратился Новакович из турецкой столицы в Белград с твердой уверенностью, что сербская национальная пропаганда в Македонии может иметь успех лишь при наличии русской поддержки. Следствием этого и стало то, что, возглавив кабинет, он «переложил руль». (Российские власти не замедлили отметить эту эволюцию лидера напредняков. По случаю коронации Николая II Новакович был удостоен ордена Белого Орла).

Что касается радикалов, то они в 90-е гг. продолжали укреплять свои отношения с Россией, причем теперь российское правительство и императорский двор рассматривали их в качестве надежных союзников. Во время своего пребывания в Петербурге в должности

сербского посланника (1893—1894 гг.) их лидеру Пашичу удалось значительно углубить старые и завязать новые знакомства и связи на российском политическом Олимпе, которые будут для Сербии столь ценными в 1903—1917 гг. Как видим, радикалы продолжали кропотливо и незаметно готовиться к будущим событиям.

Параллельно с этим радикальные идеологи всерьез занялись теоретической проработкой вопроса о сербских национальных перспективах в широком югославянском контексте: многие ведь понимали, что добиться сербского освобождения в отрыве от югославянского вряд ли возможно. Да и вообще, надо сказать, что в 90-е гг. среди югославянской интеллигенции были достаточно широко распространены представления о народном единстве сербов, хорватов и словенцев. Считалось, что и одни, и другие, и третьи являются частями одного народа. «Три племени одного народа» — это выражение надолго стало крылатым. Естественно, не раз заходила речь о путях возможного воссоединения родственных «племен». Правда, ответы на вопрос, как его достигнуть, давались разные. Сербские радикалы также не остались в стороне от попыток хотя бы теоретического его решения.

Первым подал пример своим коллегам все тот же Никола Пашич. В архиве сохранилась его обширная рукопись, написанная, по всей видимости, в конце 1880-х гг. и опубликованная лишь совсем недавно под названием «Согласие сербо-хорватов»³⁶. В ней он, вопрошая, «кто объединит сербо-хорватов?», рассматривает шансы одного и другого «племен» на лидерство в этом процессе. Полагая, что «развитие современной европейской культуры с ее индустриальным производством и железнодорожным проникновением грозит малым государствам крахом», Пашич делает вывод о необходимости, дабы избежать этого, «собрания родственных племен в одно сильное государство». А так как «между языком сербского и хорватского племен и их литератур не существует никакой разницы», что для Пашича наряду с общностью происхождения было главным критерием потенциального национального единства, то их объединение было бы делом совершенное естественным, органически вписывающимся в современную европейскую тенденцию собирания народов, ибо в качестве примера для подражания он берет недавнее объединение Германии и Италии. Проанализировав основные вехи истории сербов и хорватов, Пашич заключает: «Совершенно оче-

видно, что для сербо-хорватского народа в любом случае предпочтительнее группироваться вокруг демократической Сербии... Так как сербский народ лучше сохранил свои славянские особенности, то именно он должен держать знамя славяно-сербо-хорватской идеи». Главными славянскими особенностями, по мнению Пашича, являлись община и православная церковь.

Содержание документа со всей очевидностью свидетельствует о том, что острота традиционного антизападнического подхода его автора с годами отнюдь не притупилась. Новым его элементом стало немалое влияние идей Н. Я. Данилевского, которыми, как помним, Пашич серьезно увлекся незадолго до написания своей рукописи. Что же из идейного наследия автора «России и Европы» могло привлечь к себе внимание лидера сербских радикалов? Как представляется, это изложенное там учение о культурно-исторических типах: «Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой... составляет самобытный культурно-исторический тип»³⁷. Как идеально подходят под эту дефиницию югославы. Не потому ли и у Пашича главным критерием и доказательством национальной идентичности сербов и хорватов является наличие у них единого языка. Кроме того, Данилевский также считал сербов, хорватов и словенцев «сербскими племенами», предполагая вхождение когда-нибудь во Всеславянский союз «Королевства Сербо-Хорвато-Словенского».

Итак, в теории Пашич полагал возможным создание объединенного югославянского государства, в котором объединившиеся вокруг Сербского королевства иные «сербские племена» излечились бы от родимых пятен Запада, вернувшись в традиционное славянское лоно. Если это югославизм, а формально так оно и есть, ибо он представляет собой идею объединения югославянских народов и создания их совместного государства, то это югославизм явно сербоцентристского толка, о чем свидетельствуют параллели, которые приводит Пашич. Вот одна из них: «В России малороссы и белорусы не являются более какими-то особыми народностями, они представляют собой только варианты русской народности».

Тогда рукопись Пашича света так и не увидела, но в 90-е гг. в сербской печати появилось несколько работ по национальной проблематике, вышедших из-под пера другого влиятельного радикаль-

ного лидера, впоследствии идеолога, инициатора и вдохновителя Второго Балканского союза, Милована Миловановича. В одной из них автор, определяя приоритеты внешней политики Сербии, подтвердил выбор, сделанный радикалами в предыдущее десятилетие: сохранение независимости и территориальной целостности Сербии, как главной задачи момента, а также освобождение всех населенных сербами территорий и объединение всего сербского народа в рамках единого государства, в качестве перспективы³⁸. Из этой констатации со всей очевидностью вытекает, что радикальная партия и в конце XIX в. оставалась верна задаче воплощения «заветной мысли сербской». Анализируя перспективы решения сербского национального вопроса, М. Милованович вслед за Н. Пашичем попытался взглянуть на него в более широком юго и южно-славянском контексте. В своей статье «Сербы и хорваты» он особо подчеркнул, что споры и несогласие между ними (особенно по вопросу о принадлежности Боснии и Герцеговины) наносят огромный вред общему делу борьбы против Вены и Будапешта. Считая сербов и хорватов «единым народом» (что обосновывалось все той же общностью языка), он также полагал в теории возможным объединение югославян вокруг Сербии³⁹.

Здесь должно заметить, что такой подход радикальных идеологов к потенциальному решению югославянского вопроса, когда сербы, хорваты и словенцы объявлялись «единым народом», грешил явной облегченностью. Критерии были весьма упрощенными. Абсолютизировалась общность происхождения и языка и не учитывались иные важные, объективно разделяющие факторы. Кроме того, подход этот во многом определялся и диктовался политической конъюнктурой. Лишь отдельные интеллектуалы видели потенциальные мины замедленного действия, в нем заложенные. Тот же Стоян Новакович писал, правда, позднее (в мае 1912 г.) директору Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенскому: «Все умные и хорошо к нам относящиеся люди советуют нам югославянское сообщество. Вы, русские, требуете от нас верности светлым традициям православия. Но когда мы опираемся только на них, мы теряем весь запад до Альп и Адриатики, где пропаганда нашей единой народности имеет более всего шансов на успех и где католические племена идут за нами. Поэтому я и кричу от отчаяния»⁴⁰. Маститый ученый вовремя заметил в потенциальных межконфессиональных осложнениях источник немалой опасности для идеи

«единого народа», такой гармоничной на бумаге. Истины ради следует сказать, что в конце XIX в. в условиях все еще преобладающего влияния Австро-Венгрии во всех сферах сербской политики, югославянские построения радикальных идеологов (и не их одних) оставались «далеким и недостижимым сном будущего» и, не выходя за рамки голой теории, никакой связи с реальной политикой не имели.

Не обошел М. Милованович своим вниманием и болгар, посвятив им специальную работу. Полагая, что «сербы и болгары призваны играть ведущую роль на пути к созданию сообщества балканских народов», он тем не менее назвал самообманом возможность их объединения в единое государство, а тем более интеграции в единое национальное целое. Этот, как представляется, более трезвый, подход был шагом вперед по сравнению с иллюзиями Пашича относительно «союза сербско-болгарского народа». Милованович рассматривал сербов и болгар как два различных, хотя и очень близких, народа и считал необходимым условием их добрососедских отношений, равно как и самой возможности совместно двигать вперед процесс балканской интеграции, «честное и искреннее соглашение» по македонскому вопросу, которое должно было опираться на «точное разграничение сербских и болгарских интересов, имея в виду прежде всего жизненные потребности и сербов, и болгар». Только такое соглашение, по мысли М. Миловановича, могло «гарантировать государственную самостоятельность обоих народов»⁴¹. Южнославянский аспект сербской национальной идеологии, основанный на иллюзии возможного единства сербов и болгар, окончательно, таким образом, уходил в прошлое.

Итак, к рубежу веков радикальная программа, которую, кстати, разделяли практически все оппозиционные официальному курсу влиятельные политические силы страны, приняла свой законченный вид. Наряду с осознанной еще в 80-е гг. необходимостью поэтапного решения «прадедовской задачи сербского освобождения и объединения», в далекой перспективе под пером радикальных идеологов вновь туманно замаячил мираж объединения и югославянского, в возможность которого, правда, тогда мало кто верил.

Лазар Маркович — видный радикальный деятель начала XX в. писал в свое время: «Перед европейской войной национальная программа Королевства Сербии включала в себя два элемента. Один из

них..., опираясь на представления о единстве сербов, хорватов и словенцев, особенно распространенные в среде молодежи и в кругах сербских интеллектуалов, имел идеальный характер и не имел ничего общего с конкретной государственной политикой. Второй ее элемент был куда более конкретным. Он также делился надвое. С одной стороны, ставилась задача освобождения сербов, находившихся под властью Турции, а с другой — в Сербии никогда не забывали о судьбе Боснии и Герцеговины, областей, без всякого на то права оккупированных Австро-Венгрией»⁴². В основе этой национальной программы кануна войн 1910-х гг. и лежал национальный подход сербской народной радикальной партии, сформировавшийся в общих чертах в эпоху «официального австрофильства».

* * *

Получение государственной независимости явилось для Черногории событием огромной важности. Заканчивалась эпоха вековой борьбы с Османской империей, открывались перспективы мирной созидательной жизни. Присоединение к небольшому горному княжеству плодородных долин (в районе Подгорицы, Никшича и Улциня) закладывало основы хозяйственного прогресса, а выход к Адриатике пробивал первую брешь в стене былой изоляции. «Мы, наконец, станем государством, которое будет в состоянии существовать, а может быть даже и процветать» — писал черногорский князь Николай Петрович Негош.

Военные и внешнеполитические успехи придали новый импульс национальным амбициям черногорского руководства. Как известно, князь Николай и ранее претендовал на главенствующую роль в борьбе за объединение всех сербских земель под эгидой династии Петровичей Негошей. В новых же условиях, сложившихся после Берлинского конгресса, когда был положен конец прежним надеждам на скорое «освобождение и объединение» всех сербов, претензии эти возросли неизмеримо, что привело к всплеску соперничества сербского и черногорского княжеских домов и обострению отношений между двумя родственными государствами. Этому способствовала и их различная внешнеполитическая ориентация. Курс сербского князя Милана Обреновича и правительства напредняков на союз с Веней, был воспринят в Цетинье как отказ Белграда от активной

деятельности на национальном поприще, и это в немалой степени подпитывало претензии черногорского монарха на роль единственного всесербского лидера. Как бы в противовес монарху сербскому, он оставался последовательнейшим союзником России, полагая, что только при содействии Петербурга маленькая Черногория сможет в будущем реализовать свои глобальные юнионистские замыслы. По словам российского дипломата А. И. Кояндера, посетившего Цетинье зимой 1883—1884 г., «привязанность к России и готовность слепо нам повиноваться имеют своим основанием, кроме исторических преданий, и затаенную надежду каждого черногорца добиться при нашей помощи освобождения и объединения всего сербского племени». Во всем был прав будущий посланник России в Софии, кроме одного. Выдающийся мастер политической интриги, внешне всегда демонстрировавший непоколебимую лояльность и преданность России, князь Николай Черногорский отнюдь не собирался «слепо нам повиноваться». Правитель государства, равного по территории и количеству народонаселения российскому уезду средней руки (9 тысяч кв. км, 165 тысяч человек) имел свою особую концепцию отношений с Петербургом, а точнее — его использования, которая далеко не всегда совпадала с направлением балканской стратегии России. Но об этом чуть позже.

Пока же повторим главную мысль. В новых послеберлинских условиях, когда на политической карте Европы появилось два независимых сербских государства (Сербия и Черногория), вся национальная политика черногорского монарха, монопольно управлявшего внешними сношениями своей страны, практически свелась к борьбе с сербским руководством за гегемонию в деле «освобождения и объединения всего сербского племени». Цетинье всерьез претендовало на роль всесербского Пьемонта (насколько это было реально — уже другой вопрос), с чем, естественно, не могли согласиться в Белграде. Отношения между двумя княжествами, заметно охладившиеся уже после убийства князя Михаила Обреновича в мае 1868 г., стремительно скатывались к точке почти полного замерзания. Весь четвертьвековой период балканской истории (1878—1903) прошел под знаком острого соперничества, а иногда и прямой конфронтации черногорских Петровичей Негошей с сербскими Обреновичами. Перспективы политического союза Сербии и Черногории отодвигались в неопределенное будущее.

Первое, хотя пока и скрытое столкновение между дворами Цетинья и Белграда произошло в начале 1880-х гг. Когда в феврале 1882 г. Сербия была провозглашена королевством, а ее правитель — королем, князь Николай — человек весьма тщеславный и ревнивый — почувствовал себя глубоко уязвленным, восприняв торжества в Белграде как удар по династии Петровичей и престижу Черногорского княжества. Ведь этот акт, пусть и чисто символически, подчеркивал значение Сербии и ее превосходство над Черногорией. Кроме того, «молодые» Обреновичи становились «величествами», а Петрович Негош — представитель династии куда более древней — оставался всего лишь «высочеством». Самолюбивая душа черногорского князя не могла просто так смириться с подобной «несправедливостью». Потому в его официальном поздравлении Милана Обреновича с королевским титулом и звучал плохо скрытый намек на то, что тот принял корону из рук Габсбургов, заплатив за нее отказом от активной национальной деятельности. Однако, до открытой вражды между двумя династиями на этот раз дело не дошло.

Но она не замедлила вспыхнуть год спустя, после того, как князь Николай выдал в 1883 г. свою старшую дочь — княжну Зорку замуж за князя Петра Карагеоргиевича — внука легендарного Карагеоргия и легитимного претендента на сербский престол (т. е. династического соперника сербского короля Милана и всей династии Обреновичей). «Цетинская свадьба» была расценена в Белграде как политический замысел, внушенный Россией, с целью добиться низвержения «австрофилов» Обреновичей в Сербии. Причину этого король Милан ошибочно усматривал в будто бы имевших место расчетах правительства Александра III превратить Петра Карагеоргиевича в проводника русской политики. В результате, отношения между официальными властями Сербии и Черногории приняли открыто враждебный характер. По информации из российских дипломатических кругов, сербский король в своем гневе был готов даже санкционировать подготовку физического устранения черногорского князя. Тот, в свою очередь, платил Милану Обреновичу такой же монетой, стремясь как можно более ослабить позиции сербского монарха в его собственной стране (правда, не имея в виду смертоубийства). И случай для серьезной интриги подобного рода представился князю Николаю довольно скоро — в конце 1883 г., когда после поражения Тимокского восстания в Восточной Сербии часть

его участников во главе с лидером сербских радикалов Николой Пашичем бежала в Болгарию, а отдельные руководители инсургентов нашли политическое убежище в Черногории. Однако воспользовался он им не сразу, а по прошествии некоторого времени. В момент же самого восстания он, напротив, решительно предостерег своего зятя, князя Петра, находившегося тогда в Париже, от какого бы то ни было прямого или косвенного в нем участия, вполне резонно полагая, что таковое могло привести лишь к открытому вмешательству в сербские дела Австро-Венгрии (где претендента на сербский престол многие также считали креатурой России в отличие от австрофила Милана Обреновича), а это, по мнению черногорского монарха, имело бы фатальные последствия для всего «сербского племени».

Пока же, внимательно наблюдая за развитием внутреннего кризиса в Сербии и ожидая благоприятного момента для непосредственного воздействия на его ход, он расширял прочерногорскую пропаганду среди пограничного православного и мусульманского населения (в Герцеговине, Боке Которской, Новипазарском санджаке и Северной Албании). А. И. Кояндер в феврале 1884 г. доносил в Петербург по этому поводу: «Следуя, хотя и с некоторым неудовольствием, в настоящее время осторожной и выжидательной политике, князь Николай, однако, старается... распространить свое влияние в среде окружающих Черногорию славян. Своей искусной, отчасти успешной и вполне национальной политикой, он умеет привлекать к себе симпатии последних, так что Черногория все более и более становится центром, вокруг которого, при известных обстоятельствах, могут сгруппироваться все сочувствующие России элементы».

При этом должно заметить, что пропаганда цетинских властей отнюдь не ограничивалась населением прилегающих к Черногории и потому естественно к ней тяготеющих областей. По словам того же Кояндера, «князь Николай поддерживает довольно оживленные сношения с сербской партией в Далмации, посылая ей под рукой (т. е., тайно.— А. Ш.) денежные пособия и помогая ей советами» в борьбе, что интересно, не с австрийскими властями, а с «партией хорватокатолической». Причем, продолжал российский дипломат, «от меня он самым тщательным образом скрывал эту сторону своей деятельности, боясь, вероятно, моих советов благоразумия и спокойствия»⁴³.

Весьма показательный, кстати, пример готовности черногорского монарха «слепо нам повиноваться».

Итак, совершенно очевидно, что, пока сербский монарх боролся с радикальной оппозицией и пытался преодолеть перманентный внутренний кризис, сотрясавший Сербию в начале 1880-х гг., его черногорский собрат, правивший своей страной самодержавно и потому никакого внутреннего дискомфорта не испытывавший, даром времени не терял, закладывая основы, как он полагал, будущей гегемонии Черногории в процессе «освобождения и объединения» всех сербов.

А между тем события на Балканах развивались стремительно. В ноябре 1885 г. очередной Балканский кризис, вызванный сентябрьским переворотом в Пловдиве, в результате которого Восточная Румелия была присоединена к Болгарскому княжеству, привел к сербско-болгарской войне, в которой Сербия потерпела жестокое поражение. Князь Николай злорадно потирал руки, радуясь военной неудаче сербов и унижению Милана Обреновича. По его мнению, благоприятный момент для вмешательства в сербские дела, давно им ожидаемый, наступил. И действительно, позиции и репутация короля Милана в Сербии были сильно подорваны.

Будучи прекрасно осведомленным о ситуации в Сербии и глубине того тупика, в который загнал себя Милан Обренович, князь Николай вступил в контакт с сербскими эмигрантами, готовившими в Болгарии под руководством Н. Пашича очередной заговор против ненавистного монарха. Казалось, что достаточно всего лишь одного толчка, чтобы полностью дискредитировавший себя режим Обреновичей рухнул. Потому он и пообещал предоставить в распоряжение заговорщиков немалые средства и специальные военные отряды для вторжения в Сербию с тыла (со стороны Новипазарского санджака). Но самое интересное, однако, заключалось в другом — князь Николай прикрывал все свои предложения именем России, пытаясь представить себя в глазах сербских радикалов всего лишь исполнителем воли Петербурга. Дипломатический представитель России в Белграде А. И. Персиани телеграфировал министру иностранных дел 11 ноября 1886 г.: «Князь Черногорский дал знать радикальной партии, что время наступило произвести в Сербии переворот, который угоден будет России. Князь обещает поддержать

восстание людьми и деньгами и уверяет, что и Россия не откажет в денежных пособиях...».

По прочтении этой телеграммы, чиновников российского МИД охватило легкое недоумение. Сам государь начертил на полях документа: «Странно!». Еще бы, не странно. В то время, как российское правительство, в условиях обострения отношений с Болгарией, было крайне заинтересовано в сохранении спокойствия в сопредельной стране и неоднократно высказывалось против каких бы то ни было заговорщических акций, направленных против белградского режима, его черногорский союзник от его же имени давал понять сербским оппозиционерам, что Россия будто бы поддерживает их сомнительное «предприятие». Налицо была явная нестыковка.

К чести российской дипломатии, она довольно быстро «просчитала» интригу князя Николая. В представленной на высочайшее имя всеподданейшей записке от 18 декабря 1886 г. министр иностранных дел России Н. К. Гирс писал, что «сам князь Николай Черногорский, действуя в этом случае несогласно с не раз преподанными ему нами советами и скрывая от нас свои замыслы, рассчитывает, конечно, что неизбежные в случае восстания в Сербии смуты на Балканском полуострове вынудят Россию принять деятельное участие в событиях и выступить на защиту как Черногории, так и противников короля Милана»⁴⁴. Иными словами, черногорский монарх всерьез полагал, что поставленная перед фактом очередного, спровоцированного не без его участия хаоса в Сербии, Россия будет вынуждена прийти на помощь антиобреновичевским элементам, во главе которых он видел, естественно, себя. Ну а там, в мутной воде дипломатических осложнений, ему, как он надеялся, было недалеко и до сербского престола.

Для того, чтобы не дать втянуть себя в очередную балканскую авантюру, российскому правительству следовало строго одернуть своего зарвавшегося союзника, что и было сделано немедленно и в дипломатически совершенной форме с помощью российского дипломатического представителя в Черногории К. М. Аргиропуло. После переговоров с князем он отправил телеграмму в МИД составленную собственноручно Николаем Черногорским. «Князь заявил, — писал Аргиропуло, — что не оказывал поддержки радикалам, ни иной партии, относясь сдержанно к тому, что там происходит. Пользовался даже своим влиянием, дабы удержать своего зятя от направленных

против короля Милана предприятий. Не думает, чтобы сербы были способны произвести переворот в существующем порядке. Просит Вас быть уверенным, что он ничего не предпримет, чего государь император не одобрил бы»⁴⁵.

А Петербурге могли вздохнуть с облегчением — чреватую непредвиденными последствиями авантюру путем экстренного дипломатического вмешательства удалось предотвратить. Однако несмотря на столь миролюбивые и даже смиренные заверения черногорского князя, подлинная его роль во всей этой небезопасной для России интриге ни для кого в стенах здания МИДа на Певческом мосту не оставалась секретом. Князь Николай откровенно лгал, заявляя о своем якобы сдержанном отношении к тому, что происходило в Сербии и вокруг нее. Это подтвердили и его недавние союзники — сербские радикалы. А. И. Персиани писал в январе 1887 г. Н. К. Гирсу о своей встрече с ними: «Я поспешил сообщить вожакам радикальной партии взгляд императорского министерства на предпринимаемую в Сербии агитацию против короля Милана и... разочаровал их относительно ожидаемого ими содействия со стороны князя Черногорского. Последним сообщением, — подчеркнул дипломат, — радикалы были крайне удивлены, так как оно идет вразрез с заявлениями как эмигранта Пашича, так и профессора Джайи (Йован Джайя — член Главного комитета Сербской радикальной партии. — А. Ш.), которые имели случай лично видеться с князем Николаем, поощрявшим их приступить как можно скорее к действию»⁴⁶.

Итак, авантюра черногорского монарха, имевшая своей целью свержение с помощью сербских радикалов Милана Обреновича с престола и утверждение себя в качестве единственного всесербского лидера, провалилась. Ему оставалось смириться и дожидаться лучших времен. А ждать, кстати, оставалось совсем недолго. В феврале 1889 г., не выдержав борьбы с внутренней оппозицией, король Милан отрекся от престола в пользу своего малолетнего сына Александра.

Отречение Милана Обреновича способствовало некоторому улучшению официальных отношений между Сербией и Черногорией, что, в свою очередь, открывало известные возможности для согласованной деятельности обоих государств на национальном поприще. В 1890 г. черногорские власти заключили соглашение с

Регентством и правительством Сербии о совместной защите национально-религиозных прав сербского населения в Турции. Целью предполагаемой акции была замена греко-фанариотского церковного клира в Призрене и Скопье сербским.

И вообще, политика обоих государств в начале 1890-х гг. была направлена на расширение сербского церковного влияния в Новипазарском санджаке и Старой Сербии. Посредством церкви, а точнее деятельности церковных иерархов — сербов и черногорцев, оба правительства предполагали со временем добиться и усиления своего политического влияния в этих областях, пробуждения в них стремления к освобождению и развития объединительных тенденций. Таким образом, поддержка церкви, а также расширение сети сербских начальных и средних школ стали основным средством национальной политики Сербии и Черногории в то время.

Политика эта довольно быстро принесла первые плоды. В 1896 г. после смерти фанариотского митрополита Кир-Мелентия, опустевший митрополичий престол в Призрене занял сербский владыка Дионисий Петрович. Успеху этой акции во многом способствовала поддержка России, которая обладала немалым влиянием в канцеляриях патриархии в Константинополе. Прекрасный знаток турецкого языка, владыка Дионисий, в конечном итоге получил «добро» и от турецкого правительства. Должно заметить, что в этот период Сербия и Черногория действовали единым фронтом. Возросшая активность болгарских властей в Македонии, вызывавшая немалые опасения в Белграде, заставляла сербское руководство крепко держаться за своего цетинского союзника: Дионисию Петровичу было рекомендовано с вниманием относиться и к особым интересам Черногории в Санджаке и Метохии.

В 1896 г. состоялся визит князя Николая Петровича в Белград, прошедший на исключительно высокой ноте. Поднимая тост на торжественном банкете в королевском дворце 17 июня, черногорский монарх заявил: «Сербский народ сегодня стремится к свободе как никогда ранее., и долг сербских монархов организовать его и повести по пути воплощения его праведных стремлений». Полное согласие правителей Сербии и Черногории князь Николай считал главным условием успешного выполнения исторической задачи — освобождения всех сербов. В действительности же это означало, что он ни в коем случае не собирался мириться с ролью «младшего союзника» в

сербско-черногорской коалиции, а претендовал на абсолютно равные с королем Сербии prerogatives в процессе реализации «заветной мысли сербской». В то время как монархи делали заявления, посещали Академию наук, Великую школу, Военную академию и развлекались, их министры иностранных дел вели переговоры, которые завершились двумя соглашениями. Во-первых, Сербия и Черногория договорились о совместных действиях против всякого, кто посягнул бы на права сербского народа, будь то Австро-Венгрия, Турция или Болгария. Но о каждом таком ответном шаге правительства двух стран должны были договариваться предварительно. И во-вторых, оба государства высказались за продолжение дипломатической акции в Стамбуле с целью распространения призренского опыта теперь уже и на Скопье.

Во время ответного визита короля Александра Обреновича в Цетинье год спустя сербско-черногорские переговоры были продолжены. На сей раз они касались вопроса будущего раздела турецкого наследия на Балканах. Претензии обоих государств распространялись на Новипазарский санджак, Косово и Метохию, Македонию и Албанию. В рамках этих общих претензий шла речь об особых интересах двух государств в регионе. И хотя в вопросе о Призрене общего языка найти так и не удалось — на него претендовали как Сербия, так и Черногория — общая атмосфера переговоров была деловой и доброжелательной. Проявляя добрую волю, король Александр заявил, что после дополнительных консультаций в Белграде, он, вероятно, примет черногорские предложения, касающиеся Призрена.

Встречи и переговоры двух монархов в Белграде и Цетинье произвели сильное впечатление на сербское и югославянское общественное мнение. Казалось, что интриги и вражда между родственными династиями и государствами уходят в прошлое и уступают место равноправному диалогу и согласованной национальной политике. Но не тут-то было...

В октябре 1897 г. в Белград возвратился экс-король Милан и занял пост верховного главнокомандующего сербской армии при своем сыне — короле Александре Обреновиче. Премьер-министром страны стал Владан Джорджевич. В Сербии наступила пора так называемой «владановщины» (1897—1900). Этот трехлетний период конца века характеризовался резким ухудшением сербско-черно-

горских межгосударственных отношений. Правительство В. Джорджевича и стоящий за ним новый верховный главнокомандующий начали настоящую пропагандистскую атаку на Николая Петровича-Негоша, желая скомпрометировать черногорского монарха и подорвать его немалую популярность среди неосвобожденных сербов и югославян. Средства при проведении этой акции не выбирались. Белградская полиция фабриковала и распространяла скандальные памфлеты о частной жизни князя Николая и его семьи, полные сомнительных слухов, измышлений и откровенной лжи. Примечательно, что в финансировании этой кампании (естественно, тайно) принимал участие и австро-венгерский правитель Боснии и Герцеговины Беньямин Калай.

Пик античерногорской истерии пришелся на 1899 г. В этом году, как известно, было совершено покушение на Милана Обреновича (так называемый «Иванданский атентат»), по некоторым данным, инспирированное самим экс-королем и его сыном. Используя атентат в качестве повода, белградский режим обрушил волну репрессий на своих политических противников и в первую очередь на руководство сербской радикальной партии. В причастности к покушению он обвинил и черногорское руководство. Под этим предлогом сербские власти начали выселять из Белграда и из других регионов Сербии проживавших там черногорцев, включая школьников и студентов. Само понятие «черногорец», как и «радикал» стало в тогдашней Сербии синонимом врага существующего порядка и династии Обреновичей.

Но вакханалия белградских властей продолжалась недолго. Уже в следующем году (1900) серьезные разногласия нарушили единство внутри самого сербского королевского тандема. Самовольная женитьба короля Александра на бывшей фрейлине своей матери Драге Машин была встречена его отцом, равно как и премьером В. Джорджевичем, в штыки. Оба они немедленно подали в отставку, а год спустя Его Величество экс-король Сербии Милан Обренович скончался в Вене.

После этого официальные отношения двух государств несколько нормализовались, чего нельзя было сказать о личных отношениях их государей — взаимную подозрительность и недоверие, подпитываемые недавним прошлым, преодолеть было сложно. И все же жизнь диктовала свое. Предложенный Веней план строительства сквозной

железной дороги из Боснии через Новипазарский Санджак к эгейскому порту Салоникам требовал совместной реакции Белграда и Цетинья. Она и последовала. Два правительства выступили против предполагаемого строительства, предложив в качестве противовеса свой проект прокладки магистрали, которая связала бы Сербию и Черногорию и выходила бы на адриатическое побережье. Параллельно дипломатия обоих государств возобновила в Константинополе попытки добиться того, чтобы скопская митрополия возглавлялась сербским иерархом. Попытки эти закончились успехом в 1901 г.

29 мая 1903 г. в Белграде в результате офицерского заговора были убиты король Александр Обренович и королева Драга. Новым сербским королем Великая народная скупщина Сербии избрала Петра Карагеоргиевича — зятя князя Николая. К власти в стране пришли прежним режимом гонимые русофилы-радикалы во главе с Н. Пашичем, готовые проводить активную национальную политику. В борьбе за «освобождение и объединение сербского племени» начинался новый этап, в рамках которого непомерным амбициям черногорского правителя места оставалось все меньше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Скерлић Јован*. Историја нове српске књижевности. Београд, 1953. С. 344.

² *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия в 1914—1917 гг.: война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 38.

³ *Живановић Ж.* Политичка историја Србије у другој половини XIX века. Књ. 2. Београд, 1924. С. 6.

⁴ *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790—1918. Београд, 1989. Књ. 2. С. 372.

⁵ *Терзић С.* Јован Ристић и «заветна мисао српска»//Историјски Часопис. Књ. XXXIV. Београд, 1987. С. 289.

⁶ *Пашић Н.* Моја политичка исповест//Србија и коментари. Изд. Задужбине М. Црњанског. Београд, 1989. С. 131.

⁷ Архив Србије (далее — АС). Ф. Поклони и откупи. Збирка Ристе Одавића. Кутија XI. Бр. 44 (Шта каже Никола Пашић?). Л. 6.

⁸ Самоуправа. 31 март 1881 г. Бр. 39.

⁹ Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее — АСАНУ). Грађа Николе Пашића. Бр. 14615 —1—43.

¹⁰ *Пашић Н.* Писма, чланци и говори. (1872—1891). Приредили Л. Перовић и

- А. Шемякин. Београд, 1995. С. 165. (Н. Пашић — митрополиту Михаилу, Рушчук, 4 октобар 1884 г.).
- ¹¹ *Јовановић С. Никола Пашић // Србија и коментари. С. 239.*
- ¹² Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 452. Оп. 1. Д. 299. Л. 23. (Письмо от 1 февраля 1882 г.)
- ¹³ *The memoirs of a Balkan diplomatist by Count Chedomille Mijatovich. London, New York, Toronto, Melbourne, 1917. P. 31—32.*
- ¹⁴ Архив Внешней Политики Российской Империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив (1883 г.). Д. 424. Л. 73 об.
- ¹⁵ ОР РНБ. Ф. 14. д. 191. Л. 3 об.— 4. (Письмо от 21 мая 1882 г.).
- ¹⁶ *Пашић Н. Писма, чланци и говори. (1872 — 1891). С. 99. (Говор Николе Пашића у Зајечару 2 јуна 1881 г.).*
Там же. С. 155—156.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. (1883 г.). Д. 424. Л. 71—71 об.
- ¹⁸ *Јовановић В. Успомене. Београд, 1988. С. 469.*
- ²⁰ *Пашић Н. Писма, чланци и говори. (1872—1891). С. 264.*
- ²¹ *Станковић Б. Искушења Југословенске историографије. Београд, 1989. С. 251.*
- ²² *Перовић Ј. Предговор // Тодоровић Пера. Крвава година. Београд, 1991. С. 31.*
- ²³ Обзор деятельности сербской оппозиции. Записка Н. Пашича директору Азиатского департамента МИД России И. А. Зиновьеву. 1887 г. // Исторический Архив. 1994. № 5. С. 112, 114, 113.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. «Коллекция документальных материалов чиновников МИД» (Гартвиг Н. Г.). Оп. 584. Д. 29. Л. 59.
- ²⁵ *Пашић Н. Моја политичка исповест // Србија и коментари. С. 171.*
- ²⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. (1887 г.). Д. 437. Л. 167 об.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. (1884 г.). Д. 429. Л. 11 об.; Д. 428. Л. 87 об.; (1886 г.). Д. 434. Л. 207, 207 об.
- ²⁸ Там же. Ф. Главный Архив (1883 г.). Д. 921. Л. 420—420 об.
- ²⁹ *Раденић А. Радикална странка и Тимочка буна. Т. 2. Зајечар, 1988. С. 933. (Прилози).*
- ³⁰ АСАНУ. Грађа Николе Пашића. Бр. 14615—1—30. Л. 1.
- ³¹ Архивъ на Възражданието. Т. 2. (Документи по съединението). София, 1908. С. 325.
- ³² *Серебряков Э. Год в Болгарии (1885—1886). Из личных воспоминаний. // Заветы. 1913. № 4 (апрель). С. 10.*
- ³³ АСАНУ. Бр. 11721. (Бележнице Н. Пашића). Весь дальнейший материал о переговорах Н. Пашича с З. Стояновым почерпнут из данного источника.
- ³⁴ НБКМ — БИА (София). Ф. 34. Арх. ед. 8. Л. 23.
- ³⁵ *Пашић Н. Писма, чланци и говори. (1872—1891). С. 274. (Письмо от 12 мая 1888 г.).*
- ³⁶ *Пашић Н. Слога Србо-Хрвата. Приредило Б. Станковић. Београд, 1995.*

- ³⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 91.
- ³⁸ См.: Миловановић М. Наша спољна политика. Београд, 1894.
- ³⁹ См.: Миловановић М. Срби и Хрвати. // Дело. 1895.
- ⁴⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 245. Л. 3 об.
- ⁴¹ Миловановић М. Срби и Бугари. Београд, 1898. С. 24—25.
- ⁴² Марковић Л. Југословенска држава и хрватско питање. Загреб, 1935. С. 3.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Политархив (1884 г.). Д. 1530. Л. 6, 8, 12 об.
- ⁴⁴ Там же. Ф. Политархив (1886 г.). Д. 22. Л. 99, 112—112 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Политархив (1886 г.). Д. 1534. Л. 100—101.
- ⁴⁶ Там же. Ф. Политархив (1887 г.). Д. 437. Л. 2—2 об.

ГЛАВА 7

Босния и Герцеговина: между Западом и Востоком (начало XIX в.— 1878 г.)

В системе европейских владений Османской империи Боснийский эялет (позднее пашалык) занимал особое место, его политико-административное положение имело специфические черты. Одной из причин этого была удаленность от центра империи и его пограничное положение, что обуславливало необходимость защищаться от внешних врагов собственными военными силами. Порта создала здесь прочную систему обороны, опираясь, главным образом, на местных крупных феодалов. Еще в XVI в. в районах, граничавших с Австрией и Венецианской республикой были созданы особые военно-административные единицы — капитании, осуществлявшие охрану границ. Благодаря глубоко укоренившейся системе самообороны местные феодалы-беги пользовались правами самоуправления и слабо подчинялись власти боснийского везира, острота конфликтов с которым иногда приводила к настоящей войне. Важную роль в системе местного административного управления играли аяны — старейшины спахийских организаций, вспомогательных военных и янычарских отрядов, представители высшего духовенства и богатые торговцы. Капитаны и аяны, составлявшие так называемый беговат, являлись решающей политической силой в Боснии и Герцеговине в течение всего XVIII и первых десятилетий XIX в.

Особенности социально-политического развития Боснии и Герцеговины обуславливались и немалым торговым значением провинции, по территории которой пролегали торговые пути из центра империи на Адриатику и в Центральную Европу. Но в Боснийский пашалык

входило и много горных слабо развитых в общественно-экономическом отношении районов. В пограничной с Черногорией части Герцеговины сохранялись, например, военно-политические объединения — «племена» (Езера, Шаранци, Пива, Дробняк). Они пользовались самоуправлением в области администрации и суда. Их зависимость от турецкой власти выражалась в уплате десятины и таможенных пошлин. Население обязано было содержать военные отряды для охраны границы с Черногорией. По свидетельству С. Стратимировича, относящемуся к началу XIX в., пивляне были фактически независимыми, их автономный статус подразумевал лишь незначительную дань Порте, в селах управляли местные князья.

Спецификой Боснии и Герцеговины было наличие гораздо большего чем в других балканских землях исламизированного населения, сохранившего сербохорватский язык. По данным 1870-х гг. мусульмане составляли 48,9%, православные — 37,6%, а католики — 12,7% жителей¹. В городах преобладали мусульмане, православных было особенно много в Герцеговине, а в северо-западной части Боснии, на границе с Хорватией жило большинство католиков. Но в целом было мало областей, где жители одного вероисповедания проживали бы компактно. Ислам наложил глубокий отпечаток на образ жизни и культуру славян-мусульман, которые, однако, осознавали четкую разделительную грань между собой и мусульманами-турками. В XIX в. боснийские мусульмане ощущали себя особой этнической общностью, как по отношению к иноверцам, так и прочим мусульманам². Наряду с конфессиональным и культурным размежеванием в среде местного населения исламизация увеличила социальную пропасть между феодалами, принявшими ислам, и крестьянством, в большинстве оставшимся христианским.

Вплоть до конца XVIII в. Порты в своей политике в Боснии и Герцеговине опиралась на местных крупных землевладельцев, поддерживая их интересы. Постепенный упадок военно-феодальной системы Османской империи не мог не отразиться на положении в подвластных ей балканских землях. Ослабление власти Порты, а вместе с тем и боснийско-герцеговинского везира, сопровождалось усилением позиций крупных феодальных владельцев, появлением сепаратистских тенденций. Политика Порты, направленная на государственную централизацию, укрепление своей власти на местах встретила резко негативную реакцию со стороны беговата. Сложно-

сть внутривластического положения в Боснийском эялете усугублялась существованием там целого комплекса противоречий: в начале XIX в. наряду с религиозными усилились противоречия, с одной стороны, между боснийско-герцеговинским господствующим классом и центральной властью Османской империи, и с другой — между боснийско-герцеговинскими крупными землевладельцами и зависимым от них крестьянством (кметами).

В первых десятилетиях XIX в. власть султанского правительства в Боснии и Герцеговине неуклонно ослабевала. Фактически там существовала административно-политическая автономия, хотя и не оформленная юридически³. Предпринимавшиеся с начала XIX в. попытки Порты укрепить свои позиции в пашалыке путем проведения реформ наталкивались на упорное сопротивление беговата. Местные феодалы, в подавляющем большинстве своем мусульмане, усматривали в реформах ущемление своих землевладельческих интересов и своего влияния в административно-политических делах. Кроме того, реформы расценивались ими, как уступки христианскому населению. Этот аргумент использовался для вовлечения в борьбу против центрального правительства широких слоев мусульманского населения. В первых двух десятилетиях XIX в. ввиду упорного сопротивления беговата султанскому правительству не удалось провести ни одну из реформ, и власть его наместников в этой провинции оставалась номинальной. Сопротивление реформам усилилось в 20-е гг. и его центром стал г. Сараево. Инициатором и главной движущей силой оппозиции выступили янычары. Борьба длилась с переменным успехом. Воспользовавшись отсутствием единства в среде оппозиции, Порте удалось сломить сопротивление, и в 1826 г. янычарский корпус был распущен. Но движение сопротивления реформам продолжалось, его возглавили крупные боснийско-герцеговинские феодалы, недовольные падением своего влияния.

В 1831 г. вспыхнуло восстание под руководством Гусейна-бега Градашчевича, установившего связи с албанским правителем Мустафой-пашой Бушатли. Он выступил под лозунгом борьбы против начатых Портой военных преобразований, создания в Боснии и Герцеговине новой регулярной армии вместо янычарского корпуса. Выдвигалось требование предоставления Боснийскому эялету самоуправления с правом избрания везира из своей среды при сохранении верховной власти султана и уплате ежегодной дани. Боснийское

войско нанесло крупное поражение султанской армии, а Гусейн-бег Градашчевич был провозглашен боснийским везиром. Но отказ Герцеговины присоединиться к восстанию, начавшиеся междуособные конфликты в повстанческих кругах ослабили их силы и облегчили султанским войскам подавление мятежа. Лишь после этого Порте удалось провести в Боснии и Герцеговине ряд административных преобразований.

С разгромом восстания Гусейна-бега оппозиция реформам в Боснии и Герцеговине не прекратилась. Местные феодалы, опасавшиеся за свои права и земельные владения, ощущали настоятельную необходимость продолжать борьбу за сохранение своих политических и экономических привилегий. Особое недовольство беговата вызывало уменьшение его политической роли и влияния в местных диванах и меджлисах в связи с введением в систему управления института чиновников, назначавшихся Портой. Все это наряду со стремлением играть решающую роль в административно-политических делах, обуславливало дальнейшее выступление против реформаторской деятельности турецкого правительства и порождало стремление добиться официального признания Портой широкой автономии пашалыка. В этот период в среде феодалов появляются идеи об автономии Боснии и Герцеговины по образцу Египта или Сирии и перехода всей полноты власти в провинции в руки беговата.

Окончательно сломить сопротивление реформам боснийско-герцеговинских феодалов Порте удалось лишь в начале 50-х гг., прибегнув к самым решительным мерам. В Боснию была направлена большая регулярная армия во главе с Омер-пашой Латасом. Беговские четы были разбиты и в значительной части уничтожены. В 1851 г. в Боснии и Герцеговине утвердилась власть центрального правительства. Энергичный политик Омер-паша Латас в 1851 г. окончательно ликвидировал спахийскую систему и в последующие годы осуществил ряд административных преобразований.

Наряду с движениями консервативно-феодалского сепаратистского характера, еще в начале XIX в. в Боснии и Герцеговине появляются первые симптомы зарождения национально-освободительного движения христианского населения, на которое оказывала заметное влияние борьба за освобождение от турецкой власти в Черногории и Сербии. Активную роль в этом движении играли представители местного православного духовенства, пытавшиеся

найти поддержку в России. Так, в 1803 г. пивлянский архимандрит Арсений Гагович, прибыв в Петербург с политической миссией, заявил там, что «народ герцеговинский, а равно и все христиане, под игом магометан стенающие, считают, что приспело, наконец, время их освобождения». Гагович говорил о стремлении балканского населения войти в состав России, а в случае, если это невозможно, предлагал основать Славяно-сербское царство под скипетром одного из русских великих князей. Такого рода предложение, несомненно, было увязано с политическими замыслами черногорского митрополита Петра I Негоша и некоторых сербских деятелей. Заметное влияние на боснийско-герцеговинское население оказало Первое сербское восстание 1804—1813 гг., нашедшее отзвук в ряде крестьянских выступлений и особенно в восстании в Боснийской Крайне 1809 г., возглавленном Й. Янчичем, поддерживавшим связь с сербскими повстанцами и австрийцами. Повстанцы боролись за уничтожение турецкого владычества.

В 30—40-х гг. зарождавшееся национальное движение находилось под влиянием идеологических течений в Сербском княжестве и Хорватии. Представители католического духовенства — Иван Франо Юкич, Мартин Недич, Яков Балтич, Блажо Йосич, которых привлекала идея культурного и политического единства югославянских народов, начали активную пропаганду иллиризма в Боснии и Герцеговине⁴. Они выступали против турецких реформ, выдвигали требования предоставления христианскому населению провинции политических прав и религиозной свободы. Свою задачу они видели в просвещении боснийской молодежи — православной и католической.

В национальном вопросе один из ярких представителей этого движения И. Ф. Юкич оставался до конца верен выдвинутой им концепции «бошняства». Он утверждал, что в Боснии и Герцеговине один народ — «бошняки», который является составной частью «иллирского» народа. Но эта концепция была оторвана от реальности и не имела глубоких корней⁵. И. Юкич, бесспорно, ориентировался на Загреб, но стремился оставаться как бы на нейтральной почве между сербами и хорватами, что в дальнейшем способствовало его сближению с сербами.

В целом, следует отметить значительную роль церкви и духовенства как православного, так и католического в развитии националь-

ного самосознания и просвещения населения Боснии и Герцеговины. Монастыри и церкви были одновременно и центрами культурного развития, при них существовали школы, имелись библиотеки. Они являлись хранилищами национальных ценностей и традиций. Католическое и православное духовенство играло большую роль в пробуждении национального самосознания католиков и православных Боснии и Герцеговины. И не случайно, что среди руководителей восстаний позднее было значительное число священнослужителей.

В 40-е гг. заметное влияние на национально-освободительное движение Боснии и Герцеговины стала оказывать пропаганда идей государственного объединения югославянских народов, начатая правящими кругами Сербского княжества и направляемая И. Гарашаниным (см. об этом: глава 4.). Она находила отклик среди боснийско-герцеговинской молодой интеллигенции, духовенства, зажиточных крестьян, мелких торговцев. Возник ряд тайных организаций, просуществовавших до начала 70-х гг., которые ставили своей задачей укрепление связей с Сербией и помощью в реализации планов Гарашанина.

В 40—50-е гг. представители боснийско-герцеговинского христианского населения направляли Порте адреса и меморандумы, в которых выражался протест против системы турецкого управления, беззаконий, несправедливости и намечались необходимые преобразования. Они публиковались в югославянских или австрийских газетах, иногда посылались европейским правительствам. Так в меморандуме, автором которого являлся И. Юкич (1850), содержались требования равноправного участия христиан и мусульман в управлении, свободы вероисповедания, собраний и союзов, отмены харача (налога с немусульман), призыва христиан на военную службу, свободы торговли и занятий ремеслом без учета религиозной принадлежности, запрета сгона кметов с земли, организации почты и других средств сообщения, гласности бюджета, строительства школ и типографии для христианского населения. Такого рода требования являлись достаточно прогрессивными для отсталой в экономическом и политическом отношении провинции Османской империи и по существу предусматривали преобразования буржуазно-демократического характера.

В 60-х — первой половине 70-х гг. в балканских провинциях Османской империи назревал общественно-политический кризис. В

развертывании национально-освободительного движения христианского населения Боснии и Герцеговины в это время начинает играть большую роль молодая торговая буржуазия, а также формирующаяся местная интеллигенция, большинство которой составляли учителя. Деятельность православной и католической церкви не только помогала развитию образования и просвещения, но и содействовала организации антиосманской борьбы.

В 1852—1853, 1857—1858 и 1861—1862 гг. вспыхивали восстания христианского населения Герцеговины под руководством Луки Вукаловича. Другим очагом нарастающего освободительного движения становилась северо-западная окраина Боснии — Боснийская Крайна, где восстание началось в 1858 г. Во всех этих движениях выдвигались требования в основном аграрного характера, а также направленные против национального гнета — в том числе уравнивания в религиозных, имущественных и судебных правах мусульман и христиан. В адресах и меморандумах, выработанных в ходе восстаний четко прослеживалась мысль о необходимости введения административной автономии в пашалыке. Особенно остро этот вопрос был поставлен Вукаловичем во время восстания 1861—1862 гг.

Проблема политического будущего Боснии и Герцеговины в это время становится все более актуальной не только из-за расширения национально-освободительного движения, но и в виду усилившегося стремления соседних государств — Сербии, Черногории и империи Габсбургов присоединить к своим владениям эту турецкую провинцию или хотя бы часть ее. Для Австрии, владевшей Адриатическим побережьем, проникновение таким путем в глубь Балкан издавна было заветным желанием. Черногорцы не скрывали своих расчетов присоединить часть Герцеговины. Правящие круги Сербского княжества в 60-х гг. поставили своей главной внешнеполитической задачей освобождение и объединение югославянских народов вокруг княжества (см. с. 113—114).

Судьба Боснии и Герцеговины стала спорной при заключении в 1866 г. союзнического договора между Сербией и Черногорией. Проект последней предполагал присоединение Боснии и части Старой Сербии к Сербскому княжеству, а Герцеговины и остальной части Старой Сербии — к Черногории. Но правящие сербские круги отвергли подобный вариант. В 1870 г. Белград недвусмысленно по-

требовал согласия Черногории на включение в состав Сербского княжества и Боснии и Герцеговины.

Для идеологов освободительного движения Боснии и Герцеговины создавалась альтернатива: либо добиваться широкой административно-политической автономии, оставаясь номинально под верховной властью султана, либо идти на присоединение к соседним государствам. По этому кругу вопросов вырабатывалась позиция и разворачивалась борьба при активном влиянии и непосредственном вмешательстве со стороны Сербского княжества и Черногории. Так усилению национально-освободительной борьбы в Герцеговине во многом способствовала политика князя Данилы, а затем князя Николая, поддерживавших восстания Вукаловича, одним из требований которых было присоединение в будущем к Черногории. Ряд пограничных территорий Данило считал составной частью княжества, назначал там сердарей, распространял на них свои постановления.

В южных и юго-восточных областях Герцеговины, где сохранялась система общинного самоуправления начали создаваться местные органы власти под непосредственным влиянием черногорской государственной системы. Административно-судебные функции были переданы в руки назначаемых капитанов и сердарей. Черногорский сенат стал для герцеговинцев пограничных областей высшим судебным-административным органом. В 1858 г. князь Данило присвоил Луке Вукаловичу и еще некоторым старейшинам титул воеводы. Несмотря на то, что в конечном счете Порте удалось подавить восстания в Герцеговине, наряду с сохранением системы самоуправления в ряде областей, часть пограничных с Черногорией земель (Грахово, часть Банян, Дробняк и др.) вошли в состав фактически независимого Черногорского государства.

Один из наиболее ярких представителей национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине, испытавший значительное влияние Гарибальди, М. Любibrатич в 60-е гг. последовательно отстаивал идею автономии Боснии и Герцеговины, но считал также возможным присоединение их к Сербии⁶. Он активно выступал за объединение сил всех славян — христиан и мусульман в борьбе за национальное и социальное освобождение. Это особенно отчетливо проявилось при попытках поднять восстания в Боснии и Герцеговине в 1867, 1872 гг. Идея совместного вооруженного выступ-

ления христианского и мусульманского населения провинции за национальную свободу, против отживших феодальных порядков занимала центральное место в системе взглядов М. Любibrатича. В период подготовки восстания 1872 г. он выдвигал проект создания народной скупщины, временного правительства, а в 1875 г. после начала восстания приложил немало усилий, чтобы осуществить свои проекты о временном правительстве в Герцеговине⁷. Но все действия М. Любibrатича, находившегося под значительным сербским влиянием, были парализованы сторонниками черногорской ориентации в Герцеговине.

Распространению сербского влияния в Боснийском пашалыке способствовала пропаганда, организуемая Белградом, где в 1860 г. группа национальных деятелей из Боснии и Сербии, возглавленная публицистом Матией Баном, образовала Тайный комитет, главной целью которого была подготовка восстания в Боснии с последующим присоединением ее к Сербии. Эта организация просуществовала недолго. Но в 1862 г. по инициативе Гарашанина в Белграде был снова создан специальный комитет, который должен был вести пропаганду за пределами княжества и координировать работу тайных боснийских организаций по подготовке восстания, целью которого было бы присоединение к Сербии.

Князь Михаил и Гарашанин стремились вовлечь в своей замысел партию народняков Хорватии, а также сербов-граничар из австрийской Военной границы. В 1867 г. в результате соглашения между лидером хорватских народняков Й. Штресмайером и И. Гарашанином было достигнута договоренность о создании Главного комитета в Загребе для организации восстания в Боснии. Его подготовкой среди граничар руководили А. Орешкович и Д. Ковачевич — бывшие граничарские офицеры, бежавшие в Сербию. В 1867 г. Орешкович приступил к разработке проекта организации такого восстания. На это был направлены и усилия выходцев из пашалыка Н. Окана и М. Любibrатича.

После отставки И. Гарашанина и смерти князя Михаила попытки княжества создать сеть сербских агентов и организовать восстание в Боснии практически прекратились. Тем не менее эта деятельность белградского правительства оказала определенное влияние на просербскую политическую ориентацию формирующейся сербской буржуазии и интеллигенции Боснии.

Свой вклад в складывание национальной сербской идеологии и самосознания среди населения пашалька внесла во второй половине 60-х гг. организация сербской молодежи — Омладина, члены которой активно выступали за освобождение и объединение всего сербского народа (см. об этом: глава 5).

Массовое вооруженное восстание началось летом 1875 г. в Герцеговине, а затем охватило северные и юго-западные области Боснии, послужив причиной возникновения в международных отношениях Европы Восточного кризиса 1875—1878 гг. В восстании приняло участие в основном христианское население — крестьяне, торговцы, учителя, священники. В целом оно имело антифеодальную направленность, стержнем его программных требований являлись аграрные преобразования. Но чтобы обеспечить сотрудничество с феодалами-мусульманами, некоторые руководители повстанцев в Боснии заявляли о гарантии сохранности их земельной собственности. Антифеодальная борьба крестьянства сочеталась с освободительной, подъем которой являлся следствием пробуждения национального самосознания у сербов, а затем и других народов Боснии и Герцеговины.

В ходе восстания получила свое развитие идея автономии Боснии и Герцеговины. Хотя в программных требованиях 1875—1876 гг. слово «автономия» как таковое отсутствовало, но их основной смысл заключался во введении самостоятельного административного устройства. Революционно-демократическое крыло идеологов восстания, возглавляемое В. Пелагичем (в него же входили Косто Угринич, Манойло Хорвачанин, Земфо Бостанич) выдвигало идею автономии Боснии и Герцеговины при полном уничтожении феодальных отношений и путем совместного выступления против Порты всех угнетенных народов Боснии и Герцеговины независимо от их религиозной принадлежности. Таким образом В. Пелагич и его сторонники выступали за объединение сербов, мусульман и хорватов в борьбе против власти османов и за создание нового общественного порядка. Многие положения, связанные с будущим государственным развитием Боснии и Герцеговины, были разработаны В. Пелагичем в его политическом проекте — «Послание друзьям угнетенных братьев в Турции» (1874 г.), напечатанном в Нови Саде. Высшая власть должна была принадлежать народной скупшине, в функции которой входило бы издание и утверждение законов. Идея созыва

народной скупщины не была новой для деятелей боснийско-герцеговинского национально-освободительного движения. Об этом писал еще в период подготовки восстаний 1867 и 1872 гг. М. Любibrатич.

В проекте Пелагича не исключалось введение конституционной монархии, «если бы этого потребовал народ». Монарх имел бы право подписывать все решения народной скупщины, но его подпись носила бы формальный характер. В развитие принципа общинного самоуправления должны были создаваться местные скупщины, в функции которых входило решение всех дел в округах. Пелагич предусматривал и создание министерского совета, состоявшего из трех министров и ответственного перед народной скупщиной. В будущем государстве он предполагал ликвидировать регулярные войска, жандармерию, тюрьмы, титулы, назначение правительством делегатов в скупщину, а также ввести полную свободу вероисповедания. Церковь отделялась от государства, вводился гражданский брак. Функции низших органов власти определялись бы законом. Данный проект общественно-политических преобразований был написан под значительным влиянием сербских социалистов, их критики государственного устройства Сербского княжества. Идеи Пелагича имели принципиально важное значение для дальнейшей борьбы народов Боснии и Герцеговины за свое национальное освобождение, но в то же время практически были неосуществимы в условиях 70-х гг. XIX в. Это в определенной степени понимал и сам Пелагич, который позднее писал, что его идеи станут реальными только тогда, когда будет ликвидирована частная собственность и все сегодняшнее несправедливое устройство⁸. В период самого восстания свои замыслы переустройства Боснии и Герцеговины В. Пелагич развил в двух документах — «Проекте одного боснийца. О преобразовании Боснии и Герцеговины на современных демократических принципах» (январь 1876 г.) и «Повстанческой программе народных прав» (конец 1877 г.).

Политическое будущее балканских народов В. Пелагич, вслед за Л. Каравеловым, С. Марковичем и др., видел в федерации демократических республик. Но эта идея оставалась лишь в рамках его теоретических размышлений, ибо необходимость разрешения практических задач национально-освободительной борьбы в 1875—1878 гг. отодвигала эту проблему на второй план.

В 1875—1878 гг. выявилось стремление боснийских повстанцев к объединению Боснии с Сербским княжеством, а герцеговинских — присоединению Герцеговины к Черногории. Наиболее активными проводниками такой перспективы являлись представители правого крыла среди руководителей восстания. Этой же позиции придерживался Главный комитет восстания. В начале июля 1876 г. на боснийской и герцеговинской повстанческих скупщинах было соответственно провозглашено такое объединение. Решительным противником подобной акции выступал В. Пелагич, считавший недопустимым объединение с государствами, в которых существовали антидемократические режимы, т. е. в этом вопросе Пелагич резко расходился с Главным комитетом, отстаивая идею национально-политической автономии Боснии и Герцеговины⁹.

Наряду с указанными тенденциями, в среде католического населения выдвигались отдельные требования о включении Боснии и Герцеговины в состав Австро-Венгрии. На осуществление этих замыслов была направлена деятельность одного из руководителей движения И. Мусича.

В ходе восстания оформлялись органы новой власти. В октябре 1876 г. в Кравьяке состоялась скупщина, избравшая боснийское правительство в составе 14 человек. Правительством сразу же было издано обращение, в котором подчеркивалось, что народы Боснии никогда не хотели и не захотят стать частью какого-то другого государства. Тем самым отрицалась возможность включения Боснии и Герцеговины в состав Австро-Венгрии или австро-венгерская оккупация. Целью восстания, говорилось в обращении, является освобождение от власти Османской империи и объединение с остальными сербскими землями. Оставалось, однако неясным, считало ли боснийское временное правительство, что «объединение с сербскими землями» будет означать создание федерации Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, или мыслилось их объединение в унитарное государство. Но «европейские условия», утверждалось далее, не позволили осуществить такое объединение и поэтому народы Боснии и Герцеговины хотят иметь свою полную свободу и самоуправление. Вместе с тем идея объединения не предавалась полному забвению. Боснийское правительство, как отмечалось в документе, резервировало за собой право поднять этот вопрос, когда международные условия для этого будут более благоприятными, поскольку в целом

объединение с «сербскими землями могло бы иметь большое значение для всего славянского вопроса»¹⁰.

На заключительном этапе восстания существовавшие ранее противоречия и расхождения между различными течениями продолжали углубляться. Это, в первую очередь, касалось вопроса о будущем административно-правовом и политическом устройстве Боснии и Герцеговины. Все большее распространение получала идея автономии, что в значительной степени было связано с утратой надежды на помощь Сербии после ее поражения в войне с Турцией и со сложившейся международной ситуацией на Балканах. Это в определенной мере отразилось и на содержании последующих повстанческих документов. Так, в меморандуме из 18 пунктов, появившемся вскоре после создания временного правительства, наряду с упоминанием о желании населения Боснии и Герцеговины объединиться с Сербией, выдвигалось требование предоставления автономии Боснии и Герцеговине при сохранении минимального сюзеренитета Османской империи.

Освободительная борьба балканских народов, в том числе Боснии и Герцеговины, в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. находила живейший отклик и помощь различных общественных кругов, широких народных масс России. В официальной российской политике также поддерживалась идея автономии для Боснии и Герцеговины. Вполне естественно, что царское правительство преследовало свои собственные цели и интересы в решении Восточного вопроса. Но его внешнеполитические задачи на этом этапе совпадали с освободительными устремлениями народов Балканского полуострова.

Уже летом 1875 г. в балканской политике России выявилась линия на решение вопроса путем удовлетворения требований повстанцев и предоставления Боснии и Герцеговине автономии. Активизация акций в этом направлении наметилась весной 1876 г. На Берлинскую встречу министров иностранных дел России, Австро-Венгрии и Германии А. М. Горчаков привез предложения об автономии для Боснии и Герцеговины. Кроме того, в одной из памятных записок МИД, написанных накануне встречи, говорилось, что если «Порта падет под грузом своих собственных ошибок, тогда необходимо способствовать и помогать свободному развитию христианских национальностей (Балкан.— *Ред.*) по пути к политической независимости,— каждая в своих географических пределах и в соответствии со своими

естественными свойствами»¹¹. Российские дипломаты отстаивали идею территориально-политической автономии для этой провинции Османской империи. Но все предложения Горчакова в этом плане наталкивались на непреодолимое противодействие Австро-Венгрии, министр иностранных дел которой Д. Андраши рассматривал автономию как неприемлемый вариант. Венские дипломаты и военные круги все активнее добивались получения права на захват Боснии и Герцеговины. На рейхштадтской встрече в июле 1876 г. Андраши удалось вырвать у Горчакова устное согласие на оккупацию Боснии в обмен на нейтралитет Австро-Венгрии в предстоящей русско-турецкой войне. Это было официально закреплено подписанием секретной Будапештской конвенции в начале 1877 г., где уже речь шла не только об одной Боснии, но и о Герцеговине. Австро-Венгрия опасалась создания крупного славянского государства на Балканах в случае падения Османской империи, могущего быть центром притяжения для славянских народов Габсбургской империи. Российские дипломаты, вынужденные считаться с такой позицией своего союзника (по «Союзу трех императоров» 1873 г.) не теряли надежды осуществить свои идеи в отношении Боснии и Герцеговины. В одном из документов МИД (июнь-июль 1876 г.) отмечалось, что «поскольку исключена возможность создания крупного славянского государства самым рациональным исходом было бы создание мелких независимых государств в территориальных пределах, отведенных каждому из них историей и объединенных на федеративных началах», т. е. выдвигался федеративный принцип государственного устройства на Балканах¹². Российский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев предпринял попытку добиться решения вопроса об автономии Боснии и Герцеговины, выдвинув соответствующий проект на Константинопольской конференции. Но она закончилась фактическим провалом, вследствие позиции, занятой западными державами и Турцией.

Несмотря на то, что Австро-Венгрии удалось добиться согласия России на оккупацию Боснии и Герцеговины, начавшаяся русско-турецкая война внесла поправки в расчеты держав. Уже в «Предварительных условиях мира» (осень 1877 г.) российской стороной было предусмотрено введение автономного устройства для Боснии и Герцеговины. Сан-Стефанский прелиминарный русско-турецкий мирный договор зафиксировал предоставление им автономии. Одна-

ко, как известно, на Берлинском конгрессе был пересмотрен ряд условий этого договора. Австро-Венгрия получила мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины и в течение июля—октября 1878 г. ее войска, преодолев вооруженное сопротивление населения, осуществили оккупацию. В истории Боснии и Герцеговины начался новый этап.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Пејановић Б.* Становништво Босне и Херцеговине. Београд, 1955. С. 74.
- ² *Фрейдзон В. И.* К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981... 330.
- ³ *Čulinović F.* Državopravna historija jugoslovenskih zemalja. Zagreb 1961. S. 256.
- ⁴ Подробнее см. Лещиловская И. И. Иллиризм. М., 1972.
- ⁵ *Krusēvac T.* Ivan Franjo Jukić // Godišnjak Istorijskog društva Bosne i Hercegovine. 1955. № 7. S. 141—169.
- ⁶ *Крушевац Т.* Прилози за проучавање херцеговачког устанка 1857—1862 године // Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине. 1954. № 6. С. 170.
- ⁷ *Лубратић С., Крушевац Т.* Прилози за проучавање херцеговачког устанка // Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине. 1956. № 8. С. 69.
- ⁸ Цит. по: *Ектеџић М.* Устанак у Босни. 1875—1878. Сарајево, 1960. С. 69.
- ⁹ *Поплико Д. Ф.* Васа Пелагић. Основне етапе његовог идејног развоја. Нови Сад. 1982. С. 93.
- ¹⁰ «Застава» о Босни и Херцеговини. Сарајево, 1956. Књ. IV. С. 222—223.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. Канцеларија. 1876. Д. 86. Лл. 157—169.
- ¹² Русско-германские отношения // Красный Архив. М., 1922. С. 43.

ГЛАВА 8

Югославизм и «великие» идеи у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине XIX в.

31 декабря 1850 г. в Австрии была отменена и куцая Октроированная конституция. Начался десятилетний период так называемого «баховского абсолютизма», получившего свое наименование по фамилии министра австрийского правительства Баха, проводившего жесткую политику, не считаясь с требованиями и пожеланиями политических и национальных партий. Только поражение в войне с Италией в 1859 г. вынудило правящие круги Австрии пойти на политические реформы, которые положили основу для превращения ее в конституционную монархию.

Во второй половине XIX в. трудной проблемой для либералов-югославистов, как сербов, так и хорватов, являлись конфессиональные различия среди югославянского населения. Эти различия со временем все более четко обозначали разделительную черту между двумя народами. На начальной стадии формирования наций это обстоятельство, как казалось многим либеральным идеологам (особенно хорватским), не препятствовало созданию единого народа на основе общности или близости языка его разных частей. Как известно, в 30—40-х гг. сербский филолог В. Караджич, исходя из единства языка, считал (тогда, может быть, искренно заблуждаясь) большинство хорватов и всех мусульман Боснии сербами. В отличие от этого хорватские либералы, как в 40-х, так и в 60-х г., признавая наличие четырех южнославянских народов, или «племен» (сербы, хорваты, словенцы и болгары), всех их объединяли под общим наименованием иллиров или югославян.

Неудача иллиризма заставила хорватских идеологов применить новый суперэтним для ряда родственных по языку народов — «югославяне» (или «южные славяне»). Хорватские югослависты 60-х г. с уважением относились к самобытному культурному наследию каждого из четырех названных народов, но возлагали надежды на постепенное взаимное усвоение этого наследия и, таким путем, постепенное «духовное» сближение и слияние этих народов (Й.-Ю. Штротмайер, Ф. Рачки, М. Мразович и др.). Однако жизнь оставляла все меньше надежд на это. В результате Венского договора 1850 г. сербско-хорватский языковой рубеж, как известно, формально устранялся. Однако в действительности полного слияния хорватского и сербского языка не произошло. Хорватский литературный язык формировался в основном на базе штокавского диалекта, но сохранил элементы остальных двух диалектов. Тем более это относится к разговорному языку. В связи с устранением языкового барьера сторонники великохорватских и великосербских теорий утверждали, что другого народа вообще не существует или признавали его территорию в крайне урезанном виде.

Такого рода «великие» государственные идеи получили широкое распространение в Юго-Восточной Европе, т. к. нигде на континенте не было такого обилия территорий с этнически смешанным населением. Каждый народ имел более или менее гомогенное ядро и частично занимал обширную территорию совместно с другими народами. По мере формирования наций вставал вопрос, кому достанутся эти земли. Основным в «великих» идеях было требование (у греков, сербов, хорватов, румын и др.) присоединить все население такой области к своему государству. Это означало неизбежность международных конфликтов в будущем. Для хорватов указанная проблема была особенно актуальной ввиду давней утери этнической однородности их территории.

В Хорватии после 1848 г. быстро сложилась и великохорватская идеологическая система. Опубликованные в 1849 г. мысли В. Караджича вызвали здесь резкую реакцию. Молодой юрист Анте Старчевич стал зачинателем нового направления в национальной идеологии. Уже в начале 50-х гг. он заявил, что история вообще не знает такого народа сербы, а в хорватских землях этним «сербы» среди части народа широко распространился не столь давно под влиянием православного духовенства и интеллигенции. Старчевич попытался

разубедить этих людей, в крайне негативном тоне высказываясь о сербах вообще. Он не признавал существование сербов и в самой Сербии и других балканских областях.

В качестве политической основы своих взглядов Старчевич и его друг Эвген Кватерник, также юрист, восприняли «хорватское государственное историческое право». Активная деятельность старчевичевцев началось с 60-х гг. когда они создали Партию хорватского государственного права (праваши). На историческое право в XIX в. в Хорватии ссылались все политические течения, но полуфеодальное землевладельческое дворянство подчеркивало в нем вековой союз с дворянской Венгрией; либералы требовали расширения автономии Хорватии вплоть до равноправия с Венгрией и воссоединения Триединого королевства, прежде всего присоединения Далмации. Праваши же выдвинули программу полого суверенитета объединенного Хорватского королевства (по крайней мере — в форме личной унии с Габсбургами). Старчевич и Кватерник рисовали фантастическую картину раннесредневековой Хорватии, якобы включавшей все югославянские земли вплоть до Болгарии, и на этом основании пропагандировали идею «великой Хорватии», включающей сербские земли, Словению, Боснию и пр.

Политическим принципом правашей была ориентация во внешней политике на наиболее непримиримых противников Австрии. Кватерник еще с конца 50-х гг. мечтал о восстании против власти Габсбургов, которое он намеревался приурочить ко времени поражения Австрии в очередной войне. Однако Австрия устояла в войнах 1859 и 1866 гг. В 1858—59 гг. Кватерник пытался опереться на русскую дипломатию, потом на Францию, на польскую и венгерскую эмиграцию, на гарибальдийцев. В 1871 г. он все же поднял восстание граничар на западе Хорватии, но потерпел неудачу и погиб. Старчевич же продолжал надеяться на военный разгром Габсбургов.

В начале 70-х гг. внешнеполитическая ориентация А. Старчевича и партии права на несколько лет изменилась. Ранее они превозносили Францию и Наполеона III как сторонника принципа национальностей в политике и в связи с Крымской войной были уверены, что Запад сильнее. Но после Седана (1870), т. е. поражения Франции в войне с Пруссией и падения Наполеона III, они стали отстаивать идею франко-русского союза против Германии как спасительного для южных славян. После победы русских в войне 1877—1878 гг. эта

ориентация правашей на Россию еще более усилилась. По мере роста внутренних разногласий часть правашей стала на откровенно русофильские позиции. Э. Барчич, праваш, бывший гарибальдиец, заявил в рейхсрате, что славяне Австрии только тогда станут свободными, когда копыта казачьей конницы процокают по венской мостовой.

Идеология правашей была фантастична в своей простоте. Аргументация хорватских югославистов являлась достаточно сложной. Последние в начале 60-х гг. образовали Национально-либеральную партию (Народно-либерална странка). Странников ее называли народняками.

Каждая сторона преследовала свои цели. Хорватские народняки прежде всего пытались культурно и политически сплотить все население Триединого королевства вокруг Загреба как центра хорватской государственности; чтобы не обострять отношения с сербами они в 60-х годах даже в официальных документах (материалах сабора и др.) применяли термины «наш язык», «югославянский язык», «наш народ». Но кроме отношений с сербами этот терминологический прием был обусловлен также тем, что еще не было полностью преодолено наследие многовековой раздробленности самих хорватов — отсутствием четкого общего этнического сознания: в третьей четверти XIX в. этноним «хорват» лишь постепенно распространялся в разных землях, населенных югославянами-католиками. Югославянский этноним облегчал этот процесс: так, славонец-католик признавал свое единство («наш народ») с хорватом — жителем области вокруг Загреба, а потом перенимал и этноним «хорват». Постепенно «хорват» из локального превращалось в сознании массы населения в национальное. Резко ускорила национальная самоидентификация по религии, хотя в Дубровнике долго сохранялись сербы-католики, а в Хорватии еще были немногочисленные православные хорваты.

В качестве примера югославистской пропаганды можно привести некоторые материалы. Так в 1856 г., т. е. во время неабсолютизма, в статье «Сербы и хорваты» в прошлом крупный иллирийский деятель Богослав Шулек задался целью открыть путь к согласию хорватов и сербов: для этого каждой стороне он предлагал «пойти на жертву», «на уступки тому, с кем хочешь согласия». Автор указывал на «жертвы» хорватов в вопросе об общем этнониме южных славян.

Хорваты дважды отказывались от своего этнонима во имя общего, но в обоих случаях, жаловался автор, на нашли понимания у сербов, которые упорно отстаивали свое наименование. Шулек с недоумением упоминал о призыве сербского воеводинского журнала «Седмица» ради согласия и любви раз навсегда отказаться от попыток ввести общий этноним для сербов и хорватов. Шулек полагал, что именно общий этноним способствовала бы согласию и любви, а также упрочению позиций южных славян перед лицом немцев и венгров, сербы же в Хорватии и Славонии, по его мнению, видели в этом попытки более многочисленных хорватов ассимилировать их. Шулек противопоставлял свою югославистскую идею великосербскому принципу, осуждал одновременно и Старчевича.¹

В связи с неудачей внедрить этноним «югославяне» Шулек соглашался с наименованием «сербско-хорватский народ», но не мог расстаться с теорией единого народа.

Характерным для хорватских югославистов 50—60-х гг. было уважение, с которым они отзывались об истории и достижениях сербов. Так Шулек писал о В. С. Караджиче: «сербское имя, до него почти повсюду бывшее в загоне, [он] распространил среди всего сербского народа и обеспечил ему достойное почетное место... Поэтому мы не можем его упрекнуть за то, что благородное воодушевление народным именем увлекло его чересчур далеко».

Вместе с тем Шулек отстаивал распространение этнонима хорват: «То, что жители Славонии называют себя славонцами, Далмации — далматинцами и т. д., то это наименования политические [территориально-административные.— *Ред.*], а не национальные и из этого нельзя делать вывод, что понятие хорват к ним не относится. Ведь и жители Бачки называют себя бачванами, Боснии — боснякамь, Баната — банатцами, Герцеговины — герцеговинцами и т. д., но все же могут пользоваться наименованием сербы».

Хорватские югослависты, борющиеся против политики германизации в 50 — первой половине 60-х гг., против венгерского господства после 1868 г. (когда в Хорватии была восстановлена власть Венгрии), стремились к хорвато-сербскому сотрудничеству, хотя временами между ними и сербами вспыхивала острая полемика. Югославистам казалось, что единое нейтральное наименование югославян может способствовать сплочению хорватов и сербов в Хорватии. Кроме того, югослависты не оставили надежд на то, что

часть православного населения Триединого королевства все же признает себя хорватами, — в этом отношении их ожидало разочарование. В целом хорватский югославизм оставался на почве «хорватской государственной идеи», приходившей в противоречие с идеей сербской государственности.

Отрица, что религиозную принадлежность можно воспринимать как разграничительный фактор между хорватами и сербами и соглашаясь в этом с Караджичем, Шулек говорил о хорватах «всех трех вер», по-видимому имея в виду население Триединого королевства и Боснии. Далее, напоминая, что и территориально сербов и хорватов четко разграничить нельзя, автор приходит к выводу, что хорваты и сербы — один народ, единого происхождения. Эту истину подтверждает и история, и в этом он соглашался с Караджичем «Различие наименований не может воспрепятствовать им [т. е. хорватам и сербам. — *Ред.*], если они разумны, любить и уважать друг друга...» Они общего корня, и этим корнем является «прекрасный народный язык». Их многое разделило, но остался язык, а это «прочная связь». «В нынешнее время всесторонней интеграции южные славяне для духовного развития больше, чем когда-либо, нуждаются в согласии, если они не хотят, будучи разделенными, раствориться в море великих наций Европы». Это — важнейший аргумент хорватских югославистов 50 — 70-х гг. Свою статью Шулек завершал: пусть хорватское и сербское имя существуют рядом, пусть сербы радуются прогрессу хорватов, а хорваты — сербов, пусть взаимно осваивают культурное наследие друг друга, пусть поддерживают друг друга. «Все хорватское пусть будет одновременно и сербским, а сербское также и хорватским». Фактически это была программа длительного культурно-идеологического сближения и слияния хорватов и сербов в один народ.

В 1860 г. в Австрийской империи начался период конституционных реформ, итогом которых стало преобразование государства в дуалистическую Австро-Венгрию. Хорватские народняки в союзе с чешскими либералами с 1860 г. выступали за федерализацию монархии на основе широких прав исторических земель (Чешское, Венгерское и Хорватское Королевства). Права сербов, словаков, русинов, словенцев и румын, не обладавших государственной традицией и пределах империи, в расчет не принимались. Федеральная Австрийская держава, по этому замыслу, должна была явиться

препятствием для экспансии германизма на Юго-Восток. Национально-политическое равноправие хорватов, по мысли хорватских народняков, открыло бы возможность для активных действий либеральной габсбургской монархии на Балканах, и в этом процессе хорватам бы принадлежала роль ведущей силы среди югославян. В 1860 г. Й.-Ю. Штросмайер придавал реформированной Австрии решающее значение в решении Восточного вопроса. В меморандумах канцлеру Рехбергу он предлагал помощь хорватов в присоединении Боснии и Герцеговины к империи и, как он надеялся, к Хорватии. Для этого Вена должна была объединить хорватские земли.

Министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши в 1875 г. говорил русскому послу, что «посредством федерации славяне стремятся присоединить к монархии турецкие земли поэтапно вплоть до Константинополя»². Такая перспектива вызывала резкий протест со стороны Сербии, Черногории и сербского национального движения как в Австро-Венгрии, так и на Балканах, и была одним из факторов хорватско-сербского отчуждения. Но сами хорваты вскоре разочаровались в возможности сотрудничества с австрийской властью, особенно в условиях подготовки и созданию дуалистического государства — Австро-Венгрии.

С другой стороны 60—70-е гг. — время подъема борьбы Сербии и балканских славян против османской власти. Хорватские народнякч, вовсе не ограничивавшиеся идеей австрийской федерации, сочувствовали этой борьбе, а временами и политически сотрудничали с Сербией и пытались сотрудничать с покровительствовавшей ей Россией. Особенно в этом отношении выделяются 1866—1870 гг.

В самом начале этого периода, идея югославизма была изложена в серии статей крупного историка и одного из идеологов хорватского югославизма Франьо Рачкого. Автор надеялся, что многие хорваты восхитятся чарующим словом «югославянство», как ранее иллиризм, ибо подумают о великой ветви славянского племени, населяющей прекрасные земли от Адриатики до Черного моря и от реки Сочи до р. Марицы. Обитают здесь миллионы людей «доброго нрава, быстрого ума, чистого сердца». Это наполняет грудь гордостью и радостью (1860 г.).

Всего годом ранее объединилось большинство итальянских земель и началось формирование одной из тогдашних великих держав —

Италии. Это событие произвело огромное впечатление на южных славян. На устах были имена Гарибальди и Кавура. Вот, казалось, путь который следовало пройти и на Балканах! Но Рачкий спохватывается: в положении южных славян, в отличие от итальянцев, много неблагоприятного, требующего быстрого лечения: различная история, отсутствие сознания единства. Но если три наречия, продолжал автор — сербскохорватское, словенское и болгарское — заменить единым литературным языком, это в конечном счете приведет к «единому народу в духовном смысле». Таким объединяющим наречием, по Рачкому, может стать только сербскохорватское. Германские и романские народы Европы прошли именно этот путь, неужели югославянам суждено итти в разброд к пропасти? Южные славяне должны также преодолеть несчастный раскол по религии, наследие раскола греков и римлян, чуждое славянам. От этого раскола — различие в азбуках, но славяне — братья и должны преодолеть раскол, признав за правило: «обе азбуки — мои и твои». Тем самым дух раздора из языка будет удален. Таково, по Рачкому, первое условие создания единого народа.

Вторая проблема — политическая раздробленность. Для устранения этого раскола необходимо опять-таки духовное единство. Турецкая империя близка к гибели, а хорваты, сербы и болгары имеют неоспоримое историческое и естественное право быть ее наследниками. Ведущая роль в этом процессе у сербов и хорватов. Сербы обладают быстро развивающимся государством. «Мы, югославяне Австрийской империи, должны решить славную задачу не только в отношении себя, но и засавских братьев [т. е. в Османской империи,— прежде всего имелись в виду Босния и Герцеговина.— *Ред.*] Они присоединятся к нашему кругу. Условие этого — развитие конституционной жизни в Австрии». Необходима полная политическая самостоятельность хорватов в рамках империи — «этого требует и наше положение относительно остальных югославянских братьев».

Рачкий отстаивал прежде всего политическое объединение Далмации с Хорватией. Первая любовь, продолжал автор,— к своей малой родине — матери, но более зрелой является любовь к отцу — всему народу, всей Югославии. И все же прежде всего каждый далматинский хорват должен стремиться к соединению с Хорватией и Славонией. Итак, на практике объединительные устремления идео-

лога хорватского югославизма выглядели прежде всего как национально-хорватские. Идя дальше, Рачкий напоминал о 1848 г. и предлагал сербам Воеводины вместе с Хорватией создать единое Югославянское королевство в рамках Австрийской империи, которое составило бы равноправную часть земель венгерской короны. Это уже было отступлением от государственно-правового федерализма.

Что касается сербов и хорватов вообще, то, по Рачкому, «хоть они и едины по языку», но имеют разные государства (Сербию и Хорватию) и это их достижение надо свято почитать. Автор считал естественным их географическое разделение. Так фактически он приходил к выводу о двух близких народах, вместе с тем неоднократно продолжая писать об их слиянии и единении. Последовательности в терминологии у югославистов не было. В этом сказались не только неразвитость теоретической мысли, но и сложность задач, которые ставили перед собой хорватские народняки: создание единого народа в хорватском Триедином королевстве и более обширные планы, относящиеся к Балканам в целом. В целом позиция Рачкого в начале 60-х гг. была выражена им так: «Как хорват, пользу хорватского народа я не отделяю от пользы сербского, т. к. уверен, что полезное одному не может быть во вред другому»³.

Важной для хорватских народняков была проблема словенцев. Считая сербо-хорватов особым народом, они полагали, что словенцы смогут влиться в него, лишь перейдя на сербскохорватский язык. Самобытность словенцев как народа народняки окончательно признали, отказавшись от идеи перехода их на штокавщину, только в 1870 г.⁴ Это было полезным отступлением от прежней теории, стремившейся показать необходимость включения в единый народ и словенцев. Ф. Рачкий утверждал, что задача заключается в завоевании симпатий словенцев (как и сербов); именно так, а не навязыванием им хорватского государственного права, можно пробудить у словенцев желание опереться на Хорватию.

На практике народняки особое внимание уделяли развитию сотрудничества с сербами в сферах культуры и политики, однако это сотрудничество подчас перечеркивалось вспыхивавшей острой полемикой. Последнее свидетельствовало о сохранявшихся противоречиях, от которых временами удавалось абстрагироваться.

В частности резкий характер приобрела полемика в 1863 г. после выступления в «Пóзоре» В. Караджича, повторившего свои прежние

высказывания, что все штокавцы — сербы. Белградская газета «Видовдан» упрекала хорватов в том, что они стремятся охорватить славонцев и далматинцев, на что загребский «Позор» ответил, что славонцы и далматинцы и так по своим предкам являются хорватами, и последние лишь напоминают им об этом⁵. Все это, кстати, явилось важным свидетельством уровня процесса формирования хорватской нации, процесса, который значительно продвинулся именно в 60-е гг.

В сфере культуры хорваты надеялись на ведущую роль в югославянском мире, тем более, что аналогичная роль в политике в 60-х гг. явно переходила к Сербии. В Загребе было задумано создать культурный центр, который распространил бы свою деятельность далеко за пределы Хорватии. Это была Югославянская академия наук и искусств, в уставе которой, утвержденном сабором еще в 1861 г., говорилось, что Академия «будет иметь в виду нужды и пользу южнославянских народов», развивать науки и искусства «на славянском юге среди хорватов, сербов, словенцев и болгар в духе национальном и общего просвещения». Рачкий говорил о задаче исследовать природные богатства «нашей милой Югославии». Академии предназначалась роль «очага научной деятельности южных славян, в котором объединились бы со временем лучи духовной мощи племен хорватско-сербского, словенского и болгарского»⁶. В Академии действительно сотрудничали сербские ученые, т. к. это было первое такого рода учреждение у южных славян. Югославянская академия наук и искусств (1866)^{*} и Загребский университет (1874) первое время были средоточием югославизма. Это было реальное сотрудничество прежде всего хорватов и сербов, а также словенцев и болгар, но освящалось оно романтической теорией единого народа. Основание академии и университета — непреходящая заслуга народняков и лично Й. Ю. Штросмайера и Ф. Рачкого перед Хорватией.

Уже в 1860 г. в начале периода реформ в Австрии, А. Влангали, русский консул в Белграде, писал о хорватских народняках, что их югославистские идеи, распространяемые из Загреба, направлены на то, чтобы «перенести центр южных славян в Хорватию». С этим автор увязывал план основания Югославянской академии и поддержку Штросмайером изучения кириллицы в школах Хорватии. Но вместе с тем, продолжал консул, хорватский агент А. Чавлович в беседе с

* Ныне это Хорватская академия наук и искусств.

сербским князем Михаилом выдвигал идею солидарности и «основания федеративной системы для всех [юго] славян», а именно хорватов, сербов и болгар. При этом к хорватской части относились бы Военная граница, часть Далмации, словенские земли, часть Боснии (до р. Врбас), к сербской — Воеводина, Срем, Старая Сербия, славянская Македония, сев. Албания, Черногория, Далмация южнее р. Цетины. Все остальные южнославянские земли — болгарские. Для распространения этих идей, утверждал автор, основана в Хорватии газета «Позор». Влангали был уверен, что эта идея солидарности «придется по душе интеллигентной части Сербии»⁷. Итак, планы расширения Хорватии сочетались с программой национального освобождения и объединения в федерацию всех южных славян.

В сфере внутренней политики Хорватии хорватские югославы ссылались на историческое государственное право хорватов, считая последних единственной государственной или политической нацией Триединого королевства, т. е. рассматривая Триединое королевство, как хорватское государство. В нем они признавали существование сербского племени и даже народа, но видели в нем только культурно-конфессиональную общность.

В XIX в. после событий 1848 г. наибольшего сближения с сербами Хорватии народники-югославы добились в 1867 г., когда они особо нуждались в союзе с сербским национальным движением для борьбы против утверждающегося австро-венгерского дуализма: тогда сабор признал сербский народ в Хорватии и Славонии «тождественным и равноправным» с хорватским. Сербские депутаты поддержали эту формулировку, хотя ее двусмысленность видна сразу, ибо равноправие несовместимо с тождеством.

Тогда же Д. Кушлан, в прошлом крупный деятель иллиризма, четко обозначил те границы, до которых хорваты могут идти на соглашение с сербами Хорватии. Он заявил, что фактически сербы пользуются в Хорватии равноправием (в делах суда, школы, церкви). «Все, что мы могли с сербскими братьями поделить, мы поделили... Поэтому думаю, что им следовало бы удовлетвориться и не требовать от нас того, что мы дать не можем, если не хотим себе же выкопать могилу. Государство, корона, конституция, публичное право — все это хорват должен сохранить», «это наше государство, которое называется исключительно хорватским, иначе назвать его невозможно и ради какого бы то ни было согласия мы его ни с кем в

мире делить не можем»⁸. Итак, Триединое королевство — хорватское государство, признающее права сербов, — таковы были взгляды югославистов.

Все это позволяет прийти к определенным заключениям. То обстоятельство, что два народа совместно занимали значительную территорию, в эпоху формирования национальных государств порождало в отношениях между ними напряженность, подчас скрытое недоверие, временами прорывавшееся наружу. Это недоверие не могли устранить самые горячие заявления о взаимном почтении, дружбе, идеях единения. Центром притяжения сербов стал Белград, хотя до 70-х гг. идеологическим центром притяжения самых отдаленных сербских районов в Габсбургской монархии наряду с ним был Нови Сад в Воеводине, соответственно для хорватов — Загреб. Вокруг них и должны были сложиться национальные государства. И все это время вдали маячил вопрос, куда войдут территории с этнически смешанным населением? Создание федеративного югославянского государства, как представлялось многим тогдашним деятелям, во многом смягчало или снимало эту проблему. В Сербии и Хорватии идеи независимой югославянской федерации или конфедерации обсуждалась особенно в 1866—1868 гг., когда как будто приблизился распад государства Габсбургов (война 1866, австро-венгерский компромисс 1867 г., подъем чешского движения, активизация освободительной борьбы славян за Балканах). Но и федерация Хорватии и Сербии полностью не решала вопрос, т. к. сербы в Хорватии, как и в Воеводине рассматривали Триединое королевство как государство обоих народов и требовали здесь полного равноправия⁹.

Хорватские югослависты 60-х гг. мечтали решить национальную проблему в объединенном югославянском государстве, по возможности согласовать интересы сербов и хорватов. Но при этом они считали необходимым одновременно или даже предварительно упрочить хорватскую государственность. Это видно из наброска программы федерации, составленного в народняцких кругах в 1874 г. «Конечной целью общих национальных устремлений хорватов, сербов, болгар и словенцев должно быть объединение в независимое и свободное национальное и государственное сообщество» при равноправии всех народов. Государственная самостоятельность и автономные права отдельных южнославянских земель должны остаться неприкосновенными¹⁰.

Эта позиция созревала постепенно. Уже в 60-х гг. в Хорватии подчеркивалось, что к югославянской общности хорваты должны себя подготовить, упрочив свою национальность и государственность, ибо югославянская общность не может возникнуть путем «насильственного смыкания воедино неразвитых частей». Фактически, вопреки продолжавшейся в политических целях вплоть до 1914 г. пропаганде единого народа, югославянская общность все более воспринималась как нечто наднациональное. Общий отход от теории единого народа в ее прежнем виде происходил в условиях противостояния сербского и хорватского национализмов, в особенности ввиду хорватской оппозиции идее восстановления Душанова царства. Сербский национализм на Балканах в целом занимал более сильные позиции, чем хорватский, и в этих условиях многие хорваты усматривали опасность в теории единого народа.

Так что практически в конце 60—70-х гг. речь не шла о слиянии южных славян в один народ и в близком будущем. И все же ориентация, рассчитанная на хорватско-сербское сотрудничество в ряде конкретных ситуаций второй половины XIX — начала XX в. оставляла возможности для межнационального компромисса, а главное — для политического сотрудничества хорватов и сербов в борьбе против неравноправия в Австро-Венгрии и османского господства на Балканах.

Хорватско-сербское сотрудничество, к которому присоединились бы словенцы и болгары, рассматривалось хорватскими народняками и как предпосылка национального освобождения и как условие упорочения их политических позиций среди других народов Европы. «Лишь совместная деятельность способна сделать южное славянство важным фактором в Европе», — писал один из лидеров народняков М. Мразович¹¹.

Практическое сотрудничество Хорватии и Сербии выразилось в ряде акций. Уже в 1862 г. народняки поддержали Сербию в конфликте с Портой. Они не протестовали против плана присоединения Боснии к Сербии, хотя оставались при мнении, что если Сербия потерпит неудачу, то Хорватия может предъявить права на Боснию. В 1863 г. Штросмайер заверял князя Михаила в готовности хорватов присоединиться к большому югославянскому государству, если Сербии удастся его создать. Главную опасность для себя югослависты видели в централистской и германизаторской политике

Вены. От готовившегося в 1866 г. австро-венгерского сговора они были в отчаянии. Штросмайер и ранее посещал Белград, а в связи с неудачами Австрии в войне с Пруссией (1866 г.) сделал смелый шаг: по сообщению сербского агента хорвата А. Орешковича епископ «согласился со сделанным ему... Гараганиным предложением о совместных действиях Триединого королевства и Сербии с целью основания югославянского государства, независимого и от Австрии и от Турции» и выразил готовность войти в состав его правительства¹². Но державы (Австрия, Франция) заставили Сербию воздержаться от активных действий.

Канцлер Ф. Бейст в марте 1867 г. в беседе с русским послом в Вене Е. П. Новиковым утверждал, что «Штросмайер систематически проповедует идею славянской конфедерации» государств, группирующихся вокруг Сербии. Великая славянская идея, продолжал он, смягчила религиозные расхождения между Хорватией и Сербией. В связи с уходом турецких гарнизонов из Сербии в 1867 г. хорватская газета писала, что «священной целью Сербии и любого югославянского племени должны быть освобождение от турецкого ярма Боснии, Герцеговины, Болгарии»¹³. Впрочем, подход хорватских деятелей к боснийской проблеме изменялся в зависимости от обстановки. Сербия рассчитывала на поддержку хорватами освободительного движения в Боснии. Вполне в югославистском духе сербские официальные лица говорили, что «народность хорватская и сербская одна, югославянская, ...веру не следует вмешивать в национальные дела, единственная основа государства — народность».

Соотношение австрославистских проектов и югославизма у хорватских народняков видно из следующих материалов: когда выяснилось, что Австро-Венгрия устояла, а борьба Сербии за Боснию и Герцеговину потерпела неудачу, один из лидеров и идеологов хорватских либералов М. Мразович выражал сожаление по этому поводу, считая, что создание за южными границами монархии большого югославянского государства позволило бы остальным [австрийским. — *Ред.*] южным славянам избежать «длительного переходного периода под иноземной властью» и быстро достичь независимости. Но и при других вариантах, продолжал он, даже вовлечение всех южных славян под власть Австрии этому не воспрепятствует: югославянский элемент в Австрии со временем «укрепится настолько, что

он, уже теперь более передовой, чем его братья Турции, привлечет к себе родственные элементы, эта ситуация должна в конечном счете разрешиться национальной и государственной самостоятельностью»¹⁴. Итак, хорватские народняки считали, что австрийскую власть временно можно и перетерпеть. Для Сербии же и сербских либералов Воеводины это был абсолютно неприемлемый вариант. Здесь находились одни из пунктов острой сербско-хорватской полемики. Но, как видим, и для хорватов-народняков все же конечной целью оставалось объединенное независимое югославянское государство.

Развитие объективного процесса формирования хорватской нации все более давало о себе знать. В 1874 г. Иллирская матица в Загребе была переименована в хорватскую. Секретарь Матицы историк Т. Смичиклас признал, что прежнее название «весь народ похоронил», хотя заслуги иллиризма в прошлом Смичиклас признавал: он соединил «разорванное тело народа», но стал ненужным теперь. Уже в 1866 г. Ф. Рачкий, горячий югославист, убеждал своих далматинских корреспондентов во вредности замалчивания этнонима хорваты в рамках общей национальной партии¹⁵. В 1863 г. «Позор» констатировал, что «за небольшим исключением люди, ранее поддерживавшие иллиризм, примкнули к хорватизму», ибо с помощью нехорватского этнонима нового дома не построить, а фундамент старого был бы разрушен. Тезис о наличии особой хорватской этнической общности стал доминирующим в общественном сознании католического населения — сначала в Хорватии, затем в Славонии, Далмации, Истрии, а в начале XX в. в Боснии и Герцеговине. Неожиданно для либералов-народняков в 70-х гг. в разных землях Триединого королевства, особенно в низших слоях городского населения и среди студентов, стали быстро и повсеместно распространяться великохорватские идеи партии права.

Все эти явления не означали исчезновения концепции единого югославянского народа вообще. Вплоть до 1914 г. сторонники фактически межнационального сотрудничества и политического сплочения югославянских народов сознательно обосновывали свои идеи тем, что речь идет якобы о едином народе.

В хорватско-сербских отношениях большое место занимал религиозный, точнее, церковный вопрос. Либерально настроенной части католического духовенства Хорватии, особенно учащейся духовной молодежи, казалось, что при общности языка религиозное

хорватско-сербское сближение может способствовать их этническому сплочению. Надежды на это долгое время были компонентом хорватской национальной идеологии. Таким настроениям способствовала традиция глаголического католического богослужения, т. е. на славянском языке, кое-где на западе страны еще сохранившаяся в XIX в. Штросмайер был «далек от неодобрения либеральных тенденций хорватской церкви» — сообщал российский консул в Риеке в 1860 г.¹⁶ Епископ поддерживал издание глаголических текстов, хлопотал перед Ватиканом о расширении католического богослужения на славянском языке, прославлял деятельность Кирилла и Мефодия. Он мечтал о том, «чтобы народ югославянский объединить в отношении веры».

Все это должно было способствовать созданию сильного югославянского государства. Религиозный индифферентизм в национальном деле, по замечанию русского дипломата, в 60-х гг. был присущ широким слоям хорватской интеллигенции вообще¹⁷. Так, каноник Ф. Рачкий страстно спорил с католиками, видевшими главного врага в православии, в Сербии и России, он называл их «квази-католиками», наносящими вред хорватам, хорватскому национальному движению. В 1877 г. Рачки возражал против создания хорватской католической типографии, что усилило бы противостояние католиков православияю.

В связи со сказанным понятен такой смелый для человека его положения шаг Штросмайера, как большое секретное послание русскому правительству в 1876 г. Епископ мечтал о примирении России и св. Престола, о совместной деятельности России и Ватикана для пользы южных славян.

Прежде всего, писал Штросмайер, конвенция с Ватиканом положила бы конец католической пропаганде против России, против ее внешней политики. Это стало бы новой эрой в Европе. Улучшились бы русско-французские отношения. Конвенция бы смягчила даже ненависть поляков к России, а ведь сейчас они договариваются до того, что русские — потомки монголов. Против всех славян, особенно русских, настроены венгры, — конвенция и здесь способствовала бы сближению. Упрочилось бы положение славного чешского народа. Австрийская династия инстинктивно склоняется к согласию с Россией, — конвенция создала бы для этого новые условия. Наконец, было бы облегчено соглашение христианских госу-

дарств против османского ига над несчастными христианами, а ведь это «самая святая обязанность христианской Европы». Державы смогли бы договориться об автономии для Болгарии и Боснии и Герцеговины. «Решение Восточного вопроса удастся русским легче, если будет заключена конвенция». Славянские народы устранят своих опаснейших врагов и т. д. и т. п. В заключение Штросмайер выразил убежденность, что успех переговоров ускорится, если для решения всех этих вопросов в Ватикан будет послан русский католик¹⁸.

Эта деятельность епископа определялась его целями как югослависта, он мечтал о единой автономной югославянской церкви. Либеральная среда поддерживала Штросмайера, а крайние националисты и клерикалы как в Австрии, так и в России, выступали против его деятельности. Враждебно к ней относились и власти Австро-Венгрии, опасавшиеся как сближения Ватикана с Россией, так и югославизма. Практических результатов Штросмайеру достичь не удалось.

Но епископ не отказался от своей прорусской позиции. В 1888 г., в связи с празднованием 900-летия крещения Руси он послал в Киев приветствие, в котором говорилось, что Россия выполнит свою «всемирную миссию». За это приветствие «врагам Австрии и католичества» сам Франц Иосиф сделал ему выговор. «Моя совесть чиста», — смело ответил императору Штросмайер. В 1881 г. он посоветовал сербскому правительству учредить католическое епископство в Белграде, а в 1884 г., вернувшись к той же проблеме, советовал сербам не считаться с мнением австрийского правительства, возражавшего против этой акции. Позиции католичества в Сербии в случае осуществления совета Штросмайера были бы усилены, но влияние Австро-Венгрии ослаблено, международные позиции и самостоятельность Сербии упрочены¹⁹.

В 70-х гг. хорватско-сербские трения в Хорватии постепенно нарастали. Этому способствовал новый либеральный закон о народной школе (1874 г.), ослабивший влияние церкви на школу, а вместе с тем и сербскую церковно-школьную автономию. Хотя важнейший импульс обострению сербско-хорватских противоречий дало восстание в Боснии и Герцеговине 1875—1878 гг., эти тенденции стали замечаться и раньше по мере стабилизации Австро-Венгрии.

Так в 1873 г. фактически раскололась народняцкая (хорватско-сербская) партия в Далмации. Один из ее лидеров М. Павлинович,

католический священник, ранее югославист, вопреки сербской пропаганде, исходившей из Нови Сада, продолжал отстаивать объединение хорватских земель, видя в этом спасение хорватов и католицизма в Далмации. Сербы же начали выступать против объединения Далмации с Хорватией и видели для себя перспективу в объединении с Боснией, а пока что выступили в защиту политического status quo, т. е. нахождение Далмации в составе Цислейтании. Павлинович признавал «сербское племя» в хорватских землях и его национально-культурные права, но категорически выступал против особых политических планов сербского меньшинства в хорватских землях. Русский консул в Дубровнике так характеризовал в 1873 г. ситуацию: при национальном пробуждении славяне Далмации, видя свою слабость, объединились, стремясь подавить традиционный религиозный антагонизм и даже не упоминая слов «хорват» и «серб», чтобы идти заодно. Господствовала веротерпимость. Но и «при пылких заявлениях о братстве при переговорах между Белградом и Загребом и те и другие в удобную минуту постоянно обнаруживали недоверие и ни к какому результату никогда не пришли». В Боснии же возрождается хорватско-сербская борьба, каждый будет стараться для себя²⁰. Русский представитель в Белграде даже отметил, что вскоре после Люблянской встречи, где впервые было торжественно провозглашено единство судеб южных славян, Я. Костиц, сербский поэт, либерал и участник упомянутой встречи, сказал о хорватах: «Мы сотрудничаем с ними, но мы опасаемся их. Знаете, что такое Хорватия? Это сербская Польша».

* * *

Для сербской национальной идеологии XIX в. в габсбургской монархии югославизм в смысле теории единого югославянского народа имел относительно небольшое значение, так как сербы в значительно большей мере, чем хорваты, компактно, населяли обширную территорию (прежде всего, в самом княжестве Сербии). Если речь и заходила о едином народе, то имелись в виду в основном хорваты и сербы (но не словенцы). Мусульман Боснии просто считали «сербами исламской веры». Короче, у сербов преобладала великосербская идеология. Это не противоречит тому, что в необходимых случаях, особенно с 60-х гг. подчеркивалась общность интересов и целей всех южных славян, их этническая общность. Что касается

путей политического объединения южных славян, то даже наиболее либеральным воеводинским деятелям, как М. Политу-Десанчичу была присуща определенная великосербская тенденция: сначала объединение сербских земель в сильное государство, затем южнославянская федерация во главе с Сербией, вокруг Сербии. В этом отношении существенной разницы между либералами и консерваторами не было.

В идеологии сербского национального движения в Воеводине и Хорватии особую важность имели две проблемы: взаимоотношение с хорватами и планы решения Восточного вопроса в целом. Как уже отмечалось, вплоть до Восточного кризиса 1875—1878 гг. Воеводина сохраняла значение одного из ведущих сербских идеологических центров. Это было связано с относительно развитой социальной структурой, особенно с наличием активной интеллигенции и большей, чем в Сербии, политической свободой. Здесь была сосредоточена сербская печать, действовали публицисты разных направлений, среди которых выделялся адвокат и издатель газеты «Застава» («Знамя») Светозар Милетич, лидер Национально-либеральной партии (с 1868 г.). Членов этой партии обычно называли воеводинскими народняками. Сербское общество в Хорватии и Далмации политически следовало курсу, намечавшемуся в Воеводине и Сербии.

Отношения с хорватами — один из центральных вопросов сербской политики и идеологии в монархии Габсбургов. Сербско-хорватское сотрудничество в Триедином королевстве было крайне необходимо для всех кто находился в оппозиции централистской (до 1867 г.) или дуалистической политике Габсбургов. Милетич приветствовал компромиссную резолюцию загребского сабора 1867 г. о равноправии сербов, не упоминая о принципе «тождественности» их с хорватами. Он поддержал требование присоединения Далмации и части Военной границы к Хорватии, борьбу за расширение автономии Хорватии, так как это было выгодно и тамошним сербам. Но сторонники Милетича выступали против отделения Хорватии от Венгрии, ибо это увеличило бы раздробленность сербов. В связи с политикой мадьяризации в Венгрии после 1867 г. «Застава» даже выступила за воссоздание Воеводины (присоединенной в 1860 г. к Венгрии) и ее союз с Триединым королевством. Если последнее восстановит свою самостоятельность, писала «Застава» в 1871 г., то «ни

одно венгерское правительство не сможет угнетать сербский народ в Венгрии, т. к. тот же народ живет в Триедином королевстве»²¹.

Во время сербско-хорватского сотрудничества (1866—1870) Милетич писал даже об «усилении сербско-хорватской национальной партии» в Хорватии, но никогда не признавал Триединое королевство хорватским государством. Он писал о сербском и хорватском народах и необходимости их равноправия или о «сербско-хорватском» едином народе в духе югославизма, но обязательно подразумеваемая равноправие обеих частей этого народа в Хорватии. «Застава» неоднократно возражала против всяких предлагаемых хорватами югославянских (например, молодежных) объединений в Хорватии, подчеркивая особые интересы сербского народа, которые вовсе не всегда могут совпадать с интересами «народа хорватского и славонского».

Судьба сербов и хорватов — племен одного языка и имеющих единую литературу — общая, поскольку живут они совместно и разделить их невозможно, продолжал Милетич. Но если ряд земель составляют Триединое королевство, если даже предложить, что и Босния войдет в него, все это вовсе не означает, что Триединое королевство — хорватские земли. Мы — «сторонники единого федеративного сербского и хорватского государства в будущем». Но если хорваты мечтают о великохорватском государстве и стали бы стремиться присоединить другие земли, то «тогда мы или те, кто придет после нас, будут решать, что сербское, а что хорватское, и будь что будет». Надо видеть здесь и сербский народ, предостерегал хорватов Милетич, или, если считать, что это «один народ из двух племен», видеть сербское племя, иначе «земли, где находятся сербы, составят часть Триединого королевства лишь до тех пор, пока народ с этим согласен...»²².

Таким образом, Милетич выступил против хорватского исторического права на Триединое королевство, подобно тому, как он и его последователи, воеводинские народняки, отрицали и венгерское историческое право и государственную венгерскую нацию в Венгерском королевстве. И все же, поскольку Милетич в принципе признавал целесообразность союза национальных движений и возможность хорватско-сербской федерации, можно считать, что он в какой-то мере выступал как югославист, как сторонник какого-то *modus vivendi* сербов и хорватов, какого-то далеко не четко очерченного

компромисса между этими народами, и это отличало его от открытых пропагандистов великосербской идеи. Возможности политического сотрудничества хорватов и сербов в общих интересах в 60—70-е годы XIX в. исчерпаны не были и югославизму предстояло еще пережить периоды подъема. Романтическая идея временами — пока оставался общий противник — способствовала реальному сотрудничеству, совместной борьбе за национальные права.

Центральное положение сербского народа на Балканском полуострове и наличие двух сербских государств — Сербии и Черногории выдвигало Восточный вопрос на особо важное место в идеологии сербского национального движения, в Воеводине в частности.

В качестве пути решения Восточного вопроса воеводинский либерал М. Полит-Десанчич в 1862 г. предложил идею создания на месте европейских владений Османской империи конфедерации в составе Сербии, Румынии, Болгарии и Греции. Это был бы военно-политический союз самостоятельных государств, при чем Сербия с Болгарией составили бы в нем более тесное объединение (федерацию)²³. Вопросов границ между союзными государствами Полит в своей брошюре не касался, не упоминал и о судьбе сербов Воеводины, ничего не говорил о хорватах и тем более о словенцах. Весь дух программы Полита свидетельствовал о том, что он имел в виду прежде всего объединение сербского народа на Балканах и подразумевал, что судьба югославянских земель Габсбургов решится позднее.

«Каждый из четырех народов,— писал Полит,— сербы, болгары, румыны и греки — достаточно велик, чтобы быть в состоянии создать свое государство. История и культура каждого из них различна... Создайте сербское, болгарское, румынское и греческое государства, провозгласите Константинополь союзным городом и Восточный вопрос решен». Напрасно отдельные великие державы (имелась в виду прежде всего монархия Габсбургов) стремятся присоединить какую-либо из этих стран: «это привело бы к перманентной революции», так как каждое из этих племен «не откажется от стремлений создать свое государство», именно в самостоятельных государствах «материальные интересы отдельных народностей получили бы лучшие возможности для своего развития». Для Европы же был бы выгоден нейтральный союз этих государств. Но в конечном счете, автор пришел к выводу, что во избежание борьбы между нациями для всего европейского Востока, в том числе и для Австрии и Венгрии —

федерация — единственно возможная государственная система, способная нейтрализовать взаимные противоречия совместно живущих народов, особенно чувствительные потому, что чувство национальности «нигде не является столь живым и ранимым, как в восточной Европе»²⁴.

Для подхода Полита, Милетича, воеводинских народняков вообще и созданной ими в 1866 г. культурно-политической организации Объединенная сербская молодежь, Омладина (1866—1871 гг.), к восточному вопросу главным было категорическое неприятие австрославизма с его подчас скрытой тенденцией поддержать продвижение федерализованной Австрийской монархии на юг. Поэтому они стремились во что бы то ни стало воспрепятствовать формированию центра притяжения югославян в Австрии. Австро-венгерский дуализм казался им меньшим злом, чем централизованная или федеративная Австрия. Все это отличалось от стратегии хорватских народняков.

Омладина активно распространяла единое сербское национальное самосознание независимо от границ государств, устанавливала связи с православным населением, говорившим на сербском языке в самых отдаленных от Воеводины районах и добивалась самостоятельной сербской политики даже в Далмации, где сербов было менее 1/5 населения, в Косово и др. Особое внимание она уделяла соседней Боснии. Всюду ставилась задача действовать с целью «духовного объединения всего сербского народа, ...непрестанно имея в виду политическое объединение»²⁵.

Сербские народняки, как течение либеральное, резко критиковали автократический режим князя Михаила в Сербии, требовали создания в княжестве конституционного строя, поскольку, считали, что только Сербия может стать привлекательным центром и организатором национально-освободительной борьбы на Балканах — не только для сербского, но и для других народов.

Четкое выдвигание сербских национальных задач не означало полного неприятия югославизма, однако содержание югославизма было новым — идея единого народа в сущности вытеснялась, заменяясь идеей союза народов. Эта тенденция, хотя и менее интенсивно, чем у сербов, видна и у хорватов. При том как некоторые сербы, так

²⁴ Т. е. Юго-восточной и Центральной Европе.

и хорваты полностью не расставались с мыслью о конечном единстве. Так орган Омладины «Млада Србадия» с одобрением перепечатала выступление словенской либеральной газеты «Словенски народ»: «Мы, словенцы, знаем, что усиление наших братьев поможет нам проникнуться свежим духом, который укрепит нас, чтобы мы выдержали и устояли, пока не возникнет возможность всем нам вступить в один круг»²⁶. Сербская молодежь приветствовала деятельность Штросмайера в 1866—1870 гг., устраивала ему овации во время приезда епископа в Белград.

Стремления Омладины коротко выразил Н. Дучич, который писал в 1871 г., когда назревало восстание в Боснии, что на знамени будущей борьбы будет написано «с одной стороны, свобода и объединение сербского народа, а с другой, — южнославянский союз». «Млада Србадия» поместила сообщение о начале издания в Бухаресте словенцем Я. Похаром газеты «Югославия» и изложила ее программу.

Выступавший на страницах «Млады Србадии» Ст. Новакович, историк, позднее весьма умеренный политический деятель Сербии, исходил из теории единого сербско-хорватского народа и призывал прекратить всякие споры об азбуке: «Пока мы спорили с хорватами и доказывали им, что надо бросить латиницу, невозможно было прийти ни к какому соглашению». Разговоры об этом бесполезны, ибо использование того или иного алфавита — результат векового развития. «Наша деятельность во имя единства должна начаться с терпимости, широкого взгляда и уступок во всем, где борьба не приносит пользы»²⁷.

И все же определяющими для национально-политических принципов сербских народняков Воеводины являлись взгляды С. Милетича на судьбы Балканского полуострова.

«Географическое положение сербского народа в Европе, — утверждал Милетич, — очень благоприятствует его независимости. Дунай и реки с севера, Запада и востока, горные массивы, опора на Черногорию и Адриатическое море, а в случае удачи и Салоникский морской залив — все это благоприятные условия для сохранения национальной самостоятельности». Далее он рассуждал о том, что сербское государство удовлетворило бы внешнеполитические интересы как Запада, так и Востока. Упомянул он и хорватов: «сербское государство имеет в хорватском народе и части сербского народа

[речь идет о сербах в монархии Габсбургов.— *Ред.*] живой заслон» против претензий Австрии и Венгрии на Боснию и Герцеговину. Итак, хорваты — союзники, но всего лишь аванпост сильного сербского государства, доминирующего на Балканах. «Каждый серб должен быть убежден в том, что без Боснии и Герцеговины у сербского народа нет будущего».

В состав будущего сербского государства, по Милетичу, должны были войти княжество Сербия, Босния, Герцеговина, Черногория, Старая Сербия, часть Македонии, «особенно важны для сербской торговли Салоники — это единственная возможность... иметь прямой выход к Средиземному морю и странам, его окружающим»²⁷. При этом автор ссылаясь на пример сербского царя Душана, который «неоднократно устремлялся к тогдашним греческим землям, а именно к Солуни — это та самая инстинктивная государственная потребность и необходимость, которая направляла Петра Великого к Петербургу, Финскому заливу и Восточному [Балтийскому — *ред.*] морю, а Екатерину Великую — к Крыму, Севастополю и Черному морю». В обмен на македонские земли болгары по Милетичу, получили бы поддержку сербов в борьбе за объединение своей страны, а также в споре с румынами из-за Добруджи и «болгарско-греческих территорий». Часть Боснии [северо-запад — *ред.*] Милетич полагал отдать Триединому королевству, Сербии же доставалась часть Далмации с Котором. Константинополю Милетич предлагал дать статус «свободной общины» под международной защитой. Эта была программа восстановления в расширенном виде «Душанова царства».

Проблема выхода к морю постоянно занимала сербскую публицистику, поскольку Сербию душила зависимость от транзита товаров через монархию Габсбургов. Вот еще одно выступление на эту тему: «Разве имеет будущее народ, если ему через Боснию не открыт доступ к воздуху, хотя бы с Адриатического моря?»

Как сербский идеолог С. Милетич верил в возможность и нужность государства сербов, хорватов и словенцев, но при условии, что сербское племя будет очагом и центром.

При этом Милетич вслед за Политом развивал идеи конфедерации Сербии с Грецией и Румынией и федерации ее с Болгарией.

Принцип подхода национального радикала Милетича к решению балканских проблем был присущ многим ведущим политикам всех балканских стран. Это так называемая «великая идея» (великосерб-

ская, великогреческая, великоболгарская, великохорватская и великорумынская).

Появление подобных проектов, осуществление которых впоследствии дорого обошлось балканским народам, было облегчено ввиду размытости языковых границ на Балканах, наличия обширных «пограничных» территорий с этнически смешанным составом населения и некоторых других обстоятельств.

Вл. Йованович, крупный сербский либеральный деятель, сотрудничавший в эмиграции с А. И. Герценом, также считал, что Сербия должна сыграть руководящую роль на Балканах. Вместе с тем он призывал к искреннему союзу, братской солидарности народов региона, устранению всего их разделяющего: споров о вере, племени, границах. Он выступал за равноправие мусульман с христианами после освобождения. Народы могли бы свободно решать, «присоединиться к союзу, в котором каждый народ сохранил бы свою политическую индивидуальность и суверенитет, или составить особый политический организм»²⁸. Все это было близко к сформулированной в 1874 г. и оставшейся в рукописи хорватской народняцкой программе.

Нельзя умолчать и о демократических проектах решения данных проблем. Так один из редакторов «Млады Србадии» социалист Светозар Маркович сознательно австрагировался от межнациональных споров на Балканах и в Австро-Венгрии, а решение проблемы в соответствии со своими утопическими воззрениями вообще видел в полной свободе общин разных народов и добровольном установлении связей между ними. Для этого он пропагандировал народную революцию на Балканах, устранение монархического строя в Сербии и Черногории, ликвидацию Австро-Венгерской монархии.

Кризис югославизма и усиление великохорватской и великосербской пропаганды резко углубила оккупация габсбургской монархией Боснии и Герцеговины в 1878 г. Наиболее дальновидные хорватские лидеры народняков и правашей выступали против присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии, но большинство хорватской интеллигенции и буржуазия, в основном торговая, поддерживали оккупацию. В этом сыграли роль чисто экономические и карьеристские интересы и надежды на возрастание политического значения славян в монархии Габсбургов. Оккупация провинций была ударом по политике Сербии и великосербским планам, воз-

мутила боснийских мусульман, но способствовала нарастанию популярности в Хорватии идей австро-венгерско-хорватского триализма, при включении Боснии в состав Хорватии.

* * *

Двадцатилетие 1883—1903 гг. охватывает время правления в Хорватии бана графа К. Куэна-Хедервари, беспощадно подавлявшего хорватскую оппозицию, главную силу которой все более составляли праваша. Используя и разжигая хорвато-сербские противоречия, Куэн опирался на хорватскую и инациональную аристократию, но также на сербскую буржуазно-чиновную верхушку.

В 1881 г. с присоединением к Хорватии части Военной границы, где сербы составляли около половины населения, число сербов в Хорватии достигло 1/4 всех жителей и их политическая роль существенно возросла, как возросло и значение хорвато-сербских отношений.

После 1878 г. в Хорватии, с одной стороны, резко усилилось влияние взглядов партии права, но с другой, взгляды правашей сначала исподволь, затем все более явно стали претерпевать изменения. Это было обусловлено эволюцией социального состава общества. Трудности, переживавшиеся массой ремесленников, способствовали обострению хорватско-сербских противоречий, но постепенный процесс формирования хорватской национальной буржуазии сопровождался у части ее тенденцией поисков контактов с сербской буржуазией, т. е. отходом от жестких радикальных принципов А. Старчевича, но при сохранении основ теории хорватского исторического права. Часть правашей фактически сблизилась с группировкой Штросмайера — Рачкого (Независимая национальная партия, «независимцы» — с 1880 г.), югославизм которой в его прежней форме также отошел в прошлое.

Все же представляет интерес, как отражались югославистские романтические традиции во взглядах независимцев. Так в связи с нападением армии сербского короля Милана в 1885 г. на соседнюю Болгарию Рачкий в газетной статье «Заблуждения сербской политики», сравнивая историческую роль Пьемонта в деле объединения Италии с политикой Сербии, писал, что Пьемонт осуществлял не пьемонтскую, а итальянскую политику и поэтому добился успеха, а Сербия ведет не югославянскую, а эгоистическую сербскую

политику²⁹. Но в том-то и дело, что Пьемонт был частью итальянской нации, тогда как южные славяне нации не составляли, и Сербия могла вести только национально-сербскую политику. В статье хорватского ученого и политического деятеля содержалось присущее югославистам основное заблуждение, будто возможна какая-то наднациональная стабильная югославянская политика.

Рачкий был в отчаянии от того, что вместо неоднократно предлагавшегося хорватами общего нейтрального наименования как выражения общности судеб и интересов (иллиры, югославяне) при сохранении своих национальных наименований, сербские идеологи хотят объединить всех югославян под этнонимом сербы. Действительно, в Белграде был издан «Вардар», календарь на 1886 г., в котором утверждалось, что «славянское племя» подразделяется на четыре главных народа — русских, сербов, поляков и чехов. Главные, в свою очередь, состоят из более мелких: так, сербы подразделяются на сербов «в собственном смысле, болгар, хорватов и словенцев», там же утверждалось, что македонцы — сербы, им-то, как видно из названия, и был предназначен «Календарь». По существу цитируемая статья Рачкого знаменовала признание невозможности прежнего югославизма.

В 1894 г. правашаи и независимцы даже приняли общую программу, но уже в 1895 г. партия права раскололась: только часть ее «чистые правашаи» или франковцы (по имени лидера Йосипа Франка), все более открыто ориентировавшая на Австрию, сохранила и еще углубила антисербский настрой, другая продолжала эволюционировать в сторону, в сущности, народняцкого признания сербского племени в хорватских землях. Эта часть в 1903 г. вместе с независимцами создала Хорватскую партию права/ХПП/ — основную группировку умеренно-либеральной буржуазии. Так на рубеже веков произошла важная перегруппировка политических сил в Хорватии.

Серьезные перемены произошли и в политической жизни сербов Хорватии и Воеводины. В отличие от периода до 1878 г. Воеводина перестала играть ведущую роль среди сербов Австро-Венгрии. Эта роль перешла к экономически окрепшей сербской либеральной буржуазии Хорватии, создавшей свою Сербскую Национальную самостоятельную партию (самосталцы, программа 1887 г.). В Воеводине же сербское движение раскололось на либералов (М. Полит и др.) и

радикалов (Яша Томич и др. 1887 г.), но влияние последних в Триедином королевстве было небольшим.

Сербы-самосталцы в Хорватии отстаивали полное равноправие и национальную индивидуальность сербского народа, но были склонны к компромиссу с хорватами, видели общность интересов хорватов и сербов перед лицом Венгрии и поэтому выступали за расширение автономии Хорватии, тогда как лидер воеводинских мелкобуржуазных радикалов Я. Томич выражал более националистическую точку зрения, не веря в возможность такого компромисса в Хорватии³⁰.

80-е гг. стали временем кризиса либерального югославизма. Из Белграда активно распространялись великосербские идеи, а из Загреба — великохорватские. Но необходимость борьбы против псевдопарламентского режима Куэна стала одним из стимулов постепенного хорватско-сербского сближения в конце XIX — начале XX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Šulek B. Srbi i Hrvati// Šulek B. Izabrani članci. Zagreb, 1952. S. 150—180.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия, д. 113. Л. 16.

³ Strossmayer J. J., Rački F. Politički spisi. Zagreb, 1971. S. 277—290. Gross M. Ideja «jugoslovenstva Franje Račkoga u razdoblju njezine formulacije (1860—1862)//Historijski zbornik. 1976/1977. S. 331—345. Pozor. Zagreb, 18. IX. 1862.

⁴ Zatočnik. 24. X. 1870.

⁵ Pozor. I. IV. 1863.

⁶ Smičiklas T. Život i djelo d-ra Franje Račkoga. Zagreb, 1895. S. 57—58.

⁷ АВПРИ. ГАУА₂, д. 244. Л. 128.

⁸ Dnevnik sabora Trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije. 1866/1867. S. 167.

⁹ Крестич В. Историја Срба у Хорватској и Славонији 1848—1914. Београд, 1992.

¹⁰ Milutinović K. Prvi ideolozi federalističke misli kod južnih Slavena//Rad Jugoslavenske akademije. 1962. Knj. 330. S. 122, 123.

¹¹ Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavščina. М. Mrazović — J. Strossmayeru. 22. II. 1868.

¹² Фрейдзон В. И. Корреспонденция Рачки — Штройссмайер//Славянский архив. М., 1959. С. 155, 156.

¹³ АВПРИ. Ф. Канцелярия, д. 163. т. 2. Лл. 238, 239.

¹⁴ Šidak J. Dva priloga hrvatskoj povijesti od 1866—1871./Historijski zbornik. 1966/1967. S. 353—360. Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 138.

¹⁵ Zelić B. Prilog diskusiji o Mihovilu Pavlinoviću//Historijski zbornik. 1963. S. 232.

¹⁶ АВПРИ. ГАУА₂, д. 1011. Лл. 2, 3.

- ¹⁷ АВПРИ. ГАУА₂, д.1017. Л. 78.
- ¹⁸ *Strossmayer J., Rački F.* Opt. cit. P. 203—224.
- ¹⁹ *Новаковић С.* Католичка црква у Србији. Београд, 1907. С. 13—26.
- ²⁰ АВПРИ. Ф, Канцеларија, д. 741. Лл. 119, 120, 128—133. (1873)
- ²¹ Застава. Нови Сад. I, 1, 16. V. 1871.
- ²² *Милетић С.* Изабрани чланци. Нови Сад, 1939. С. 192—194.
- ²³ *Polit M.* Die Orientalische Frage und Ihre organische Lösung. Wien, 1862.
- ²⁴ *Полит-Десанчић М.* Народност и њен државноправни основ. Нови Сад, 1862.
- ²⁵ Застава. 15. VIII. 1871.
- ²⁶ Млада Србадија. 2. II, 10. V., 10. VI., 20. VI. 1871.
- ²⁷ *Милетић С.* Указ. соч. С. 76—78.
- ²⁸ Млада Србадија. 10. VIII., 20. VIII. 1871.
- ²⁹ *Strossmayer J. J., Rački F.* Opt. cit. P. 476—478.
- ³⁰ *Ракић Л.* Јаша Томић. Нови Сад, 1986. С. 156—159.

ГЛАВА 9

Становление национальных программ словенцев 1850—1894 гг.

Во время «баховского абсолютизма» всякая политическая жизнь в стране была задавлена, были закрыты все сколько-нибудь оппозиционные правительству газеты и общества. Новое положение очень четко понимали словенские национальные деятели. 5 декабря 1851 г. М. Маяр писал своему соратнику А. Муршецу: «Сейчас нам необходима литературная газета, какой некогда была „Даница иллирская“ в Загребе. С политикой сейчас нечего начинать, только надо внимательно следить, что где совершается, и заботливо вести литературные дела. Это теперь наша политика»¹.

И действительно, все свои силы словенские патриоты бросили на развитие словенской национальной культуры. Однако их культурная политика уже не могла быть такой, какой была в предреволюционные годы. В революцию словенские национальные деятели прошли серьезную политическую школу, впервые выработав политические требования словенцев. И это, несомненно, отложило отпечаток на их культурную деятельность в 50-е годы.

Большинству словенских патриотов деятельность австрийского правительства в послереволюционный период принесла глубокие разочарования. Надежды на то, что Габсбурги расширят политические права славян за их верность монархии, не оправдались. Поэтому взоры некоторых словенских политиков обратились к России и другим славянским народам как к наиболее возможным союзникам в их борьбе за свои национальные права. Неслучайно поэтому именно в 50-е годы в словенских землях завоевали популярность идеи о

необходимости создания общеславянского литературного языка. Горячим проповедником этого стал М. Маяр. Уже в своих «Правилах, как образовывать иллирское наречие и общеславянский язык», изданных в 1848 г., он предлагал в духе Я. Коллара, сначала создать четыре литературных славянских языка, а уже затем из них сделать единый общеславянский.

В первой половине 50-х годов близкими соратниками Маяра являлись бывшие иллиры: Д. Трстеняк, А. Эйншпиллер, Я. Янежич, Р. Разлаг и др. Все они действовали в Штирии и Каринтии, где словенцам более всего угрожала германизация. Интерес к общеславянскому языку проявляли и некоторые деятели Крайны: Л. Томан, Л. Светец. Два словенских издания пропагандировали необходимость общеславянского языка: журнал «Словенска бчела» (апрель 1850 — июль 1853) и альманах «Зора» (1852, 1853). Некоторые разделы в них писались на так называемом «общеславянском языке» по рекомендациям Маяра.

Несомненно за этим как будто чисто литературным движением стояли определенные политические цели. «Мы должны трудиться, — писал Разлаг, издатель „Зоры“, — чтобы разные наречия слились в один единственный литературный язык, чтобы нас перестали считать маленькими народами, но увидели бы, что мы, славяне, единый народ, один за всех и все за одного»². Общеславянский язык рассматривался Разлагом как одно из условий увеличения силы каждого славянского народа, в том числе и словенского, который перед лицом враждебных сил выступал бы не в одиночку, а как часть великого целого. При этом подобное целое мыслилось сторонниками создания общеславянского языка неопределенно. Некоторые словенцы имели более четкие планы. Так поэт С. Енко видел спасение словенцев и других славян в образовании единого могущественного общеславянского государства. О всеславянском государстве мечтал и краинский иллир Ю. Кобе. Таким образом за созданием общеславянского литературного языка ясно прослеживались всеславянские политические идеи.

Маяр и его соратники имели больше всего сторонников среди учеников старших классов гимназий. Последние выпускали свои рукописные газеты «Славии», в которых пропагандировались всеславянские взгляды. У словенских студентов Венского университета идеи общеславянского языка тоже ассоциировались с политикой.

В ноябре 1849 г. студент Ф. Ериша достаточно точно охарактеризовал их настроения в корреспонденции, помещенной в газете «Словения»: молодежь с восторгом слушает лекции Ф. Миклошича по славистике, она мечтает о политическом объединении югославян и потом об объединении всех славян под эгидой России³.

Конечно, такие мысли бродили в головах наиболее радикальной части словенских национальных деятелей. Большинство же патриотов группировалось вокруг газеты «Кметийске ин рокоделске новице» Я. Блейвейса, единственной словенской газеты, пережившей бури революции и контрреволюции. Они вели пропаганду словенского языка и культуры среди самых широких масс словенского населения, пропаганду на довольно примитивном уровне, но действенную, поскольку она была понятна простым людям. Блейвейс и его круг имел в 50-е годы ту заслугу, что в период увлечения общеславянским языком части словенских литераторов он продолжил традицию развития словенского языка и словенской культуры. Будучи людьми безусловно легитимистских взглядов, преданными католической церкви, сторонники Блейвейса вместе с тем отмежовывались от наиболее последовательных клерикальных деятелей. Блейвейс помещал статьи клерикалов в своей газете, но давал отпор их крайним взглядам. Одно время из-за его столкновений с Ераном словенских духовных лиц призывали не подписываться на «Кметийске ин рокодельске новице».

Правее Блейвейса находился епископ А. Сломшек. Он многое сделал в 30—50-е годы для словенской культуры. Одно время был даже активным иллиром. Но революционные события заставили его сильно поправеть. Он подписал пастырское послание австрийских епископов от 17 июня 1849 г., в котором они выступили против борьбы за национальные права, считая это нехристианским делом.

В конце 40-х годов в словенском национальном движении появилось течение, которое затем выросло в ультрамонтанский клерикализм. В 1849 г. стала выходить католическая газета «Згодня Даница». В ней большую роль играл священник Лука Еран, который с 1852 г. стал ее редактором. Решительный противник всякой веротерпимости, он считал главным признаком национальности религию. Еран выступал за развитие словенского языка, называл его хранителем веры, так как словенский язык препятствовал проникновению к крестьянину опасных идей. Он полагал, что крестьянин, умеющий

читать только по словенски, не сможет познакомиться с немецкой революционной литературой. Еран и его сподвижники отрицали художественную литературу за ее «аморальность».

Но все эти течения в словенской национальной мысли только намечались и имели внешне чисто культурную окраску.

На рубеже 50—60-х годов политическое положение в Австрии изменилось. В 1859 г. венское правительство, попытавшееся помешать объединению Италии, привело страну к поражению. Австрия потеряла большую часть своих итальянских владений. Военные неудачи пошатнули устои абсолютизма в Габсбургской монархии. В октябре 1860 и феврале 1861 гг. правительство вынуждено было ввести некоторые конституционные нормы: избираемые населением представительные органы (парламент и земельные собрания), определенную свободу слова и собраний. Октябрьский диплом законодательно устанавливал земельную автономию. Сословия каждой земли избирали земельное собрание, решения которого, однако, утверждал губернатор, назначавшийся правительством.

Политические перемены оживили политическую активность всех народов габсбургской монархии, в том числе и в словенских землях. Уже 13 марта 1861 г. Маяр выступил со статьей «Наше положение», в которой вновь поднял вопрос об Объединенной Словении, братском союзе словенцев с хорватами и укреплении их взаимности со всеми славянами, особенно австрийскими. В то время его поддержали многие словенские политики. Ими была написана петиция главе австрийского правительства А. Шмерлингу, в которой говорилось о необходимости объединения всех словенских земель в единое административно-политическое целое, о введении в них словенского языка в школы и учреждения. Под этой петицией удалось собрать 20 тыс. подписей. Осенью 1861 г. «Новице» Блейвейса вновь поднял вопрос о создании в пределах Габсбургской монархии югославянского объединения⁴. Таким образом в начале 60-х годов словенские национальные деятели выдвинули программу, рожденную в 1848 г. Однако, спустя немного времени они, в том числе и сам Маяр, отказались от этой программы. Дело в том, что большинство славянских политиков (чехи, поляки, хорваты) выдвинуло принцип исторического права при создании административно-политических единиц в Австрийской империи. Желая не нарушать славянскую взаимность словенцы попытались приспособить программу истори-

ческого права к словенским условиям. Так Эйншпиллер предложил план создания Внутренней Австрии, административной единицы, существовавшей в 1564—1747 гг. и включавшей в свой состав Штирию, Каринтию, Крайну.

25 сентября 1865 г. в Мариборе собрание ведущих словенских политиков приняло программу Внутренней Австрии, которая вошла в историю под именем Мариборской. Однако во Внутренней Австрии словенцы составляли всего 43% населения, и поэтому ее создание никак не решало словенский национальный вопрос. Это понимали и словенские национальные деятели. Желая усилить словенский элемент в будущей автономной единице, некоторые из них (Маяр, а затем Эйншпиллер) стали пропагандировать проект создания Иллирского королевства. Оно должно было состоять из Каринтии, Крайны и Южной Штирии. Практически это был вариант Внутренней Австрии, но без Северной Штирии, такой же нежизнеспособный, поскольку немецкое население северной Каринтии не желало находиться в Иллирском королевстве.

Политическая программа на основе исторического права не могла словенцам заменить собою программу Объединенной Словении, и это словенские политики, особенно молодого поколения, вскоре очень ясно осознали.

60-е годы для словенцев ознаменовались бурным распространением национальной идеи вширь. Повсюду создавались различные национальные организации: читальни, гимнастические общества. В 1864 г. была основана Словенская Матица, общество по изданию словенских книг. Она не только издавала книги на словенском языке, но и формировала издательскую политику. В частности, большое внимание Матица уделяла публикации словенских учебников для средней школы, и в значительной степени благодаря ей происходила словенизация среднего образования. Матица выпускала труды по истории, истории словенской литературы, этнографии, филологии. Они большею частью выходили в ее ежегодных сборниках «Летопись Матицы словенской», и хотя на первых порах не отличались большими научными достоинствами, все же способствовали формированию словенской науки.

В 60-х годах началось втягивание в политику широких народных масс. Словенские просветительские общества в условиях борьбы за национальные и политические права, проходившей не только в сло-

венских землях, но и по всей Австрии, очень быстро политизировались.

Новое поколение словенских национальных деятелей, вышедшее на политическую арену в 60-е годы, не довольствовалось осторожными методами политиков, группировавшихся вокруг Блейвейса и его газеты, их не привлекала и Мариборская программа. В отличие от представителей старшего поколения, которых стали называть старословенцами, они получили имя младословенцев. Младословенцы стремились к более активным действиям, особенно после 1866 г.

Новый толчок к политическим переменам дала австро-прусская война 1866 г., окончившаяся поражением Австрии. Необходимость изменений в политическом строе страны осознавалась всеми политиками. Однако каковы будут эти изменения, призванные усилить габсбургскую монархию, мнения были различны. Немецкие либералы и часть венских правящих кругов стояли за усиление централизации в стране. Венгерское дворянство и другая часть придворных кругов в Вене выступали за дуализм, т. е. за образование конфедерации с двумя центрами власти в Вене и Будапеште. Немецкие консерваторы поддержанные большинством славянских национальных деятелей выдвинули программу федерализации государства на основе существующих исторических земель. Победу одержали сторонники дуализма.

Словенские национальные деятели решительно боролись за федерализм. Когда правительство в Вене объявило в начале 1867 г. о введении дуализма, крайинское земельное собрание 26 февраля приняло адрес императору, в котором призывала его придерживаться федералистских принципов. За это оно было распущено.

Однако в венском парламенте словенские депутаты повели себя по другому. 5 июня, когда было проведено предварительное голосование о дуализме, все словенские депутаты, за исключением троих, ушедших с заседания, проголосовали за него. Это вызвало возмущение словенской общественности, даже Блейвейса и его круга. Однако не все депутаты сделали для себя из этого выводы. Во время повторного голосования уже за дуалистическую конституцию 17 октября трое из восьми словенских депутатов все же поддержали ее, четверо голосовали против, один уклонился от голосования.

Поведение словенских депутатов вышедших из круга старословенцев способствовало еще более резкому выступлению против по-

следних молодых словенских либералов. В новых условиях Мариборская программа, те принципы федерализма, которые поддерживали прежде всего старословенцы уже не имели никакого конкретного значения. В противовес им младословенцы снова подняли на щит программу Объединенной Словении. Окончательное размежевание между либералами и консерваторами произошло в 1868 г., когда штирийцы стали выпускать в Мариборе газету «Словенски народ», ставший рупором младословенцев.

Говоря об обособлении двух направлений в словенском национальном движении, нужно иметь в виду, что особо резких противоречий между ними не было. Для обоих течений главным являлся национальный вопрос, политические, общедемократические права стояли на втором месте. Один из видных деятелей старословенцев Л. Томан, выступая летом 1861 г. на заседании венского парламента, заявил: «без свободы нет национальности, а без национальности народам тоже нет свободы». Спустя более десяти лет еще более решительно повторял эту мысль на страницах «Словенского народа» его редактор Й. Юрчич, приводя слова венгерского государственного деятеля Ш. Сечени: «Спасем прежде всего национальность, потом будем бороться за свободу; так как потерянную свободу мы сможем опять завоевать, потерянная же национальность потеряна навеки»⁵. Именно то, что для обеих группировок главным был национальный вопрос, давало возможность им на определенных этапах объединяться и выставлять единые требования.

Уже с самого начала Мариборская программа вызвала возражение ряда словенских политиков, особенно в Каринтии и Штирии, где словенское население в случае расширения земельной автономии отдавалось под власть немецкого большинства. В газете «Словенец», издававшейся в Целовце (нем. Клагенфурт) Эйншпиллером, осенью 1866 г. появились статьи, которые критиковали Мариборскую программу и выдвигали свои национальные планы. В брошюре одного из лидеров младословенцев Й. Вошняка «Словенцы, чего мы хотим?», вышедшей в 1867 г., он обосновывал необходимость для словенцев отказаться от Мариборской программы и принять программу Объединенной Словении, которая затем соединиться с Триединым королевством и Воеводиной⁶. Глава левого крыла младословенцев Ф. Левстик высказывался еще более решительно, подчеркивая: «Объединенная Словения — это первое условие, это *conditio sine qua*

поп (обязательное условие) всего нашего прогресса»⁷. Некоторые консерваторы, особенно в Штирии, также являлись сторонниками Объединенной Словении. Среди них выделялся Михаил Герман, депутат штирийского земельного собрания. Он составил интерpellацию от имени его словенских депутатов, которая по мнению словенского историка В. Мелика, представляла «самое резкое и решительное выступление в пользу Объединенной Словении»⁸.

Сторонники программы Объединенной Словении не довольствовались выступлениями в печати и на земельных собраниях. С августа 1868 г. по 1871 г. им удалось провести в словенских землях 18 таборов или многочисленных собраний под открытым небом, на которых ораторы выступали с призывом бороться за национальные права, за Объединенную Словению. Таборы в среднем собирали 5—6 тысяч жителей окрестных городов и сел, а на самом крупном из них в Вижмарьях недалеко от Любляны присутствовали до 30 тыс. человек. На каждом таборе поднимался вопрос об Объединенной Словении, а на некоторых — и о создании югославянской единицы в пределах габсбургской монархии. В результате проведения таборов программа Объединенной Словении широко распространилась в разных слоях словенского общества, стала истинно общенародной программой.

В 60—70-е годы ни один из словенских национальных деятелей не считал, что Словения может существовать как самостоятельное государство. Левстик прямо писал: «Мы, бедные словенцы, ...никогда не имели на земле своего царства и не будем его иметь». Подавляющее большинство словенских политиков особенно в первой половине 60-х г. было убеждено, что австрийское государство является единственно возможным государством, в составе которого будет находиться Словения. Самый радикальный из них Ф. Левстик отмечал в 1866 г.: «Мы словенцы, ни в коем случае не требуем отторжения от Австрии и независимости от нее»⁹. Вошняк, призывая словенцев на таборе в Лютомере 9 августа 1868 г. к борьбе за Объединенную Словению, подчеркивал: «Мы — верные австрийцы и желаем, чтобы наша империя сохранилась и укрепилась»¹⁰. Австрославизм таким образом являлся неотъемлемой частью национальных программ словенцев.

Наиболее распространенной формой австрославизма был югославизм. Он брал начало от иллиризма 30-х годов. Югославянские идеи пропагандировали главным образом младословенцы: Левстик,

Вошняк, Томшич, Зарник. Они возродились вместе с возрождением программы Объединенной Словении. Уже в 1863 г., в газете «Напрей» Левстик отмечал: «Южные славяне говорят: одна кровь течет в наших жилах; одна у нас слава, одно прошлое; мы говорим на одном языке, имеем одного государя. Почему же мы не в одной провинции?». В то время Левстик полагал, что центром объединения южных славян Австрийской монархии станет Хорватия. Загреб, в котором предполагалось учредить университет и академию, Левстик рассматривал как центр формирования не только хорватской но и сербской, и словенской интеллигенции¹¹. В 1866 г. Левстик выдвинул план переустройства Австрии на федеративной основе, принимая во внимание при установлении границ между ее автономными частями только этнический принцип. Левстик полагал, что в Австрии должно быть установлено пять автономных национальных единиц: немецкая, венгерская, румынская, северославянская и югославянская.

После введения дуализма стремление словенцев к более тесному союзу с южными славянами Австрии усилилось. Это стремление вызывало ответную реакцию со стороны сербов и, особенно хорватов. 7—8 ноября 1870 г. состоялась встреча в Сисаке словенских и хорватских политиков. На ней присутствовало 30 человек. Со стороны хорватов в ней приняли участие Ф. Рачкий, М. Мразович, из словенцев — Р. Разлаг, Д. Трстеняк, редактор младословенской газеты «Словенски народ» А. Томшич. На совещании была принята резолюция, суть которой Томшич кратко охарактеризовал в письме к своему преемнику на посту редактора И. Юрчичу. «Мы договорились,— писал Томшич,— что Словения будет находиться в конфедерации с Триединым королевством, к которому присоединятся Далмация, Граница, Славония и Риека. С Венгрией будет заключена реальная уния, Словения будет автономной и равноправной». Венгрия, Хорватия, Словения должны были иметь общее собрание, которое решало бы военные, финансовые и торговые вопросы, а также дела, касающиеся взаимоотношений с австрийской частью монархии. Хорватия и Словения должны были иметь совместное земельное собрание и общее правительство, возглавляемое баном¹². Сисакская резолюция отражала позицию некоторых хорватских национальных кругов, стоявших за унию с Венгрией и желавших укрепить свое положение в королевстве св. Стефана, привлекая к себе в качестве ближайших союзников словенцев.

1 декабря в Любляне проводились два крупных мероприятия — ежегодное собрание Словенской Матицы и празднование дня рождения Ф. Прешерна. На них собралось около 100 словенских, хорватских и сербских национальных деятелей. Это заседание было более пестрым, чем Сисакское. На нем присутствовали не только либералы, но и деятели консервативного направления, например Блейвейс. Из хорватов представлены были М. Мразович, Й. Мишка-тович, Л. Вончина, И. Данило, из сербов — Л. Костич, поэт, сотрудник С. Милетича. Резолюция, принятая в Любляне была более расплывчатой чем Сисакская. В ней признавалась необходимость объединения моральных и материальных сил сербов, хорватов, словенцев для достижения ими единства в области политики, экономики и литературы. Резолюция указывала, что южные славяне Австрии будут стремиться помочь своим братьям за рубежом удовлетворить одинаковые потребности. Люблянская резолюция в отличие от Сисакской не содержала положения о союзе с Венгрией, в ней не было ни слова сказано о какой-либо административной автономии югославянских земель, об их политическом устройстве. Но, провозгласив общность интересов югославян, их стремление действовать совместно невзирая на границы, она сыграла свою положительную роль.

После введения в Австрии дуализма в 1867 г. для ряда словенских либералов австрославизм перестал быть безусловным. В конце 1870 г. «Словенски народ» писал: «Нам нет никакой радости жертвовать собою ради Австрии, если она к нам несправедлива. У нас еще никто не выдвигал лозунга — „Мы с радостью умрем за Австрию даже и тогда, когда она не даст нам гарантии нашего существования как народа и как славян“»¹³. Поэтому в это время появились югославянские концепции, которые не носили австрославистский характер.

Люблянская резолюция не вызвала однозначной оценки среди южнославянских национальных деятелей. Против ее активно выступили воеводинские сербы, которые не хотели связывать свое будущее с габсбургской монархией, а мечтали воссоединиться с княжеством Сербия. Близки к этому были взгляды словенских либералов из Горицы. В их статьях проскальзывала мысль, что ядром объединения югославян могло бы стать свободное княжество Сербия. Мнение горичан разделял и один из видных младословенцев Ф. Левец. В выступлении на съезде учащихся в Любляне 4 сентября

1869 г. он заявил, что роль Пьемонта для южных славян должна сыграть Сербия¹⁴.

Наиболее радикально настроенные словенские политики шли еще дальше. В этом отношении интересны взгляды уроженца Крайны Янеза Похара. В 1865 г. он бежал в Сербию для того, чтобы сражаться с турками. В 1870 г. Похар переехал в Бухарест, где общался с болгарскими революционерами. В 1871 г. ему удалось выпустить четыре номера журнала «Югославия». В нем Похар критиковал Люблянскую резолюцию. По его мнению, целью югославян должно быть установление югославянской федерации, основанной на принципах суверенитета, справедливости, свободы и братства. Федерация, которой Похар дал имя «Югославия», должна была возникнуть в результате распада двух реакционных империй — Османской и Австро-Венгерской.

Похар был единственным из словенцев, открыто провозгласивший революционный путь создания независимой Югославии. Это не значило, что такой путь не имел сторонников среди других словенских политиков: просто они не могли в подцензурной печати выражать свои мысли столь откровенно, как Похар в далеком Бухаресте. «Словенски народ», например, пересказывая программу «Югославии» указывая на ее революционный характер, замечал: «Мы, австрийские югославяне, не имеем возможности поднять революционные знамена»¹⁵. Таким образом, на рубеже 60—70-х годов в некоторых югославянских программах словенцев явственно прослеживается отход от австрославизма.

Вслед за революцией 1848 г. в югославянских землях Австро-Венгрии параллельно с формированием национальных программ стали возникать и концепции националистического толка, великосербские и великохорватские. Словенцы остались в стороне от националистического угара. Хотя их крупнейшие ученые Е. Копитар и Ф. Миклошич в своих трудах писали, что хорватское население говорящее на кайкавском наречии по сути дела примыкает к словенскому ареалу, словенские политики не делали никаких выводов из этого. Вопрос о том, что кайкавские хорваты являются словенцами, ими не ставился.

Отсутствие великословенских тенденций в словенской национальной идеологии можно объяснить с одной стороны слабостью словенского национального движения, с другой — трезвым пони-

манием словенскими политиками того факта, что при своей малочисленности словенцы не могут выиграть спора с хорватами за кайковцев. Зато среди словенцев получили большое распространение всеславянские идеи.

Бок о бок с национальным самосознанием у словенцев уже с конца XVIII в. развивалось и общеславянское самосознание. Оно выражалось и в призывах Кумердея и Водника иметь моральную опору в России, и в попытках создания общеславянского языка, предпринимавшихся Маяром, Цафом и некоторыми другими словенскими национальными деятелями. Разочарование в австрийском правительстве особенно после 1848/49 гг. повлекло за собой рост русофильских настроений в среде словенских национальных деятелей. Еще более они усилились в 60-е годы, время поражений Австрии в войнах с Сардинией, Францией и с Пруссией, время переустройства габсбургской монархии, которое пошло не по тому пути, о котором мечтали словенцы. В русофильских чувствах словенцев, по замечанию В. Мелика, «не существенно, является ли Россия абсолютистской или демократической..., но важно лишь то, что она существует и своим существованием дает им опору в национальной борьбе, будит надежду на лучшее будущее»¹⁶. После победы пруссаков над Австрией перед словенцами, как и перед всеми австрийскими славянами на повестку дня встал вопрос о возможности войти в состав единой Германии. Славяне решительно противились этому. «Словенски народ» прямо писал в апреле 1869 г.: «Каждый словенец скорее станет по национальности русским, чем пруссаком. Мы славяне и хотим остаться ими»¹⁷. Это не были пустые слова. В широких кругах интеллигенции обсуждался вопрос о необходимости для словенцев (как и для других славян) общеславянского языка, «высшего языка науки и культуры», как его называли. Видные культурные деятели того времени М. Плелершник (будущий создатель самого фундаментального словенско-немецкого словаря), Ф. Левстик и другие на страницах «Словенского народа» агитировали за принятие в качестве общеславянского русского языка. За это единодушно проголосовала словенская учащаяся молодежь на своем втором съезде в Любляне в 1869 г.

За стремлением сделать русский язык общеславянским стояли политические планы. Корреспондент «Словенского народа», купец из Риеки Г. Блаж прямо писал, что введение русского языка в

качестве общеславянского будет иметь для словенцев последствия и в культурном, и в политическом отношении. «Нам словенцам, не надо было бы заботиться о том, что будет с нами в случае распада габсбургского государства»¹⁸. Конечно, словенские политики не могли открыто писать о всеславянском государстве. Однако, анализ статей Ф. Левстика, напечатанных в 1871 г. в «Словенском народе», дает возможность утверждать, что он поднял вопрос о создании на Балканах и Дунае федерации под покровительством России. Наряду с этим он развивал проект всеславянской федерации, куда бы входили и южные славяне вместе с Объединенной Словенией. Любопытно воспоминание известного словенского филолога первой половины XX в. М. Мурко, который в школьные годы гостил во владениях словенского национального деятеля в Штирии доктора Пляя. Там он ознакомился с «Памятной книгой», где оставляли свои записи гости хозяина. Среди них внимание Мурко привлекла запись В. Зарника, сделанная им в конце 60-х годов. В ней Зарник выражал пожелание, чтобы славяне объединились в федерацию под главенством русского царя¹⁹. Близкого мнения придерживался Ф. Левец, который в письме к другу в 1869 г. замечал: «Ведь у нас нет будущего! Мы будем или пруссаками или русскими»²⁰.

Мысли о необходимости славянской федерации появились и у представителей словенского рабочего движения. 1 мая 1873 г. в Париже было объявлено о создании «Славянского республиканского общества», целью которого провозглашалось образование республиканской славянской федерации «путем свободного соглашения свободных народов». В числе подписавших воззвание был словенский рабочий Ф. Железничар, участник Парижской коммуны, впоследствии один из создателей Югославянской социал-демократической партии. Программа Славянского республиканского общества возникла, несомненно под влиянием идей А. И. Герцена и М. А. Бакунина.

События на Балканах усилили антиавстрийские настроения среди словенских национальных деятелей. В 1875 г. вспыхнуло антитурецкое восстание в Боснии и Герцеговине. Борьба южных славян против турок не могла не вызвать симпатий среди словенских патриотов. Они надеялись на создание свободного славянского государства на развалинах Османской империи. «Завоеванная ими свобода,— писал «Словенски народ» в августе 1875 г.,— будет нашей,

так как завоевание национальной свободы одной частью югославян принесет пользу всем югославянам»²¹.

Подавление восстания в Боснии и Герцеговине, Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии, поражение Сербии и Черногории в войне против Порты привели словенских национальных деятелей к убеждению, что только вмешательство России может привести к освобождению южных славян от турецкого ига. Поэтому вступление России в войну с Портой было воспринято словенской общественностью с воодушевлением. «Славенски народ» подчеркивал, что каждый словенец знает, что «успех русского оружия есть успех всего славянства, то есть также и наш»²². Сочувствие к России выражала не только словенская интеллигенция, но и словенские крестьяне и рабочие. Взятие русскими войсками Плевны словенские патриоты отметили как свой национальный праздник. События на Балканах стали неотъемлемой частью политической борьбы в Словении. Поскольку симпатии австро-немецкой партии в ней были на стороне турок, постольку всякую победу повстанцев, сербов и русских словенцы воспринимали как свою собственную победу. Когда появились опасения, что Австро-Венгрия может выступить против России, Й. Вошняк словенский депутат в парламенте, открыто заявил, что война Австрии с Россией была бы воспринята «как удар кулаком в лицо 16 миллионам австрийских славян и стала бы началом конца Австрии»²³.

В начале русско-турецкой войны в «Словенском народе» делались прямые намеки, что с решением восточного вопроса будут решены польский, чешский, хорватский и словенский вопросы. Но осложнение международной обстановки поубавило надежды словенских политиков. В начале 1878 г. они стали говорить не о создании большого славянского государства на Балканах, а о желательности присоединения к Габсбургской империи Боснии и Герцеговины. Словенцам же они отводили роль посредников в торговле между Европой и освобожденными славянскими землями. Эту точку зрения поддерживали не только либералы, но и словенские консерваторы. Так в марте 1878 г. консервативная газета «Словенец» предлагала из Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины создать третью часть империи Иллирию, которая была бы равноправна с Австрией и Венгрией. Иллирия со временем привлекла бы к себе и княжество Сербию. Если же Австро-Венгрия откажется от подобной миссии, то,

по мнению газеты, югославыне объединятся вокруг Сербии. Так впервые в словенской печати был поставлен вопрос о триализме. В конечном счете и консерваторы, и либералы приветствовали оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, видя в населении последних союзников словенцев в борьбе за национальные права.

Победа России над турками повысила ее авторитет среди словенцев. И хотя непосредственно им эта победа не принесла ощутимых результатов, пример Болгарии, Сербии, Черногории, Румынии, получивших свободу с помощью Русского государства, казалось, давал мечтам и надеждам словенцев реальное направление. Усиление русофильских настроений коснулось всего словенского общества, у которого окрепла вера в освободительную миссию России.

Программу Объединенной Словении, югославянские программы поддерживали особенно энергично словенские либеральные деятели (младословенцы). Но это не значит, что в определенные периоды (например, во время проведения таборов) им не выражали свое сочувствие и умеренно консервативные круги, группировавшиеся вокруг Я. Блейвейса. Они не были так последовательны, как либералы, в защите этих программ, часто отступали от них в угоду немецким консервативным кругам, с которыми часто блокировались в борьбе против немецких либералов. Разница между старословенцами и младословенцами заключалась в понимании способов достижения национальных целей словенцев. Старословенцы, как и часть младословенцев, были убеждены, что будущее словенского народа немисливо вне пределов габсбургской монархии. Их югославянские планы и программа основания словенской территориально-административной единицы не выходили за рамки австрославизма. Радикальные круги младословенцев уже не стояли безусловно на позициях австрославизма. Они предполагали возможность выхода словенцев из-под власти Габсбургов или путем создания независимой Югославии, или путем вхождения словенских земель во всеславянскую федерацию. Это был новый вариант решения словенского национального вопроса.

В 70-е годы начинает приобретать все больший вес в словенском национальном движении клерикальное течение. Клерикализм в 50-х годах проповедовал Лука Ерин. Клерикальные моменты встречались в такой интересной словенской газете как «Словенец», издававшейся в 1865—67 гг. в Целовце-Клагенфурте. В ее первом номере

редакция, говоря о стремлении газеты сохранить словенский дух, в качестве первой главной черты его указывала на верность католической церкви. Сохранять и укреплять ее — важнейшая задача газеты. «Наш родной язык, — приводила газета слова епископа А. Сломшека, — является защитником настоящей веры, католическая вера и у нас будет ослаблена, если словенский род онемечится»²⁴. Итак, борьба с германизацией пропагандировалась прежде всего ради укрепления католической веры. Редакция «Словенца» во главе с А. Эйншпиллером была убеждена, что главные отличительные черты каждого народа религия, язык, манера поведения, литература, одежда, нравы и обычаи.

Отношение к католической церкви особенно четко проявилось у словенских национальных деятелей весной 1867 г., когда немецкие либералы в парламенте поставили вопрос об отмене конкордата и об выведении школы из-под опеки церкви. Все словенские депутаты голосовали против закона о школе и против отмены конкордата. Блейвейс и старословенцы выступали за сохранение конкордата с национальных позиций: борьбу против него, они рассматривали как борьбу против словенского духовенства, которое много делало для введения в школах словенского языка. Вполне благожелательно относился к словенским священникам и либеральный Зарник. Он поддерживал право духовенства участвовать в политической жизни. Он делал это из национальных соображений, поскольку значительную часть словенских национальных деятелей составляли священники. Такое благожелательное отношение словенских либералов к духовенству было характерно для Крайны. В Штирии либералы выступали за отмену конкордата, резко отделяя свои позиции от позиций клерикалов.

Борьба вокруг конкордата активизировала деятельность католического духовенства, которое стало создавать католические общества в словенских землях. В 1868—1869 гг. было учреждено Католическое общество Крайны; в 1869 г. — католические общества в Каринтии, Штирии и Триесте, в 1870 г. — католическое общество в Горице. Они объединяли в своих рядах словенцев, немцев, итальянцев и не имели национальной окраски.

Таким образом в начале 70-х годов помимо определившихся четко двух направлений либеральном и умеренно-консервативном,

в словенском национальном движении стало формироваться и третье — клерикальное.

В 1879 г. в Габсбургской монархии произошли некоторые перемены, ознаменовавшие собою приход к власти консервативных деятелей во главе с графом Таафе. Правительство последнего, просуществовавшее до 1894 г. лавируя между партиями, шло на мелкие уступки в национальном вопросе. Это привело к тому, что все словенские консерваторы и большая часть словенских либералов поддерживало его. Одним из наиболее горячих сторонников курса сотрудничества с правительством стал либерал Ф. Шуклье, которого называли фанатиком оппортунизма. Шуклье призывал отказаться от требования Объединенной Словении, считая, что ее заменит расширение автономии земель с введением национальных курий. Многие либералы шли за ним.

Но часть либеральных деятелей не были согласны с подобной политикой. В оппозиции к ней находились некоторые представители старшего поколения либералов (И. Вошняк, В. Зарник) и молодые радикалы, возглавлявшиеся И. Хрибаром и И. Тавчаром. Последний выдвинул лозунг: словенец и славянин никогда не должны вступать в союз с немцами. Хрибар и Тавчар в 1884—1887 гг. издавали газету «Слован», задачей которой являлось, во-первых, защита целостности всего словенского народа, а во-вторых, пробуждение славянского самосознания у словенцев, чтобы каждый словенец гордился тем, что является членом великой и славной славянской семьи. «Слован» пропагандировал достижения культуры других славянских народов и, прежде всего русского, призывал крепить славянскую взаимность. На его страницах появилась статья горицкого либерала Ф. Подгорника о переустройстве Австро-Венгрии на федералистической основе. Наряду с другими национально-территориальными единицами в федерацию должна была войти и югославянская, состоявшая из Словении, Хорватии, Воеводины, Боснии и Герцеговины, только что включенных в состав Габсбургской монархии. В ее пределах таким образом, предполагалось создать своеобразную Югославию, также построенную на принципах федерализма. «Слован» в 80-е годы являлся проводником тех национальных идей, которые были приняты младословенцами на рубеже 60—70-х гг. XIX в. Вместе с тем наиболее радикальные из них — надежду объединить югославян вне Австрии вокруг Сербии — «Слован» не разделял.

Либералов, группировавшихся вокруг этой газеты, разочаровали сербское и болгарское правительства, проводившие в то время антирусскую политику и все более попадавшие в зависимость от Австро-Венгрии и Германии. Только о Черногории «Слован» отзывался одобрительно, подчеркивая, что она «все более становится славянским Пьемонтом»²⁵.

Период 1851—1894 гг. явился временем окончательной победы капиталистических отношений, формирования новых классов в Словении. В связи с этим изменилось и само словенское национальное движение, все более отдельные его течения стали отражать интересы тех или иных социальных групп. Это время создания различных вариантов словенской национальной программы. Возникшие в 1848/49 гг. программа Объединенной Словении и югославянская программа остаются в центре внимания большинства словенских национальных деятелей, но вопрос о том, куда будут входить Словения или югославянское объединение, решался ими по разному. Разочарование в политике венского правительства по отношению к славянам и словенцам в том числе заставило наиболее радикальных словенских политиков искать возможности существования Словении как административного и политического целого вне пределов Габсбургской монархии или в независимой Югославии, или во всеславянской федерации. Но все же большинство словенских национальных деятелей оставались на позициях австрославизма. В это же время возникла и национальная программа, основанная на принципах исторического права — Мариборская программа. Однако, она практически не получила поддержки в словенской общественности. И еще один момент следует отметить: в то время, как в хорватских и сербских землях появились националистические движения (великохорватские и великосербское) у словенцев группировки подобного рода отсутствовали.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Čurkina I. Matija Majar-Ziljski. Ljubljana, 1974. S. 41.

² Slovenska bčela. Celovec, X. 1850. S. 126.

³ Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. I. Ljubljana, 1955. S. 233—235.

⁴ Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. II. Ljubljana, 1956. S. 56.

- ⁵ *Vošnjak J.* Slovenci, kajčemo? Ljubljana, 1867. S. 34—39.
- ⁶ *Ibid.* P. 76.
- ⁷ *Levstik F.* Zbrano delo. Zv. 8. Ljubljana, 1959. S. 211.
- ⁸ *Melik V.* Slovensko narodno gibanje za časa taborov//Zgodovinski časopis. 1969. № 1—2. S. 76.
- ⁹ *Levstik F.* Zbrano delo. Zv. 7. Ljubljana, 1958. S. 50; Zv. 8. S. 205.
- ¹⁰ *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1906. S. 27, 28.
- ¹¹ *Levstik F.* Zbrano delo. Zv. 9. Ljubljana, 1961. S. 118, 125.
- ¹² *Milutinović K.* Problematika Ljubljanskega jugoslavenskog programa kod srba i hrvata//Zgodovinski časopis. 1956/1957. S. 160, 161.
- ¹³ *Melik V.* Slovenska politika ob začetku dualizma//Zgodovinski časopis. 1968. № 1—2. S. 57.
- ¹⁴ *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. IV. Ljubljana, 1961. S. 86.
- ¹⁵ Slovenski narod. Maribor. 27. VII. 1871.
- ¹⁶ *Melik V.* Slovenska politika ob začetku dualizma. S. 49.
- ¹⁷ Slovenski narod. 17.IV.1869.
- ¹⁸ Slovenski narod. 15.VII.1869.
- ¹⁹ *Murko M.* Spomini. Ljubljana, 1951. S. 36.
- ²⁰ Pisma Frana Levca. Ljubljana, 1965. S. 80.
- ²¹ *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina. Ljubljana, 1966. S. 200.
- ²² Slovenski narod. Ljubljana. 28.IV.1877.
- ²³ *Melik V.* Slovenska politika v drugi polovici sedemdesetih let 19. stoletja//Zgodovinski časopis. 1974. № 3—4. S. 275.
- ²⁴ Slovenec. Celovec. 15.I.1865.
- ²⁵ *Pleterski J.* Jugoslovanska misel pri slovincih v dobi Taaffejevi vlade. (1879—1893)//Zgodovinski časopis. 1975. № 1—2. S. 264.

ГЛАВА 10

Проблемы югославизма в Хорватии в начале XX в.

С середины 90-х годов XIX в. среди южнославянской молодежи, учившейся в Праге, прежде всего хорватской, под влиянием идей проф. Т. Г. Масарика зарождается течение реалистов. Они критиковали оппозицию в Хорватии за ограниченность идей государственного права и считали необходимым «подкрепить национальную идею элементом социальным». Имелась в виду теория малых дел — поддержка развития мелкого хозяйства города и деревни. Реалисты считали необходимым тесное сотрудничество хорватов и сербов прежде всего, а также словенцев. Поэтому они резко выступали против клерикализма. Все это соответствовало тенденции ослабления противоречий между южными славянами, характерной для последних двух предвоенных десятилетий, несмотря на сопротивление противостоявших этой тенденции партий.

Как кратко было отмечено раньше, в начале XX в. хорватское общество в сфере национальных отношений было расколото на два основных политических лагеря: 1) склонный к поискам компромисса с сербами в целях совместного отстаивания государственно-политических прав Хорватии и 2) антисербский, все более ориентированный на венские влиятельные круги. Несколько особую позицию занимали идеологи и основатели Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП) и социал-демократы, о чем будет сказано ниже.

К причинам хорвато-сербских трений в конце XIX — начале XX в. добавилась и, по-видимому, даже выдвинулась на одно из первых

мест следующая. Едва ли не единственной отраслью хорватской экономики, пережившей в начале XX в подлинный подъем, являлось животноводство, подавляющая часть производства которого шла на экспорт — главным образом в Австрию и Германию. Но подъем животноводства отмечался одновременно в Венгрии и Сербии — эти страны являлись конкурентами хорватских аграриев. Венгрия совместно с Хорватией входила в общеимперскую таможенную систему, Сербия же была иностранным государством. Влиятельные венгерские помещики неоднократно добивались закрытия доступа сербского скота в монархию, — иногда в связи с распространявшейся на Балканах эпизоотией, а подчас над надуманными предложениями. В 1906 г. австро-венгерские власти начали таможенную войну с Сербией, поскольку Сербия, стремясь избавиться от роли аграрного придатка империи, установила высокие пошлины на австрийские промышленные товары. В связи с этим лидер чистой партии права Иосип Франк с удовлетворением отметил: «вследствие того, что граница с Сербией закрыта, наше производство и наш вывоз скота растет». Он призвал правительство «при возможных переговорах между нашей монархией и королевством Сербией добиться того, чтобы и в дальнейшем с целью защиты и развития местного животноводства граница монархии оставалась закрытой для ввоза скота из королевства Сербии»¹. Франковцы ориентировались на Габсбургов и, фактически, на Германию.

Просмотр разного рода выступлений франковцев, а также клерикалов, в саборе (запросов, законопроектов) за несколько предвоенных лет показал, что примерно 7/8 их парламентской активности было направлено на защиту сельского хозяйства. И наоборот, примерно такое же соотношение в пользу промышленности обнаруживается в выступлениях их противников — депутатов от возникшей в 1905 г. хорвато-сербской коалиции, хотя здесь имелось немало землевладельцев, преобладали представители банковского капитала, уже переходившего к кредитованию национальной промышленности.

Такова одна из причин обострения противоречий между сербами и частью хорватов. Однако франковцы всегда представляли меньшинство хорватского общества.

Франковцев очень беспокоило укрепление сербской буржуазии в Хорватии и в самом ее центре — Загребе. Им удавалось на-

травливать на сербов люмпенские и мелкобуржуазные элементы, а также часть учащейся молодежи. В этом им оказывали услугу великосербские националисты. Так Никола Стоянович в 1902 г. опубликовал в Белграде статью, в которой утверждал, что примирения между сербами и хорватами быть не может и борьба будет вестись «до полного истребления вашего или нашего», а так как, писал автор, положение хорватов менее благоприятно, чем сербов, то... — вывод напрашивался сам собой. В Загребе эта статья была перепечатана. Франковцы воспользовались возмущением загребчан для организации антисербских погромов.

И все же хорватско-сербское сближение нарастало. В среде средней хорватской и сербской либеральной буржуазии оно стимулировалось недовольством австро-германским экономическим и политическим «натиском на Юго-Восток». Возникновение франко-русского, а затем Тройственного союза (Антанты) возбуждало надежды на конечный успех борьбы против Германии и Австрии. В начале 900-х годов острые противоречия между правящими кругами Австрии и венгерской буржуазной оппозицией, требовавшей проведения таможенной границы между двумя частями монархии и создания национальной венгерской армии, переросли в кризис системы дуализма и, казалось, вели к распаду империи. На Балканах наметились австро-итальянские противоречия и начался фактический отход Италии от австро-германского блока.

Что касается глубинных причин усиления югославистской тенденции в начале XX в., то их можно связать с резким возрастанием национальных южнославянских банковских и торговых капиталов, сберегательных касс, кооперативов и пр. Именно эти круги получают решающую роль в политической жизни. Происходит хорватско-сербское сближение. В установлении связей национальных капиталов на широком южнославянском пространстве значительную роль сыграл чешский капитал, — все это оказало влияние на усиление югославянской идеи накануне войны.

Длительное время (с 1899 г.) в своей газете «Нови лист», выходившей в Риеке, далматинский хорват Франо Супило, которого поддерживала хорватская буржуазия в Приморье и Далмации, пропагандировал сплочение против австрийской политики самых различных сил — хорватов, сербов, итальянцев и венгров.

Инициатива создания такого блока не случайно исходила из Далмации — эта область переживала особые экономические трудности. Кроме того, в соседней Италии не скрывали экспансионистских планов в отношении восточного побережья Адриатики. В самой Далмации хорваты и сербы вели длительную борьбу за «славянизацию» области, ведущие позиции в которой долго занимали итальянские землевладельцы, торговцы и чиновники, хотя итальянцы составляли примерно 3% населения. С севера Далмации угрожала австро-немецкая экспансия. Славяне Далмации, населявшие узкую приморскую область, экономически плохо связанную с соседним тылом, ощущали свою уязвимость и видели выход из положения в объединении и широкой автономии югославянских земель, что оживило бы жизнь приморских городов. Однако если хорваты имели в виду объединение вокруг Загреба, то сербы мечтали о присоединении Далмации, Боснии и Герцеговины к Сербии. Впрочем, это было программой максимум. В конкретной же политике хорваты и сербы стали искать компромисса. В 1903 г. в Далмации объединились хорватская Национальная партия (народняки) и Партия права в Хорватскую партию, провозгласившую, что хорваты и сербы — «один народ по крови и языку, нераздельно связанные территорией»².

Толчок к хорватско-сербскому компромиссу дало массовое народное движение в Хорватии против режима Куэна Хедервари в 1903 г., вылившееся в крупные столкновения с полицией и войсками. Другим событием, особенно повлиявшим на позицию сербских кругов в хорватских землях в сторону радикализации, был переворот в Белграде в 1903 г. и переориентация Сербии на Францию и Россию. Это было еще одно внешнеполитическое свидетельство кризиса австро-венгерского государства. В 1905 г. венгерская оппозиция получила большинство в парламенте Венгрии.

Ряд группировок в Далмации стали инициаторами политики «нового курса» на сплочение антигабсбургских сил, в Хорватии их поддержала либеральная Прогрессивная партия (1904—1910), наследница реалистов, в особенности по борьбе с клерикализмом. Попытка наместника Далмации Ханделя в 1903 г. узаконить применение немецкого языка во внутреннем управлении области встретила отпор как югославян, так и итальянцев. Именно тогда хорватский лидер Анте Трумбич воскликнул: «От Альп до Маричы — все на защиту от германизма».

В честь 100-летия сербского восстания 1804 г. в Хорватии состоялись торжества, в которых участвовала хорватская и сербская молодежь, писатели. В православной церкви Загреба было устроено молебствие хорватских и сербских студентов за победу России на Дальнем Востоке.

Вполне определенно выразили югославистские взгляды загребские рабочие, традиционно стоявшие на этой позиции, выработанной социал-демократией Хорватии и Славонии. Ее лидером являлся серб Витомир Корац. Социал-демократы считали сербов и хорватов «единым народом с двумя названиями, который разделяла только вера»³. Партия ориентировалась на центристские круги II Интернационала. Поэтому хорватская и сербская буржуазия в Хорватии рассматривала социал-демократов как возможных союзников. Общим для них было также требование демократизации политического строя. Действительно, социал-демократы оказались важным союзником югославистской буржуазии: рабочие не раз срывали выступления франковцев на улицах Загреба. Но присоединение социал-демократов к «Новому курсу» вызвало критику на партийном съезде: левые в партии считали возможным поддержать «Новый курс», но не вступать в коалицию с буржуазными партиями⁴.

Движение расширялось: конечной целью «Нового курса» радикальные круги ставили создание независимого югославянского государства, а более умеренные — реформы в Хорватии и присоединение к ней Далмации.

О том, какую идейную эволюцию проделало общество Хорватии за несколько лет, свидетельствуют некоторые выступления весьма определенного характера. Так, еще недавно, в 1893 г. профессор Векослав Клаич утверждал, что «национальное имя от Истрии до Балкан — хорваты, а племенное — сербы, т. е. сербы — *species* хорватского рода. Всякий серб — хорват, но хорват — не серб». В 1895 г. праваш Ф. Супило писал, что «сербы существуют, но у нас, в наших землях, сербов нет. Те, кто в Бановине (Хорватии и Славонии.— *Ред.*) называют себя сербами, являются хорватами». Миле Старчевич, племянник основателя партии права и сам политический лидер, полагал, что эти рассуждения были направлены на «ассимиляцию сербов в Хорватии, т. е. на то, к чему стремятся все народы, имеющие на своей территории национальное меньшинство»⁵.

В 1893 г. П. Йованович, редактор «Србобрана», сербской газеты в Загребе органа Сербской самостоятельной партии, ставил хорватам условия соглашения, которые были выработаны под влиянием Н. Пашича. Условия предусматривали для хорватов отречение от претензий на Боснию, и признание равноправия сербского имени с хорватским и сербского народа с хорватским в Хорватии, Славонии и Далмации.

Кульминацией хорватско-сербского сближения и единения в Австро-Венгрии в духе «Нового курса» стали Риекская и Задарская резолюции и возникновение Хорвато-сербской коалиции. В Риекской резолюции (3.X.1905) хорваты — депутаты загребского сабора наряду с традиционным требованием воссоединения с Далмацией, а также демократизации политического строя и равноправия Хорватии и Венгрии, выступили в поддержку венгерской оппозиции в ее борьбе за обретение Венгрией полной государственной независимости (имелась в виду по крайней мере личная уния Венгрии и Австрии). Сербская проблема здесь не упоминалась. Но сербы, — депутаты венского парламента от Далмации, далматинского сабора, самосталцы и радикалы из Хорватии, — собравшись в Задаре, в своей резолюции от 17.X.1905 г. поддержали идею государственной самостоятельности Венгрии, что, по их мнению, привело бы к расширению национальных прав народов Венгерского королевства (т. е. и сербов Воеводины). Вместе с тем сербы соглашались поддержать хорватскую оппозицию, т. е. требование объединения Далмации с Хорватией и существенного расширения государственных прав Хорватии, при условии равноправия сербской нации с хорватской в Триедином Королевстве ⁶.

Широкое участие сербского населения в югославистском движении в начале XX в. — характерная черта, выделяющая новый этап политической борьбы в Австро-Венгрии. Ранее, как отмечалось, здешние сербские лидеры были поглощены отстаиванием самобытности и равноправия сербов и в основном оставались чуждыми идеями югославянского этнического единства. Югославизм вообще для сербов представлял меньший интерес, чем для хорватов, что определялось политической и идеологической ролью Сербии, где хорватов не было, и Воеводины, где их было мало. Не то в Хорватии. По мере упрочения сербской буржуазии в Хорватии, в том числе в самом Загребе, сербы не только соперничали с хорватами, но и все более понимали важность расширения прав Хорватии. Потребность в серб-

ско-хорватском сотрудничестве вполне определилась к концу XIX в., когда созрели новые общественные силы — сербская буржуазия и рабочий класс. Из среды сербов вышло немало сторонников югославизма, в том числе радикального, предполагавшего полное национальное сербско-хорватско-словенское единство.

Хорватская и сербская оппозиция создали Хорвато-сербскую коалицию, которая в манифесте от 12 декабря 1905 г. выступила против существующего государственного устройства монархии, за национальное самоопределение, демократию, права человека в полном объеме. «Подобное понимание национальной политики,— отмечалось в манифесте,— может привести к окончательному разрешению несчастного хорватско-сербского спора». «Поскольку у нашей нации хорватского и сербского наименования нет ни лучшего будущего, ни самого национального существования без совместной и солидарной деятельности обеих частей нации, должны быть устранены малейшие препятствия этой деятельности путем гарантии равноправия и свободы сербской нации»⁷. Эта весьма противоречивая формулировка была направлена на утверждение югославянского сотрудничества и практического равноправия сербов.

Возникновение Хорвато-сербской коалиции вызвало эйфорию в югославистских кругах. Орган Прогрессивной партии призывал добиваться, чтобы «под именем хорватским ощущал себя удовлетворенным каждый серб и наоборот». Впрочем, это лишь капля в потоке высказываний югославистского характера. Белградская газета «Словенски юг» считала главным то, что «найден единый путь или два параллельных пути, которыми должны идти все патриоты от Триеста до Царьграда». Германское наступление продолжала газета, делало все, чтобы воспрепятствовать «примирению сербов и хорватов в монархии и концентрации национальных сил вокруг Бановины» (Хорватии — *Ред.*), с другой стороны, срывало сближение Белграда и Софии. Но удачи сильного противника — «результат нашего ослепления». Надо шаг за шагом «готовить великую Югославию»⁸. Здесь сербская газета выразила согласие с одной из центральных идей хорватов: сплочение югославян монархии вокруг Хорватии — важный шаг к общему сплочению. Другим путем было лидерство Сербии на Балканах,— это признавали хорватские югослависты.

В проекте адреса сабора королю, представленном коалицией в 1906 г., говорилось о хорватском и сербском народе в Хорватии.

Против этого франковцы организовали обструкцию. Все же в среде коалиции полного единства в сербском вопросе не было: прогрессисты открыто выступили против теории «политической нации» (хорватской), что было покушением на самые основы прежней национальной идеологии. Коалиция считала носителем государственности Хорватии хорватов и сербов, но ей не было ясно, идет ли речь о двух нациях или одной с двумя наименованиями. Лидер коалиции серб С. Прибичевич в это время подчеркивал, что государство остается хорватским: «Нет и речи о стремлении сербов разделить хорватское королевство на две особые территории»... Но все сербы возражали против теории единого народа в Хорватии. Сербские же радикалы мечтали об особой национальной территории.

В ходе дискуссии 1906 г. члены коалиции говорили, что защищая хорватско-сербское единение, они защищают не только Хорватию, но все Балканы от немецкого натиска. Захват Габсбургами Сербии означал бы конец и Хорватии.

В связи с созданием Хорвато-сербской коалиции югослависты во многом преувеличивали степень хорвато-сербского единения. Так, по свидетельству современников, посвященных в секреты коалиции, ее хорватские умеренно-либеральные элементы выступали за присоединение Боснии и Герцеговины к Хорватии и Далмации, тогда как сербские члены коалиции желали присоединения их к Сербии. Хорватский историк М. Гросс убеждена, что «между хорватскими и сербскими членами коалиции существовала молчаливая договоренность не касаться проблемы Боснии, что могло бы поставить под угрозу хорватско-сербское согласие»⁹. Это свидетельствует, во-первых, о сохранении разного национального сознания хорватов и сербов, отсутствии какого-либо слияния в один народ, во-вторых о тактике сторонников хорватско-сербского сотрудничества публично игнорировать ясно сознаваемые различия во взглядах.

Создание Хорвато-сербской коалиции вызвало тревогу в Вене. Но разгон венгерского оппозиционного парламента (19.II.1906), а затем капитуляция венгерской оппозиции изменили ситуацию. Радикальные планы пока оказались миражом, но хорватско-сербское сближение и сотрудничество в Хорватии сохранилось и создало в Хорватии в 1905—1914 гг. новую политическую атмосферу.

В связи с обилием публицистических выступлений югославистского направления в это время следует сказать и о спеку-

лящих на этой теме. Так, проявлением югославизма в кавычках было отождествление великохорватской и великосербской идеи с югославизмом. Например, известный сербский литературный критик и публицист Йован Скерлич полагал, что Антун Старчевич «намного ближе сербам, чем можно было бы судить по его антисербским памфлетам... Он отрицает не сербов, а сербское имя, он хочет не избавиться от них, а охватить их, чтобы национальные силы были неделимы и крепче, чтобы можно было дать отпор совместными силами и более плодотворно действовать. Он нападает на сербов за то, что они отделяются, что раскалывают национальную силу, т. к. полагают, что существуют особые интересы сербские и хорватские». Сербь должны также отказаться от своего имени, как отказались пруссаки, усвоив общеплеменное наименование немцы... «Великая Хорватия Анте Старчевича в сущности, то же самое, что Великая Сербия. Различие формальное, только в названии»¹⁰. Итак, самое главное — объединить югославянские земли. Скерлич — редчайший автор среди сербов — закрывал глаза на то, кто возглавит объединение. Между тем только федерация равноправных частей в условиях демократии могла означать подлинный югославизм в начале XX в.

В октябре 1908 г. Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины и даровании им конституции. Это вновь вызвало активизацию сторонников триализма в Хорватии и Словении. Радикальные круги в Хорватско-сербской коалиции оказались в изоляции. В 1910 г. коалиция удовлетворилась некоторыми уступками со стороны режима: была проведена избирательная реформа, расширены возможности деловых операций местных банков. Это было небольшим реальным достижением коалиции, невозможным без хорватско-сербского сотрудничества.

Коалиции удалось не допустить новых сербских погромов, на что рассчитывали власти монархии, проводя аннексию Боснии в 1908 г.; коалиция фактически протестовала против аннексии, не послав верноподданническую поздравительную телеграмму Францу Иосифу. Коалиция морально нейтрализовала правительственную политическую провокацию — «эффект» от суда над 53 сербами, обвиненными во время подготовки аннексии в государственной измене и отданными под суд. Этот процесс был рассчитан на раскол коалиции. Так что хорватско-сербское сотрудничество дало определенные результа-

ты, хотя со стабилизацией внутреннего положения Австро-Венгрии в коалиции взяли верх умеренные силы, в частности лидер сербских самосталцев Светозар Прибичевич.

Хорвато-сербская коалиция решилась на такой смелый в тогдашних условиях шаг, как упоминание сербского этнонима наряду с хорватским в официальном адресе королю (1906 г.). В связи с вызванной этим обструкцией со стороны франковцев С. Прибичевич от имени сербских самосталцев заявил, что страна и государство Хорватия — хорватские, а сербский народ не выдвигает территориальных требований¹¹. Но уже в 1906—1907 гг. заявление Прибичевича вызвало недовольство среди руководителей сербских радикалов.

Внутри коалиции обострились противоречия между двумя сербскими партиями — самосталцами и радикалами. Центром влияния последних был Срем, т. е. тогдашняя самая восточная жупания Славонии, где в Сремских Карловцах находилась сербская патриархия. В 1907 г. Сербская радикальная партия покинула коалицию. Ее взгляды на отношения с хорватами отличались от взглядов самосталцев, представлявших прежде всего загребских сербов.

В 1907 г. лидер воеводинских радикалов Яша Томич обвинил самосталцев в том, что они, поддерживая хорватские партии, «растворились в хорватстве», избегали упоминать сербское имя и сделали святыню из Югославии. Итак, Томич обвинял Прибичевича в опасном для сербов слиянии с хорватами во имя Югославии¹². Сам Томич проповедовал великосербскую идеологию, а сближение с хорватами в Хорватии, как он считал, вело к ассимиляции сербов. Радикалы уделяли особое внимание равноправию кириллицы и латиницы и резко протестовали против идеи единого «хорватского политического народа». Сремская сербская газета выступила за сотрудничество с хорватами не ввиду отвлеченных принципов племенного родства, братства и т. п., а лишь поскольку этого требуют истинные интересы сербской и хорватской нации. Другая газета радикалов «Српски рад» (1910), выступая против коалиции, писала, что радикалы — противники политики, которая рассматривает сербов как часть какого-то другого «политического народа». Подавая голос против сербских самосталцев, газета провозгласила югославистскую идею утопии¹³.

Я. Томич напоминал, что коалиционная Хорватская партия права (ХПП) не отказалась от программы 1894 г., предусматривавшей

объединение всех хорватов, в том числе Боснии и Герцеговины в пределах империи, тогда как сербские радикалы боролись против их окончательного присоединения к Австро-Венгрии. При желании можно было вспомнить о разных противоречиях, коалиция же сознательно абстрагировалась от них.

В действительности уход сербских радикалов из коалиции, кроме идеологических разногласий, был обусловлен рядом конкретных политических причин — стремлением к сотрудничеству с венгерскими властями, которым претил югославизм, а также влиянием Сербии, добивавшейся улучшения отношений с Австро-Венгрией.

Впрочем, поступок радикалов вызвал критику со стороны ряда сербских группировок — сербов Далмации, сербских либералов Воеводины (М. Полит), сербов Боснии и Герцеговины (мостарской газеты «Народ»), нескольких белградских газет. Но характерно, что в это же время сербские учителя покинули «Союз хорватских учительских обществ», поскольку союз отказался изменить свое название, добавив «и сербских»... Обстановка оставалась противоречивой.

Итак, у радикалов не было никакого югославизма, присущего сербским самосталцам. Отношения между двумя сербскими партиями ухудшились настолько, что редакторы их газет дрались на дуэли и ранили друг друга.

С хорватской стороны непримиримо к коалиции относились франковцы. В том же направлении эволюционировала Хорватская крестьянская партия Степана Радича (основана в 1905 г.)

Сторонники С. Радича вначале видели своего основного противника во франковцах и выступали против антисербских демонстраций. С. Радич выступил против погромов 1902 г., за что был арестован. Радич считал сербов братьями — плохими или хорошими, но братьями, с которыми надо вести переговоры, убеждать их и т. п., но ни в коем случае — подобно франковцам — по мановению имперских властей не ссориться с ними, ибо от этих ссор выигрывают те, кто господствует и над хорватами, и над сербами. Но поворот коалиции к блоку с венграми — угнетателями Хорватии — Радич одобрить не мог. Лидеры и идеологи крестьянской партии — братья Степан и Антун в конечном счете рассчитывали на помощь хорватам только со стороны габсбургской династии. Выступление Сербии против аннесии Боснии и Герцеговины они считали актом враждебным и Хорватии. Степан написал брошюру о праве Хорватии на

Боснию и Герцеговину. Об этом же не раз писал Антун в издававшейся им газете «Дом». В начале 900-х годов Радичи поддерживали австрославизм, что противоречило политике Сербии. После 1908 г. крестьянская партия пыталась сблизиться с хорватскими проавстрийскими и австрийскими клерикалами, хотя ранее Радичи были противниками клерикализма. Отношения с сербами при этом все ухудшались, и так, несмотря на колебания Радичей, продолжалось до I мировой войны.

Нажим австрийских властей в Далмации и венгерских в Хорватии привел к неудаче Нового курса в 1907 г. Аннексия Боснии и Герцеговины была осуществлена, когда в Хорватии правил бал барон Раух, ставленник двора, ярый враг коалиции. Его опорой являлись франковцы.

Надежда франковцев, части хорватского духовенства и словенских клерикалов, а постепенно во все большей мере и сторонников Радича — «великоавстрийцы» (часть австрийской аристократии, генералитета и др.), группировавшиеся с 1905 г. вокруг престолонаследника Франца Фердинанда, планировали восстановление единой Австрийской империи с немцами в качестве ведущего народа и разделение всей империи на автономные земли со свободой национальных культур. Ни о каком триализме (Австрия, Венгрия, Великая Хорватия с Боснией и Герцеговиной) великоавстрийцы и слышать не хотели, но неопределенные намеки в этом духе делали, чтобы создать себе базу в Хорватии. Газета великоавстрийцев «Гроссэстеррейх» считала возможным создание единого административного пространства в составе Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и Герцеговины. Сам Франц Фердинанд ничего определенного в этом духе не заявлял. Да и все прочие народы империи (кроме словенцев) были противниками австро-венгро-хорватского триализма, ибо он означал бы поражение их национальных движений.

В адресе хорватского сабора от 1910 г., составленного коалицией, говорилось, что Босния и Герцеговина составляют с Хорватией единое территориальное целое, и выражалась надежда на то, что единый хорватско-сербский народ будет иметь общую судьбу¹⁴. Этот проект следует запомнить как один из вариантов триалистской программы. Впрочем, идея триализма не была в числе основных

принципов хорватско-сербской коалиции. Коалиция скорее мечтала о хорватско-венгерском равновесии в рамках дуализма.

В 1910 г. в результате слияния прогрессистов с ХПП возникла Хорватская самостоятельная партия (ХСП). Таким образом хорватско-сербская коалиция состояла из двух самостоятельных партий — хорватской и сербской (ХСП и ССП). ХСП поддержала идею объединения хорватских и сербских земель Австро-Венгрии. Но подобного рода хорватско-сербское государство могло в соответствующих обстоятельствах стать одной из основ независимой Югославии. Поэтому идеи коалиции были неприемлемы как для Вены, так и Будапешта.

Хорватские клерикалы (Христианско-социальная партия права, возникшая в 1910 г. и включившая франковцев) считали первейшим делом объединение Хорватии со Словенией и создание таким путем Великой Хорватии на сугубо католической основе. Клерикальное течение в Хорватии было слабым и рассчитывало на поддержку со стороны сильного словенского клерикализма. Такая Хорватия мыслилась в отличие от идей коалиции как база экспансии Австрийской монархии на Балканах. Поэтому словенских и хорватских клерикалов поддерживали австронемецкие христианские социалисты, одна из опор великоавстрийских кругов. Ясно, что эта программа была неприемлема для Сербии и сербов Австро-Венгрии*. Это был еще один вариант триалистской идеи.

Наконец, партия Миле Старчевича, племянника основателя движения, отколовшаяся от франковцев в 1908 г. и пытавшаяся, сохраняя принципы государственного права, наладить контакты с коалицией, не исключала возможность создания Хорватского государства как в составе, так и вне империи. Эта партия соглашалась признать сербов как этническую группу в Хорватии, признать ее права в сфере культуры. Таков был третий вариант решения вопроса.

После аннексии Боснии и Герцеговины часть либерального духовенства (С. Загорац и др.) покинула коалицию, надеясь, что правящие

* В 1907 г. сторонники Й. Франка заявляли: «нашей партии в Хорватии известен только один хозяин — хорватская нация... Те, кто в Хорватии стремится быть сербами, иметь свой флаг, герб и кириллическую письменность — душой преданы сербскому королю. Признать это означало бы создать королевство Сербию в королевстве Хорватия»¹⁵.

круги пойдут навстречу хорватам, если они отделятся от изменников — сербов, т. е. сербских самосталцев (ССП).

Именно членами ССП, в частности, являлись все 53 серба, обвиненных на состоявшемся в это время судебном процессе в Загребе. Обвинение по «сербскому делу», сфальсифицированное властями Австро-Венгрии, было опубликовано 12.I.1909 г. — в разгар боснийского кризиса. Сербов обвиняли в подготовке мятежа с целью присоединения Боснии и Герцеговины к Сербии. Характерно, что судили сторонников хорвато-сербской коалиции, а не радикалов, ушедших из коалиции. Цель была ясна — разгромить коалицию. В обвинительном акте говорилось, что сербов в Хорватии нет, а этот этноним — результат великосербской пропаганды. Таким образом, власти использовали аргументы франковцев. Но уничтожить хорвато-сербскую коалицию не удалось. Наоборот, коалиция окрепла. После ликвидации боснийского кризиса процесс против сербов был быстро свернут, а позднее они были амнистированы.

Кроме франковцев другие хорватские партии в подготовке аннексии не участвовали. Поддержка франковцев не дала даже того эффекта, на который некоторые политики надеялись: в манифесте об аннексии даже не было упомянуто о Хорватии, т. е. хотя бы о юридическом признании ее прав на Боснию, — подобно тому как Габсбурги весь XIX век признавали права хорватов на Далмацию. С одной стороны это усилило югославистские настроения в Хорватии. Но, с другой, откровенная трактовка венгерской печатью Боснии как колонии Венгрии оттолкнула часть хорватов в сторону Вены и династии. Идеи триализма возродились среди партий как национально-хорватской, так и югославистской ориентации¹⁶, ибо казалось, что успех аннексии обеспечил Австро-Венгрии решающую роль в судьбах полуострова.

Австро-Венгрия пока что вновь доказала устойчивость своего дуалистического режима, и коалиция, стремясь доказать свою лояльность венгерским властям и Соглашению 1868 г., пошла на компромисс с новым баном Н. Томашичем. Результатом этого стала избирательная реформа 1910 г. Реформа, далекая от принципа всеобщего избирательного права, все же создала такое положение, при котором конституционное правление в Хорватии стало возможно только при поддержке основной группировки национальной — хорватской и сербской буржуазии. Поэтому, когда между коалицией и

баном Н. Томашичем назрел конфликт, в Хорватии вновь был установлен режим диктатуры (1912—1913 гг.)^{*}. Конфликт был ликвидирован в 1913 г., деятельность сабора восстановлена и во время войны 1914—1918 гг. хорватское правительство опиралось на хорвато-сербскую коалицию.

Сторонники Миле Старчевича протестовавшие против антисербской кампании, в 1908 г. отделились от франковцев. В 1909 г. Старчевич выдвигал план объединения хорватских земель, включая в них Боснию и Герцеговину, либо в пределах монархии, либо вне их. Он мечтал создать сильную организацию, охватывающую все земли, где жили хорваты, а также привлечь к сотрудничеству боснийских мусульман и сербов. Эту идею подхватили далматинские праваша во главе с М. Дринковичем, настроенным весьма оппозиционно к Вене¹⁷. В Далмации особенно упорно настаивали на сближении правашей с сербами. Условием такого соглашения с сербами и мусульманами, по М. Старчевичу, была поддержка ими присоединения Боснии и Герцеговины к Хорватии при сохранении культурно-церковной автономии сербов и мусульман. М. Дринкович выступил за право сербов вывешивать свой флаг рядом с хорватским (это поддержали все, кроме франковцев), но ни сербы, ни мусульмане Боснии этим не удовлетворялись, а сербы Хорватии предпочитали молчать, поскольку считали этот проект недостаточным. Сторонники М. Старчевича приглашали вступить в проектируемую сильную партию и словенцев, а следовательно, хотели их вступления и в будущую Великую Хорватию, что нашло отклик в среде словенских клерикалов.

Летом 1911 г. праваша Хорватии, Далмации, Истрии и Боснии-Герцеговины создали «всеправашскую организацию» во главе с М. Старчевичем. На недолгое время с ними объединились и христианские социалисты и создали единую Партию права с триалистской программой (1911—1913). Всеправашская организация, впервые объединившая правашей разных земель, в январе 1912 г. созвала вече — 55 депутатов саборов Хорватии, Далмации, Истрии, Боснии и Герцеговины. Вече обратилось к Францу-Иосифу и его наследнику Францу-Фердинанду с меморандумом созвать в Загребе всехор-

^{*} С баном Николой Томашичем, хорватом по национальности, был связан анекдотический случай. Он женился на православной (сербке) и поэтому перешел из католицизма в православие. В связи с этим австрийская газета назвала его сербом.

ватский сабор для решения вопроса о положении Хорватии как единого самостоятельного государства в рамках империи¹⁸. Но хорватский сабор был распущен венгерской властью и в Загреб назначен новый бан — диктатор С. Цувай. Это означало неудачу оппозиции и усилило радикальные антигабсбургские и просербские настроения в Хорватии.

Югославистские тенденции получили дальнейшее развитие во время Балканских войн 1912—1913 гг., однако направленность их была различной: против монархии и лояльная ей.

Реакция на политику Австро-Венгрии во время аннексии, на активизацию клерикалов, наконец, на слияние в 1910 г. прогрессистов с весьма умеренной Хорватской партией права и отказ прогрессистов от антиклерикализма было недовольство молодежи. Ею было создано движение Националистической молодежи, преимущественно из учащихся. В начале новое движение поставило своей целью создание единой югославянской культуры и просвещение масс в этом духе. Особенно далматинская и приморская молодежь стала выступать в югославистском духе, веруя в существование единой югославянской нации, и мечтая об объединении ее в независимую республику¹⁹. В Далмации в 1911 г. была создана группировка хорвато-сербской прогрессивной молодежи, возродившей антиклерикальную программу прогрессистов, так как клерикализм раскалывал хорватов и сербов. Молодежь намеревалась сблизиться также со словенцами и болгарам.

В 1912 г. влияние Националистической молодежи продолжало расширяться. Идеям национальной исключительности была объявлена борьба на уничтожение. Но практически преодолеть национальное сознание отдельных народов не удавалось; тогда стали говорить о необходимости постепенно создать единый народ с единой культурой.

Среди молодежи стали распространяться разные радикальные теории — от идей Мадзини до Кропоткина и Степняка-Кравчинского. Часть молодежи признала террор средством борьбы и революционного воспитания народа. Было совершено несколько покушений на крупных чиновников в Боснии и Хорватии.

В Боснии появилась молодежная организация «Млада Босна», в Хорватии «Млада Хрватска». Последняя соединила идеи А. Старчевича о независимой Хорватии с идеями прогрессистов о хорвато-

сербском сотрудничестве. Младохорваты порвали с клерикалами в 1909 г., поскольку были убеждены, что хорваты исповедуют три веры. Младохорваты отказались и от отождествления интересов хорватов и монархии Габсбургов, они мечтали о самостоятельном хорватском государстве²⁰. В 1911 г. среди них возобладало убеждение, что такое государство в рамках империи невозможно. Как среди Националистической молодежи, так и у младохорватов Балканские войны усилили югославистские взгляды. То есть младохорватская группировка относительно быстро перешла от панхорватизма А. Старчевича (хорваты трех вер) к югославизму, который первоначально казался ей утопией. Она пришла к выводу, что хорватский вопрос можно решить только в рамках югославянского государства. Так произошло сближение младохорватов с Националистической молодежью. Но, по свидетельству современников, в глубине души младохорваты всегда были озабочены прежде всего судьбой хорватов. Вряд ли иначе обстояло дело у сербов.

Говоря в целом, к началу мировой войны среди молодежи циркулировали такие взгляды: 1) идеи югославянского сближения при наличии слабых унитаристских элементов, 2) непоследовательный унитаризм с большим или меньшим сохранением национальности, 3) последовательный унитаризм, т. е. идея полного слияния «частей» в «югославянскую нацию» (при этом в первую очередь имелись в виду хорваты и сербы, словенцев же считали особой общностью, слияние с которой потребует больших усилий).

В рамках югославизма, отмечает М. Гросс, существовали разные точки зрения: от подчеркивания хорватского (или сербского) национального чувства в югославянском ареале до устранения каких-либо различий в этнониме и индивидуальности. Носителем последней идеи становится национально-революционная молодежь.

Представляют интерес рассуждения югослависта М. Маряновича, который в 1912 г. утверждал, что «новое хорватство, не отрекаясь от своих достижений, воспринимает все подлинно национальное у сербов»²¹. Автор полагал, что развитие идей было направлено в сторону интегрального югославизма при сохранении всего ценного из прежних традиций. Все это было далеко от реальности. Деятельность клерикально-франковской группировки и партии М. Старчевича, опровергала иллюзии «интегральных» югос-

лавистов, хотя в целом влияние идей югославянской солидарности в Хорватии вплоть до войны 1914 г. возрастало.

Накануне мировой войны серб С. Прибичевич, лидер хорватосербской коалиции, толковал идею этой группировки уже вполне в унитаристском духе: никакого разговора о согласии между сербами и хорватами быть не может, так как существует хорватско-сербские национальное единство²².

Как отметила М. Гросс, трудно различить границу между югославянским унитаризмом и сторонниками общего югославянского государства при сохранении национальных индивидуальностей. М. Гросс полагает, что в головах молодежи вообще еще не было ясности относительно этнической структуры южных славян²³. Если это справедливо, то лишь относительно крайне радикального экзальтированного слоя.

Другой группировкой, пропагандировавшей югославизм (в форме потенциально единой нации) были социал-демократическая партия Хорватии — Славонии и Югославянская с-д партия, т. е. словенские социал-демократы.

Южнославянские социал-демократические партии в Австро-Венгрии возникли в 90-х годах (сербские социалисты в Воеводине входили в состав Венгерской социал-демократической партии). С начала своей деятельности они выступали против раздоров между южными славянами по религиозному признаку. Социал-демократы призывали к постепенному слиянию хорватов, словенцев и сербов в один народ, что, по их мнению, устранило бы национализм, мешавший единству рабочего движения. На эту тему часто выступал словенец Этбин Кристан.

Хорватская социал-демократия считала, что южные славяне должны «излечиться от своей хронической болезни национальных сепаратизмов и партикуляризов и разных автономистских тенденций»²⁴ и вести единую югославистскую политику. Она полагала, что у хорватов и сербов в этом отношении есть решающие успехи, осталось убедить словенцев. Здесь же отметим, что поскольку имелось в виду решение политической задачи объединения, то это оказалось возможным в 1918 г.

Социал-демократы Хорватии участвовали в южнославянской конференции социалистов в Любляне в 1909 г. и в балканской конференции социалистов в Белграде (1910). В обоих случаях хорваты поддержали идею «единого великого югославянского народа», формирование которого якобы происходило бы вместе с процессом

демократизации и постепенным вызреванием социалистических отношений.

Хорватским социал-демократам казалось, что международный пролетариат своей преобразующей силой приведет к созданию демократической федерации народов Балкан и Австро-Венгрии (резолюция принята в конце 1911 г.). Балканские войны и их результаты побудили многих усомниться в этом прогнозе.

Но, как уже отмечалось, разные теории, построенные на иллюзиях, подчас давали реальные результаты в повседневной политической жизни. Так, социал-демократия Хорватии, вернее, рабочий класс под ее руководством сделал больше всех для срыва габсбургской политики травли сербов во время аннексии, для защиты прав человека.

Победы Балканских союзников над Османской империей вызвали чувство национальной гордости также и у хорватов и словенцев. В Далмации имел место ряд манифестации солидарности с Сербией. За подобную позицию были разогнаны магистраты далматинских городов Сплита и Шибеника. Из Хорватии и Словении в Сербию нелегально перебирались добровольцы. С другой стороны, усиление Сербии и Черногории вызвало озабоченность в проавстрийских кругах южных славян и их активизацию.

Югославизму антигабсбургскому радикальному противостоял югославизм лояльный монархии. Клерикалы — хорватские и более влиятельные словенские — полагали, что самоуправляющаяся югославянская общность в рамках монархии Габсбургов стала бы центром притяжения для югославян на Балканах. Дело в том, что вообще среди южных славян господствовало настроение, что раньше или позже их объединение неизбежно, вопрос лишь когда и каким способом. Сближение словенских клерикалов с хорватскими правашами, прежде всего с группировкой М. Старчевича, происходило в 1911—1912 гг., особенно с началом Балканских войн. В октябре 1912 г. на конференции в Любляне было провозглашено их объединение в «Хорвато-словенскую партию права» с двумя председателями — Миле Старчевичем от хорватов и Иваном Шуштершичем от словенцев. Целью была объявлена борьба «за свободное развитие хорватско-словенского народа в пределах Габсбургской монархии». Подчеркивалось, что «хорватско-словенские земли имеют решающее значение для существования монархии как великой держа-

вы» и поэтому монархия должна уважать права их населения. Словенская клерикальная печать в это время писала о едином хорватословенском народе, о совпадении политических целей хорватов и словенцев и даже о том, чтобы словенцы приняли хорватский язык как язык культуры, науки, что способствовало бы постепенному сближению разговорных языков. В условиях австронемецкого давления словенские клерикалы признали хорватское государственное право на Словению, о чем мечтали хорватские правящие еще в 60-х годах XIX в. Целью конференции в Любляне была и демонстрация лояльности монархии.

В результате Балканских войн в 1913 г. проавстрийская клерикально-франковская группа была исключена из занимавшей центристскую позицию партии старчевичанцев, сотрудничавших в это время с хорвато-сербской коалицией²⁵. Это свидетельствовало о возрастающем стремлении большинства хорватского общества решать свои национальные проблемы независимо от политики австрийской группировки Франца Фердинанда.

Убийство Франца Фердинанда и начало войны 1914 г. сопровождалось антисербскими демонстрациями в Загребе. Но хорвато-сербская коалиция, к этому времени достигшая нового компромисса с Будапештом и поддерживавшая правительство, стремилась успокоить обстановку.

Приведенный материал дает основание для общей характеристики югославизма XIX — начала XX вв. Содержание югославизма — представления, идеи и программы, исходящие из принципа этнической общности, родства или единства южных славян. Югославизм понятие широкое и неопределенное, под ним подразумевались существенно различные, конкретные идеи. В значительной части югославистских по форме идей содержалось стремление к преимуществу для своей нации в рамках югославянского объединения. В эпоху созревания наций югославизм сочетался с более или менее четко выраженным национальным самосознанием (прежде всего у сербов и хорватов). Следствием этого были проекты федераций или конфедераций южнославянских народов. Другими полюсом югославизма и его крайним выражением являлась идея единого югославянского народа (нации). Между этими полюсами имелось глубокое противоречие. Первая концепция во всяком случае не противостояла национальному процессу XIX — нач. XX вв., вторая же в конечном счете заводила национальное движение в тупик.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Stenografski zapisnici sabora (SZS)/ 1906—1911. Sv. 11. Zagreb, 1907. S. 802, 804, 800.
- ² *Novak V.* Antologija jugoslovenske misli i narodnog jedinstva. Beograd, 1931. S. 514. См. также: *Романенко С. А.* Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии — Славонии и Воеводины в конце XIX — начале XX века // Очерки становления национальных государств и политической структуры Юго-Восточной Европы. М., 1991.
- ³ *Крстић В.* Историја Срба у Хрватској и Славонији. Београд, 1991. С. 476.
- ⁴ *Gross M.* Socijalna demokracija u Hrvatskoj i Slavoniji i politika «novog kursa» // Radovi Filozofskog fakulteta u Zagrebu. Odsjek za povijest, 2. 1952. S. 5—38.
- ⁵ *Крстић В.* Указ. соч. С. 339.
- ⁶ Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. П. М., 1989. С. 166. *Trumbić A.* Suton Austro-Ugarske i Riečka rezolucija. Zagreb, 1936. S. 92.
- ⁷ *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 425—430.
- ⁸ Словенски југ. Београд, 1905, № 30.
- ⁹ *Gross M.* Vladavina Hrvatsko-srpske koalicije 1906—1907. S. 145—149, 155.
- ¹⁰ *Скерлић Ј.* Др. Анте Старчевић. // Сабрана дјела Јована Скерлића. Београд, 1964. С. 123—125 (впервые — в 1912 г.).
- ¹¹ *Gross M.* Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973. S. 345—346.
- ¹² *Ракић Ј.* Радикална странка у Војводини. 1902—1919. Нови Сад, 1983. С. 143.
- ¹³ *Крстић В.* Указ. соч. С. 334.
- ¹⁴ SZS. 1910—1915. S. 612.
- ¹⁵ Хрестоматия... С. 172.
- ¹⁶ *Redžić E.* Austromarksizam i jugoslavensko pitanje. Beograd, 1977. S. 280.
- ¹⁷ Стронники М. Дринковича удалили из програмы правашей слова об объединении хорватских земель «в рамках габсбургской монархии», вписанные в 1894 г. Это означало радикализацию программы.
- ¹⁸ *Gross M.* Povijest pravaške ideologije. S. 384.
- ¹⁹ *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Povijest hrvatskoga naroda. 1860—1914. Zagreb, 1968. S. 281.
- ²⁰ *Zaninović V.* Mlada Hrvatska uoči I svjetskog rata // Historijski zbornik, 1958—1959. S. 65—104
- ²¹ *Марјановић М.* Савремена Хрватска. Београд, 1912. С. 360.
- ²² SZS. 1913—1918. Sv. 1. S. 359.
- ²³ *Gross M.* Nacionalne ideje studentske omladine u Hrvatskoj uoči I svjetskog rata // Historijski zbornik, 1968—1969. S. 75—143.
- ²⁴ *Redžić E.* Op. cit. S. 280.
- ²⁵ *Šidak J.* et al. Op. cit. S. 288.

ГЛАВА 11

Национальный вопрос в программах Словенских партий накануне первой мировой войны

В 90-х годах положение в габсбургских владениях усложнилось. Обострились национальные и социальные противоречия. Австрийское правительство во второй половине 90-х годов стало проводить целенаправленную германизацию северных словенских земель (в Каринтии и Штирии), эту политику горячо поддерживали местные националистические организации. Германизация сделала особо серьезные успехи в Каринтии, где немцы имели большое экономическое преимущество перед словенцами. По переписи в словенской Каринтии в 1880 г. жило 102 тыс. словенцев, составляя 2/3 всего населения, спустя 20 лет в 1910 г. их осталось 81 тыс. За это же время словенское население южной Штрии также сократилось, но в меньших размерах: в 1880 г. словенцев здесь проживало 89% от общего числа населения, в 1910 г.—84%. В южных словенских областях (Приморье) для словенцев представляла известную опасность деятельность итальянских националистов, которые пользовались покровительством властей, но добились по сравнению с немцами незначительных успехов¹.

В 90-е годы образовались словенские политические партии в современном смысле этого слова. Они уже не представляли собою те или иные направления в общем потоке национального движения словенцев, направления, иногда сближавшиеся друг с другом, иногда расходившиеся по тем или иным вопросам.

Первыми организовались клерикалы. Хотя они активизировались только с начала 70-х годов, но развитие их обществ пошло достаточ-

но успешно. Важнейшим фактором, способствовавшим их укреплению как политической силы, стала деятельность Антона Махнич, профессора богословия в Горицкой семинарии, а с 1886 г. епископа в Крке. Он стал идеологом словенского клерикализма, его воинствующим пропагандистом. В 1888—96 гг. Махнич издавал газету «Римски католик», где выступал против либерализма и социализма, которые он считал величайшим грехом, против равноправия женщин, против тех литературных произведений, которые выходили за рамки католической морали. В 1889 г. он напал на деятельность Антона Грегорчича, также профессора Горицкой семинарии, за то, что он стоял на позициях либерального католицизма. Махнич произвел раскол в национальном движении горицких словенцев.

В 1892 г. была основана Католическая национальная партия, с 1905 г. получившая название Словенская народная партия. Она объединяла самые различные слои словенского общества от высшего духовенства до рабочих, что делало ее и политически неоднородной. В Католическую национальную партию входило и крайне реакционное крыло, возглавлявшееся А. Махничем, и демократически настроенные христианские социалисты. Идеологом и главою последних был профессор семинарии в Любляне Янез Крек. Он искренне сочувствовал трудящимся, особенно крестьянству, пытался по мере сил облегчить их положение. Именно его социальная программа была принята Католической национальной партией и обеспечила ей поддержку широких народных масс. Крек считал, что от нужды и разорения мелкого производителя может спасти только кооперация, и он немало сделал для создания крестьянских и рабочих кооперативов. К 1910 г. им и его сторонниками было организовано в словенских землях до 560 кооперативов-задруг, объединявших мелких и средних собственников². Крек выступал за всеобщее, равное для всех избирательное право, за полное равенство всех народов. От социал-демократии и марксизма его отталкивали их атеизм и революционность. Крек мечтал о многонациональном Австрийском государстве с автономией для всех его народов. Это должно быть, по его мнению, отражено в конституции, базирующейся на принципах христианства. В политическом отношении христианские социалисты подчинялись руководству Католической национальной партии.

Сначала во главе Католической национальной партии стоял представитель клерикалов К. Клун, который по многим вопросам

выступал против Крека. В начале XX в. лидером партии стал адвокат И. Шуштершич, талантливый организатор и ловкий политик. Хотя он и представлял в ней правое крыло, но сумел сохранить единство партии.

Национальная программа клерикалов сложилась не сразу. В сентябре 1897 г. произошел всесловенский съезд, на котором присутствовали клерикалы и либералы. На нем была принята программа, в которой говорилось о необходимости для словенцев политической национальной автономии, т. е. в конечном счете создания Объединенной Словении. В первое время клерикалы осуждали в своем органе «Словенец» Хорватскую партию права за ее антисербскую направленность. Но уже вскоре они вступили в союз с правашами. Это произошло на съезде правашей в Трсате в октябре 1898 г. От словенской Католической национальной партии на нем присутствовали три представителя, в том числе и Крек. В соглашении, заключенном между правашами и словенскими клерикалами, указывалось на три принципа, которые их объединяли: христианство, хорватское государственное право и создание экономических организаций для народа. При этом подчеркивалось, что программа Объединенной Словении является неотъемлемой частью концепции хорватского исторического права.

Либералы создали свою партию через два года после католиков в 1894 г. Она стала называться Национально-прогрессивной партией. Возглавили ее бывшие радикалы И. Хрибар и И. Тавчар. В городах ее поддерживала либеральная интеллигенция и большинство мелкой буржуазии, в деревне зажиточные крестьяне, учителя. Главной для Национально-прогрессивной партии была национальная программа. Либералы требовали национальной автономии, всеобщего, хотя и не равного избирательного права. Социальная программа у либералов была значительно менее разработана, чем у клерикалов. Официально Национально-прогрессивная партия, приветствовала создание кредитных и хозяйственных кооперативов-задуг. Однако, под напором своих сторонников в деревне зажиточных крестьян, она не отступала от этой линии. В конце XIX в. ее орган «Словенски народ» начал настоящую кампанию против кооперативного движения, а лидер словенских либералов Тавчар даже призывал земельные власти запретить его. Пренебрежение к экономическим нуждам широких народных масс привело Национально-прогрессивную пар-

тию к потере опоры среди них: крестьянство пошло за клерикалами, рабочие — за клерикалами и социал-демократами. Уже на выборах в 1895 г. в краинское земельное собрание либералы, победив в городах, потерпели полное поражение в деревне.

Идея славянской взаимности всегда имела наибольшее число сторонников среди словенской либеральной интеллигенции. Им были близки различные югославянские концепции — от образования особой югославянской автономной единицы в пределах габсбургской монархии до создания независимой Югославии. Особую роль в национальных планах либералов играла Россия. Русофильство, как отмечают многие словенские историки, являлось отличительной чертой словенского либерализма.

Либеральное движение, как и клерикальное, не было монолитным. В конце 80-х годов в нем выделилась группа словенских русофилов, просуществовавшая до начала XX в. Она объединялась вокруг газеты «Словански свет» (1889—1899), издававшейся горичким либералом Ф. Подгорником. Газета была создана при активном содействии И. Хрибара. Три года она выходила в Любляне, затем до 1896 г. — в Триесте, после этого — в Вене. Национальные взгляды словенских русофилов имели определенное своеобразие и ярче всего они прослеживаются по статьям Ф. Подгорника.

Подгорник считал себя либералом, подчеркивая при этом, что его идеалом является их старая программа. Он был убежден, что только либерализм сможет спасти словенский народ от денационализации. К кругу своих сторонников Подгорник причислял молодежь, прежде всего учащуюся, и женщин, за равноправие которых он ратовал. Когда венские студенты вынуждены были закрыть свой печатный орган «Весну», «Словански свет» предоставил им свои страницы. Студенты выступали в нем не только против клерикалов, но и против руководства Национально-прогрессивной партии, обвиняя его в отсутствии четкой социально-экономической программы и в слабом противодействии клерикалам.

Подгорник пытался создать социальную программу, которая могла привлечь к нему симпатии трудящихся. Так он отрицательно относился к представителям крупного капитала, указывая на космополитический характер последнего. Подгорник неоднократно подчеркивал, что славяне являются «рабочим племенем», поскольку они не имеют национальных помещиков и капиталистов. Поэтому сла-

вяне не могут находиться во враждебных отношениях с пролетариатом. Подгорник приветствовал борьбу за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы, но был против отмены частной собственности на средства производства, предостерегал рабочих от социал-демократов.

Главной для словенских русофилов была не социально-экономическая, а национальная программа. В центре ее стояла Объединенная Словения, программа, зародившаяся в революционном 1848 г. и затем подхваченная младословенцами 60-х годов. Подгорник призывал словенцев вернуться к ней. Правда, в начале 90-х годов он отошел от этих позиций и стал пропагандировать автономию исторических земель, дополненную программой культурно-национальной автономии. Но уже весной 1894 г. «Словански свет» вновь стал выступать за создание Объединенной Словении.

Словенские русофилы не мыслили себе существования Словении как самостоятельного государства. Ссылаясь на опыт малых балканских стран Подгорник писал, что «в настоящее время даже государство с 30 и более миллионами населения не может остаться полностью независимым, если не имеет природных ресурсов, с помощью которых может развивать самостоятельную государственную экономику»³.

Объединенная Словения, по его мнению, должна была находиться в составе Австрийской империи, переустроенной на федеративных началах. В эту Федерацию вошли бы 7 национально-политических единиц: австро-немецкая, югославянская, чешская, польская, галицко-русинская, румынская, венгерская. В специальный автономный округ выделялась Вена с окрестностями. Югославянская единица включала в себя Крайну, Горицу, Триест, Градишку, словенские части Штирии и Каринтии, Далмацию, Истрию, Хорватию, Славонию, Риеку, словенские земли комитатов Ваш и Зала /Венгрия/, сербскую Воеводину, Боснию и Герцеговину⁴. Таким образом национальная программа словенских русофилов носила автрославистский характер.

Подгорник и его соратники уделяли большое место России в своей национальной программе, но не политической, а культурной. Они призывали словенцев в области культуры опираться на исконно славянские ценности, а именно — на кирилло-мефодиевскую (так они называли православную) церковь, кириллическую азбуку и

общеславянский язык. Общеславянским языком мог стать только русский язык, «потому что он развился из старославянского церковного литературного языка, потому что он принадлежит самому большому славянскому племени, признается теперь мировым языком и имеет великую литературу»⁵. Россия представлялась «Словенским светом» в идеализированном виде, как предел мечтаний мелких собственников, где каждый крестьянин имеет надел, а если теряет его, то может получить бесплатно в Сибири, где царь — заботливый и щедрый радетель своего народа.

В начале XX в. русофильство в том виде, в каком его проповедовал «Славенски свет», окончило свое существование.

Социалистическое движение, зародилось в словенских землях в 70-х годах. Центром его стало Люблянское просветительское рабочее общество. Социалистам пришлось бороться в нем за влияние с немецкими и словенскими националистами, которые пытались перетянуть рабочих на свою сторону. Поэтому на первых порах среди социалистов преобладало убеждение, что рабочие не имеют национальности. Вместе с тем Люблянское общество признало решения Нойдорфского конгресса австрийских социал-демократов, в которых провозглашалось право народов на самоопределение;

Во втором важнейшем центре развития словенской социал-демократии Триесте национальный вопрос сразу же встал на повестку дня. Это объяснялось многонациональным составом рабочего класса города. Созданный в 1888 г. Рабочий союз Триеста с самого начала состоял из трех национальных секций: немецкой, итальянской и словенской. Хотя в его программе указывалось, что цель Рабочего союза — способствовать братской и согласованной деятельности рабочих без различия их национальности, языка и вероисповедания, на практике же по национальному вопросу секции нередко шли за представителями «своей» буржуазии. Как в Любляне, так и в Триесте чувствовалась настоятельная потребность социалистической национальной программы. Она была выработана после создания в 1896 г. Югославянской социал-демократической партии (ЮСДП). Уже само ее название говорило о стремлении стать единой партией для всех югославян Австро-Венгрии. Однако ей удалось объединить только словенских и хорватских рабочих Крайны, Триеста, Истрии, Далмации и Цельского округа Штирии. Центром деятельности ЮСДП стал до начала XX в. Триест.

На первом съезде ЮСДП по предложению Э. Кристана, журналиста и одного из немногих интеллигентов, вставших на позиции рабочих, была принята специальная резолюция по национальному вопросу. В ней говорилось, что съезд осуждает клеветнические утверждения врагов социалистов, что социал-демократы якобы предают свою национальность. Социал-демократия, отмечалась в резолюции, «не безнациональна и не противонациональная, а интернациональна»⁶.

Э. Кристан выдвинулся как теоретик ЮСДП по национальному вопросу. Он стал создателем одного из вариантов культурно-национальной автономии. Он писал, что поскольку национальный вопрос является частью социального, решение его невозможно без социалистической революции в Австрии, ибо габсбургская монархия не может дать народам национального равноправия. Даже ее федерализация на основе территориальной автономии для каждой нации не способна ликвидировать неполноправие народов: чехи, хорваты, словенцы и др. в своих автономных единицах будут так же угнетать проживающие там национальные меньшинства, как их самих в настоящее время угнетают австрийские немцы и венгры. Поэтому Кристан был противником и Объединенной Словении и Триединого королевства, и чешского исторического права. Он не видел разницы между самодержавием, конституционной монархией и республикой, считая конституционализм разновидностью абсолютизма. По мнению Кристана, национальное равноправие будет достигнуто только тогда, когда представители того или иного народа будут пользоваться одинаковыми правами, невзирая на то, где они живут. С проведением этого принципа в жизнь, исчезнут границы внутри Австрии, а затем отомрут и ее внешние границы, ибо австрийские немцы захотят культурного общения с немцами Германии, триестинские итальянцы — с итальянцами Рима, воеводинские сербы — с сербами из королевства Сербии и т. д. Таким образом национальный вопрос превратился бы в исключительно культурный, а стремление наций монархии Габсбургов к культурному объединению со всеми их представителями вне зависимости от того, где они живут, привело бы к уничтожению самой монархии, а затем и вообще всех государств.

Кристан первый среди австрийских социал-демократов выступил с программой культурно-национальной автономии, заимствовав ее из концепции некоторых словенских либеральных идеологов, в частности

Ф. Подгорника, с которым он действовал в одно и тоже время в Триесте.

В том же 1898 г. со своим вариантом культурно-национальной автономии выступил К. Реннер (Р. Шпринегер). Концепция Реннера имела существенные отличия от концепции Кристана. Во-первых, Кристан стоял за чистую культурно-национальную автономию; Реннер же считал, что 9/10 административных областей должна состоять из этнически однородного населения. Во-вторых, культурно-национальная автономия Кристана подразумевала уничтожение Австро-Венгрии, а у Реннера она должна была стать гарантией ее существования. Наконец, Кристан полагал возможным решить национальный вопрос революционным путем, Реннер же думал об эволюционном проведении национальных преобразований⁷.

В начале XX в национальные противоречия в Австро-Венгрии продолжали нарастать. Антиавстрийские настроения в словенских землях усилились. Здесь с удовлетворением был встречен майский переворот 1903 г. в Сербии, в результате которого был уничтожен проавстрийский режим короля Александра Обреновича. Большую симпатию у словенской общественности вызвало Ильинденское восстание в Македонии. В период кризиса 1908 г., связанного с аннексией Боснии и Герцеговины, в Любляне прошли мощные демонстрации, вызванные бесчинством немецких националистов в Птуе (Штирия) по отношению к членам словенского просветительского Кирилло-Мефодиевского общества. Все эти события подогревали интерес словенцев к идее славянской взаимности, заставляли их энергичнее искать себе союзников среди родственных им славянских народов.

Аннексия Боснии и Герцеговины была встречена словенской буржуазией с одобрением. Так И. Шуштершич приветствовал эту акцию правительства от имени словенских клерикалов и либералов. Одновременно он потребовал объединения всех югославянских земель монархии в единое политическое целое, которое получило бы равные права с ее австрийской и венгерской частями. Об этом же говорил на заседании краинского земельного собрания в январе 1909 г. Я. Крек, подчеркнувший, что в аннексии Боснии и Герцеговины он видит шаг к объединению всех южных славян в самостоятельный организм под жезлом Габсбургов. Южнославянское объединение должно было включать Боснию, Герцеговину, Хорватию, Славонию, Далмацию,

Истрию, сербские и словенские земли, и оно должно было получить равные права с Австрией и Венгрией. Эти идеи триалистического переустройства монархии получили популярность среди клерикалов и либералов еще и потому, что к триализму проявляли интерес наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и часть близких ему военных кругов, настроенных антимадьярски. Словенские политики надеялись, что с приходом к власти Франца Фердинанда их требования осуществляются.

Хотя и клерикалы, и либералы являлись сторонниками триализма, однако между ними имелись значительные различия в подходе к этому вопросу. Клерикалы неоднократно подчеркивали, что Австрию может спасти только верность католицизму. Часть клерикалов имела антисербские настроения из-за православия сербов. Но часть их считала, что долг хорватов и словенцев привести православных славян назад, к единству церкви. Клерикалы выступали против всех национальных партий и течений, которые действовали в антиавстрийском духе: против итальянских ирредентистов, венгерских дуалистов, против Хорватско-сербской коалиции, против сторонников великосербской идеи. Однако антисербские настроения словенских клерикалов не шли ни в какое сравнение с антисербскими взглядами хорватских правашей-франковцев. Так Крек был убежден, что Великая Сербия — недостижимый идеал, что сербы сами будут стремиться войти в монархию Габсбургов, если она станет другой. Он надеялся, что сербы в конце концов откажутся от православия и перейдут в католичество.

Из всех славянских партий словенским клерикалам была ближе всех Хорватская партия права (сторонники Старчевича). В октябре 1912 г. даже провозгласили объединение этих двух партий в Хорватско-словенскую партию права с двумя председателями — М. Старчевичем и И. Шуштершичем. В совместной резолюции подчеркивалось, что новая партия выступает за сохранение габсбургской монархии как великой державы, и одновременно выражалась надежда, что она выполнит свой долг по отношению к южным славянам. Среди клерикалов стали распространяться идеи о существовании единого словенско-хорватского народа и необходимости принятия словенцами в качестве литературного хорватский язык, а затем постепенно приближать к нему словенские народные говоры. Позд-

нее был поставлен вопрос об образовании федерации из югославян-католиков.

Во время Балканских войн клерикалы, как и большинство словенцев, симпатизировали Сербии. Но убийство в Сараеве эрцгерцога Франца Фердинанда вновь всколыхнуло среди части из них антисербские настроения. Другие, например Крек, считали, что правительство само виновато в совершенном покушении. С началом первой мировой войны значительная часть членов Словенской народной партии стала проявлять симпатии к Сербии и России⁸.

Среди либеральной интеллигенции идея славянской взаимности всегда имела наибольшее число сторонников. Для нее главным являлась национальность, а не вера, поэтому она с одинаковой симпатией относилась как к католическим, так и православным славянам. Либералам были близки различные югославянские концепции. В начале XX в. наибольший успех у них имел триализм, но наряду с ним был популярен и новоиллиризм. Сторонники последнего выступали за полное слияние хорватов и словенцев в один народ с хорватским языком в качестве литературного. Одним из лидеров новоиллиризов был историк Ф. Илешич, глава Словенской Матицы. Идеи новоиллиризма проникали к клерикалам, находили отклик у некоторых социал-демократов.

Интерес к России бы наиболее постоянным у либералов. Но в начале XX в. они уже не связывали с ней каких-либо государственных планов. Даже И. Хрибар, один из самых последовательных и горячих русофилов, в начале XX в. перешел на позиции неославистов. Неославизм получил наибольшее распространение в России, Чехии, Словении. Неослависты считали что славянские народы должны стремиться не к политическому объединению, а к развитию экономических и культурных связей друг с другом. Оставаться же они должны в тех государствах, в которых живут в настоящее время. Для словенских и чешских неославистов одной из главных целей было содействие политическому сближению Австро-Венгрии с Россией, и таким образом привлечение первой к Антанте⁹.

После отхода от политической деятельности Подгорника в словенских землях и Вене появился новый центр, вокруг которого сплотилась либеральная молодежь, недовольная политикой руководства Национально-прогрессивной партии. В 1902 г. общество словенских студентов в Вене Словения раскололось на либералов и

национальных радикалов. Последние в 1904 г. стали издавать ежемесячный журнал «Омладина», собравший около 600 подписчиков. Лозунгом национальных радикалов было: «Из народа для народа». Многие из них восприняли идеи чешского национального деятеля Т. Масарика. Признанными руководителями молодежи, группировавшейся вокруг «Омладины», стали Т. Жерьяв, А. Равнихар, А. Рибникар. Национальные радикалы провели несколько съездов своих сторонников: в 1905 г. (Триест), в 1907 г. (Целье), в 1909 г. (Любляна) и в 1912 г. (Любляна). Главных своих врагов масариковцы видели в клерикалах, которых обвиняли в ультрамонтанстве и космополитизме. Вообще же к религии они относились безразлично, считая ее личным делом каждого. В противовес клерикалам они стали создавать среди крестьян свои кооперативы, которые в 1907 г. объединились в Союз словенских задруг. Национальные радикалы полностью поддерживали программу-минимум социал-демократов (восьмичасовой рабочий день, всеобщее избирательное право и т. д.), но являлись противниками учения о революции и классовой борьбе, интернационалистических идей.

Национальные радикалы считали главным средством национального воспитания образование. Поэтому они требовали создания словенского университета в Любляне или Триесте, отделения школы от церкви. В школах преподавание должно было вестись бесплатно на родном языке, школьные чиновники должны были не назначаться, а избираться путем всеобщих прямых тайных выборов. Учителям необходимо было иметь высшее образование, материальную обеспеченность, которая бы давала им независимость. В центре национальной программы национальных радикалов была культурно-национальная автономия. «Пусть каждому народу,— говорилось в резолюции их первого съезда,— невзирая на территорию, будет дано собственное законодательство и самоуправление во всех культурных и национально-экономических делах. Для этой цели должны быть основаны национальные парламенты, избранные на основе всеобщего равного и тайного избирательного права». Однако на последнем съезде в 1912 г. национальные радикалы отошли от культурно-национальной автономии, провозгласив свою главную целью Объединенную Словению.

Не осталось без внимания национальных радикалов югославянский и славянский вопрос. Они призывали молодежь крепить

славянскую взаимность, получать образование в Праге или южнославянских университетах, развивать культурное единство с сербами, хорватами, болгарам. III съезд национальных радикалов (1909 г., Любляна) в основном был посвящен югославянскому вопросу. Его резолюция указывала на необходимость укрепления связей южнославянских студентов, учившихся в университетах Вены, Граца, Праги, Загреба, Белграда, Софии. Дальше стремлений к культурному единению южных славян национальные радикалы не шли. Они выступали против антисербской кампании, проводившейся хорватскими националистами, подчеркивая, что свобода совести, терпимое отношение ко всем вероисповеданиям являются необходимым условием решения югославянского вопроса. Национальные радикалы никогда не заявляли о возможности существования словенцев вне габсбургской монархии. Накануне Балканских войн они практически слились с либеральной партией¹⁰.

В общем русле либерализма развивалось и движение препородовцев. В январе 1912 г. ученики средних школ Любляны создали тайную организацию, органом которой стал журнал «Препород» («Возрождение»), выходящий в 1912—1913 гг. Отсюда и название членов кружка — препородовцы. К движению присоединились ученики средних школ Краня, Ново-Места, Идрии, Целья, Марибора, Птуя, Горицы и Триеста, ему симпатизировала часть словенских студентов в Вене и Граце. Некоторые организации, созданные национальными радикалами, например Союз учащихся для организации отдыха, примкнули к препородовцам. Этот Союз объединился с аналогичными обществами в Хорватии, Далмации и Боснии. Образованный таким образом Югославянский союз учащихся для организации отдыха стал одним из опорных пунктов препородовцев. Во главе их стояли Ф. Фабиянчич, Л. Клеменчич, А. Енко. Препородовцы понимали важность решения социального вопроса, многие из них по своим взглядам в этом отношении были близки социал-демократам. Но при этом главным они считали не социальный, а национальный вопрос. И в нем препородовцы придерживались радикальной точки зрения. Они полагали, что все югославы являются единым народом, некоторые даже считали, что у них должен быть единый литературный язык. Препородовцы были убеждены, что австрийское правительство никогда ничего не даст югославам. Поэтому югославянские народы должны объединиться и создать свое собственное государст-

во вне Австро-Венгрии. Организация препородовцев с самого начала носила ярко выраженный антиавстрийский характер. Она была связана с другими радикальными организациями в Австро-Венгрии, например с Млада Босной и ее руководителем В. Гачиновичем. Поэтому после покушения в Сараеве на нее обрушились репрессии. Национальную программу препородовцев не поддерживала ни одна из трех словенских партий, считая ее полностью нереалистичной¹¹.

В начале XX в. ряды словенской социал-демократии росли. Этому способствовало ряд обстоятельств: усиление борьбы между рабочими и предпринимателями, борьба за всеобщее избирательное право, развернувшаяся в Цислейтании под влиянием русской революции 1905—1907 гг. ЮСДП принимала активное участие в классовых столкновениях и в манифестациях за всеобщее избирательное право, чем снискала авторитет среди рабочих. На ее VI съезде (февраль 1907 г., Триест) один из руководителей ЮСДП И. Млинар подчеркнул, что партия превратилась в массовую, охватывающую все словенские земли.

На этом съезде вновь встал вопрос о национальной программе. И снова лидер ЮСДП Э. Кристан заявил, что культурное единство югославян является для словенцев жизненной необходимостью, так как словенцы не могут иметь будущего, если они останутся изолированным народом численностью всего в 1,5 млн. человек. В конкурентной борьбе побеждает сильнейший, и словенцы, оставшись одни, подвергнутся германизации или романизации. Вместе с тем Кристан подчеркнул, что югославянский вопрос не является политическим, это не вопрос создания югославянского государства, но «прежде всего вопрос общего языка, общей литературы всех югославян, раздробленность которых препятствует как их собственному развитию, так и прогрессу всемирной культуры». На VI съезде ЮСДП было принято специальное решение по национальному вопросу, согласно которому исполкому поручалось изучить его, вступив в контакт с хорватскими, сербскими и болгарскими социал-демократями¹².

В 1908 г. произошла аннексия Боснии и Герцеговины, которую приветствовали словенские креликалы и либералы, склонявшиеся к триализму. ЮСДП в противовес им решила заявить о своей национальной программе. С этой целью ею в ноябре 1909 г. была созвана Тиволийская конференция, названная так по отелю

«Тиволи» в Любляне, где она происходила. На нее приехали видные социал-демократы из Австро-Венгрии и балканских стран: от австрийской социал-демократии В. Адлер и К. Реннер, от чешской — А. Брухо и Б. Шмераль, от сербской — Д. Туцович, от хорватской — В. Букшег и Ю. Деметрович, от боснийско-герцеговинской — Ф. Раушер, С. Якшич, И. Саламунович. И снова Э. Кристан, как всегда подчеркнул в своем выступлении, что словенцы не являются самостоятельным народом, но только обломком еще не консолидировавшейся нации. Югославянам грозит гибель, если они не создадут единый народ с единым языком и культурой численностью в 15—16 млн. человек. На основе доклада Э. Кристана была принята Тиволийская резолюция. Она гласила, что югославяне Австро-Венгрии должны стремиться к объединению в один народ, несмотря на различие самоназваний, религий, письменности и диалектов, на искусственно созданные границы. Хотя в резолюции делался упор на объединение югославян Австро-Венгрии, но одновременно в ней говорилось об объединении словенцев, хорватов, сербов, болгар вне зависимости от разделяющих их государственных границ¹³.

Таким образом официальная национальная программа словенских социал-демократов не шла дальше культурно-национальной автономии. В ней присутствовали и сильные элементы новоиллиризма, хотя сам Кристан активно критиковал новоиллирские увлечения либералов.

Кроме национальной программы Э. Кристана среди словенских социал-демократов были и другие. Так, один из видных их лидеров А. Препелух (Абдитус) имел свои взгляды на национальный вопрос. На рубеже веков он считал, что югославянское объединение в границах Австро-Венгрии нежизнеспособно, ибо, «если бы югославяне сейчас объединились в единое целое, шовинизм так же разъедал бы такое образование, как он разъедает Австрию». Только после падения капитализма возможно осуществление югославянских идей¹⁴. После принятия Тиволийской резолюции он выступил против взгляда на югославян как на единый народ, подчеркнув, что словенцы не должны отбрасывать свою национальную программу Объединенной Словении.

Еще более резко расходились с национальной программой Э. Кристана взгляды знаменитого словенского писателя Ивана Цан-

кара, близкого к социал-демократам. 12 апреля 1913 г. он выступил перед членами рабочего общества Взаимность. Приветствуя победу южных славян над турками в 1-й Балканской войне, Цанкар подчеркнул, что она не нравится европейской дипломатии, особенно австрийской. Далее оратор заявил, что его не удовлетворяет решение югославянского вопроса, предложенное всеми словенскими партиями: клерикальной, либеральной, социал-демократической. Цанкар призвал к созданию южнославянской союзной республики, которая бы объединила четыре братских народа — словенский, хорватский, сербский, болгарский. Из-за этой речи Цанкар был заключен в тюрьму, а общество Взаимность распущено¹⁵.

Таким образом накануне Первой мировой войны в национальных программах всех словенских партий большое распространение получили югославянские идеи в разнообразных вариантах. При этом различные виды югославизма имели хождение во всех партиях. Так новоиллиризм (создание единого народа из всех югославян) имел своих сторонников среди либералов, клерикалов и социал-демократов. В свою очередь программа культурно-национальной автономии, выдвинутая социал-демократами в качестве официальной программы, была воспринята не только ими, но и некоторыми группами либералов, например национальными радикалами.

Ведущие словенские партии Словенская народная партия (клерикалы) и Национально-прогрессивная партия (либералы) стояли на позициях триализма. Все югославянские программы, имевшие хождение в словенских землях, не предусматривали выхода словенских и других югославянских земель из состава Габсбургской монархии. Только в последние 2 года перед началом Первой мировой войны отдельными представителями радикальной демократической и социалистической интеллигенции было выдвинуто требование создания независимого демократического югославянского государства.

Что касается всеславянских политических идей, которые были популярны в последние десятилетия XIX в. у части либералов, то они практически исчезли. Их место заняли программы культурного и экономического сотрудничества между славянскими народами (неославизм).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Melik V.* O razvoju slovenske nacionalno-politične zavesti 1861—1918//Zgodovinski časopis. 1970. № 1—2. S. 43—48.
- ² *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina. Ljubljana, 1966. S. 200.
- ³ Slovanski svet. Trst. 1895. № 32. S. 297.
- ⁴ Slovanski svet. 1889. № 16. S. 261; 1890. № 1. S. 9, 10.
- ⁵ Slovanski svet. 1888. № 16. S. 250—253.
- ⁶ Rdeči prapor. Trst. 5. VI. 1898.
- ⁷ *Чуркина И. В.* К вопросу о культурно-национальной автономии//Советское славяноведение. М., 1975. № 4. С. 38—40.
- ⁸ *Pleterski J.* Prvo opredelenje slovenca za Jugoslavijo. Beograd, 1976. S. 20.
- ⁹ *Zwitter F.* (s sodelovanjem J. Šidaka in V. Bogdanova). Nacionalni problemi v Habsburški monarhiji. Ljubljana, 1962. S. 199.
- ¹⁰ *Gontar-Godina I.* Narodno-radikalno dijaštvo//Zgodovinski časopis. 1982. № 3. S. 219—229.
- ¹¹ *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina. S. 324, 325.
- ¹² Zgodovinski arhiv Komunistične partije Jugoslavije. T. V. Beograd, 1951. S. 137, 138, 141—145.
- ¹³ Ibid. P. 192—201.
- ¹⁴ Rdeči prapor. 4.X., 1.XI., 14.XI., 1.XII. 1899.
- ¹⁵ *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina. S. 323.

ГЛАВА 12

Пороховой погреб на Балканах — Босния и Герцеговина 1878—1918 гг.

По мандату Берлинского конгресса, который подвел черту под крупнейшим международным кризисом XIX в., австро-венгерские войска, преодолев сопротивление населения, осуществили оккупацию Боснии и Герцеговины. Эти области в государственном отношении занимали в Австро-Венгрии настолько своеобразное положение, что его трудно было бы подвести под какую-либо из известных тогда правовых категорий. Формально суверенитет над Боснией и Герцеговиной продолжал принадлежать султану. В течение длительного времени оставался нерешенным вопрос подданства населения Боснии и Герцеговины. В международной практике Австро-Венгрия решала его весьма расплывчатой формулой «местной (областной) принадлежности». Неопределенным был статус этих областей и внутри монархии. В силу противоречий в самом дуалистическом государстве оккупированные Босния и Герцеговина не вошли в состав ни Цислейтании, ни Транслейтании. Они рассматривались как общеимперская провинция, в управлении которой участвовали правительства обеих частей монархии. Первое время после оккупации провинция сохраняла старый аппарат административной власти, возглавляемый командующим имперских оккупационных войск. Австро-венгерские власти использовали и сложившуюся в период османского господства административно-территориальную структуру и систему общинного самоуправления, значительно урезав права последнего. Указом 16 сентября 1878 г. административная

власть в Боснии и Герцеговине передавалась общеимперскому правительству.

Определенные изменения произошли в 1880 г., когда Босния и Герцеговина были провозглашены особой единой областью, верховная власть над которой передавалась уже общеимперскому министерству финансов. Внутри власть сосредотачивалась в руках главы областного управления. Окончательное устройство областного управления было определено указом императора от 29 июля 1882 г., в соответствии с которым в Боснии и Герцеговине были образованы четыре департамента: внутренних дел, юстиции, финансов и строительства. Указом устанавливалась должность гражданского правителя, замещавшего главу областного управления в гражданских делах.

После оккупации крайне отсталые в экономическом и политическом отношении Босния и Герцеговина попали в орбиту уже победившего австро-венгерского капитализма, что способствовало ускорению их хозяйственного развития и складыванию новой политической ситуации в этих землях. В период от Берлинского конгресса до аннексии (1908 г.) в городах интенсивно развивалась буржуазия, основную часть которой составляли торговцы. Их деятельность значительно расширилась благодаря поставкам товаров австро-венгерской администрации и большим военным гарнизонам, а также за счет посредничества в торговых операциях между местным и имперским, местным и иностранными рынками. Развернулось строительство железных дорог, общественных и промышленных объектов¹.

Особым образом дело обстояло в аграрных отношениях, где преобладали старые порядки и действовали прежние законы. Имперские власти стремились, не ущемляя интересов крупных земельных собственников, сочетать их с новой буржуазной системой. Но осуществление такой задачи наталкивалось на большие трудности. Политика новой власти вызывала крайнее недовольство и сопротивление местного населения, в первую очередь мусульманской его части. Особенно тяжелым было положение крестьянства, аграрный вопрос оставался нерешенным вплоть до 1918 г.

Наряду с процессом социальной дифференциации ускорились процессы дифференциации национальной, т. е. формирования сербской национальности на православной основе, хорватской — на ка-

толической, более явно обозначился процесс формирования мусульманской народности. Среди боснийцев и герцеговинцев по переписи 1879 г. насчитывалось: православных — 42,8%, мусульман — 38,73%².

Фактически в Боснии и Герцеговине ни одна из конфессий не имела абсолютного большинства. Конфессиональная структура населения административно-территориальных единиц была смешанной, т. е. представители различных религий проживали бок о бок. Но среди мелких административно-территориальных единиц (срезов) насчитывалось 25, в которых доминировали православные, 14 — мусульмане, в 12 — католики. В более крупных единицах административного деления — округах — картина была уже иной.

Так, по данным на 1895 г. только в двух округах — Баялуцком и Бихачком — подавляющее большинство составляли православные, мусульмане имели небольшой численный перевес в сараевском и тузланском округах, католики — в мостарском и травницком. Спецификой конфессиональной структуры Боснии и Герцеговины являлось то, что среди городского населения преобладали мусульмане: из 47 городов Боснии и Герцеговины в 40 они составляли абсолютное большинство, в 2 — относительное.

Социальная же структура, в которой был очень высок процент сельского населения, отражала крайнюю отсталость Боснии и Герцеговины. По данным после оккупации в селах проживало — 1.023 005 человек, а в городах — 135 159 (соответственно 88,3% и 11,6%). Крупные землевладельцы и свободные крестьяне большей частью исповедовали ислам, среди этой категории христиан насчитывалось лишь 5%. Зависимое крестьянство в абсолютном большинстве составляли христиане. Численность торговцев и ремесленников была незначительной — около 11 тыс. чел. Среди них преобладали православные и мусульмане, причем первые держали в своих руках крупную торговлю, последние — мелкую.

После оккупации новые импульсы получила старая австро-венгерская политическая доктрина «разделяй и властвуй». Австро-венгерские власти стремились противопоставлять сербов хорватам, хорватов сербам, тех и других мусульманам, использовать религиозные различия и тем самым, лавируя между этими группами населения, играть роль арбитра.

Особый характер австро-венгерской политики в Боснии и Герцеговине связан с именем мадьярского аристократа Б. Каллая, который

в 1882 г. был назначен общеимперским министром финансов и в этом качестве осуществлял управление Боснией и Герцеговиной до своей смерти в 1903 г., заслужив прозвище «некоронованного короля Боснии». Б. Каллай провозгласил идею создания некоей «боснийской национальности» и пробуждения боснийского патриотизма. Он обращался к традициям средневековой боснийской государственности, ратовал за создание единой боснийской национальной идеологии, особого боснийского языка. Эта отнюдь небезопасная с точки зрения монархии игра в боснийский патриотизм преследовала очень важную цель: изолировать Боснию и Герцеговину в целом и их национальные группы от югославян Австро-Венгрии и Балкан, предотвратить развитие единого освободительного и объединительного движений югославянских народов. Его конкретные шаги в этом направлении выразились в закрытии сербских школ, запрещении употреблять сербские и хорватские названия. Сербо-хорватский язык был официально назван — областным языком, официальным же был признан немецкий. Попытки Б. Каллая искусственно «управлять» развитием этносоциальных процессов были отвергнуты логикой исторического развития национальностей в Боснии и Герцеговине (сербов, хорватов, славян-мусульман) и в конечном счете потерпели крах. И не случайно, что после смерти Каллая его преемник на посту министра финансов Иштван Буриан отказался от идеи формирования «боснийской нации».

Крупным явлением общественно-политической жизни Боснии и Герцеговины стало сербское национальное движение. В конце XIX в.— начале XX в. развернулась борьба боснийско-герцеговинских сербов за церковно-школьную автономию, которая увенчалась успехом в 1905 г.³ Сербь в Боснии и Герцеговине в этот период составляли самую многочисленную этническую группу. На развитие их национального самосознания колоссальное влияние оказывала Сербия, целенаправленные действия и агитация сербского правительства.

В начале XX в. сербская буржуазия начинает занимать все более значительные позиции в экономической жизни. Наряду с венскими и пештскими, сербские банки также начали предоставлять займы крестьянам. Часть сербских торговцев стала скупать земельные владения, 1910 г. сербы составляли уже 6,5% от общего числа крупных землевладельцев⁴. В 1907 г. была создана Сербская народная

организация (буржуазная по своему характеру), во главе с И. Ефтоновичем, выступившая за национальное самоопределение в рамках монархии, за автономию Боснии и Герцеговины, за создание парламента, различные гражданские свободы (печать, суд и т. д.). Слабым местом в программе этой организации являлся аграрный вопрос — проблема, которая по существу была для Боснии и Герцеговины доминирующей. Деятельность Сербской народной организации вызывала резкое недовольство со стороны австро-венгерских властей, вылившееся подчас в прямое преследование.

В конце XIX — начале XX в. перемены захватили и боснийских мусульман. Прежде всего события 1878 г. (оккупация австро-венгерскими войсками и упорное сопротивление населения различных вероисповеданий) принесли с собой коренное изменение в положении славян-мусульман, привилегии которых подрывались. Среди боснийских мусульман по-прежнему наиболее сильные позиции занимали феодалы-землевладельцы. Местная мусульманская буржуазия развивалась медленно, хотя к концу XIX в. уже имелась группа мусульман — представителей торгового и банковского капитала. В 1898 г. мусульманскими помещиками и буржуазией была создана первая организация — Мусульманская народная организация.

В 1899 г. мусульмане, возглавленные представителями духовенства и феодалов, начали отстаивать свою школьную автономию⁵. Борьба за религиозно-школьное самоуправление стала одним из этапов в политическом развитии мусульман Боснии и Герцеговины. За ее программой ясно просматривались другие цели и требования. Это прежде всего установление политической автономии под властью султана.

Руководители автономистского движения — феодальные землевладельцы (аги и беги) выступали за сохранение привилегий мусульманских землевладельцев, глубоко укоренившихся традиций во времена османского господства. Все это, наряду со стремлением строго следовать мусульманским обычаям, определило консерватизм взглядов верхушки движения за религиозно-школьную автономию. Мусульманские землевладельцы формировали самую многочисленную и непримиримую часть оппозиции режиму австро-венгерских властей. Умеренных представляла торговая буржуазия.

Особенностью мусульманского движения за религиозно-школьную автономию являлось то, что оно не находило поддержки среди

мусульманской интеллигенции. К концу XIX — началу XX в. слой мусульманской интеллигенции был еще весьма малочисленен. Первые дипломированные специалисты появились только в 80-е гг. XIX в. Получив образование в крупных европейских центрах — в Вене, Пеште и др., мусульманская интеллигенция начинала критически оценивать историческую роль османского господства, постепенно освобождаясь от традиционных представлений о положительном значении Турции в жизни боснийско-герцеговинских мусульман. Отдельные ее представители выступали с резкой критикой отсталой религиозно-школьной системы образования, отрицали арабскую письменность и поддерживали использование латинского алфавита и родного языка. Во взглядах таких деятелей доминировали современные представления о развитии экономики, системы образования. Этот незначительный слой европейски образованной интеллигенции считал боснийских мусульман славянским этносом и всемерно пропагандировал европейскую культуру. Его негативное отношение к автономистскому движению подталкивалось консерватизмом основной социальной силы этого течения — землевладельцев, среди которых сохранилась вера в конструктивную миссию Турции в Боснии и Герцеговине.

Кроме того, большинство мусульман, получивших образование в Европе, вернувшись на родину, как правило находили применение своим знаниям в чиновничьем аппарате австро-венгерских властей и не желали вступать с ними в конфликт. Но широкие слои мусульманского населения не воспринимали идеи, пропагандировавшиеся этой частью интеллигенции, и она не имела особого влияния на боснийско-герцеговинских мусульман.

Движение за религиозно-школьную автономию не было однородным. Среди него выделялась политическая группировка мусульман, которая конфликтовала с политикой руководства мусульманского автономистского движения. Этот факт умело был использован австро-венгерскими властями, под покровительством которых группировка конституировалась как Мусульманская прогрессивная партия, по сути также консервативная, выступавшая за сохранение привилегированного положения мусульман, за особый статус Боснии и Герцеговины в рамках Австро-Венгрии и лояльность к оккупационным властям. Возникшая на таких началах партия не имела широкого влияния и поддержки в массах. После аннексии Боснии и

Герцеговины Австро-Венгрией в 1908 г. она отказалась от многих взглядов, которые ее разделяли с Мусульманской народной организацией и в дальнейшей выступала с ней заодно.

В борьбе за религиозно-школьную автономию Мусульманская народная организация временно выступала вместе с Сербской народной организацией, боровшейся за собственную церковно-школьную автономию. Их объединяла точка зрения, что Босния и Герцеговина находятся под суверенитетом султана, а оккупация австро-венгерскими войсками — временное явление. Сербские дипломаты в Константинополе всемерно поддерживали борьбу за сербскую и мусульманскую церковно-школьную автономию, видя в этом предпосылки для дальнейшего объединения с Сербией. Но истинных сторонников сотрудничества с обеих сторон было немного. Нерешенность аграрного вопроса была основным препятствием для длительного сближения мусульман и сербов. Поэтому осуществлявшиеся контакты и совместные действия представителей автономистского движения и руководителей движения сербов за церковно-школьную автономию имели больше тактическое значение и не обрели перспективы дальнейшего объединения сил. Мусульмане добились некоторых успехов в 1909 г., когда, аннексировав Боснию и Герцеговину, правящие круги Австро-Венгрии стремились заручиться поддержкой местных имущих классов.

Вместе с тем столкновения сербских и хорватских националистов в связи с попытками укрепить свое влияние в Боснии и Герцеговине и стремление привлечь мусульман на свою сторону углубляли взаимное недоверие сербов, хорватов и мусульман. Руководители сербского, хорватского, мусульманского национальных движений не ставили задачу объединения сил в борьбе с оккупационным режимом. Осознанию такой необходимости не способствовали ни международные, ни внутривосточные условия (в первую очередь нерешенность аграрного вопроса). Кроме того резкую разграничительную грань между ними проводили различия в представлениях о будущем государственном статусе Боснии и Герцеговины. Так, мусульмане связывали будущее Боснии и Герцеговины с ее автономией при реставрации османской власти. Сербские круги действовали под самым непосредственным влиянием Сербии, сталкиваясь в этом вопросе с хорватами, которые на «исторически достоверных» документах стремились доказать хорватский национальный характер насе-

ления Боснии и Герцеговины и развивали теорию о сербах как некоренном населении Боснии и Герцеговины. Эти противоречия использовались австро-венгерскими властями для упрочнения своего положения.

В 1907—1910 гг. в мусульманской среде ускорился процесс дифференциации сил: наряду с консервативно-клерикальной частью (беги, мусульманское духовенство) все более активно заявляли о себе либерально-буржуазные представители (мусульманская интеллигенция, городской элемент).

В конце XIX — нач. XX в. наряду с сербским культурно-просветительным обществом «Просвета», и хорватским «Напредак» создается и мусульманское «Гайрет». Значительно возросло количество периодических изданий, среди них только мусульманских за период австро-венгерского владычества выходило более 20. В 1906 возникла новая организация мусульман — Мусульманская национальная организация, издававшая газету «Мусават», а вслед за этим из Мусульманской народной организации выделилась группа представителей горожан (молодой мусульманской буржуазии) Мусульманская самостоятельная организация.

Наименьшую этническую группу в Боснии и Герцеговине составляло католическое хорватское население. На процесс хорватского национального пробуждения в Боснии и Герцеговине, который развивался позднее и медленнее, большое влияние оказывало национальное движение в Хорватии. Ключевые позиции в руководстве национальным процессом в Боснии и Герцеговине занимало католическое духовенство, которое в своей основе не было единым и по-разному смотрело на перспективы национального развития хорватов Боснии и Герцеговины⁶. Франковцы (сторонники «чистой партии права») опираясь на нарождавшуюся хорватскую буржуазию, ориентировались на Хорватию, в то время как высшее духовенство, являясь главной опорой Габсбургов, всецело поддерживало политику монархии. Во главе этого крыла стоял сараевский архиепископ Йосип Штадлер и хорватская католическая община.

Франковцы начали свою прохорватскую национальную агитационную деятельность изданием в 1884 г. газеты «Голос герцеговинца». Газета быстро отказалась от югославянской идеи и повела острую антисербскую и антибоснийскую (в духе Б. Каллая) борьбу.

Дальнейшее развитие на страницах газеты получила идея, что Босния и Герцеговина являются хорватскими землями. В концентрированном виде эта идея нашла свое отражение в программе, разработанной газетой «Освит» в 1898 г., которая подчеркивала историческое право Хорватии на Боснию и Герцеговину и призывала объединить эти земли в пределах монархии. В целом же в период австро-венгерской оккупации Босния и Герцеговина оставались местом столкновения великосербских и великохорватских устремлений.

В 1907 г. было создано Хорватское народное объединение во главе с Н. Мандичем, которое в основе своей отражало интересы монархии, выступало за аннексию Боснии и Герцеговины, но в то же время стремилось к сотрудничеству с сербами и мусульманами. Противоречия во взглядах руководителей этих организаций — Й. Штадлера, который продолжал проповедовать хорватскую идею на исключительно католической основе и поддерживать австрийскую политику, делавшую невозможным сотрудничество сербов и хорватов, и Н. Мандича, который отражал новые тенденции, привели к острым внутривластным столкновениям, достигшим апогея в период борьбы за конституцию в Боснии и Герцеговине. Это привело к дальнейшему ослаблению позиции Й. Штадлера.

Первое десятилетие XX века ознаменовалось появлением движения молодежи — Млады Босны — носившего югославистский характер. Оно объединяло отдельные группы молодежи, студенческие кружки в Боснии. Сами же участники считали себя сторонниками более широкого движения за национальное освобождение, охватывавшего молодежь всех югославянских земель Австро-Венгрии. Само же название Млада Босна возникло несколько позже в историографии. Первым его употребил один из идеологов этого течения в Боснии В. Гачинович по аналогии с Молодой Италией, чьи идеалы оказались очень близкими по духу «младобоснийцам».

Движение было направлено против австрийской власти, выступало за создание самостоятельного югославянского государства, за осуществление идеалов национального равноправия и политической и духовной свободы. Но пути достижения этих целей оставались неясными. Каждая из групп имела на этот счет свои представления и планы. Сторонниками этого движения были очень близки идеи русских анархистов — Бакунина и Нечаева. Большое влияние ока-

зывали на них взгляды русских народников, а также итальянских революционеров и борцов за национальное освобождение — Гарibaldi и Мадзини. Под их влиянием отводилась важная роль таким методам борьбы как индивидуальный террор. Сторонниками этого движения был подготовлен и осуществлен целый ряд покушений и убийств австрийских военачальников и государственных лиц. Среди участников Млады Босны доминировали сербы, которых насчитывалось 2/3 от общего числа сторонников течения, 1/3 составляли хорваты и мусульмане.

Объединяющим моментом в движении была идея сербо-хорватского согласия и сотрудничества. В условиях весьма обостренных национальных отношений и противоречий младобоснийцы выступали за взаимотерпимость между сербами, хорватами и мусульманами в Боснии. Характерно, что в качестве эмблемы они носили сербо-хорватский флаг. Следует отметить, что в период австро-венгерской власти идея югославянства как единой нации хотя и не отвечала реальности, но играла свою положительную роль в борьбе с оккупационным режимом за национальную свободу.

Начало XX в. для Австро-Венгрии ознаменовалось новым усилением противоречий между двумя половинами монархии, приведшим к ряду острейших внутривнутриполитических кризисов. После кризиса 1905—1906 гг. и заключения в конце 1907 г. австро-венгерского экономического соглашения наступил подходящий момент для активизации внешней политики ⁷.

Министр иностранных дел барон Алоиз Эренталь видел путь к укреплению монархии в успешном завершении австро-венгерских переговоров об экономической общности в более радикальном разрешении национальных проблем. Один из вариантов предусматривал аннексию Боснии и Герцеговины и присоединение их к Венгерскому королевству. Министр рассчитывал, что усиление в Венгерском королевстве югославянской национальной группы, широкий выход к побережью Адриатики обострят венгро-итальянские и венгро-сербские противоречия и в результате Венгрия перестанет играть роль во внешнеполитических комбинациях Италии и Сербии, подрывающих единство дуалистической монархии ⁸.

В начале XX в. Австро-Венгрия все острее чувствовала необходимость дальнейшего продвижения на Балканы. Монополистическим кругам монархии требовались новые рынки. Кроме того,

господствующие классы Австрии и Венгрии, несмотря на взаимные глубокие экономические и политические противоречия связывала общая враждебность к освободительным движениям славянских народов, оказывавшим сильное воздействие на национальную борьбу югославян Габсбургской монархии. Правящие круги обеих частей монархии испытывали смертельный страх перед возможностью образования у границ империи крупного югославянского государства. Особую тревогу в Вене и Будапеште вызывало независимое Сербское королевство, где в 1903 г. в результате государственного переворота ведущую проавстрийскую политику династию Обреновичей сменили Карагеоргиевичи.

После заключения австро-венгерского экономического соглашения в конце 1907 г. А. Эренталь приступил к дипломатической подготовке аннексии Боснии и Герцеговины. Особенно активно выступал за это командующий австро-венгерскими войсками в оккупированных землях Ф. Конрад фон Хетцендорф. 5 октября 1908 г. Франц Иосиф обнародовал указ об их присоединении к своим владениям. Формально аннексия была осуществлена на основе так называемого исторического права венгерской короны см. Стефана (Иштвана). В опубликованной императором прокламации подчеркивалось наличие «старинных уз», связывавших Боснию и Герцеговину с Венгерским королевством. Вена выплатила Порте солидную денежную компенсацию. Для населения провинций аннексия оказалась полной неожиданностью. В результате резко возросла эмиграция сербского и мусульманского населения. В то же время из семи буржуазных партий, существовавших там, только радикальное крыло сербской и мусульманской партий заняли резко негативную позицию, а все остальные — либо капитулировали перед австро-венгерским двором, либо выступили с нерешительным протестом. Правые партии, в особенности хорватские клерикалы, группировавшиеся вокруг Й. Штадлера и видевшие в аннексии путь к созданию «великой Хорватии» в составе Австро-Венгрии, безоговорочно одобрили действия австро-венгерских властей.

Основной причиной того, что в момент аннексии не произошло широких массовых выступлений, была слабость демократических сил. Национальная буржуазия встала на путь соглашательства и видела способ решения назревших проблем в проведении конституционных реформ. Большинство политических партий Хорватии,

Воеводины, Словении также одобрили аннексию, полагая что повышение удельного веса югославян в дуалистической монархии Габсбургов будет способствовать решению национального вопроса в интересах славян⁹.

После аннексии внутривполитическая ситуация в Боснии и Герцеговине еще более обострилась. Присоединенные к империи земли оказались единственными в монархии, не имевшими конституции. Чрезвычайную остроту здесь продолжал сохранять аграрный вопрос, социал-демократическая партия отсутствовала.

Первые социалистические идеи в Боснии и Герцеговине, зародились еще в последней четверти XIX в., но широкого распространения здесь не получили. Основной массой населения этих югославянских земель было крестьянство, среди которого даже в 1910 г. было 82,89% неграмотных¹⁰. Рабочий класс формировался крайне медленно с большим опозданием по сравнению с другими югославянскими землями, что было связано с экономической отсталостью, слабым промышленным развитием области. Все это обусловило и запоздалое развитие рабочего движения которые протекало при значительном влиянии социал-демократических партий других югославянских земель, и прежде всего Сербии, а также социал-демократии Австрии и Венгрии. Идеи австрийской, германской, венгерской социал-демократии проникали в среду боснийско-герцеговинского рабочего класса вместе с иностранными рабочими, в значительном количестве приезжавшими в Боснию и Герцеговину как квалифицированная рабочая сила.

Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины была основана в 1909 г. на съезде в Сараеве, где присутствовали гости из Австрии, Венгрии, Чехии, Словении, Хорватии, Сербии. Деятельность социал-демократии Боснии и Герцеговины была непоследовательной, особенно в решении национального и аграрного вопросов.

Рескриптом Франца-Иосифа 17 февраля 1910 г. в Боснии и Герцеговине была введена конституция, носившая чрезвычайно ограниченный характер. Она предусматривала создание однопалатного парламента (сабора). Однако законы и постановления, принимаемые им, подлежали утверждению имперским правительством. Конституция несколько расширила права самоуправления сельских общин, провозгласила ряд политических свобод, которые, впрочем, ничем не

гарантировались. Практически конституция свела функции сабора к простой регистрации принимаемых общеимперским правительством решений. Такая постановка дела вызывала недовольство даже умеренно настроенной части депутатов, не говоря уже о прогрессивных деятелях, рупором которых выступил выдающийся писатель-демократ П. Кочич. Против урезанной конституции выступила и социал-демократическая партия. Ведущие буржуазно-помещичьи партии — Сербская народная организация, Хорватское объединение и Мусульманская народная организация, напротив, поддержали конституцию и сабор.

В период первой Балканской и накануне мировой войны в Боснии и Герцеговине наблюдался дальнейший подъем национально-освободительного движения, что заставило правящие круги дуалистической империи искать пути к предотвращению распада монархии Габсбургов, прибегать к более гибкой тактике лавирования, в первую очередь в югославянском вопросе. Так, в 1912 г. группа И. Бернрейтера, выражавшая интересы промышленных и торговых округов Австрии, выступила за ряд уступок в национальном вопросе югославянам, полагая, что таким образом можно ослабить влияние сербских побед в 1-ой Балканской войне. В конце 1912 — начале 1913 г. лидерами Словенской народной партии и Хорватской партии права была провозглашена идея триализма, а в 1913—1914 гг. в Любляне — идея создания федерации с включением в ее состав всех югославянских земель, население которых исповедовало католичество. Этой программе одно время выражала сочувствие венская военная группировка во главе с эрцгерцогом Францем Фердинандом, который хотел противопоставить триализм венгерскому сепаратизму. Но правящие круги Венгерского королевства во главе с новым министром-президентом графом И. Тисой резко воспротивились попыткам реорганизовать дуалистическое государство на основе триализма. Венгерские помещики и буржуазия, не желая лишаться Хорватии и Воеводины, вместе с тем понимали, что в условиях подъема освободительного движения и роста недовольства необходимы какие-то перемены в политике по отношению к угнетенным национальностям. Так, в 1913—1914 гг. В Боснии и Герцеговине австро-венгерские власти расширили компетенцию сабора в области финансов и торговли. Лидер умеренной части буржуазной Сербской народной организации в Боснии Н. Мантич был назначен заместите-

лем начальника Областного управления провинции, а лидер Мусульманской народной организации Ш. Арнаутович стал начальником департамента внутренних дел.

Для преодоления тяготения юго-славян к «юго-славянскому Пьемонту» — Сербии в Вене разрабатывались различные планы. Так, возник проект превратить Боснию и Герцеговину в противовес Сербии, а заштатный городок Сараево преобразить в административный и культурный центр — соперник Белграда ¹¹. В 1911 г. к его осуществлению приступил новый начальник областного управления генерал О. Поттиорек, который начал свою деятельность с реорганизации системы управления Боснией и Герцеговиной. Стремясь создать в Сараево самый крупный культурный центр на Балканах, Австро-Венгрия еще в 1885 г. основала Областной музей, который должен был стать одним из крупнейших научных учреждений региона. При нем известным археологом, профессором Венского университета Карлом Пачом в 1904 г. был основан институт по изучению Балкан, который функционировал вплоть до 1918 г. К. Пач, хотя сам и не занимался политической деятельностью, имел тесные связи и контакты с лидерами политических партий и группировок Австрии.

Создание в Сараево в 1912 г. сербского любительского театра под руководством Петара Кочича заставило австрийские власти активизировать свои действия в театральной области. С целью преодоления сербского культурного влияния в городе был открыт постоянный местный народный театр. Постоянный театр в Сараево, по расчету австрийских властей, сделал бы невозможным работу не только сербского любительского театра, но и выступления других передвижных сербских национальных групп на территории Боснии и Герцеговины. Однако попытки создать постоянный театр в Сараево были прерваны первой мировой войной.

В середине 1913 г. в австрийской печати активно поднимался вопрос об открытии в Сараево университета ¹², как завершающего пункта в программе развития просвещения и образования, авторство которой принадлежало Белинскому. Против выступил Поттиорек, считая, что открытие юридического и философского факультетов в Сараево могло бы способствовать опасной тенденции — подготовке излишнего числа югославян-кандидатов для государственной служ-

бы. Осуществление этой идеи также помешала начавшаяся мировая война.

Накануне первой мировой войны сербские, хорватские, мусульманские буржуазные партии в Боснии и Герцеговине не имели четких программ по национальному вопросу. Они придерживались соглашательской тактики, ограничиваясь произнесением «великолепных речей в саборе». Непоследовательность и нерешительность буржуазных партий вызывали негативную реакцию у передовой интеллигенции и студенчества, объединенных в молодежные организации, многие из которых возглавлялись известными представителями литературных кругов. Так, писатель Иво Андрич возглавлял общество Югославянская прогрессивная Омладина в Сараеве, Б. Евтич и Д. Илич — кружки молодежи в Сараеве, в Боснии имелись также два кружка мусульманской Омладины, группировавшиеся вокруг журналов «Бисер» и «Гайрет». Идеологами омладинского движения в Боснии были поэты А. Шантич и П. Кочич, в Герцеговине — В. Гачинович.

В 1910 г. вскоре после аннексии Боснии и Герцеговины активизировалось омладинское движение Млада Босна. Большое воздействие на идеологию младобоснийцев продолжал оказывать сербский унитаризм. Младобоснийцы не имели конкретной программы создания будущего югославянского государства, они ограничивались общими идеями борьбы за единение югославянских народов. Так, Т. Грабеж выступал за объединение Боснии и Герцеговины с Сербией и установление республики или федеративной республики; Н. Чабринович — за компромиссное решение: сохранение монархии во главе с сербским королем Петром I, пока он жив, а после его смерти провозглашение республики. И. Краничевич агитировал за создание великой Югославии с монархической Сербией во главе, В. Чубрилович считал возможным добиваться автономии Боснии и Герцеговины в рамках Австро-Венгрии. Общей же для них была теория «двух этапов», согласно которой должно было произойти сначала национальное, а затем и социальное освобождение. Группа Млада Босна избрала главным методом ведения борьбы тактику индивидуального террора. Она установила связь с сербской националистической организацией в Белграде Объединение или смерть. 28 июня 1914 г. представителями Млада Босна были убиты австро-венгерский эрцгерцог престолонаследник Франц

Фердинанд и его супруга, приехавшие в Сараево. Выстрелы в этом маленьком балканском городе стали предвестниками первой мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Novija politička istorija jugoslovenskih naroda*. Beograd, 1971. S. 79.
- ² Там же.
- ³ Подробнее см. *Imamović M. Pravni položaj i unutrašnji politički razvitak Bosne i Hercegovine od 1878—1914*. Sarajevo, 1976.
- ⁴ *Novija politička istorija...* S. 82.
- ⁵ *Чемерлиг Х. Алибег Фирдус — борьба Муслимана за вјерскопросветну аутономију // Југословенски народи пред први светски рат*. Београд, 1977.
- ⁶ *Novija politička istorija...* S. 86.
- ⁷ Подробнее см.: *Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959*.
- ⁸ *Wank Sol. Aehrenthal's Programm for the Constitutional Transformation of the Habsburg Monarchy: Three Secret Memoirs // The Slavonic and East European Review*. 1963. Vol. 41. № 97.
- ⁹ *Писарев Ю. А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии в начале XX в. М., 1962. С. 180—181*.
- ¹⁰ *Novija politička istorija...* S. 88.
- ¹¹ *Kapidžić H. Previranja u austro-ugarskoj politici u Bosni i Hercegovini 1912 godine // Bosna i Hercegovina pod austro-ugarskom upravom*. Sarajevo, 1968. S. 101.
- ¹² *Idem*. S. 380.

ГЛАВА 13

Сербия и Черногория 1903—1913 гг. Балканские войны.

Проавстрийский курс короля Александра во внешней и внутренней политике вызывал все большее негодование в широких слоях сербского общества. Среди армейских офицеров возник заговор против короля. Целью заговорщиков было насильственное свержение Александра Обреновича с сербского престола. Сначала среди заговорщиков преобладали младшие офицеры, но затем к ним присоединился и ряд старших офицеров. Во главе заговора находился капитан Драгутин Димитриевич Апис — интереснейшая, загадочная и трагическая фигура сербской истории. Некоторые политические деятели знали о планах заговорщиков и поддерживали их. Радикалы хотя и знали о заговоре, но не принимали в нем непосредственного участия.

Заговорщики установили связь и с претендентом на сербский престол из династии Карагеоргиевичей Петром Карагеоргиевичем.

Ночью 29 мая (11 июня) группа из 28 офицеров ворвалась в королевскую резиденцию. Король Александр Обренович и королева Драга были убиты. Их тела выбросили из окна дворца. В ходе этой вооруженной акции заговорщики также убили премьер-министра генерала Димитрие Цинцар-Марковича и военного министра генерала Милована Павловича¹.

В результате военного переворота династия Обреновичей угасла. Не сербский престол взошел новый король — Петр Карагеоргиевич. Так закончилась почти вековая борьба двух сербских династий за власть в Сербии. Военный переворот отвечал интересам сербской

либеральной буржуазии. Таким образом было устранено главное препятствие на пути дальнейшего развития сербского парламентаризма. переворот получил поддержку широких слоев сербской общественности.

Он как бы послужил завершением исторического развития Сербии в конце XIX века и одновременно открыл новый период сербской истории, который продолжался до первой мировой войны. В области внешней политики этот период характеризовался активным проведением национальной политики, целью которой было освобождение и объединение всех сербов.

После майского переворота 1903 г. в Сербии с незначительными изменениями была восстановлена Конституция 1888 г. По конституции 1903 г. депутаты избирались не на 3, а на 4 года. Депутаты с высшим образованием избирались теперь и в Великую народную скупщину. Сербское королевство превратилось в буржуазно-парламентарную монархию во главе с династией Карагеоргиевичей.

Главной политической силой страны стала радикальная партия, возглавляемая ее лидером Николой Пашичем. В 1904 г. от старо-радикалов окончательно отделилась независимая радикальная партия, сделавшая акцент в своей программе на помощь селу, а во внешней политике на создание югославянского объединения. Ее лидером был академик Л. Стоянович. Возобновили свою деятельность либеральная и напредняцкая партии, но их роль в политической жизни страны была незначительной.

После переворота 1903 г. создались условия и для создания сербской социал-демократической партии (ССДП). Она была основана в августе 1903 г. Одновременно был создан Главный рабочий союз, объединивший все профсоюзные организации страны.

На первых после переворота выборах в Народную скупщину радикалы получили подавляющее большинство голосов. Это позволило им сформировать свое правительство, которое с небольшими перерывами находилось у власти вплоть до 1918 г.

Петр I Карагеоргиевич, избранный скупщиной королем Сербии, в своих действиях был ограничен конституцией 1903 г., введшей парламентарную систему управления в стране. Попытки военных подчинить своему влиянию королевский двор потерпели неудачу. Активная внешняя политика, проводимая радикалами, была направлена на укрепление независимости страны и решение задачи

объединения всех сербов. Она снискала Петру I популярность в народе. На его коронации присутствовали делегаты от всех югославянских земель.

Проантантовская внешняя и протекционистская внутренняя политика правящей радикальной партии очень скоро привела к столкновению с Австро-Венгрией. После ликвидации династии Обреновичей тайная австро-сербская Конвенция утратила силу. Компенсировать эту потерю Австро-Венгрия надеялась при заключении нового торгового договора. Срок старого истек в 1902 г. Добиваясь равноправного партнерства в области торговли, сербское правительство в 1905 г. подписало таможенный союз в Болгарией, чтобы совместными усилиями оказывать сопротивление политической и экономической экспансии двуединой монархии на Балканах. Это вызвало бурю негодования в австрийских правящих кругах. 2 января 1906 г. австро-венгерский министр иностранных дел граф Голуховский в ультимативной форме потребовал расторжения сербо-болгарского таможенного союза. После некоторого колебания Сербия отвергла ультиматум. В ответ Австро-Венгрия закрыла свою границу для сербского экспорта. Так началась австро-сербская таможенная война (1906—1911 гг.), вошедшая в историю под названием «свиной войны», поскольку главную статью сербского экспорта в двуединую монархию составляли свиньи. Все политические партии Сербии были едины в осуждении венской политики. Это помогло правительству Пашича не только выстоять, но и победить могущественного противника. Однако на первых порах сербская внешняя торговля оказалась в тяжелейшем положении, поскольку 86,5% сербского экспорта направлялось в Австро-Венгрию. Австро-венгерское правительство надеялось с помощью экономического давления поставить Сербию на колени, но этого не случилось². Франция предоставила Сербии заем в размере 94,5 млн. франков. Несмотря на угрозы двуединой монархии заказ на военные поставки (главным образом пушки) для перевооружения сербской армии был также размещен во Франции. С помощью держав Антанты Сербия за короткий срок сумела переориентировать свою внешнюю торговлю на Западную Европу. При активной поддержке правительства сербские торговцы освоили новые рынки сбыта для своей сельскохозяйственной продукции. В стране были построены холодильники, консервные заводы, позволившие экспортировать не только живой скот, но и

консервированные мясные продукты. К 1909 г. Сербия покончила с экономической зависимостью от Австро-Венгрии. 29 января 1911 г. был, наконец, подписан равноправный австро-сербский торговый договор на началах наибольшего благоприятствования для обеих стран³.

Терпя неудачу в таможенной войне с Сербией, агрессивная в отношении народов Балканского полуострова политика Австро-Венгрии нашла выход в попытке строительства санджакской железной дороги от Боснии до Салоник. Железнодорожный проект, обнародованный австро-венгерским министром иностранных дел бароном Эренталем явился еще одним поводом для столкновения двух противоборствующих империалистических коалиций. Россия предложила Сербии связать железной дорогой Дунай с Адриатическим морем. Со своими планами выступили и другие балканские государства. Но все эти претенциозные планы остались на бумаге.

В июле 1908 г. произошла младотурецкая революция в Османской империи. Этим воспользовалась Австро-Венгрия, объявив 6 октября об аннексии Боснии и Герцеговины. Ее вероломные действия вызвали бурю негодования в Сербии. «Все сербы готовы умереть», — доносил своему правительству австро-венгерский посол в Белграде. Сербский министр иностранных дел М. Милованович направил ноту протеста державам, подписавшим Берлинский договор. Страна готовилась к войне. Сербию поддержала Черногория. Из держав Антанты самой активной противницей аннексии была Россия, но будучи еще не готовой к большой войне, она вынуждена была отступить. Сначала Россия, затем Сербия в марте 1909 г. признали аннексию.

Драматическое для Сербии окончание боснийского кризиса оставило тяжелый и горький осадок в сознании народа. С этого момента все усилия сербской дипломатии, возглавляемой М. Миловановичем, были направлены на создание Балканского союза.

Протекционистский таможенный тариф, введенный сербским правительством в 1904 г., и австро-сербская таможенная война плодотворно повлияли на развитие сербской промышленности. В стране преобладали мелкие и средние предприятия, занятые переработкой сельскохозяйственного сырья. Первое место по количеству предприятий и объему промышленного производства занимал Белград.

Майский переворот 1903 г., приведший к установлению буржуазно-демократического режима в стране, ускорил образование Серб-

ской социал-демократической партии (ССДП). Сразу после переворота Центральный комитет приступил к созданию пролетарской партии. Сербская социал-демократическая партия была образована на учредительном съезде 20 июля (2 августа) 1903 г. Подготовкой и проведением съезда руководил Р. Драгович. Учредительный съезд принял программу и устав ССДП. Образцом для них послужила Эрфуртская программа и устав немецкой социал-демократии 1891 г.

Заслуживают внимания взгляды ССДП по национальному вопросу, с которым партия столкнулась сразу же после образования в 1903 г., когда разразилось Илинденское восстание в Македонии. Партия выдвинула идею создания Балканской федерации. Эта идея имела давние и глубокие традиции в общественном движении балканских народов. Сербская социал-демократия выдвинула теперь этот лозунг от имени пролетариата. Вторым важным событием, где проявилась позиция ССДП по национальному вопросу, был Боснийский кризис 1908—1909 гг.⁴ Сербские социал-демократы решительно выступили против аннексии. Но их голос не был услышан во II Интернационале. VII съезд ССДП (1909) принял специальную резолюцию по колониальному и национальному вопросам, в которой говорилось, что «интернациональная политика пролетариата, борющегося за осуществление социализма, является единственным средством против колониальной политики, лишаящей народы независимости и свободы, а также против антинациональной политики господствующих классов своей страны». На Копенгагенском конгрессе II Интернационала в 1910 г. глава ССДП Д. Тузович подверг резкой критике шовинистическую позицию лидеров австрийской социал-демократии во время Боснийского кризиса.

Сербская социал-демократическая партия выступила инициатором и организатором конференции социал-демократических партий балканских народов. Первая балканская социалистическая конференция происходила в Белграде 35—27 декабря 1909 г. (7—9 января 1910 г.). В ней приняли участие социал-демократические партии и движения Сербии, Болгарии, Македонии, Турции, Хорватии, Славонии, Словении, Боснии и Герцеговины, Черногории и Румынии. Греческая партия телеграммой выразила свое согласие с работой конференции. С главным докладом о балканском вопросе выступил Д. Тузович. Он призвал социал-демократов балканских стран к

совместной борьбе за создание Балканской федеративной республики, основанной на полном равноправии свободных народов. На конференции была создана Балканская социалистическая федерация.

Интересно отметить, что депутаты ССДП голосовали в скупщине против военных кредитов в 1913 г. подчеркнув при этом, «что социал-демократическая партия не допускает и мысли о братоубийственной войне между сербами и болгарами».

* * *

После переворота в Сербии 1903 г. кризис самодержавного режима в Черногории резко обострился. В стране возникла оппозиция. Ряд видных старейшин, враждовавших с князем, вынуждены были эмигрировать. Из черногорцев-эмигрантов возникла внешняя оппозиция. В 1903 г. в г. Баре был основан «Рабочий союз» — первая рабочая организация Черногории. Ее создателем был Й. Хайдукович. Союз насчитывал 243 члена. Имели место забастовки в государственной типографии в Цетинье и на строительстве железной дороги Бар — Вирпазар.

Под влиянием первой русской революции недовольство абсолютистским режимом князя Николая стало всеобщим. На следующий день после обнародования Октябрьского манифеста русским царем Николаем II, черногорский князь 31 октября 1905 г. издал прокламацию о даровании народу конституции. 19 декабря 1905 г. была созвана скупщина, которая приняла составленную одним из приближенных князя С. Джуричем конституцию Черногории. Образцом для нее послужила сербская конституция 1869 г., до некоторой степени приспособленная к черногорским условиям. Черногория провозглашалась наследственной конституционной монархией во главе с династией Петровичей-Негошей. Вся полнота власти фактически оставалась в руках князя. Скупщина представляла собой чисто совещательный орган. Часть ее депутатов избирал князь. Все органы власти назначались князем и ему подчинялись⁵.

При всей своей ограниченности конституция 1905 г. означала крупный шаг вперед в политической истории Черногории, создала условия для политизации масс. Впервые крестьяне и рабочие были вовлечены в политику.

С осуждением антидемократической конституции и внутриполитического положения в стране выступили черногорские студенты, обучавшиеся в Белграде. В апреле 1906 г. они опубликовали брошюру под названием «Слово черногорской университетской молодежи о положении в Черногории». К «Слову» присоединились черногорские студенты из других европейских университетских центров. Правительство князя Николая организовало в Цетинье над авторами «Слова» политический процесс, но они были судом оправданы. Это было первым крупным политическим поражением черногорского монарха в условиях конституционного режима.

В сентябре 1906 г. на основе конституции состоялись первые выборы в скупщину. Несмотря на давление правительства на избирателей в ней образовалась группа оппозиционно настроенных депутатов из числа представителей интеллигенции, торговой и сельской буржуазии, а также недовольных князем старейшин. С самого начала стало ясно, что скупщина не желает стать послушным орудием в руках князя и правительства. Оппозиционеры требовали демократизации управления, высказывались за проведение протекционистской политики по отношению к промышленности и сельскому хозяйству, критиковали первое конституционное правительство Л. Миюшковича за всякого рода злоупотребления. Они обвинили правительство в охлаждении дружбы с Россией и Сербией и в подчинении экономики страны Италии. Последнему обстоятельству способствовали родственные связи монархов: дочь князя Николы была замужем за итальянским королем.

Оппозиционно настроенные депутаты скупщины образовали «народный клуб», на базе которого была создана первая политическая буржуазная партия, получившая название Народной. Членов Народной партии называли в стране «клубашами». Это была весьма умеренная монархическая партия, очень пестрая по своему социальному составу. Несмотря на это она пользовалась поддержкой большинства населения⁶.

Для борьбы с Народной партией сторонники князя создали так называемую истинно Народную партию, получившую в народе название «праваш». «Праваш» представляли самую консервативную часть черногорского общества, главную опору князя.

9 июля 1907 г. князь разогнал непокорную скупщину. Это повело к дальнейшему обострению политической борьбы. Княжескую расп-

раву с Народной партией, досрочный роспуск народной скупщины, оппозиция связывала с посещением князем Вены в июне 1907 г. и его встречей с австро-венгерским императором Францем-Иосифом. Дело в том, что Австро-Венгрия была злейшим врагом сближения Черногории с Сербией. В период с 1913 — 1914 гг. князь Николай пытался играть на противоречиях между Россией и двуединой монархией. Такая недалёковидная политика подогревалась противоречиями между черногорской и сербской династиями.

С помощью обмана и насилий сторонникам князя удалось обеспечить большинство в новой скупщине. Новые репрессии против противников княжеского самовластия вызвали ответную реакцию. Чтобы окончательно расправиться со своими политическими противниками князь Николай использовал так называемую «аферу с бомбами». Переправка группой черногорской молодежи 15 гранат из Сербии в Черногорию, неизвестно для какой цели предназначенных, была приписана князем Народной партии, которая якобы готовила на него покушение. Несмотря на скандальный характер нового политического процесса, протесты в Сербии и советы России, княжеское правительство не отступило. Оно обвинило Сербию в поощрении заговора. Дело дошло до разрыва дипломатических отношений между Сербией и Черногорией.

Накануне судилища над участниками «аферы с бомбами», а в действительности над руководством Народной партии, князь Николай посетил в апреле 1908 г. с официальным визитом Петербург. Черногорский правитель пытался смягчить неблагоприятное впечатление в России от сближения Черногории с Италией и Австро-Венгрией. Это ему удалось, но в отношении оппозиции князь не внял совету России. К суду были привлечены 132 человека. Из 52 признанных виновными в итоге суд приговорил шестерых к смертной казни, 43 — к различным срокам наказания, и только трех освободил. Среди осужденных было 13 человек, поставивших свои подписи под программой Народной партии. Пятеро из них были бывшими министрами. Среди приговоренных к смертной казни трое были видными руководителями черногорской университетской молодежи в Белграде. Под воздействием мирового общественного мнения князь вынужден был заменить смертную казнь пожизненной каторгой. «Афера с бомбами» явилась вторым крупным политическим провалом черногорского монарха ⁷.

Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией прекратила сербо-черногорские распри. Оба государства солидарно выступили против этого акта. На чрезвычайном заседании черногорской скупщины было принято решение об аннулировании 29 статьи Берлинского трактата, устанавливавшей австрийский контроль над черногорским побережьем Адриатического моря. Однако вслед за Сербией 5 апреля 1909 г. аннексию была вынуждена признать и Черногория.

Удары, которые нанесла реакция демократическому движению Черногории, не сломили волю его сторонников к борьбе. В начале 1909 г. возник настоящий заговор против князя Николая с целью добиться его отречения от престола в пользу престолонаследника Данилы. В случае успеха заговорщики намеревались осуществить широкую и разнообразную программу демократизации общественной жизни страны. Но тайная организация, в которой уже насчитывалось свыше тысячи человек, осенью 1909 г. была раскрыта. В Колашине был организован третий политический процесс против оппозиции. К суду на этот раз было привлечено 161 человек, среди которых 151 военный. К смерти было приговорено 11 человек, 59 человек были осуждены на различные сроки заключения, остальные судом оправданы. Балканские социалисты осудили расправу над демократами в Черногории. В народной скупщине Сербии с протестом выступил депутат от социал-демократической партии Триша Каплерович. В Белграде был организован митинг протеста.

В 1910 г. исполнилось 50 лет правления черногорского князя Николая. Для поднятия престижа династии Петровичей-Негошей Черногория 15 августа 1910 г. была провозглашена королевством, а князь Николай стал королем.

После албанского восстания 1911 г., в котором Черногория приняла живейшее участие, стало очевидно, что над Балканами сгущаются грозные тучи. Используя увеличенные вдвое ежегодные субсидии России (1 млн. 600 тыс. крон), по соглашению с царским правительством началась реорганизация и оснащение новым оружием черногорской армии. Колебания кончились. Король взял курс на войну. В августе 1911 г. был заключен военный союз с Болгарией, а в конце сентября с Сербией. Объявленная 1 октября 1911 г. мобилизация черногорской армии вызвала в народе большое воодушевление.

* * *

Идея о создании союза балканских народов для совместной борьбы против иноземных угнетателей и поработителей не теряла своей актуальности в XIX и XX вв. Как известно, первая попытка ее реализации была предпринята Сербским княжеством в середине 60-х гг. прошлого столетия. Тогда впервые был создан Балканский союз, но в силу ряда причин он не проявил себя в действии. Иначе сложилась судьба Балканского союза 1912 г.

Развитие югославянских народов с 1903 по 1914 гг. происходило в предгрозовой атмосфере кануна Первой мировой войны. К началу XX века территориальный раздел мира был завершен. Попытка его передела неизбежно вела к войне. Главные противоречия сложились между Англией и Германией. В поисках союзников для будущей войны за передел мира Англия в 1904 г. подписала соглашение с Францией — «Сердечное согласие», — получившее название Антанты.

Взрывоопасная обстановка на Ближнем Востоке толкала Англию и Россию к союзу. «Лучше видеть Россию в Константинополе, — рассуждали в Лондоне, — чем германский военный арсенал в Персидском заливе». В августе 1907 г. была подписана англо-русская конвенция. Этим соглашением завершилось создание Тройственной Антанты в составе Англии, Франции и России. Ей противостояла коалиция Центральных держав (Тройственный Союз) в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии.

В начале второго десятилетия XX века небывало возросла опасность для народов Балканского полуострова вследствие агрессивной политики Австро-Венгрии и националистической деятельности младотурок. 7 октября 1908 г. Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. Этот акт был прямым нарушением условий Берлинского конгресса 1878 г. и привел к возникновению так называемого «аннексионного кризиса», еще больше обострившего международную обстановку. Чтобы не выглядеть перед великими державами единственным нарушителем Берлинского трактата, двуединая монархия договорилась с болгарским князем Фердинандом Кобургским о провозглашении независимости Болгарии, что и было исполнено за два дня до объявления об аннексии Боснии и Герцеговины.

В центре внимания сербских как и других балканских политиков оказалась Македония, которая еще находилась в составе Турции. Все

это содействовало заключению оборонительно-наступательного союза между Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией. Болгарские государственные деятели остро ощущали необходимость в заключении Балканского союза, в первую очередь в соглашении с Сербией, которое бы гарантировало безопасность Болгарии со стороны Турции и Румынии. Сербское правительство с помощью Балканского союза надеялось обезопасить себя от угроз двуединой монархии. Греция не могла рассчитывать на успешную борьбу с Турцией в одиночку. Черногория выражала готовность участвовать в любой акции, направленной против Османской империи.

Вспыхнувшая осенью 1911 г. итало-турецкая война послужила внешним толчком для серии переговоров о единстве действий между балканскими государствами. Инициатором переговоров о сербо-болгарском соглашении выступила Сербия. Осенью 1911 г. министры иностранных дел Сербии и Болгарии (М. Милованович и И. Гешов) обстоятельно обсудили этот вопрос во время личной встречи в Софии. О начавшихся переговорах были поставлены в известность державы Антанты. Наибольшую заинтересованность в успешном завершении переговоров проявила Россия. После взаимных согласований 29-го февраля (13 марта) 1912 г. между Болгарией и Сербией был подписан тайный договор о дружбе и союзе. В секретном приложении к договору регулировались главные политические вопросы союза. Предусматривались совместные выступления против Турции и раздел ее балканских владений между союзниками. Территория Македонии делилась на три зоны: две бесспорные и одну спорную. Болгария признавала за Сербией и Черногорией бесспорное право на земли к северу и западу от Шар-планины. В свою очередь Сербия признавала бесспорное право Болгарии на земли к востоку от Родопских гор и реки Струмы. Территория между этими двумя зонами оставалась спорной. Допускалось образование здесь автономной области. Не исключался и раздел спорной зоны с помощью арбитража русского царя⁸.

К договору о дружбе и союзе между Болгарией и Сербией могло присоединиться любое балканское государство. Через два с половиной месяца 16/29 мая 1912 г. между Болгарией и Грецией был заключен оборонительный союзный договор, а в конце сентября была подписана военная конвенция, соглашение не определяло будущих границ между Болгарией и Грецией. В июне 1912 г. завершились

переговоры Болгарии с Черногорией, которая присоединилась к Балканскому союзу. Был заключен и сербо-черногорский договор.

Копия сербо-болгарского договора была послана на санкцию русскому царю Николаю II. Царь полностью одобрил договор и обещал помощь союзникам в военной области и при заключении займов в Париже.

Так был создан второй в истории Балканского полуострова военный союз, целью которого было освобождение от власти турок ряда территорий Балканского полуострова. В отличие от Балканского союза 60-х гг. XIX века новый союз быстро перешел к действиям, несмотря на сдерживающие усилия держав Антанты. Интервенция дипломатии великих держав в Белграде, Софии, Афинах и в Стамбуле не имела успеха. Столкновение между союзниками и Турцией было неотвратимо.

9 октября (25 сентября) 1912 г. первой начала боевые действия Черногория. Через девять дней Сербия, Болгария и Греция объявили войну Турции. Началась первая Балканская война, преследовавшая цель полного освобождения Балканского полуострова от господства Османской империи. Державы Антанты были на стороне союзников. Правители Германии и Австро-Венгрии полагали, что в начавшейся войне победу одержит Турция и поэтому объявили о своем нейтралитете. Войска союзников в численном отношении превосходили турецкую армию в два с лишним раза. Всего союзниками было мобилизовано 725 тысяч человек, а Турцией — 307 тысяч.

Боевые действия происходили на двух главных театрах — Западном и Фракийском. Преодолевая ожесточенное сопротивление турок болгарские войска сумели потеснить противника почти до самого Стамбула (линия Чаталджи в 40 км. от столицы). Правда, в тылу болгарских войск осталась Андрианопольская крепость, которую взять не удалось.

Еще успешней для союзников развивались события на западном театре военных действий — в Македонии и Ново-Пазарском санджаке. Под верховным командованием короля Петра и начальника генерального штаба сербской армии талантливого полководца Р. Путника сербские войска 10 (23) и 11 (24) октября 1912 г. в сражении у Куманова наголову разбили вардарскую турецкую армию. Это практически предредило исход борьбы. 2 (15) — 6 (19) ноября в ожесточенном, кровопролитном сражении у Битоля турецкие войска

потерпели второе крупное поражение от сербов. Сербские войска освободили Македонию и большую часть Албании. Успешно действовали в тесном взаимодействии с сербской армией и черногорские войска. Они освободили Ново-Пазарский санджак и значительную территорию в северной Албании.

Греческие войска заняли Эпир, Фессалию и Южную Македонию. В их тылу оставалась непокоренная турецкая крепость Янина. К городу Салоники греческие и болгарские войска подошли почти одновременно. Девятого ноября по новому стилю он был освобожден.

Таким образом, менее чем за месяц основные силы Османской армии были разгромлены войсками союзников. Мир был ошеломлен столь быстрым и неожиданным исходом войны. Великие державы оказались в состоянии шока, от которого смогли оправиться только во время заключения мира между воюющими сторонами. Поражением турецкой армии воспользовались албанцы, которые провозгласили 15 (28) ноября 1912 г. в Валоне независимость Албании.

В ноябре 1912 г. турецкое правительство обратилось к союзникам с предложением о перемирии. Предложение было принято, и в декабре в Лондоне начались переговоры. Одновременно в Лондоне проходило совещание послов великих держав под председательством английского министра иностранных дел Эдуарда Грея. Великие державы активно вмешивались в конфликт на Балканах⁹.

В январе 1913 г. в Стамбуле произошел переворот, в результате которого к власти снова пришли младотурки. По совету Германии и Австро-Венгрии они прервали мирные переговоры и возобновили военные действия. Начался второй период Первой Балканской войны, который оказался весьма кратким. При поддержке сербских войск болгары овладели городом-крепостью Андрианополем. Греки взяли Янину. Под напором сербских и черногорских войск Скадарский паша в апреле 1913 г. сдал город черногорцам. Турецкое правительство было вынуждено снова просить мира. Лондонские мирные переговоры возобновились.

17 (30) мая 1913 г. между воюющими сторонами при активном посредничестве великих держав был подписан Лондонский мирный договор. По этому договору между Сербией, Болгарией, Грецией и Черногорией, с одной стороны, и Османской империей, с другой, последняя уступала союзникам все свои балканские владения. Границей стала линия от города Энез на Эгейском море до города

Мидье на Черном море. По настоянию великих держав была провозглашена независимость Албании, вопрос о границах которой передавался на их усмотрение.

Первая балканская война носила освободительный характер. Навсегда был положен конец господству Османской империи в Европе. В Македонии, Фракии, Албании и других областях было покончено с феодальной эксплуатацией крестьян турецкими помещиками.

Причины, внутренние и внешние, в силу которых не проявил себя в действии Балканский союз 60-х гг. XIX века, стали и причинами распада Балканского союза 1912 г. Противоречия между союзниками и вмешательство великих держав привели ко второй (межсоюзнической) Балканской войне 1913 г.

С созданием независимой Албании Сербия лишалась выхода к морю, что было предусмотрено секретным соглашением между Сербией и Болгарией. Взамен сербское правительство потребовало территориальных компенсаций за счет спорной зоны Македонии. В возникшем споре болгарский царь Фердинанд занял непримиримую позицию. Усилия России, направленные на разрешение спора мирным путем и сохранение Балканского союза успеха не имели. Ни правительство Донева в Софии, ни правительство Пашича в Белграде не хотели идти на компромисс в вопросе о Македонии.

Охваченная националистическим угаром и подталкиваемая Германией и Австро-Венгрией Болгария 16 (29) июня открыла боевые действия и начала наступление против сербских и греческих войск в Македонии¹⁰. Так началась межсоюзническая или вторая Балканская война. Со всех точек зрения это была авантюра чистой воды, которая не могла не закончиться национальной катастрофой для Болгарии. И хотя войну начали болгарские националисты, ответственность за нее несли правительства всех балканских государств.

Наступательный порыв болгарских войск быстро был приостановлен контр наступлением войск бывших союзников Болгарии. По всем статьям перевес сил был на их стороне. В восьмидневном кровопролитном сражении у Брегалницы сербы потеряли 20 тысяч, а болгары 30 тысяч убитыми и ранеными. Греческие войска потеснили 2-ую болгарскую армию и наступали в направлении Струмицы. Трудным положением, в котором оказалась Болгария, не замедлили воспользоваться ее соседи. Румынская 300-тысячная

армия 2 (15) июля 1913 г. вторглась на территорию Болгарии и почти беспрепятственно продвигалась к Софии. Турция, нарушив условия Лондонского договора, начала наступление к западу от разделительной линии Энез — Мидье, ее войска заняли Андрианополь и почти всю восточную Фракию. Болгария капитулировала.

Собравшиеся в Бухаресте представители воюющих сторон продиктовали Болгарии свои условия мира, которые она вынуждена была принять. Мирный договор был подписан 28 июля (10 августа) 1913 г. Болгария потеряла Южную Добруджу, отошедшую к Румынии. Сербия и Греция поделили между собой почти всю Македонию. За Болгарией был сохранен только Пиринский край. Болгаро-турецкие отношения были урегулированы мирным договором в Стамбуле, по которому большая часть восточной Фракии, включая город Андрианополь, отошла к Турции¹¹.

Расчеты правительств Центральных держав на ослабление Сербии и Черногории в Балканских войнах не оправдались. Территория Сербского королевства за счет присоединения новых земель увеличилась в два раза и составила 87,5 тыс. кв. км., население насчитывало 4,5 млн. чел. Территория Черногорского государства увеличилась в 1,5 раза достигнув 14,2 тыс. кв. км., население составило 435 тыс. человек. К Черногории отошли плодородные районы Старой Сербии и Ново-Пазарского санджака. Два суверенных славянских государства впервые за всю историю национально-освободительных войн против Османской империи получили общую границу.

Балканские войны 1912—1913 гг. положили конец многовековому турецкому господству на Балканах. Они способствовали усилению освободительной борьбы югославянских народов Австро-Венгрии.

Успехи союзников в Первой Балканской войне разрушили все планы и проекты великих держав, которые они вынашивали после Берлинского конгресса для решения Восточного вопроса.

В результате двух балканских войн произошли изменения во взаимоотношениях Австро-Венгерской монархии и Сербии. Сербия укрепила свое влияние и авторитет на Балканах. Австро-Венгрия же находилась в состоянии кризиса. Хотя Дунайской монархии и удалось при помощи жесткого давления и угроз военной интервенции лишить Сербию выхода к морю через Албанию, что являлось одной из стратегических целей Сербского королевства в балканских вой-

нах, но внутри Австро-Венгрии стали усиливаться объединительные югославистские настроения.

В составе сербских войск во время балканских войн сражались добровольцы из югославянских земель Австро-Венгрии, там велись сборы в пользу сербского Красного креста. Сербь в Боснии и Герцеговине праздновали победы сербского оружия над турками в 1912 г. В Далмации и Дубровнике были демонстрации против австрийской политики по отношению к Сербии. В Черногории усилились настроения в пользу объединения с Сербским королевством¹². Это отразилось и на изменении акцентов в балканской политике сербского правительства. Югославистские тенденции стали усиливаться. После Балканских войн 1912—1913 гг. взгляды руководства Сербии снова обратились к югославянским землям в составе Австро-Венгрии.

Балканские войны еще больше обострили международный кризис в Европе. В 1913 г. стало очевидно, что война за передел уже поделенного мира неотвратима. Балканский пороховой погреб и на этот раз сыграл свою роковую роль. Сараевское убийство, спровоцированное Австро-Венгрией, явилось удобным поводом для развязывания войны, которая в течение одной недели стала мировой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Кацлеровић Т.* Мартовске демонстрације и Мајски преврат 1903. Београд, 1950.
- ² *Борђевић Д.* Царински рат Аустро Угарске и Србије 1906—1911. Београд, 1962. с. 275—278.
- ³ *Борђевић Д.* Царински рат Аустро-Угарске и Србије 1906—1911. Београд, 1962. с. 643—645.
- ⁴ *Историја српског народа.* књ. VI—I. Београд, 1983. с. 202—204.
- ⁵ *Боновић Ј.* Уставни и политичке борбе у Црној Гори 1905—1910 гг. Београд, 1939. с. 52—65.
- ⁶ *Историја српског народа.* књ. VI—I. Београд, 1983. с. 225.
- ⁷ *Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. с. 227—240.
- ⁸ *Жебокрицкиј В. А.* Болгария накануне Балканских войн. 1911—1913 гг. Киев, 1960. с. 161—181.
- ⁹ *Историја српског народа.* књ. VI—I. Београд, 1983. с. 191—192.
- ¹⁰ *Жебокрицкиј В. А.* Болгария в период балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1961. с. 126—186.
- ¹¹ *Скоко С.* Други Балкански рат 1913 г. Београд, 1968. с. 200—210.
- ¹² *Екмечић М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973. с. 405—408.

ГЛАВА 14

Македония — споры, соглашения, войны

Если Балканы были периферией Европы, то Македония — периферией Балкан. Ветры войн, революций, мятежей, сотрясавших Европу и те же Балканы, практически не достигали македонской глубинки. Вопросы гражданских свобод, обретения национальной государственности не находили отклика в патриархальной Македонии, основную массу населения которой составляло крестьянство. В Европе проблема облегчения участи македонского населения после неудачной попытки в 1878 году включить его территорию в состав создаваемого русской дипломатией обширного болгарского государства (так называемой Сан-Стефанской Болгарии) была положена в «долгий ящик». Для просвещенной Европы с ее задачей не допускать расширения влияния России на славянский мир в направлении Средиземноморья было неизмеримо выгоднее сохранять существовавшее статус кво для Македонии с ее выходом к Эгейскому морю, нежели открывать македонский «ящик Пандоры». Подобное сравнение представляется уместным, если вспомнить что Македония в этнографическом отношении была — как впрочем и все Балканы — своеобразным «котлом». Из почти двухмиллионного населения (середина XIX в.) большую часть — около одного миллиона — составляло славянское население. Второе место — примерно одну треть — занимали турки, третье — греки и албанцы. На македонских землях проживали также валахи, евреи, цыгане, татары, черкесы.

Слабая социальная дифференциация крестьян Македонии, этническая пестрота ее населения, периферийность по отношению к

цивилизационным процессам, крайняя малочисленность интеллигенции у забитого и нищего славянского населения, свыкнувшегося со своим положением, утратившего со временем национальную гордость и сменившего ее на любовь к покою — все это обусловило замедленность роста национального самосознания и времени возрождения Македонии.

Начало процесса возрождения македонского народа и создания самостоятельной системы управления тормозились и осложнялись политикой ее соседей — Греции, Сербии, Болгарии, активно работавших над распространением своего влияния на македонские земли с перспективой их включения в состав своих территорий.

Все они обосновывали свои расчеты «историческим правом» на македонские земли, которые некогда были ядром империи Александра Македонского, затем входили то в болгарские владения, то в состав Византии или царства Стефана Душана. В 1840-х гг. эти претензии были воплощены в «мегали идея» греческого деятеля М. Колеттиса, отчасти в «Начертании» серба И. Гарашанина, пропагандировались они и болгарскими деятелями. Позднее, в последней трети XIX в. наметилось стремление балканских государств добиться раздела территории Македонии. Греция претендовала на южную ее часть, где жили преимущественно греки, и центральную, Сербия — на Вардарскую Македонию. Но такие намерения сталкивались с интересами Болгарии, стремившейся овладеть большей частью Македонии и получить выход в Эгейское море.

Действия греков по расширению и укреплению своего влияния были облегчены тем, что они сумели занять видное место в церковной и экономической сферах. Особенно сильными были их позиции в пограничных с Грецией южных районах Македонии. Не подлежит сомнению и достаточно мощное влияние греков на зажиточные слои населения, стремившегося обучать своих детей в греческих школах, университетах. Это создавало реальную опасность эллинизации зарождавшейся македонской интеллигенции, утраты ею еле теплившегося национального самосознания. В 70-х гг. в целях противодействия болгарскому влиянию греки организуют сеть обществ — силогосов в Салониках, Сересе, Водене, чья основная задача состояла в распространении греческой культуры через образование. В частности, Сересский силогос патронировал учебные заведения в Кавалле, Мелнике, Неврокопе и других городах. Македонские силогосы

подчинялись Афинскому, откуда шло финансирование программ. Деньги поступали и от греков, проживавших в Вене, Константинополе, Одессе, а также от некоторых афонских монастырей.

Достаточно серьезным конкурентом Греции была Болгария. Опираясь на исторические предания, исповедание значительной частью населения православной веры, схожесть языков, деятели болгарского возрождения стремились пробудить и укрепить в славянском этносе чувство принадлежности к болгарской нации, к болгарскому корню.

Сложность этой задачи достаточно четко прослеживается в деятельности и взглядах одного из известнейших просветителей македонского славянства Димитрия Миладинова. Страстный поборник возрождения Македонии он в своей культурно-просветительной деятельности стремился пробудить национальное самосознание, показать просвещенному миру, что Македонию населяют не греки, а «македонские болгары». Миладинов пользовался и такими определениями как: «славяноболгары», «болгаромакедонцы», «македоноболгары», «пелазго-славянский народ», («чада македонские»). Считая македонцев частью болгарского племени, Миладинов стремился к распространению среди них идеи общеполитического единства. И в то же время в его пропаганде на первый план выдвигались славянские мотивы, а затем национальные.

Основным полем своей деятельности Миладинов — как и многие другие — считал школу и церковь. Исходя из задачи борьбы с «грекоманами» он отдавал много энергии внедрению в богослужение церковнославянского языка. Целям просвещения македонского славянства была посвящена и его поездка по «Македоно-Болгарии» (Миладинов использовал и такие определения как: «македонская Болгария, просто «Македония») летом 1860 года. В своих выступлениях и беседах Миладинов подчеркивал необходимость иметь своих священников, вводить в школах родной язык, обличал злоупотребления греческого высшего духовенства. Эта поездка сыграла роковую роль в судьбе Миладинова. В феврале 1861 г. он был арестован турецкими властями и умер в тюремном госпитале в январе 1862 г. Далеко не последнюю роль в аресте Миладинова сыграл донос греческих епископов Мелетия и Венедикта, обвинивших его в пропаганде восстания против султана и присоединения к России. Труды Д. Миладинова и его брата Константина, также ревностного

защитника «народного дела» не остались втуне. В родном для М. Миладинова г. Струге местные учителя, выставляя напоказ свое грекофильство, тайком преподавали «славянскую грамоту». Богослужение, втайне от митрополита, совершалось, как подчеркивал в 1864 г. русский консул в Битоли М. А. Хитрово, «по славянски». Храня благодарную память о Д. Миладинове, стругские христиане из небольших своих достатков содержали оставшуюся с многочисленным семейством почти в совершенной нищете его вдову¹.

Широко был известен и деятель болгарского возрождения Ксенофонт Жинзифов (1839—1877), сменивший греческое имя на славянское «Райко». В своей публицистике он писал о необходимости замены греческих иерархов на болгарских всюду, где имеется болгарское население. Составлению статей на эту тему ему помогала сама тогдашняя действительность: факты произвола греческого духовенства, панэллинская политика, активно проводившаяся в той же Македонии, Фракии, Южной Болгарии. Ярчайшим свидетельством проболгарских настроений может служить отрывок из своеобразного манифеста, составленного в 1843 году неизвестным автором. В нем твердо подчеркивалось, что пока болгарская церковная иерархия не отделится от константинопольской патриархии, «до тех пор народ, при всех других улучшениях, будет согревать в своей пазухе ядовитую змею, которая заклалась... разрушить и вещественное его существование»².

Вопрос о болгарской независимой церкви, существование которой в Османской империи приравнивалось к признанию той или иной национальности, сопрягался с проблемой о границах расселения болгарского народа. И здесь вопрос о Македонии приобретал дополнительную остроту. Болгарские лидеры сосредотачивали свои усилия на «насаждении болгарщины между македонцами». Однако заметных успехов не было. В начале 70-х гг. в газете «Македония» (издатель Петко Славейков, принадлежавший к плеяде великих деятелей болгарского возрождения) отмечалось, что «в Македонии, земле милой всякому болгарину, чувства самосознания нет у большинства наших»³. Соответственно, гораздо медленнее чем в Болгарии шел процесс церковной борьбы на македонских землях.

Более того, в вопросе культурного взаимодействия налицо было стремление части македонской интеллигенции и буржуазии сох-

ранить свою индивидуальность, что ярко прослеживается в неудовлетворительных отношениях местных общин с экзархией.

В 1870 году Порта разрешила создание самостоятельной болгарской церковной области — экзархии. В территорию экзархата входила придунайская Болгария, две епархии со смешанным сербско-болгарским населением — Нишская и Пиротская, Южная Болгария (Восточная Румелия) и часть Македонии. Было также установлено, что по желанию двух третей населения какой-либо местности она может быть включена в состав экзархии. Усилия экзархата контролировать деятельность македонских общин в школьном вопросе вызвали острую реакцию последних, упорно отстаивавших прежнюю автономию в делах образования. Следует отметить и сильную, особенно в южных и западных землях, струю патриотизма, находившего отражение в гордости за древность Охридской архиепископии, за свои говоры как продолжение языка «апостолов словенских» святых Кирилла и Мефодия, слывущих в народе «первоучителями македонскими». Патриотизм проявлялся в таких выражениях, как «Мать Македония», «Наше отечество Македония». Появление и распространение — хотя еще весьма ограниченное — идей о самостоятельности македонского народа, имеющего право на собственное национальное развитие, привело к тому, что наряду с эллинофилами, с приверженцами болгарской ориентации, появились и «македонисты».

От греков и болгар не отставали и сербы. В 50-е и 60-е гг. Белград пытается укрепить под флагом нейтрализации греческого влияния свои позиции через посылку учебной литературы, командировки учителей, прием молодежи в свои учебные заведения. Следует упомянуть и тот факт, что в начале 60-х гг. Сербия вместе с Грецией поделили Македонию на сферы своего влияния: на север и юг от линии Охрид — Горна Джумая. В 1868 г. эта линия была зафиксирована в сербско-греческом союзном договоре и военной конвенции, направленных против Османской империи. С того года через сферу просвещения начинается активная сербская пропаганда в македонских землях. В ряде городов — Кичево, Гостивар, Велес, Скопье, Куманово, Крушево, Тетово и др. — основываются десятки школ.

Активность Белграда вызвала острую реакцию со стороны деятелей болгарского возрождения, призывавших со страниц «Македонии» к отказу македонцев от сербских книг и педагогов.

Турецкие власти практически не мешали сербской пропаганде, что можно было объяснить их желанием усложнить ситуацию до такой степени, чтобы ни одна из сторон не имела решающего перевеса. Лишь с 1876 г. с началом сербско-турецкой войны пошли гонения на сербские школы в Македонии: высылка учителей, закрытие учебных заведений.

После образования в 1879 г. полунезависимого Болгарского княжества Сербия и Греция стали зондировать почву в Болгарии для соглашения по македонскому вопросу на базе предварительного раздела сфер влияния. Однако эта инициатива потерпела крах. В Софии слишком свежа была рана, связанная с провалом образования Сан-Стефанской Болгарии.

Спустя почти пять лет сербский король Милан, квалифицируя как нарушение статус кво воссоединение Болгарского княжества с Восточной Румелией, вступил в войну с Болгарией, думая использовать ее как средство для захвата Македонии. Однако вместе с поражением Сербии потерпел неудачу и авантюристический замысел Милана.

Белград должен был вновь вернуться к старой тактике вытеснения болгарской пропаганды с помощью своих культурных организаций и просвещения. В 1886 г. сербы открывают консульства в Скопье и Салониках, в 1889 г. — в Битоли и Приштине. Создается — по примеру греческих и болгарских обществ — патриотическое общество св. Савы. Оно должно было работать над развитием национального самосознания «во всех сербских землях, имея в виду прежде всего Македонию». За счет своих средств оно финансировало одну вечернюю школу, в которой 4/5 учеников было из Македонии, издавало ежегодник, имело воспитанников в средних и высших учебных заведениях. В работу включились и дипломаты Сербского королевства. Представительство последнего в Константинополе занималось и изданием календарей и букварей наполовину на сербском, наполовину на македонском языках.

Однако каких-либо существенных успехов Белград не достигал. Прежде всего не хватало солидной основы, которая могла быть создана только через формирование автокефальной сербской церкви в Македонии. Здесь явный выигрыш имели греки с Константинопольской патриархией, болгары с экзархатом. Согласно конституции Болгарского княжества экзархат представлял и обеспечивала духов-

ное единство болгар вне зависимости от границ, разделявших княжество от территорий Европейской Турции.

Именно экзархат к середине 80-х г. успел открыть сеть школ в Македонии. Города Штип, Скопье, Велес, Прилеп, Охрид стали центрами болгарской пропаганды. Не утихала и деятельность различных обществ и в самом Болгарском княжестве; на смену распадавшимся приходили другие. Одни общества действовали под вывеской благотворительных с задачами оказания помощи нравственному и умственному развитию болгар в Македонии. Другие, как революционные комитеты, признавали единственным средством для освобождения Македонии только восстание. В 1885 г. к руководству движением за воссоединение болгарского народа приходит известный деятель национально-освободительного движения Захарий Стоянов и его группа. Появляются комитеты в Русе, Ломе, Варне, Пловдиве, Софии. Первоначально цель Стоянова и его единомышленников была направлена к освобождению Македонии и Фракии путем возбуждения населения к восстанию и последующему объединению с Восточной Румелией. Но вскоре Стоянов переносит свои действия на реализацию более узкой, но реальной цели: воссоединения с княжеством Восточной Румелии. Воссоединение и события, связанные с резким ухудшением русско-болгарских отношений, привели к тому, что македонский вопрос был отодвинут на периферию. В новой обстановке патриотические силы вернулись к старым методам работы в Македонии.

Успехи болгар, добившихся в 1890 г. учреждения епископских кафедр в Скопье и Охриде, встревожило как греков, так и сербов. В 1892 г. Афины начали переговоры с Белградом по разграничению сфер влияния в македонских землях. Однако они шли трудно и были прерваны из-за Битоли, города, который ни одна из сторон не хотела уступать. Еще раньше в борьбе с Софией Сербия попыталась найти поддержку в России, где министр иностранных дел Н. К. Гирс еще в 1890 г. заявил, что «никогда не фаворизует великоболгарского стремления за счет сербских прав и интересов»⁴. Слова Гирса не были пустой фразой. В начале 90-х гг. Россия оказала помощь, хотя она и не была особенно результативной, в вопросе о назначении сербского владыки в Скопье, куда был назначен епископом грек Амвросий, но помощником его стало духовное лицо сербской национальности. Гораздо большими успехами могла похвалиться София, успевшая в

1894 г. добиться от Порты назначения болгарских епископов в Велесский и Неврокопский вилайеты.

Тем временем борьба за Македонию значительно усложнилась с появлением на политической сцене Македонской революционной организации (далее — Внутренняя Организация), ядро которой было заложено в Салониках в 1893 г. Равным образом на территории Болгарского княжества закладываются основы для будущей деятельности Верховного македонского комитета (далее — ВМК).

Работа этих двух мощных организаций уже с самого начала отличалась разным подходом к решению македонского вопроса. Внутри самих структур также наблюдались сложности в выработке единой линии. Так, если ранее подавляющее большинство македонских обществ, действовавших на территории княжества, в вопросе о будущем Македонии, выступало за присоединение последней к Болгарии, то теперь появились сторонники политической автономии Македонии. На I Македонском конгрессе обществ и братств, действовавших на территории княжества и вне его границ, собравшегося в Софии в 1895 г. по инициативе созданного годом ранее Македонского комитета, только трое из нескольких десятков делегатов голосовало за присоединение к Болгарии. Согласно решениям конгресса для достижения поставленной цели — политической автономии Македонии, предоставленной и гарантированной великими державами — предусматривалось использовать арсенал средств от агитационно-пропагандистских до принятия неких мер, диктуемых ситуацией. (Последняя, несколько туманная фраза была своего рода маскировкой для прикрытия насильственных акций, что не замедлило вскоре обнаружиться.) Руководящим органом был избран Македонский комитет, преобразованный в том же году на внеочередном конгрессе в «Верховный».

Начавшаяся было борьба между сторонниками революционного разрешения македонского вопроса и приверженцами использования вначале всех дипломатических средств закончилась не в пользу «революционеров», которым было отказано в помощи и поддержке со стороны болгарского правительства. Болгарские политики считали, что для достижения политической автономии Македонии необходима поддержка великих держав, для чего надо использовать все мирные и легальные средства.

Тем временем на повестку дня встал вопрос о создании единого центра, где каждая из сторон — Внутренняя Организация и ВМК — претендовали на руководящую роль. Отнюдь не способствовало установлению тесных контактов недовольство ВМК отказом Внутренней Организации в предоставлении информации о своих планах, равно и неудовлетворенность Внутренней Организации размерами поставок из княжества Болгарии оружия в Македонию.

Не утихали разногласия и в вопросе о стратегии. По мысли деятелей ВМК революционная работа, была нужна лишь как средство принудить Европу к активным действиям в деле проведения реформ.

Иной точки зрения придерживалась Внутренняя Организация, делавшая ставку на сознательное и массовое участие населения в восстании. Здесь важную роль играл институт четников. Именно на их отряды возлагалась задача по пропаганде революционных идей, приобретения оружия на деньги, собираемые с общин. Активную помощь в снабжении оружием начал оказывать ВМК, к руководству которого в 1899 г. пришел Б. Сарафов, делавший ставку на революцию как единственное средство для достижения политической автономии Македонии.

Однако как и прежде нерешенным оставался вопрос о том, какая из двух организаций должна играть первую скрипку. Это наглядно проявилось в вопросе о сроках восстания в Македонии. Лидеры Внутренней Организации Г. Делчев и Г. Петров в обстановке усилившихся турецких репрессий и ударов по революционным организациям смотрели на восстание как на самоубийство. Иначе оценивал эту обстановку ВМК. Там полагали, что затяжка со сроками восстания приведет к тому, что Внутренняя Организация будет развалена и восстание задохнется, не успев начаться. Последовало очередное охлаждение отношений. Тем не менее ВМК и в дальнейшем не оставлял попыток подчинить себе структурные подразделения Внутренней Организации.

Возвращаясь к соперничеству балканских стран в македонском вопросе, следует напомнить, что Критское восстание 1897 г. и последующая греко-турецкая война усложнили ситуацию вокруг Македонии, куда перебрасывались греческие четы, охваченные патриотическим угаром. Над Балканами и Европой нависала угроза нового восточного кризиса.

Великие державы, прежде всего Россия и Австро-Венгрия, стремившиеся локализовать конфликт, добились согласия от Сербии и Болгарии на соблюдение нейтралитета с условием выполнения Портой их требований в македонском вопросе. Одновременно Сербия и Болгария, не испытывая особой доверчивости друг к другу в этой сложной обстановке, поспешили 19 февраля 1897 г. подписать соглашение. Суть его сводилась к следующему: вопросы, затрагивающие интересы сербского и болгарского народов в Османской империи, будут подлежать совместному обсуждению обоих правительств; ни Белград, ни София не будут предпринимать в одностороннем порядке каких-либо действий, которые могли бы привести к нарушению статус кво; обе стороны обязывались не препятствовать друг к другу в национальных, церковных, школьных вопросах до тех пор, пока не будут утверждены на основе взаимного согласия сферы интересов в европейских землях Османской империи.

В Белграде считали достигнутое соглашение успехом уже потому, что исчезла угроза самостоятельных акций со стороны Софии, подтверждалось право Сербии на сферу влияния. В то же время отказ Белграда принять предложение Софии об автономии Македонии в рамках Османской империи свидетельствовал о том, что сербская сторона не исключала возможности, что автономная Македония могла быть присоединена к Болгарии по примеру Восточной Румелии.

Тем временем Порта, ранее тянувшая с выполнением условий Белграда и Софии, решила после объявления войны Греции (6 апреля 1897 г.) пойти на некоторые уступки. В Константинополе согласились с открытием Сербией школ в Салоникском и Битольском вилайетах, где в том же году был открыт ряд учебных заведений. Во главе Скопской епархии после долгих проволочек и интриг был утвержден (май, 1902 г.) султаном архимандрит Фирмиллиан, кандидатуру которого отстаивала сербская сторона.

С болгарскими требованиями дело обстояло несколько сложнее. Свой нейтралитет София хотела использовать для получения от Порты епископских кафедр в Кукуше, Мелнике, Струмице, Битоли, Дебаре, что не могло не насторожить Белград. Определенное успокоение наступило после получения информации о том, что болгарская сторона ограничивает свои требования Кукушем, Мелником и Струмицей. Однако, как выяснилось позже, именно Битоли и Дебар

были предпочтительнее для Софии, нежели остальные. И здесь турецкие власти решили удовлетворить требования Болгарии — этого своего непокорного вассала, умевшего ловко извлекать выгоду даже из своего формального подчиненного положения. В октябре 1897 г. София получила от Порты согласие в отношении Битоли, Струмицы и Дебара.

Последующие действия болгарских властей, нарушающие согласие от 19 февраля, вызвали резкие протесты в Сербии. Белград, в частности, возмутила политика и акции откровенно враждебного характера в отношении лиц, занимавшихся устройением сербских школ в битольском и салоницком вилайетах. Пришедшее к власти новое правительство В. Джорджевича разорвало с Софией в конце 1897 г. соглашение от 19 февраля. Однако для Сербии это не принесло ощутимых выгод. В 1901 г. Белград предложил Софии очередной план раздела Македонии, по которому ее западная часть входила бы в сферу влияния Сербии, восточная же уступалась Болгарии. Но болгарская сторона отказалась поставить свою подпись под тем предлогом, что указанные территории входят в состав Османской империи. Жесткость Софии была вызвана не столько указанной выше причиной формального характера, сколько сознанием своей доминации в Македонии.

Болгарская дипломатия сказала свое «нет» и на предложение Белграда «прекратить соперничество между сербской и болгарской пропагандами», отметив, что свою борьбу «болгарский народ ведет самостоятельно». Это было гораздо ближе к истине, хотя здесь следует подчеркнуть все большую независимость от Софии действий Бориса Сарафова. С приходом последнего к руководству македонским движением меняется и его программа. Если раньше цель состояла в присоединении к Болгарии, то теперь выдвигается другая — автономная Македония и лозунг «Македония — македонцам». Иными словами, Македония остается в составе Османской империи, но управление переходит в руки народов Македонии, где права на культурное развитие каждого из них будет гарантировано. Однако сербский король Александр был противником подобного решения вопроса. Он полагал — и не без оснований — что автономная Македония, где культура и просвещение контролировались бы экзархатом, будет потеряна для Сербии. Король по-прежнему отстаивал идею раздела Македонии между Сербией и Болгарией. В случае же

невозможности такого соглашения он считал «умнее» отстаивать статус кво, нежели вести вместе с болгарами борьбу за автономную Македонию.

Тем временем в самой Македонии нарастала активность чет, где сербские организации выглядели гораздо слабее. Тревожность ситуации заставляла Петербург и Вену настаивать перед Портой на необходимость проведения реформ в Македонии и Старой Сербии, а одновременно сдерживать Сербию и Болгарию от действий, которые разожгли бы пламя восстаний на Балканах. Но избежать угрозы пожара было не так просто.

Сербский король в 1902 г. добился от скупщины экстраординарного кредита в 360 000 динар на военные цели и заказал 25 млн. патронов. Спешили и в Болгарии. Во главе ВМК в 1901 г. был поставлен И. Цончев. (Сарафов с его идеей о независимости Македонии и все большей самостоятельностью в действиях стал «неудобен» болгарскому монарху князю Фердинанду.) Новое руководство восстановило отношения с Внутренней Организацией и при негласной помощи князя начало активную подготовку к восстанию. Но стремление ВМК подчинить себе Внутреннюю Организацию вызвало очередной конфликт с последней.

Отсутствие единого центра, разногласия по вопросу о восстании привели к неудаче инспирированного ВМК Горноджумайского повстанческого движения в сентябре 1902 г. Но это не остановило ВМК, где теперь возлагали надежды на новое восстание, планируемое на весну 1903 г. Однако 31 января 1903 г. болгарское правительство приняло решение о запрете действий македонских организаций и ВМК, демонстрируя тем самым Европе и Турции свое стремление к миру. Маневр был обусловлен интересами безопасности страны; на ее границах начали сосредотачиваться турецкие части. В этой ситуации подготовку вынужденного восстания взяла на себя Внутренняя Организация, не желавшая растерять свой авторитет среди населения и нейтрализовать обвинения в пренебрежении народными интересами. В январе 1903 г. было принято трудное решение о начале восстания летом, но «только в подготовленных для массового движения районах», в остальных же предлагалось ограничиться терактами и четническими акциями.

Восстание, вошедшее в историю под именем Ильинденского, началось 20 июля/2 августа 1903 г. Одним из ярких проявлений дея-

тельности повстанцев была организация под руководством Н. Карева Крушевской республики, просуществовавшей лишь десять дней. Это было неудивительно. Двум с половиной десяткам тысяч повстанцев противостояла 350-тысячная армия. Выступление было жестоко подавлено, но проблема оставалась. В этой ситуации в Мюрцштеге между Россией и Австро-Венгрией было достигнуто соглашение о программе реформ для Македонии с целью «притушить» хотя бы на время македонское движение «и не дать снова закипеть балканскому котлу». Текст реформ, в октябре переданный Порте, был принят. Они предусматривали представительство христианского населения в администрации, судебных органах и т. д. Однако в них не содержали главного — автономии.

В новой обстановке София и Белград вновь попытались найти путь к согласию. В 1904 г. в тайном договоре обе стороны, поддерживая проведение Мюрцштегских реформ, обязались оказывать сопротивление изолированным акциям, связанным с разделом Македонии и других турецких владений на Балканах. Тем не менее это соглашение отнюдь не повлекло за собой прекращения старого соперничества.

Территория Македонии стала ареной ожесточенных столкновений болгарских, греческих и сербских вооруженных отрядов, заливших кровью эту несчастную страну, страдающую от террора тех же чет, которым крестьяне должны были платить особый налог. Эта борьба велась и иными, так сказать, легальными средствами, в результате применения которых одни селения «насильственно переводились то под ведомство патриархии, то под ведомство экзархии». В этой трагической, подчас до обесмысливания быта, ситуации крестьянство предпочитало нищете массовую эмиграцию во все части света. Сама Внутренняя Организация, понеся тяжелые потери в последнем восстании, была дезорганизована и не могла активно сопротивляться «верховистам», стремившихся постоянно к ее подчинению.

В этих непростых условиях «левое крыло» Внутренней Организации было поддержано македонскими социалистами. Первые социалистические идеи проникли в Македонию в конце XIX в. через работников, уходивших на заработки, например, в ту же Болгарию, через учащуюся молодежь. Первым пропагандистом социалистических идей в Македонии считается В. Главинов который

в 1893 г. сформировал на территории Болгарии македонскую рабочую социалистическую группу. В дальнейшем формировались социалистические кружки и организации и в самой Македонии. В число организаторов социалистического движения входили такие видные его деятели как упоминавшийся В. Главинов, Д. Димов, Н. Карев. Для македонских социалистов, защищавших революционные традиции Внутренней Организации, например Димова, первоочередной принцип заключался в «политическом сепаратизме» — т. е. политической автономии — что позволило бы устранить не только болгарское вмешательство, но и соперничество соседних балканских государств *.

В 1908 г. в Османской империи вспыхнула младотурецкая революция, после победы которой наступил новый этап в македонском вопросе. Как известно, младотурки, добившись восстановления конституции, содействовали тем самым установлению относительного спокойствия в Македонии и пробуждению надежд на парламент. Спад вооруженной деятельности греческих, болгарских, сербских отрядов не означал, однако, затишья в политической сфере. Рассматривая в своих собраниях вопросы о будущем административном устройстве Македонии национальные группировки сходились в одном: организация управления страной должна строиться, исходя из принципа децентрализации. Младотурки соглашавшиеся, хотя и с трудом, с принципом административной децентрализации, не уступали в национальном вопросе, провозгласив своей официальной

* Весьма сходные мысли, хотя и позднее, в июле 1914 г. высказывал в письме министру иностранных дел России С. Д. Сазонову известный борец за освобождение македонского народа К. Мисирков. По его мнению, только автономия «избавит сербов от ненужного, бесполезного и опасного труда переделывать в Македонии славян в славян, т. е. македонских болгар в сербов и раз и навсегда направить внимание сербов на единственно целесообразную с сербской и славянской точки зрения сторону, а именно в сторону Боснии и Герцеговины и других сербо-хорватских земель, находящихся теперь под властью Австро-Венгрии. Автономия Македонии избавит от эллинизации и спасет их для славянского дела около полумиллиона македонских болгар, поработенных ныне Грецией. Автономия Македонии избавит Болгарию от нынешнего изолированного положения и создаст на ее западной границе... новую родственную и безусловно дружественную Болгарии славянскую соседку — Македонию. Болгария, Сербия и Македония составили бы новый... союз, который был бы исключительно славянским союзом и мог бы составить ядро союза, который мог бы объединить вокруг себя все прочие балканские государства для осуществления идеи «Балканы для балканских народов», т. е. для осуществления той политической идеи, которой в Европе искренне сочувствует одна лишь Россия» 5.

доктриной «османизм». Наглядно это проявилось в одном из пунктов младотурецкой программы, где говорилось об обязательности преподавания в школах только на турецком языке. Обучение на родном языке других национальностей в Македонии допускалось только в начальных классах.

Одновременно младотурки в целях ослабления деятельности политических организаций, выступавших от имени греков, болгар, сербов, стремились использовать как вражду между ними, так и их внутренние распри. И здесь именно греки пользовались преимущественным доверием властей «и вообще турок, считающих их естественными союзниками против общего врага — болгар». Внимание к болгарам объясняется и их прочным лидерством в проведении террористических актов, в результате которых за 1907 г. погибло свыше 500 человек⁶. Используя разобщенность между Внутренней организацией и ВМК, младотурецкие власти стремились ослабить их деятельность, привлекая по возможности некоторые структуры — как это было с организацией известного национального борца Македонии Я. Сандански — на свою сторону.

Опасность потери Македонии подтолкнула турецкие власти к созданию и началу реализации проекта переселения туда мусульман из других стран, прежде всего из Боснии и Герцеговины. Для этой цели в 1909 г. в Салониках была организована особая комиссия под председательством Хассана Ризы-паши. Посредством проектируемого переселения предполагалось добиться преобладания мусульман над христианами и «этим путем привести к благополучному для Турции разрешению македонского вопроса». Для начала комиссия предложила организовать прием ста тысяч боснийских мусульман и расселить их в местностях с преобладающим христианским населением, точнее, вблизи границ с Сербией, Болгарией, Грецией. В своих далеко идущих планах комиссия мечтала довести число мусульман-переселенцев из Сербии, Восточной Румелии и даже из Российской империи до 900 тысяч человек. Комиссия намечала для будущих поселенцев «скупать все продающиеся земли в свои руки и... хлопотать об отводе казенных земель; землевладельцы-беи должны обязаться заменить всех своих полевых рабочих чифтчиев-христиан мусульманами»⁷

Проект вызвал обоснованную тревогу среди христианского населения. В «Салоникской газете» появилась статья, где власти призы-

вались заняться не переселением мусульман в Македонию, а прекращением эмиграции жителей Македонии в Америку. Сама идея переселения характеризовалась как «вопиющая политическая не деликатность после всех высоких речей о братстве между различными „оттоманскими“ народностями». Сами же христиане, как подчеркивалось, будут не в силах бороться с наплывом мусульманского элемента и им «угрожают неисчислимы бедствия как в экономической, так и политической жизни»⁸

Реализация проекта была отложена вследствие известных апрельских событий в Стамбуле, где вспыхнул мятеж войск гарнизона. Младотурки, спешно двинувшие свои войска из Македонии (к ним присоединился и отряд Я. Санданского), сумели быстро его подавить и после этого вновь вернуться к обсуждению вопроса о переселении мусульман в Македонию. В июле и августе 1909 г. турецкий парламент принял ряд постановлений о наделении землей мусульман-переселенцев. На местах формировались комиссии по переселению, которым отпускались необходимые денежные средства для реализации проекта, но процесс, связанный с ломкой устоявшегося быта, шел медленно.

В то же время Македония продолжала быть предметом переговоров между балканскими странами. В 1909 г. Белград, остро заинтересованный в выходе на Адриатическое море через Албанию, предложил Софии заключить договор о разделе Македонии по линии Велес — Охрид. Однако Болгария, в очередной раз отвергла сделанное предложение. Болгары по-прежнему строили планы по овладению Македонией путем получения ею автономии с последующим присоединением к Болгарии. В то же время в Софии понимали, что без союзников в преддверии войны с Турцией такие расчеты обречены на провал. В 1910 г. Болгария начала зондировать почву для соглашения с Грецией, где наибольшую дискуссию вызвала судьба Салоник. Руководитель российской миссии в Белграде Н. Г. Гартвиг, получив информацию о готовящемся болгаро-греческом пакте, со своей стороны настаивал прежде всего на заключении сербско-болгарского союза при вхождении в него в дальнейшем Греции и Черногории.

Эти переговоры начали свой отсчет с 1911 г. Вопрос о Македонии стал на них одним из центральных. 13 марта 1912 г. был подписан сербско-болгарский договор о дружбе и союзе, в сущности, для «ока-

зания взаимной помощи и для охраны общих интересов в случае изменения статус кво на Балканах или нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон». Был согласован и план раздела Македонии. Окончательное решение о границе в случае спора принадлежало бы российскому императору как верховному арбитру. Договор расширился в результате майского союзного соглашения между Болгарией и Грецией, по которому вопрос о Македонии предполагался решиться в зависимости от числа выставленных на фронт войск, успехов и понесенных жертв. В сентябре заключили между собой пакт Сербия и Греция. Балканский союз был, наконец, оформлен.

Каково же было отношение к нему России? Достаточно четко и недвусмысленно высказался об этом в своих воспоминаниях министр иностранных дел С. Д. Сазонов. В частности он писал, что «в глазах русской политики первая серьезная попытка (речь идет о сербо-болгарском договоре — В. К.) полюбовного размежевания взаимных интересов сербов и болгар в этой спорной области, которая, очевидно, не могла, ввиду роста национального самосознания македонского населения, не разделить, в более или менее близком будущем, участь прочих владений Турции на Балканах, имел особое значение... Ожидать от русской дипломатии отрицательного или только безразличного отношения к подобной попытке было неразумно. Не сделать ничего для достижения Сербией и Болгарией их целей — значило для России не только отказаться от завершения своей исторической миссии, но и сдать без сопротивления врагам славянских народов занятые вековыми усилиями политические позиции»⁹. Безусловно, Сазонов здесь не договаривал о интересах России, главной целью которой были — Пролиты. Но об этом несколько позже.

После создания Балканского союза война с Османской империей под флагом освобождения славянских братьев, точнее, ради вскрытия «македонского нарыва», не заставила себя долго ждать. В октябре 1912 г. Сербия, Болгария, Греция объявили войну своему бывшему грозному господину. Ход ее известен: болгарские войска заняли восточную часть Македонию, сербские — западную и через Албанию вышли к желанной Адриатике, греческие — большую часть Южной Македонии. Однако для сербов выход к морю был утрачен после провозглашения Албании независимым государством, что было

одним из решений Лондонского мирного договора 30 мая 1913 г., утвердившего результаты войны.

Создавшаяся ситуация не устраивала бывших союзников. Сербия, «потеряв» море, требовала от Софии в виде компенсации Вардарскую долину. Афины выступали за передачу занятых Болгарией некоторых территорий Юго-Восточной Македонии и признания греческих прав на Салоники. Болгария добивалась пропуска ее войск в Западную Македонию, занятую сербами и греками.

Призыв российского императора Николая II к миру, хотя и был услышан на Балканах, но остался втуне. Новая война после заключения антиболгарского сербско-греческого тайного договора (май 1913 г.) была на пороге.

София, опьяненная своими успехами, готовилась к войне со своими бывшими союзниками, рассчитывая занять господствующее положение на Балканском полуострове и завершить решение македонского вопроса в свою пользу.

29 июня с нападения болгарских частей на сербские аванпосты началась Вторая Балканская (Межсоюзническая) война, в которой София потерпела поражение. В августе по условиям Бухарестского мира Македония вновь подверглась операции раздела: Сербия получила Вардарскую Македонию, Греция — Эгейскую Македонию и Салоники, за Болгарией осталась лишь Пиринская Македония. В процентном отношении больше всех досталось Греции — свыше половины македонских земель, дальше шла Сербия — чуть больше тридцати восьми процентов, затем Болгария со своими десятью с небольшим процентами.

Как подчеркивал Сазонов: «Бухарестский мир был только пластырем, наклепленным на незалеченные балканские язвы, которым было суждено снова вскрыться не далее как через год»¹⁰.

Деж Македонии вызвал бурную реакцию со стороны славянских, в том числе македонских, организаций и отдельных деятелей. В качестве примера можно назвать македонских интеллектуалов во главе с Д. Чуповски, которые группировались вокруг журнала «Македонский голос», выходившего в Петербурге в 1913—1914 гг. «Македония для македонцев» — таков был лейтмотив выступлений Чуповски, отстаивавшего идею независимости своей страны. Не молчала македонская эмиграция и на североамериканском континенте. Македонская организация в Чикаго в связи с трагическими

событиями второй Балканской войны направила призыв ко всем македонцам США и Канады, в котором подчеркивалась необходимость борьбы македонского народа за «завоевание полной свободы и автономии».

Может быть поставлен вопрос, а какова же была реакция самих народных масс на оккупацию и раздел Македонии? Народ безмолвствовал и не оказывал организованного сопротивления, хотя можно говорить о таких формах пассивного отпора как сокрытие оружия, утаивание продуктов от реквизиций, дезертирство из армий новых властителей и т. п. Молчание народа могло быть обусловлено рядом причин. Приведу, на мой взгляд, основные. Во-первых, в результате эмиграционных процессов Македония лишилась значительной части наиболее инициативной группы населения. Во-вторых, для оставшихся жителей сформированная в течении столетий привычка к повиновению стала неотъемлемой чертой быта. В-третьих, степень общественно-политического сознания крестьянской массы была на весьма низком уровне, что являлось следствием как общей отсталости, так и тех средств, часто носивших уродливый и насильственный характер, которые применялись турками, греками, сербами, болгарями в борьбе за обладание македонскими землями.

Эта же политика отчетливо проявилась с момента оккупации Македонии. Болгарские, греческие, сербские власти проводили на занятых территориях соответствующую тактику в отношении просвещения и церкви (даже насильственной смене имен и фамилий). Отмечался террор в отношении жителей со стороны оккупационных сил. Так, в докладе Международной комиссии, созданной для информирования мировой общественности о балканских войнах 1912—1913 гг., обвинялись в жестокостях по отношению к военнопленным и гражданскому населению все правительства и армии балканских государств.

С началом первой мировой войны началось рекрутирование македонского населения в войска Сербии, Болгарии, Греции. Сербия за год с небольшим (до начала войны с Болгарией, выступившей в октябре 1915 г. на стороне Центральных держав) мобилизовала около 45 тыс. человек. Греция, хотя и не участвовала в войне, тем не менее призвала под знамена своих формирований около 20 тыс. человек. Болгария к осени 1915 г. имела македонскую дивизию численностью свыше 35 тыс. человек. Создавались также отряды для

проведения диверсионных и других акций. Складывалась парадоксальная, в сущности трагическая ситуация, когда македонское население вынуждено было сражаться друг против друга в армиях враждующих коалиций.

Сама же Македония служила разменной картой в сложной политической игре. Это четко просматривается в стратегии России на Балканах. Вспомним, что в конце XIX в. в разговорах о политике и целях Российской империи на Балканском полуострове бытовала притча о черепахе, медленно продвигающейся к далекому ручью со светлой и чистой водой; перед ней возникают различные помехи и препятствия, но она упорно движется к своей цели. Здесь черепаха — Россия, ручей — Константинополь. Как ни пытались вначале это отрицать российские дипломаты, но идея захвата Константинополя и Проливов, проявлялась в ее политике. Утверждение на Босфоре было тем ключом, обладание которым могло снять ряд крупнейших для России проблем. К выполнению этой исторической задачи рассчитывали подключить Болгарию и Сербию с их планами расширения своих территорий, что так наглядно проявлялось в македонском вопросе. Однако разрушение Балканского союза значительно затруднило эту задачу.

В Петербурге считали, что в новых условиях средством, способным привлечь Болгарию в качестве союзницы, могло быть только одно — передача ей территории Македонии в границах договора 1912 г. Однако все зондажи руководителя российской миссии в Белграде Г. Н. Трубецкого наталкивались на резкое сопротивление главы сербского правительства Н. Пашича. Неоднократные и довольно мучительные переговоры обрели надежду на благополучное завершение лишь после подключения к ним держав-союзниц, предложивших Сербскому королевству взамен Македонии иные территории. В своем заявлении от 16 августа 1915 г. Антанта обещала, в частности, обеспечить сербам выход к Адриатическому морю и часть побережья, Боснию и Герцеговину. Не имея особого доверия ни к Болгарии, ни к Антанте, сербская сторона под нарастающим давлением — королю Петру были направлены обращения императора России, английского и итальянского королей, президента Франции — все же пошла на уступки. Давая в принципе свое согласие, Белград выставил ряд дополнительных условий, где в числе прочих содержалось и требование о включении Хорватии с г. Фиуме (Риека) в состав

королевства. Передача же Македонии могла быть проведена лишь после того, как Сербия войдет во владение новыми территориями, а также будут улажены все вопросы относительно прав и интересов сербского населения, проживавшего на македонских землях. Эти условия означали усложнение вопроса. Тем не менее, опираясь на принципиальное согласие Сербии, державы 1 сентября 1915 г. заявили Софии о гарантиях передачи Македонии, обуславливая это вступлением Болгарии в войну на стороне Антанты.

Как известно, план Антанты провалился: Болгария выступила на стороне Германии. Одно из объяснений случившегося принадлежит Трубецкому, который писал в своих воспоминаниях: «Я лично глубоко убежден, что выступление Болгарии против нас произошло не вследствие ошибки, совершенной дипломатией, а по гораздо более глубоким причинам. Главная из них та, что болгары не хотели допустить нашего водворения в Константинополе... Болгары понимали, что если Россия упрочится в Константинополе, то конец их гегемонии на Балканах. Они уже не в состоянии будут посягать на своих соседей»¹¹. Исходя из этого Трубецкой предлагал нанести удар по Болгарии, чтобы вернуть ее в конечном итоге к совместным с союзниками действиям по овладению Стамбулом*.

Трубецкой не был одинок в своих размышлениях. Подобной точки зрения придерживался и бывший посол в Софии А. А. Савинский, развивавший идею нанесения превентивного удара по Болгарии и последующего вступления в переговоры с политическими деятелями этой страны. Причем переговорный процесс должен был начаться лишь после свержения самими болгарами династии Кобургов и уда-

* Чтобы окончательно расставить акценты в вопросе о Константинополе и Проливах, представляется необходимым привести выдержку из воспоминаний Сазонова: «Конечной целью русской политики было достижение свободного доступа к Средиземному морю и, равным образом, — возможности обеспечить защиту своего Черноморского побережья от постоянной угрозы прорыва враждебных морских сил сквозь турецкие проливы... Россия всегда добивалась и всегда будет добиваться, каков бы ни был ее государственный строй, того же, чего добивалась в течение двух столетий со свойственной ей непреклонной энергией Англия и чего она достигла еще в девятнадцатом веке, захватив в свои руки все важнейшие стратегические пункты Средиземного моря и Персидского залива, лежащие на пути к ее индийским владениям... С подобным же явлением мы встречаемся в Атлантическом океане, где Северо-Американские Соединенные Штаты подчинили себе в политическом и стратегическом отношениях Панамский канал, соединяющий два океана и не примыкающий ни к одной из частей Штатов, а находящийся на территории независимого государства»¹².

ления советников экс-монарха Фердинанда. В обмен же на выступление на стороне Антанты предлагать Болгарии Македонию по линии 1912 г. или до Вардара, а также обещать часть Фракии в зависимости от обстоятельств¹³.

Какие-либо комментарии здесь представляются излишними; сказано четко, определенно, ясно. Само же закрепление Македонии за новой — возможно даже с республиканской по форме правления — Болгарией позволяло содействовать разрешению ряда стратегических задач. Однако реалии военной обстановки в сочетании с радикализмом предложенных Савинским мер не позволяли применить план русского дипломата.

Македония как обменная карта всплыла в дипломатической почте и весной 1917 г. Речь идет о визите болгарского посланника в Берлине Д. Ризова к русскому дипломату в Стокгольме А. Неклюдову для выяснения вопроса о ручательствах, которые могла бы дать Россия в случае перехода Болгарии на сторону Антанты. Причины такого зондажа очевидны — предчувствие краха политики, в которую была вовлечена Болгария. Как и многие его коллеги Неклюдов писал в марте 1917 г. в своем секретном донесении, что переход Софии на сторону России был бы тем решительным ударом, который заставит Стамбул капитулировать. По мнению Неклюдова плата за подключение Болгарии к Антанте должна была включать в себя не только закрепление за Софией Македонии в границах 1912 г., но и передачу ей Пирота, части Добруджи, а также Каваллы, Салоник, Адрианополя. Сербия должна была быть вознаграждена территориями за счет Австро-Венгрии. Цена, как признавал сам Неклюдов, была большая, но и значение выхода Болгарии из коалиции Центральных держав с переходом в Антанту было сверхважным для России тех месяцев. Шла напряженная подготовительная работа, прерванная осенью 1917 г. в связи с революционными событиями в России.

С военным крахом Центральных держав в 1918 г. потерпела поражение и Болгария. По перемирию от 29 сентября болгарские войска вышли из ранее занятых ими македонских земель, оставив за собой только Пиринскую Македонию и Струмицу. В 1919 г. согласно решениям Версальской мирной конференции за Болгарией была закреплена лишь Пиринская Македония. Вардарская Македония и

Струмица были присоединены к Королевству сербов, хорватов и Словенцев.

Македонский вопрос был решен военным путем и без участия македонского народа, что таило в себе зародыш будущих конфликтов и осложнений на Балканах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. оп. 317/2. д. 4323. л. 55 об.—56.

² Жинзифов Р. Публицистика. София, 1964. т. 1. с. 127.

³ Цит. по: Струкова К. Л. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: общественно-политическое развитие Македонии в 50—70 гг. XIX в. с. 144—145.

⁴ Јовановић С. Влада Александра Обреновића. књ. 1. Београд, 1934. с. 147.

⁵ АВПРИ. Ф. Политархив, д. 5358. л. 54 и об.

⁶ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. д. 2307. л. 67 об.

⁷ АВПРИ. Политархив, д. 1151. л. 9 об.

⁸ АВПРИ. Политархив, д. 1151. л. 10 и об.

⁹ Сазонов С. Д. Воспоминания М., 191. с. 62—63.

¹⁰ Там же, с. 120.

¹¹ Трубецкой Б. Н. Воспоминания. Монреаль. 1983. с. 273.

¹² Сазонов С. Д. Указ. соч. с. 58.

¹³ АВПРИ. Ф. Политархив, д. 5358. лл. 20—30.

ГЛАВА 15

Первая мировая война. Рождение Югославии

Национальная программа Сербского королевства накануне I мировой войны включала в себя два основных компонента. Во-первых, сербские политики считали главной своей целью освобождение всех территорий, населенных сербами и находившихся под властью Турции и Австро-Венгрии. Второй компонент сербской национальной программы был окрашен в югославянские тона. Поворотным пунктом ее эволюции в сторону югославизма стали Балканские войны (1912—1913 гг.). Военные успехи Сербии и ее территориальные приобретения в результате них во многом изменили атмосферу в стране. Теперь и ее политический истеблишмент, а не только общественные круги, стал задумываться о судьбе «братьев с того берега Савы, Дрины и Дуная».

Вместе с тем не стоит абсолютизировать и переоценивать значение этого поворота сербских политиков. Югославянский аспект сербской национальной программы в условиях существования Австро-Венгрии, как мы уже упоминали в одной из предыдущих глав, носил идеальный характер, не имея «ничего общего с конкретной государственной политикой». Накануне Мировой войны в белградских коридорах власти о нем не было принято говорить вслух. Приоритет отдавался более насущным и жизненным задачам. В новых же, сложившихся после Балканских войн, условиях в разряд таковых выдвигались задачи освоения и обустройства вновь присоединенных областей. А это требовало времени. «В наших интересах, — говорил Н. Пашич после заключения Бухарестского мира, — чтобы Австро-

Венгрия просуществовала еще лет 25 — 30, дабы мы могли так «переварить» наши новые территории на юге, что вопрос об их принадлежности уже никогда и никем не мог бы быть поставлен заново»¹.

Кроме того, немалое значение для руководства Сербии имели и отношения с соседней Черногорией. Поделив между собой освобожденную от турок территорию Новипазарского Санджака (ныне Рашка), два независимых сербских королевства наконец-то соприкоснулись своими границами. В начале 1914 г. между ними, в тайне от Австро-Венгрии и при одобрении России, начались переговоры о более тесном сотрудничестве в военной, дипломатической, финансовой и иных областях. О том, насколько более важными были для Пашича накануне I мировой войны переговоры о реальном сближении Сербии и Черногории по сравнению с довольно абстрактными лозунгами югославянского единства, свидетельствует и российский посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг. Донося 7 апреля 1914 г. в МИД о начавшемся диалоге, дипломат подчеркивал, что «Пашич находил желательным оставить ныне в стороне все заботы о «неосвобожденных еще сербских братьях и целом югославянстве», а подумать о мероприятиях, которые на деле скрепили бы узы единокровных народов» (сербов и черногорцев. — *А. Ш.*)².

Итак, очевидно, что даже в условиях определенного югославянского идейного «крена» Н. Пашич — этот, по выражению Л. Д. Троцкого, «некоронованный король Сербии» — продолжал в своей реальной политике отдавать приоритет решению насущных внутрисербских, назовем это так, задач. Югославянская же перспектива лежала для него далеко за сербским горизонтом. И вряд ли вообще предполагал старый сербский премьер, которому в год начала войны исполнилось 69 лет, что он и современное ему поколение политиков окажутся не только свидетелями, но и действенными участниками югославянского объединения. Саму возможность реализации этой идеи он, казалось, добровольно «отдавал» в руки будущих поколений. Но история распорядилась по-другому. 28 июня 1914 г. член революционной организации «Млада Босна» (Молодая Босния) Гаврило Принцип застрелил в Сараево австрийского престолонаследника эрц-герцога Франца-Фердинанда. Сараевское убийство послужило непосредственным поводом к Первой мировой войне...

С ее началом югославянский вопрос был открыто поставлен сербским правительством, что нашло отражение в Нишской декларации, принятой Народной скупщиной 7 декабря 1914 г. *. В документе торжественно провозглашалось: «С непоколебимой уверенностью в решимость всего сербского народа до конца отстаивать свое Отечество и свободу, королевское правительство в настоящий судьбоносный момент считает своей главнейшей и единственной задачей — способствовать успешному завершению этого великого вооруженного противостояния, которое с самого начала стало одновременно и борьбой за освобождение и объединение всех наших неосвобожденных братьев сербов, хорватов и словенцев».

По мнению ряда историков, Нишская декларация явилась логическим следствием тех интегралистских тенденций, которые проявились в политической жизни Сербии еще в предвоенные годы, а также адекватным отражением настроений самого Н. Пашича и руководства радикальной партии. Несомненно, в этих утверждениях имеется известная доля истины, однако для более глубокого понимания сути югославянской программы сербского руководства в годы I мировой войны есть смысл обратиться к иным, а не только чисто идеологическим, мотивам ее обнародования, а также реконструировать тот военно-политический и дипломатический «расклад сил» в Европе и на Балканах в первый год противостояния, на фоне которого и шла работа по ее выработке.

Уже 5 августа 1914 г., т. е. буквально через несколько дней после «трансформации» локального австро-сербского конфликта в европейскую войну, министр иностранных дел России С. Д. Сазонов посоветовал Пашичу пожертвовать известными территориями в сербской Македонии (восточной ее частью до реки Вардар) в пользу Болгарии для обеспечения хотя бы благожелательного нейтралитета последней в начавшейся войне. По словам поверенного в делах России в Сербии В. Н. Штрандтмана, Пашич соглашался на некоторую коррекцию сербско-болгарской границы, полагая возможным провести ее «по ближайшему к Вардару с восточной стороны водоразделу...». Мало того, из разговора с ним российский дипломат вынес впечатление, что «в случае получения Сербией Боснии и выхода к Адриатике она в своих уступках пойдет дальше»³.

* В начале войны сербский монарх, правительство и парламент переехали в Ниш, временно ставший столицей государства.

Дипломатическое давление союзников и требования территориальных уступок «соседке» заставили сербских политиков всерьез задуматься о собственных контрпретензиях. 29 августа заместитель Пашича по министерству иностранных дел Йован Йованович подчеркнул настоятельную необходимость разработки целостной югославянской программы «в связи с вопросом о компенсации Болгарии». Когда же 30 августа в адрес сербского правительства последовал уже совместный англо-русско-французский демарш аналогичного содержания (уступки Болгарии в Македонии с обещаниями компенсаций в другом месте), Пашич в ответ на него заявил, что «Сербия была бы расположена уступить часть своей территории после победоносной войны держав Тройственного Соглашения, когда они диктовали бы условия мира и дали бы возможность получить сербо-хорватские территории с прилегающим побережьем»⁴. Налицо, как видим, известная подвижка в сторону увеличения территориальных требований (по сравнению с претензиями только на Боснию и Герцеговину), но это еще и не всеюгославянская программа.

Итак, можно заключить, что поначалу сербское правительство в принципе было готово «обменять» часть Македонии на территориальные приращения на западе и севере — в Боснии и Герцеговине и Хорватии, но обязательно с гарантированным и широким выходом на Адриатическое побережье. С точки зрения геополитики, здесь все ясно и логично. Сербия — это единственная на Балканском полуострове страна, не имевшая свободного выхода к морю, что делало ее положение крайне уязвимым — изо всех сил «держалась» за долину реки Вардар, представлявшую собой единственный удобный выход к эгейскому порту Салоники. В условиях же активизации попыток дипломатии стран Антанты привлечь нейтральную Болгарию к участию в войне на своей стороне и обещаний ей обширных компенсаций в Македонии, что сопровождалось усилением давления на Сербию, в Нише выдвигали свои контртребования — обеспечить протяженный и гарантированный выход к Адриатическому морю. Разница между болгарскими и сербскими «аппетитами» заключалась в том, что для удовлетворения Болгарии требовалось согласие Сербии, для сатисфакции же последней — окончательная победа держав Антанты в войне, ибо Сербия претендовала уже на австро-венгерские территории — Боснию и Герцеговину, Хорватию, Дал-

мацию. Потому-то и соглашались сербы на этот геополитический «обмен» только после победоносной войны, хотя союзники и настаивали на немедленном согласии Ниша на передачу вождеденных македонских территорий Софии.

Интересны объемы компенсационных притязаний Сербии в первый месяц войны — они неопределенны, весьма противоречивы и неполны (то Босния, то сербско-хорватские территории Австро-Венгрии, но и то и другое с побережьем — это главное; о Словении упоминаний пока нет вообще). Оно и понятно, ведь интегральная югославянская программа только разрабатывается — для ее подготовки и аргументации правительство привлекло крупнейших сербских специалистов в области этнографии, лингвистики, истории: Йована Цвиича, Александра Белича, Йована Радонича, Слободана Йовановича и других...

А тем временем представители Антанты вели активные переговоры с другим кандидатом в союзники — Италией, о позиции которой здесь следует сказать особо, имея в виду ту «роль», которую итальянский фактор сыграет в истории юнионистского движения югославян в годы войны.

* * *

Как известно, после открытия военных действий в Европе Италия не выступила на стороне своих «партнеров» по Тройственному Союзу (Австро-Венгрии и Германии), а объявила о нейтралитете, искренность которого мало кого могла обмануть, ведь положение нейтральной державы позволяло ей, выждав время, выяснить у обеих воюющих группировок, какую цену готова предложить каждая из них за сохранение нейтралитета или за потенциальное военное содействие. Опираясь на провозглашенный принцип «священного эгоизма» (*sacro egoismo*), итальянское правительство в первые же дни войны вступило в параллельные переговоры как с представителями стран Антанты, выговаривая себе лучшие условия для возможного вступления в войну, так и со своими номинальными союзниками — Центральными державами — о будущих компенсациях за нейтралитет (согласно статье 7 Тройственного союзного договора). Начиналась длительная и рутинная «игра» в нейтралитет, что и понятно, ведь ставки были слишком высоки, чтобы позволить себе ошибиться или продешевить — именно со вспыхнувшей войной в

Риме связывали все надежды не только на осуществление своих национальных стремлений, но и на удовлетворение широких геополитических вожделений. Как вспоминал впоследствии Антонио Саландра (заявивший пост премьер-министра 16 октября 1914 г. после смерти его предшественника Сан-Джулиано), «мы были убеждены в том, что не должны пропустить благоприятный случай, который в течение столетий больше не повторится, чтобы вернуть себе всю нашу национальную территорию, создать сухопутные и морские границы, закрытые для обычных вторжений, возвысить Италию до настоящей великой державы, что означает нечто иное, чем приобретение скромного клочка земли с границами, плохо обозначенными в географическом и языковом отношении».

А так как на пути завершения процесса национально-политической консолидации итальянских земель (речь идет о присоединении к Италии Трентино и Южного Тироля — областей с преимущественно итальянским населением), а уж тем более создания «сухопутных и морских границ, закрытых для обычных вторжений» (расшифровать эту дипломатическую казуистику можно так — притязания на Триест, Истрию, Далмацию и часть албанского побережья), что превратило бы Адриатику, как в достопамятные времена римских императоров, в итальянское «*mare nostrum*», стояла Австро-Венгрия, то направление стратегического выбора Рима предугадать было несложно. Тот же Саландра писал: «Италия никогда не получит такой благоприятной okazji для сведения счетов с Австро-Венгрией». И выбор был сделан. Причем, довольно скоро. Решение примкнуть к Антанте было принято во второй половине сентября 1914 г. Однако, это было лишь принципиальное решение, не более. Впереди союзников ждали долгая «торговля» и многочисленные согласования в четырехугольнике Рим-Париж-Лондон-Петроград относительно конкретных условий его «материализации». В этой ситуации вопрос о будущей принадлежности югославянских территорий Австро-Венгрии (в первую очередь Словенского Приморья, Истрии, Хорватии и Далмации) становился центральным в различных дипломатических комбинациях.

Сама Италия, наряду с требованием обеспечить себе решающее преобладание на северном и особенно восточном побережье Адриатики, уже в сентябре 1914 г. выдвинула идею автономии или независимости Хорватии, что создало бы, по мнению ее авторов,

идеальные условия для единоличного господства Рима в своем «*mare internum*». «Мы не можем,— писал за месяц до своей смерти премьер-министр Сан-Джулиано,— переменить кошмар австрийской угрозы на кошмар славянской угрозы, и для этого нам нужны твердые гарантии». В качестве таковых и предполагалось создание «независимого» Хорватского государства и сужение до минимума уже обещанного союзниками Сербии выхода к морю. Газета «*Secolo*», несколько позже, правда, писала по поводу гарантий: «Лучше иметь в качестве соседей два маленьких государства (имеется в виду Сербию и Хорватию— А. Ш.), чем одно, которое включает оба маленьких. При наличии преимущественного антиславянской Албании, с одной стороны, и католической антисербской Хорватии, с другой, мы установили бы выгодное равновесие в восточной Адриатике». Геополитические мотивы итальянского правительства очевидны — не допустить возможного объединения югославянских областей Австро-Венгрии, в крахе которой в Риме были кровно заинтересованы, с родственной по языку Сербией, претензии которой на широкий выход к Адриатическому побережью объявлялись «славянской угрозой».

Чрезвычайно любопытным и весьма значительным для характеристики Италии является то обстоятельство, что ее откровенное стремление стать единственной региональной сверхдержавой, сопровождаемое политикой раскола, по выражению той же газеты, «империалистического сербского блока», мирно уживалось с указаниями премьера Сан-Джулиано своим дипломатам в столицах стран Антанты... «получить гарантию, что Сербия будет вместе с Италией продолжать войну против Австро-Венгрии вплоть до ее гибели». Что же, политика «священного эгоизма» набирала силу. Своего пика она достигнет весной 1915 г., в момент самой интенсивной «торговли» Италии с новыми союзниками, но основные ее контуры без труда прослеживаются уже спустя два месяца после начала войны...

* * *

Слухи о переговорах Италии с Антантой, а также идея Рима о независимости Хорватии с вхождением в состав последней большинства югославянских земель Австро-Венгрии, вызвали у сербского руководства немалое беспокойство. Потому-то и пото-

рапливал 4 октября все тот же заместитель Пашича по иностранным делам Й. Йованович маститых ученых с выработкой программы югославянских притязаний Сербии, ибо, по его словам, «в некоторых дипломатических кругах, с подачи Италии, уже начинают говорить об автономной Хорватии, в состав которой вошли бы собственно хорватские земли, Словения и часть Далмации, а может быть, и какая-то часть Боснии». В тех условиях требуемая программа должна была стать серьезным контраргументом сербского правительства в его дипломатической борьбе с притязаниями Италии в столицах союзных государств.

3 октября 1914 г. сербская королевская миссия в Петрограде представила в российский МИД памятную записку — телеграмму Пашича от 28 сентября того же года. «Хотя еще не наступило время обсуждать вопрос о том, какому государству какая часть территории должна принадлежать после окончательной победы над неприятелем, — писал премьер сербскому посланнику в Петрограде Мирославу Спалайковичу, — все-таки считаю нужным заблаговременно обратить ваше внимание на наши претензии, дабы вы могли руководствоваться ими для себя лично в разговорах в дипломатических кругах о претензиях других государств (прежде всего Италии и отчасти Румынии. — А. Ш.). Теперь я это делаю вкратце, — продолжал Пашич, — а позже я вам пришлю более подробные инструкции с историческими данными о сербо-хорватских землях, на которые претендуем. Если война окончится так, как мы предполагаем, и Австро-Венгрия будет окончательно побеждена, то...» И далее Пашич рисует границы государства, в состав которого должны войти Воеводина, Славония, Хорватия, Далмация и Словения, т. е. все югославянские земли Дунайской монархии, кроме Триеста и Истрии, «которую можно было бы поделить с Италией, если бы последняя немедленно выступила против Австро-Венгрии»⁵. Итак, перед нами программа югославянского объединения (правда, пока еще как бы «для служебного пользования»), абсолютно идентичная той, которая будет официально обнародована два месяца спустя в Нишской декларации.

Вместе с тем следует заметить, что Пашич отнюдь не был столь наивным политиком, чтобы поверить, будто сформулировав программу югославянского объединения, Сербия тем самым прочно обезопасила себя от итальянских претензий на Восточно-Адриатичес-

кое побережье. Он понимал что Италия для государств Тройственного Соглашения являлась фактором стратегическим, а потому отдавал себе отчет в том, что желая «купить» военное содействие Рима для усиления своих позиций против Австро-Венгрии, Лондон, Париж и Петроград вполне могли пойти навстречу его геополитическим притязаниям. Допуская такую возможность, сербский премьер подготовил запасной вариант. В случае, если бы державы Антанты поддержали предложение Италии о создании буферного хорватского государства, он потребовал включить в состав Сербии Боснию и Герцеговину, Далмацию, а также Срем, Славонию и Лику (т. е. часть Воеводины и заселенные в основном или частично сербами области Хорватии). Отметим этот важный момент и вообще умение Пашича мгновенно «подстраховываться»...

Здесь остановимся и зададимся вполне резонным вопросом — что же произошло за те два с лишним месяца, с сентября по декабрь 1914 г. т. е. с момента выработки сербским правительством программы югославянского объединения до ее официального обнародования в Нише.

Ноябрь 1914 г. был отмечен для Сербии резким ухудшением ситуации как на военном, так и на дипломатическом фронтах. Австро-венгерская армия под командованием генерала О. Потioreка перешла в середине месяца в наступление на сербском фронте и заставила сербов отступить. Началась Колубарская битва (17 ноября — 15 декабря) — крупнейшее сражение на Балканах в годы I мировой войны. Военное положение Сербии из-за огромного дефицита боеприпасов становилось критическим — нечем было отвечать на шквал артиллерийского огня противника. Сербы оставили Валево, Обреновац; к концу месяца пал Белград. Параллельно союзная дипломатия усиливала давление на Пашича, склоняя его пойти-таки на территориальные уступки Софии и заручиться ее помощью. Сербское правительство отказалось вознаградить «изменницу славянской солидарности Болгарию в тот момент, когда Сербия истекала кровью в борьбе за победу славянского дела». О критичности момента свидетельствовал и тот факт, что начальник Главного штаба сербской армии воевода Р. Путник предложил кабинету подумать о возможности заключения сепаратного мира с Веной (если только это предложение не оказалось искуснейшей интригой многоопытного Пашича с целью оказания теперь уже контрдавления на союзников).

Как бы то ни было, союзники востепенулись — боеприпасы через Грецию и Вардарскую долину стали поступать в Сербию. Медленно до того отступавшие сербские войска, реорганизованные и снабженные всем необходимым, вдруг перешли в контрнаступление и прорвали вражеский фронт. Успешное контрнаступление сербов, начавшееся 3 декабря, завершилось 15 декабря освобождением Белграда. Второе с начала войны австро-венгерское вторжение в Сербию было отбито.

И вот в разгар самых жестоких боев с неприятелем, 7 декабря, сербский парламент принимает декларацию о необходимости освобождения и объединения всех сербов, хорватов и словенцев. Одно это обстоятельство, как представляется, уже свидетельствует о том, что характер принятого решения не мог не зависеть от военно-политической конъюнктуры. Не секрет ведь, что в противоборстве с Австро-Венгрией сербский премьер всерьез рассчитывал на югославян монархии как на своих потенциальных союзников, национальное движение которых неминуемо привело бы к ее внутреннему ослаблению. По свидетельству очевидца, декларация о военных целях Сербии приобрела общегославянское звучание лишь после того, как Пашича убедили в том, что «это поможет Сербии в войне, так как вызовет выступление югославянских и иных славянских народов Австро-Венгрии»⁶. По точной оценке сербского историка Савы Скоко, югославянская программа сербского правительства, содержащаяся в Нишской декларации — это «прежде всего мина для разрушения Австро-Венгерской монархии, заложенная в то время, когда никто в мире еще и не помышлял о возможности ее распада»⁷.

Кстати говоря, подобная трактовка знаменитого документа особой популярностью в сербской исторической науке не пользовалась. Уже упоминалось, что Нишская декларация рассматривалась многими авторами как логическое воплощение тех югославянских тенденций, которые еще до войны проявились в политической жизни Сербии, и в частности — в верхах правящей радикальной партии. С этим, однако, несколько не вяжется тот факт, что в первоначальном проекте декларации отсутствовало упоминание о «словенском племени» — оно было внесено в документ буквально в самый последний момент, после вмешательства известного словенского ученого и поборника югославянского единства Нико Жупанича и его разговора с Пашичем...

Подведем итог — к концу 1914 г. интегральная югославянская программа сербского правительства была сформулирована. Нишская декларация, несмотря на все явные и скрытые мотивы ее принятия, стала краеугольным камнем официальной юнионистской политики Сербии военного времени. Однако, сразу же следует подчеркнуть одну ее особенность чисто утилитарного характера. Политика эта, по крайней мере в первый год войны, в немалой степени являлась: во-первых, средством защиты сербского правительства от давления союзников в условиях «торговли» тех с Болгарией — чем больше уступок требовала Антанта в пользу болгар в Македонии, тем дальше на северо-запад, «к заветному морю», ширились контрпретензии сербов; во-вторых, геополитическим противовесом Сербии панадриатическим устремлениям Италии, закрывающим ей выход на побережье; и в-третьих, ее военно-пропагандистским инструментом в условиях открытого противостояния с Дунайской монархией.

* * *

Тем временем, наступал 1915 год — год вступления в войну Италии, Болгарии и крушения Сербии; год, показавший всю тщетность надежд на скорое окончание войны и лишь разогнавший обороты гигантской европейской мясорубки. Однако, начало его застало сербов в обманчивом ожидании близкого мира. Блестящая декабрьская победа, одержанная ими в Колубарской битве, в совокупности с военными успехами союзников на других фронтах, давала, как казалось в Нише, основания надеяться на скорое окончание кровопролития.

В ожидании близкого мира Сербия по-прежнему была готова уступить требованиям союзников в смысле удовлетворения болгарских притязаний в Македонии в обмен на гарантию будущего решения проблемы югославянских территорий Австро-Венгрии в благоприятном для себя духе. Британский историк и общественный деятель, поборник «югославянского дела» Джордж Тревельян писал 15 января 1915 г. на родину из Софии о своем (совместно с Генри Уикхем-Стидом) пребывании в Нише и контактах с сербским руководством: «Вообще, мы можем сказать на основании многочисленных переговоров с сербами, начиная от наследника престола до менее высокопоставленных лиц, что, чем больше заходит речь об экспансии

в сторону Адриатического побережья и образования Югославии, тем более сербы готовы уступить Македонию — и последнее лишь по дружественному настоянию великих держав, являющихся ее союзниками...»⁸.

А ситуация в Европе, между тем, менялась, и Сербию ожидал отнюдь не скорый мир, а тяжелейшие испытания.

К февралю 1915 г. военные приготовления Италии продвинулись настолько вперед, что начальник Генерального штаба генерал Луиджи Кадорна мог заверить правительство, что к середине апреля итальянская армия будет достаточно подготовленной для участия в войне. То, в свою очередь, сочло момент благоприятным для непосредственного обращения к государствам — членам Тройственного Соглашения с предложением своего военного содействия, тем более, что русские победы в Карпатах, казалось, предвещали окончательный разгром австро-венгерской армии, а приготовления союзников к форсированию Дарданелл зашли уже достаточно далеко. Опасаясь, что Антанта сама, без помощи Италии, покончит и с Турцией, и с Австро-Венгрией, в Риме решили не терять времени и «впрячься» в ее военную колесницу.

В союзных столицах (в Петрограде, правда, в меньшей степени, чем в Лондоне и Париже) благосклонно встретили предложение Рима о военном сотрудничестве, и переговоры об условиях вступления Италии в войну начались. 9 марта посол Италии в Лондоне маркиз Имперали вручил сэру Эдуарду Грею меморандум с итальянскими требованиями. В части нас касающейся, документ предусматривал передачу Италии почти всей Далмации до реки Нарента (Неретва) и островов к северу и западу от нее. Вопрос о будущей принадлежности адриатического побережья Хорватии и Герцеговины Италия требовала передать после войны «на решение Европы». При соблюдении этих условий в Риме соглашались не возражать против раздела Северной и Южной Албании (из Центральной с портом Дуррес предполагалось создать мусульманское государство, а порт Валлону с прилегающей территорией — просто аннексировать) между Сербией, Грецией и Черногорией, причем все потенциальное сербско-черногорское побережье подлежало бы демилитаризации.

Подобные территориальные прикидки римского кабинета находились в вопиющем противоречии с принципом самоопределения наций, главным поборником которого, по словам Саландры, Италия

*Димитр Миладинов
(1810–1862)*

*Константин Миладинов
(1830–1862)*

Даме Груев (1871–1906)

*Джордже Петров
(1864–1921)*

*Райко Жинзифов
(1839–1877)*

Гоце Делчев (1872–1903)

Граф Янко Драшкович (1770–1856)

Йосип Вошняк (1834–1911)

Иван Хрибар (1851–1941)

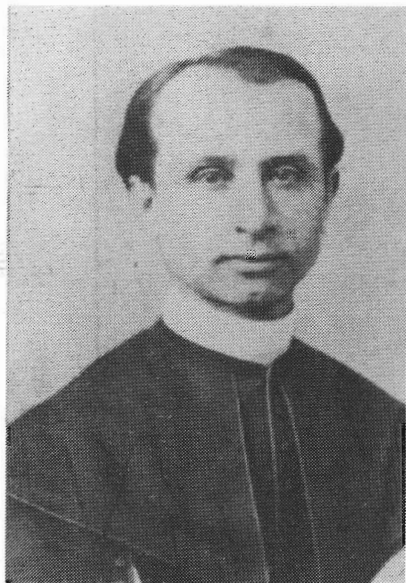
Янез Крек (1865–1917)

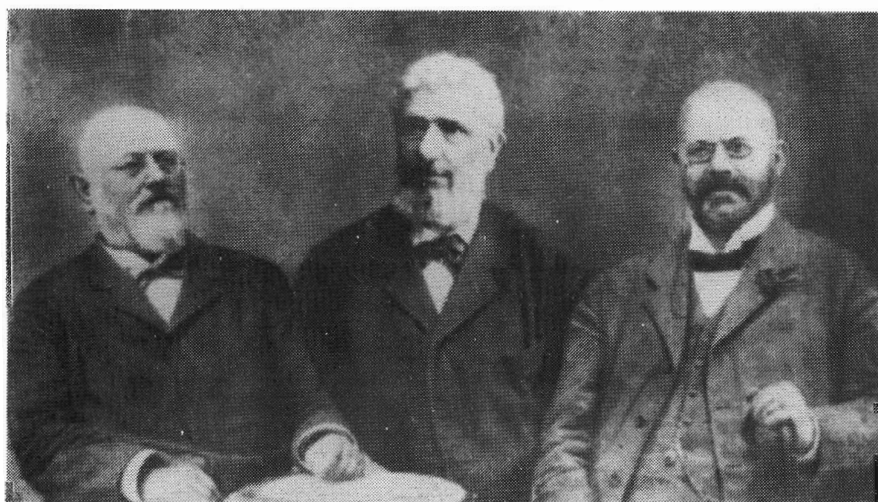
Этбин Кристан (1867–1953)

*Епископ
Џосип Јурај Штросмајер
(1815–1905)*

*Франђо Рачки
(1828–1894)*

*Давид Старчевић (1840–1908), Анте Старчевић (1823–1896),
Миле Старчевић (1862–1917)*

Франо Супило (1870–1917)

Степан Радич (1871–1928)

Анте Трумбич (1864–1938)

Мехмед Спахо (1883–1938)

считала себя. Население Далмации насчитывало примерно 633 тысячи человек, из которых итальянцев было всего 18 тысяч. За исключением Задара (итал. Зара) там не было ни одного города с итальянским большинством. Однако, все это мало смущало итальянских политиков. Их целью было претворение в жизнь формулы «полного господства» в восточной Адриатике, которое бы исключило «всякую возможность овладения австрийским побережьем какой-либо другой морской державой». Что же, не так уж не права была русская дипломатия, быстро разгадавшая «тенденции римского кабинета заменить Австрию на Балканах». Так геополитика властно диктовала свою волю принципам. Вовсю торжествовал двойной стандарт.

Что означали эти притязания Италии для Сербии и югославян Австро-Венгрии? Ответ на этот вопрос содержится в ответном меморандуме союзных правительств от 20 марта, в котором те советовали Риму пересмотреть объем своих притязаний на восточное побережье Адриатического моря, ибо «требование Италии о присоединении к ней Далмации, сопровождаемое предложением нейтрализовать значительную часть восточного адриатического побережья, и притязания на острова... оставляют Сербии весьма ограниченные возможности для выхода к морю, и запирают южнославянские провинции, которые имели основания рассчитывать, что эта война облегчит им осуществление их законных стремлений к расширению и развитию, чего они до сих пор были лишены». Как видим, удовлетворение итальянских требований поставило бы под серьезное сомнение саму возможность Сербии вырваться к морю, а югославянам Австро-Венгрии стать полноправными владельцами своих исконных земель.

Вокруг требований Италии по вопросу о Далмации развернулась дипломатическая борьба. Западные державы, особенно Англия, полагавшие, что вступление в войну нового союзника с Апеннин станет ее поворотным пунктом, сняли все свои возражения, высказанные в меморандуме от 20 марта, и начали оказывать на С. Д. Сазонова, твердо поначалу стоявшего на защите интересов югославян в регионе, сильнейшее давление с целью добиться согласия России с условиями Италии. Тем более, что 11 марта последовала нота союзников об отсутствии у них принципиальных возражений относительно заявления Николая II о том, что Константинополь и Проливы должны принадлежать России. В ответ на это в Лондоне и Париже ожидали встречных шагов Петрограда, и прежде всего

достижения соглашения с Римом. Сазонов, который по словам очевидца, «был буквально ослеплен константинопольским вопросом и считал адриатический второстепенным для России»⁹, под давлением союзников начал отступать. В конечном итоге, российское правительство было вынуждено пойти навстречу интересам Италии, оговорив, правда, при этом некоторые уступки в пользу Сербии. Сам Сазонов писал впоследствии: «Мне стоило большого усилия над собой, чтобы ради выгод итальянского союза пожертвовать интересами сербского народа...»¹⁰.

Окончательное соглашение союзников с Италией об условиях и сроках вступления последней в войну на стороне Антанты было закреплено в Лондонском четырехстороннем договоре, подписанном 26 апреля 1915 г. Договор предусматривал присоединение к Италии кроме итальянских областей Австро-Венгрии также Словенского Приморья, Истрии и Далмации. Сербии гарантировался только узкий выход к морю при условии его демилитаризации и обещалась Босния и Герцеговина. Хорватию предполагалось объявить независимой как от Австро-Венгрии, так и от Сербии...

Дальнейшие события показали, что такой «расклад» не нашел поддержки не только в Нише, но и среди политиков Хорватии, Далмации, Словении. Но сначала о позиции и реакции Сербии.

* * *

В Нише слухи о территориальных претензиях Италии, выдвинутых на переговорах с Антантой, вызвали резко негативную реакцию. По словам российского посланника в Сербии князя Г. Н. Трубецкого, престолонаследник Александр Карагеоргиевич в разговоре с ним «поделился серьезной заботой, которую внушают ему и сербскому правительству притязания Италии на часть далматинского побережья». Он возложил «все надежды на Россию», полагая, что «она не дозволит сделку, которая передала бы власть над значительным славянским населением из рук Австрии Италии и сделала бы неизбежной новую войну в ближайшем будущем»¹¹. Но перед Россией, вернее перед глазами ее сановников уже «качались» миражи святой Софии, и в этих условиях надеяться на решительное противодействие Петрограда союзникам в адриатическом вопросе было достаточно наивным. Но отнюдь не это было для сербов самым страшным. Самое страшное заключалось в том, что союзники и в

начавшемся году продолжали оказывать на Сербию давление, вынуждая ее пойти-таки на уступки Болгарии в Македонии. Мало того, давление это постоянно усиливалось, поскольку страны Антанты поставили своей целью во что бы то ни стало втянуть Софию в войну на своей стороне.

Сербия, таким образом, оказалась как бы между двух огней. С одной стороны, союзники требовали от нее немедленной передачи части Македонии болгарам, причем с Вардарской долиной — единственной, как уже говорилось, удобной артерией, связывавшей Сербию с морем. А с другой, соглашаясь на большинство требований Италии, в отношении Ниша они ограничивались туманными обещаниями «обширных территорий и выхода на Адриатическое море». В такой ситуации позиция сербского правительства не могла не измениться. Пашич в разговоре с Трубецким заявил, что «многие в Сербии предпочтут сохранить старое, чем приобрести новое». Югославянская программа в новых условиях, как видим, начинала «трещать».

Князь Трубецкой с тревогой сообщал в Петроград об ужесточении позиции Ниша по отношению к возможным уступкам Болгарии, подчеркивая, что «теперь едва ли можно будет добиться от сербов таких уступок болгарам как прежде, и что какое-либо слишком решительное представление держав имело бы, вероятно, результатом только смену кабинетов, но не согласие»¹². Российский посланник был прав — в воздухе действительно запахло правительственным кризисом. 4 мая престолонаследник доверительно сообщил ему, что «Пашич высказал желание при таких условиях покинуть власть». Что касается самих условий, то королевич не стал скрывать их от своего собеседника. Заметив, что он вполне разделяет единодушное «чувство оскорбленного самолюбия по поводу того, что союзники не считаются с сербами», Александр Карагеоргиевич заявил, что Сербия «не заслужила такого отношения своей лояльностью, ибо со всеми нейтральными странами, которые до сих пор одинаково, если не более, помогали нашим врагам, чем нам, разговаривают и позволяют торговаться за счет Сербии, и только с последней не считаются нужным церемониться»¹³. Что ж, в горьких словах молодого сербского принца содержалась значительная доля истины, ведь Сербия уже сделала свой выбор, подняв памятным летом 1914 г. брошенную Веней перчатку, и достойно подтвердила его, дважды (в

августе и декабре 1914 г.) послав «в нокдаун» сильнейшего на порядок противника. С ее же соседями (в первую очередь, с Болгарией и Румынией) союзники только вели «торговлю». И разменной монетой в ней были сербская Македония для Болгарии и заселенной в значительной мере сербами Банат для Румынии. Об Италии мы уже говорили.

Тем не менее, союзники продолжали давление — слишком велик был соблазн втянуть в войну Болгарию. По мнению официального Петрограда, «выступление Болгарии при настоящих условиях важнее вероятного ухода Пашича и возможного временного возбуждения в Сербии»¹⁴. Вскоре последовал очередной совместный демарш теперь уже четырех стран Антанты с требованием уступить Македонию. Пашич наотрез отказался приступить к обработке общественного мнения своей страны в нужном для союзников духе, полагая их требования «неприемлемыми». «Сербию распинают, в самую критическую минуту ее ампутуют»¹⁵ — заявил он поверенному в делах России Штрандтману. И, как представляется, сербский премьер имел право на столь эмоциональное и «неполитичное» заявление, ибо какое еще у него могло сложиться впечатление, если «уступка, требуемая в пользу Болгарии вполне определена, тогда как от Сербии дружественные державы скрывают содержание соглашения с Италией и не посвящают ее в переговоры с Румынией»¹⁶.

Логичность непреклонной позиции Пашича признавали и некоторые высокопоставленные политики Антанты. Дэвид Ллойд-Джордж, например, писал еще в феврале 1915 г. Э. Грею: «Я полагаю, что позиция сербского премьер-министра останется неизменной. Я сомневаюсь, чтобы он мог согласиться отдать значительную часть сербской территории заранее, не получив взамен ничего определенного. Это произвело бы такое расхолаживающее впечатление на сербскую арию, что парализовало бы ее действия. Сербская армия так блестяще сражалась, что это было бы для нее несчастьем»¹⁷. Прав оказался будущий премьер-министр Великобритании — позиция сербского лидера так и осталась неизменной.

Когда 3 августа союзники представили Пашичу новую, Бог весть какую по счету, ноту аналогичного содержания с небольшими, правда нюансами, тот заявил Трубецкому, что теперь «Сербии остается бороться из последних сил не только с Австрией, но и с собственными союзниками за защиту родной земли и кровных интересов». Выразив

свою благодарность России за то, что «она все сделала, что могла», сербский премьер был тверд в главном — «требовать от нас невозможного она не может». Когда Трубецкой «обратил внимание Пашича на опасность, добиваясь всего (а речь шла о нежелании держав дать никаких заверений в отношении Хорватии, умолчании о словенских землях, а также о нейтрализации и того участка побережья, который «выделялся» Сербии.— А. Ш.), ничего не получить, и на то, что сербам предстоит сделать выбор между Македонией и южным славянством», тот ответил: «Мы выбираем Македонию»¹⁸.

В официальном ответе он, естественно, не мог пользоваться столь прямолинейным стилем. Выраженный в иной форме сербский демарш, однако мало что менял по существу — Сербия соглашалась с уступкой Македонии при условии «формального обещания союзных держав в том, что Хорватия с городом Риекой (Фиуме) будут объединены с Сербией, что словенские земли будут освобождены и получат право на свободное самоопределение, и что к Сербии будет присоединена западная часть Баната, необходимая для обороны столицы и долины Моравы». (последнее требование являлось для сербов жизненно важным). Уступка части Македонии предполагалась, «как только Сербия вступит во владение обещанными ей территориями, а равно теми, которые упомянуты выше»¹⁹.

Подобное «согласие» не могло, естественно, удовлетворить союзников, желавших получить от Сербии все и немедленно. Сербы же стояли на своем твердо, готовые скорее «с честью погибнуть, чем идти на самоубийство». Ситуация складывалась тупиковая, и она не замедлила разразиться грозой. В октябре 1915 г., после начала третьего и последнего, теперь уже совместного австро-германского вторжения в Сербию, предводительствуемого немецким фельдмаршалом А. фон Маккензеном, Болгария вступила в войну на стороне Центральных Держав и немедленно напала на Сербию. Это было жестоким поражением союзной дипломатии.

Тяжелейшее отступление сербской армии, которое народ прозвал «Сербской Голгофой», завершилось в январе 1916 г. на албанском побережье, откуда ее остатки вместе с тысячами беженцев были эвакуированы на греческий остров Корфу, ставший отныне резиденцией сербского правительства...

Подведем промежуточный итог. Во-первых, как мы старались показать, программа югославянского объединения, в общих чертах

разработанная сербским правительством уже в сентябре 1914 г. и впервые официально апробированная 7 декабря того же года в Нишской декларации, носила, по крайней мере в первый период войны, больше геополитический, чем идеологический характер. Она была тесно связана с «македонским вопросом». До тех пор, пока у сербского руководства теплилась надежда на то, что при определении дальнейшей судьбы югославянских территорий Австро-Венгрии (и прежде всего побережья) союзники учтут интересы Сербии, оно было готово пойти навстречу настойчивым просьбам из Лондона, Парижа и Петрограда и уступить часть Вардарской Македонии Болгарии. Но как только римский кабинет выдвинул претензии практически на все восточно-адриатическое побережье и, что самое главное, Антанта в Лондонском договоре пошла ему навстречу, сербское правительство резко изменило ориентацию и дерзавуировало свои прежние обещания. «Мы выбираем Македонию» — стало лозунгом его новой линии, с которой оно так и не свернуло до трагических дней октября 1915 г. Югославянская программа на время потеряла для него свою актуальность.

И во-вторых, именно бескомпромиссность Италии в своих геополитических притязаниях, стремление добиться максимального их удовлетворения породили бескомпромиссность же позиции сербского руководства в отстаивании «своей» Македонии. «Чем больше Адриатическое побережье подпадает в руки Италии, тем крепче сербы будут стоять за сохранение сообщений с Салониками»²⁰, пророчески писал Г. Н. Трубецкой еще в декабре 1914 г. Политика «священного эгоизма», провозглашенная А. Саландрой, явилась, таким образом, одной из причин провала всех попыток союзной дипломатии привлечь Болгарию к войне на стороне Антанты. О том, что это было именно так, свидетельствует тот же Трубецкой. «С своей стороны, убежден, — доносил он Сазонову, — что удовлетворение притязаний Италии на Далматинское побережье... не отвечало бы жертвам и задачам нынешней войны. Если же нам удалось бы ограничить компенсации Италии до Пола (Пулы — порта на полуострове Истрия.— А. Ш.) и соответственно расширить приобретения Сербии, то, несомненно, мы могли бы поставить ценой этого требование земельных уступок Болгарии²¹. И это требование, как представляется, в конечном итоге было бы выполнено...

Кстати, говоря о бескомпромиссной позиции Италии в вопросе об Адриатическом побережье, нельзя не упомянуть о любопытном разговоре, состоявшемся 12 марта 1915 г. в здании МИДа на Певческом мосту между послом Италии в Петрограде маркизом Карлотти и директором канцелярии министра иностранных дел России бароном М. Ф. Шиллингом. В ответ на заявление посла о том, что «для Италии создание большого и сильного южнославянского государства на берегах Адриатики едва ли было бы приемлемо», российский дипломат заметил: «Даже с точки зрения противостояния сербо-хорватскому слиянию, Италии следовало бы широко отнестись к законным требованиям Сербии о выходе к Адриатике, так как если Италия в то же самое время поставит себя во враждебные отношения к хорватам, стремясь овладеть частью их земель и возбудить против себя сербов, препятствуя обеспечению их жизненных интересов путем приобретения достаточной части побережья, то этим самым Италия сама толкнет хорватов и сербов в объятия друг другу, заставит их забыть свои разногласия для объединения в одном, а именно в общей борьбе против Италии...»²². Как в воду глядел проницательный Маврикий Фабианович — по этому сценарию и будут развиваться взаимоотношения сербских, хорватских и словенских политиков. Всех их сплотит на время общая борьба против итальянских амбиций.

И здесь мы подходим к анализу планов и концепций политических эмигрантов из Хорватии, Далмации, Словении, Боснии и Герцеговины, образовавших в мае 1915 г. в Лондоне Югославянский комитет, который стал вторым важнейшим политическим фактором развернувшегося в годы войны широкого юнионистского движения югославян.

* * *

В довоенные годы югославянские политические партии Австро-Венгрии (прежде всего в Хорватии и Словении) считали возможным объединение югославян под скипетром династии Габсбургов, рассматривая Дунайскую монархию приемлемой моделью многонационального государства. Выступая за административно-политическую консолидацию югославянских ее областей (воссоединение с Хорватией и Славонией Далмации и присоединение к ним Словении, а также возможное выделение их в особую территориальную единицу), они требовали предоставления им большей автономии

вплоть до выравнивания их статуса со статусом Цислейтании и Транслейтании — соответственно австрийской и венгерской «половин» двуединой монархии, что в конечном итоге могло бы привести к замене дуализма триализмом. Немалое число политиков-югославян приветствовало в связи с этим аннексию Веной в 1908 г. Боснии и Герцеговины, видя в этой акции усиление югославянского фактора в Империи и пролог ее внутренней «перестройки». Накануне войны 1914 г. объединение всех югославянских земель в особом государстве казалось возможным лишь в отдаленном будущем в случае краха Австро-Венгрии и за исключением немногих радикальных деятелей не рассматривалось как цель практической политики.

Ситуация изменилась с началом войны. Немалое число политиков из Словении, Хорватии, Далмации, Боснии и Герцеговины оказалось в эмиграции, где, как уже упоминалось, ими был основан Югославянский комитет. В него вошли хорваты Анте Трумбич, Франо Супило (оба далматинцы), Хинко Хинкович, Франо Поточняк, известный скульптор Иван Мештрович; сербы Никола Стоянович, Душан Васильевич; словенцы Богумил Вошняк, Нико Жупанич и другие. Председателем новой организации стал адвокат из Сплита А. Трумбич. В 1916 г. Югославянский Комитет имел своих представителей в Париже, Женеве, Петрограде, а также в США и Южной Америке, где находились многотысячные колонии югославян-переселенцев.

Опираясь на идею «народного единства» сербов, хорватов и словенцев, члены Комитета выступали за поражение Австро-Венгрии в войне, объединение всех ее югославянских областей с Сербией и образование единого югославянского государства. Главными мотивами такого стремления были весьма ощутимая опасность германизации и мадьяризации югославян империи, а также желание объединить в рамках этого государства все до того расчлененные хорватские и словенские земли. В меморандуме Комитета, переданном 6 мая 1915 г. французскому правительству, оба эти мотива (для хорватских земель) представлены особенно наглядно: «Хорватия и Славония веками боролись за свою самостоятельность как против германизации и австрийского централизма, так и против мадьяризации. Для Хорватии нет более естественного места, чем в составе Югославии... кроме всего прочего еще и потому, что хорватский Сабор постоянно выступал за территориальную целостность

Хорватии», ведь «Далмация всегда была составной частью хорватского государства»; внутри же Австро-Венгрии, как уже говорилось, Далмация имела другой статус, подчиняясь непосредственно Вене, а не Будапешту, как Хорватия и Славония.

Что касается внутривластной обстановки в Хорватии и Славонии во время войны, то она была весьма противоречивой. Югославянский комитет пользовался симпатией значительной части общества (а в Далмации — подавляющего большинства в связи с планами итальянской экспансии). Прогабсбургскую позицию занимали клерикалы и правящие-франковцы, но они представляли меньшинство политически активного населения; к ним примыкала и крестьянская партия, в среде которой, однако, по мере затягивания кровопролитной войны нарастали оппозиционные настроения. Власть в Хорватии находилась в руках хорвато-сербской коалиции, заключившей компромисс с Будапештом накануне войны и в течение ее занимавшей лояльную Венгрии позицию. Когда в конце войны в Хорватии образовался сильный оппозиционный антигабсбургский блок, то коалиция вместе с баном примкнула к нему в последний момент. Хорвато-сербская коалиция представляла интересы верхов местной торгово-банковской буржуазии; коалиция защищала идею единого хорвато-сербского народа и равноправия его обеих частей...

В словенских землях с началом боевых действий деятельность всех словенских партий и организаций, за исключением клерикалов, практически прекратилась. Это было связано с тем, что клерикальная Словенская народная партия во главе со своим лидером Шуштершичем безоговорочно поддержала объявление Веней войны Сербии, открыто заявив о своем прочном прогабсбургском определении. Другие же партии — прежде всего либералы и социал-демократы — осудили антисербскую истерию, поднятую Шуштершичем. Дистанцировалась от нее часть клерикалов, группировавшихся вокруг А. Корошеца и А. Крека. Следствием этого и стал запрет либеральных и социал-демократических изданий. Затем начались преследования словенских национальных деятелей, которые когда-либо выражали свои симпатии к России и сербам. Политическая жизнь в Словении замерла; в основной массе словенцев господствовала апатия.

Когда в мае 1915 г. Италия вступила в войну, австрийское правительство, дабы укрепить свои позиции среди югославян, освободило некоторых либеральных деятелей и ослабило строгости во-

енного режима. Шуштершич и его сторонники приветствовали действия властей, призвав словенскую молодежь вступать в отряды вольных стрелков, а всех словенцев — подписываться на правительственный военный заем. Либералы хранили молчание. К концу года наметился перелом в настроениях словенского населения — апатия сменялась антивоенным настроением. Встал вопрос о расколе Словенской народной партии: Корошец, Крек и их соратники выступили за сотрудничество с либералами и ориентацию на Антанту.

В ноябре 1916 г. умер император Франц-Иосиф Габсбург; на престол вступил Карл I. К этому времени военное положение Центральных держав значительно ухудшилось, а в Австро-Венгрии набирала силу оппозиция правительству. Новый монарх не мог с этим не считаться. Он созвал распущенный в начале войны венский парламент. Словенские клерикальные и либеральные депутаты совместно с представителями Истрии и Далмации образовали в нем единую фракцию — Югославянский клуб, который возглавил А. Корошец. В мае 1917 г. в парламенте им была обнародована известная декларация Югославянского клуба, вошедшая в историю под названием «Майской». О ней речь впереди, пока же вернемся к политической активности югославянской эмиграции.

В феврале 1915 г., находясь проездом в Петроград в Нише, Ф. Супило открыто «агитировал» Н. Пашича за осуществление своей заветной мечты — «объединения югозападных славян под эгидой Сербии»²³. Эту задачу Супило считал настолько важной, что, как сообщил Сазонову российский посланник в Черногории А. Гирс, «в случае, если не удастся прийти к соглашению (с сербами.— А. Ш.)», он намеревался «убедить нас (Россию.— А. Ш.) в необходимости навязать свое властное решение»²⁴. Для того же, чтобы проект такого объединения был благосклонно воспринят в столицах государств Антанты, Супило предлагал Пашичу пойти навстречу союзникам и «отказаться от Македонии в пользу Болгарии». «Судьба присоединения Далмации к Сербии,— говорил он сербскому премьеру,— зависит от уступчивости последней относительно Македонии».

По словам князя Трубецкого, «для католика-далматинца (Супило.— А. Ш.) Македония — это прошлое не сербского народа, а Сербского королевства, причем прошлое, к которому вовсе не лежит его сердце. Стремление Сербии на юг он считает печальной необходимостью, в которую она была поставлена, не имея выхода на запад к

морю, отрезанная на севере от своих соплеменников. Народное, экономическое и государственное развитие должно быть направлено в сторону Адриатики, а не к Эгейскому морю.

Весьма любопытно замечание российского посланника о том, что «эти взгляды Супило стеснялся выражать здесь». Еще бы, сербы ведь могли бы не так его понять. В разговорах же со своими собеседниками в Нише посланец хорватской эмиграции, не жалея красок, расписывал «картину будущего развития Сербии на берегах Адриатики с богатыми коммерческими гаванями, со своей «Ривьерой» у Дубровника, которая славится красотой местоположения, может быть, с военно-морскими портами, в коих население — природные моряки, являющиеся лучшим элементом австро-венгерского флота». На сербов все это, как доносил в Петроград со слов Супило Трубецкой, «производило сильнейшее впечатление»²⁵.

Вместе с тем, важно заметить, что давление, которое Супило оказывал на Пашича, пытаясь склонить его «стряхнуть македонский прах» со своих ног и обратиться на северо-запад — к Адриатике, объяснялось, как представляется, не только желанием подыграть союзниками в македонском вопросе и заручиться их поддержкой в деле возможного сербо-хорвато-словенского объединения. Стратегическая цель Супило здесь иная, а именно перетянуть Сербию, так сказать из Азии в Европу, перевести вектор ее цивилизационного развития с Востока на Запад. А что же дальше? А дальше, как подчеркнул Супило в разговоре с начальником II политического отдела МИД России К. Н. Гулькевичем, слияние хорватов с сербами «должно принять форму, обеспечивающую перевес культурного мирозерцания хорватов над нынешними стремлениями сербов». По словам российского дипломата, «Супило подчеркнул при этом европейский оттенок цивилизации хорватов в противоположность культуре сербской»²⁶.

Итак, мотивы объединительных стремлений хорватской эмиграции вроде бы понятны — консолидировать все хорватские и словенские земли в рамках единого югославянского государства и обеспечить в нем преобладание «европейского» мировоззрения хорватов и словенцев. Очень точно последнюю тенденцию подметил российский консул в американском Питтсбурге Г. В. Чирков в своем обширном и весьма компетентном донесении о состоявшемся в этом городе 29—30 ноября 1916 г. Втором югославянском Конгрес-

се *. «Возможно, — писал он, — католическая группа югославян в лице кроато ** — словенцев... не чуждая своих собственных национальных амбиций, питаемых сознанием интеллектуального превосходства западно-католической культуры над православно-восточнославянской, будет использована именно в видах сокращения «Великой Сербии» (речь идет об уменьшении влияния сербского элемента в рамках объединенного государства. — А. Ш.), с которой большинство хорватов-националистов ныне мирится постольку, поскольку пансербские домогательства представляются им меньшим злом, чем мадьярский шовинизм...»²⁷. Любопытно, что сербы, которым, как видим, была уготовлена роль «учеников» в едином с хорватами и словенцами государственном сообществе, по свидетельству Трубецкого, прекрасно понимали, что «новые пришельцы принесут с собой новые навыки и понятия», именно это «отчасти заставляет их дорожить православным населением Македонии, дабы иметь ядро однородного населения»²⁸.

Как видим, между сербами, с одной стороны, и хорватами и словенцами, с другой, при ясно выраженной политической и геополитической воле к объединению, с самого начала ощущалось до поры до времени скрытое соперничество — кто же будет «гегемоном» объединения. Это соперничество, имевшее весьма глубокие корни, выплеснулось наружу в начале 1916 года, когда Сербия была занята австро-германскими и болгарскими войсками, а правительст-

* 10—11 марта 1915 г. в Чикаго состоялся Первый югославянский народный Собор, на котором присутствовало 563 делегата от большинства югославянских эмигрантских организаций и колоний США и Канады. Инициаторами «Собора» в Чикаго стали будущие члены Югославянского комитета. «Собор» в Чикаго стал первым масштабным и репрезентативным выступлением переселенцев из югославянских земель в поддержку юнионистского движения. Резолюция «Собора», принятая после программной речи Ф. Поточняка, содержала в себе три основные идеи. Первая — о народном единстве сербов, хорватов и словенцев. Вторая — о полном разрыве всех связей с Австро-Венгрией. И третья, логически вытекавшая из первых двух — о необходимости объединения всех югославян в единое государственное сообщество. Второй югославянский Конгресс в Питтсбурге собрал 615 делегатов, представлявших все крупные объединения хорватских, сербских и словенских переселенцев США и Канады. Его решения во многом развивали и уточняли идеи, высказанные в Чикаго в самом общем виде. Имели место на нем и серьезные разногласия (в основном между сербами и хорватами).

** Кроаты — хорваты.

во и король находились в изгнании — на острове Корфу. О возросших амбициях хорватской и словенской эмиграции может свидетельствовать хотя бы «Дополнительный меморандум Югославянского комитета», переданный французскому правительству 13 марта 1916 г.

По мнению руководителей Комитета, так как оккупированная Сербия и югославянские области Австро-Венгрии «сравнились» в своем политико-юридическом статусе («абсолютно все югославянские земли без исключения теперь находятся под властью неприятеля»), то сербское правительство должно потерять свое положение монопольного политического фактора юнионистского движения и единственного «официального» защитника и пропагандиста в союзных столицах «общей» воли всех «трех племен одного народа». На практике это означало стремление хорватских политиков добиться признания Европой Югославянского комитета в качестве политического органа, равного по значению и весу сербскому правительству. С другой же стороны, имела место попытка лидеров Комитета лишить Сербию роли единственного Пьемонта, т. е. объединителя югославянских земель (каковая идея ранее ими, заметим, разделялась), и объявить теперь уже Хорватию первым претендентом на роль собирателя югославян. Данная тенденция совершенно отчетливо прослеживается в указанном документе.

«В югославянской проблеме, — подчеркивалось в меморандуме, — хорватский вопрос играет ключевую роль. Хорватия — это одно из древнейших королевств в Европе... Хорватия со своей столицей Загребом является главным культурным центром югославян Австро-Венгрии... Вот почему главным залогом объединения югославян является вхождение Хорватии в состав единого югославянского государства. Если Хорватия станет центром собирания югославян, то все остальные югославянские земли (включая, естественно, и Сербию. — А. Ш.) будут идти в ее фарватере. И действительно, Хорватия ведь является естественной связкой на востоке с Сербией, на западе — со словенскими землями, на юге — с Боснией и Герцеговиной. Срединное географическое положение лишь повышает значение Хорватии в контексте общегославянской проблемы».

Подобные амбиции хорватских и словенских деятелей не могли обрадовать сербский кабинет, который трактовал роль Югославянского комитета совсем по-иному. Премьер Сербии Пашич не желал

признавать эту эмигрантскую организацию в качестве единственного представителя австро-венгерских югославян. Полагая «попечительство» над сербами, хорватами и словенцами Дунайской монархии прерогативой исключительно сербского королевского правительства, он пытался низвести Югославянский комитет до роли всего лишь одной из его внешнеполитических структур. Да и Европа на сей раз отказалась признать политические полномочия «нелигитимного» органа, поддерживая официальные контакты с сербскими политиками на Корфу.

Несмотря на провал попыток Югославянского комитета выйти в политико-организационном плане «из тени» сербского правительства, данный инцидент четко высветил разницу в подходах к возможному югославянскому объединению сербов, с одной стороны, и хорватов со словенцами, с другой. Эта разница проявилась хотя бы в проектах политического устройства будущей «общей родины». Если сербы выступали за единое и унитарное государство с областным самоуправлением, то хорваты и словенцы требовали его глубокой федерализации и даже дуализации (по типу австро-венгерского дуализма). Подобного рода различия отравляли отношения между обоими политическим факторами объединительного процесса и, кроме того, свидетельствовали о двух совершенно отличных друг от друга трактовках идеи «народного единства» или «югославизма». Эта идея «работала», осмелимся заключить, только при наличии общего врага — Вены или Будапешта. В условиях же отсутствия конфронтации с внешним неприятелем она теряла свой позитивный заряд, превращаясь в утопию — слишком уж по-разному видели политические представители сербов, с одной стороны, и хорватов и словенцев, с другой, место своих народов в будущей совместной и свободной «упряжке». Да и на саму эту «упряжку» они смотрели нередко совершенно разными глазами. По словам того же консула в Питтсбурге Чиркова, «вопрос о создании „Великой Югославии“ рисуется в представлении многих государственных и политических деятелей Сербского королевства „Великой Сербией“, в то время как значительная часть хорватов, безусловно играющих передовую роль в пропаганде раскрепощения южных славян, готова видеть в Сербии лишь благоприятный в настоящее время этап для осуществления своих собственных национальных домогательств»²⁹. Подобную мысль подчеркивал и другой весьма компетентный эксперт — князь

Трубецкой: «Несомненно, что тяготение некоторых частей Австро-Венгрии к Сербии... обуславливалось главным образом, ненавистью к венскому правительству. Как скоро последнее сойдет со сцены, вместо тяготения к Сербии может возникнуть присущее каждому маленькому племени и области стремление утвердить свою самостоятельность»³⁰. Как видим, «мина замедленного действия» была заложена под здание единой Югославии еще до ее появления на политической карте Европы...

Итак, можно заключить, что наличие общего внешнего врага было тем важнейшим фактором, который цементировал единое определение как сербов, так и хорватов и словенцев в пользу югославянского объединения, а также делал югославизм притягательной вроде бы для всех идеологией. Весной 1915 г. таким внешним фактором становится Италия, и именно она, вернее ее геополитические претензии, не только способствовали укреплению на время войны единого сербо-хорватско-словенского блока, но и стали одним из важнейших импульсов того, что произошло в Белграде 1 декабря 1918 г.

* * *

О позиции в отношении итальянских притязаний сербского руководства речь уже шла. Здесь следует остановиться на реакции на них хорватской и словенской эмиграции, да и вообще югославянского населения Австро-Венгрии. Она была однозначно негативной, если не сказать враждебной. В доказательство данного тезиса приведем ряд свидетельств.

Так, в поденной записи МИД России за 25 марта 1915 г. бесстрашный канцелярист оставил следующие строки: «Министр иностранных дел (С. Д. Сазонов. — А. Ш.) принял хорватского деятеля Супило и не скрыл от него, что, вероятно, державам придется пожертвовать в пользу итальянских притязаний многими надеждами славянского населения на Адриатическом побережье. Слова эти произвели на Супило удручающее впечатление, и он приложил все старания для того, что бы разъяснить министру обоснованность словинско (словенско — А. Ш.)-хорвато-сербских вождедений»³¹. 3 апреля того же года посол России в Риме А. Н. Крупенский сообщал Сазонову: «Прямые сообщения и прибывший в Рим доктор Мандич (Анте Мандич — член Югославянского комитета.— А. Ш.) извещают о

сильном движении, вызванном в южном славянстве полемикой печати по адриатическому вопросу». При этом, по словам посла, «южные славяне заявляют, что могут допустить лишь уступку отдельных пунктов или побережья Венецианского залива, но не целых территорий со славянским населением»³². И наконец, 28 апреля 1915 г. посланник Сербии в Петрограде М. Спалайкович ознакомил российского министра с телеграммой Пашича, полученной накануне. «С тех пор, — писал сербский премьер, — как нам стало известно, что значительная часть наших соплеменников и их земли будут жертвованы Италии, я стал получать весьма серьезные сведения о том, что среди сербов, хорватов и словинцев в Австро-Венгрии царит большое возбуждение. Их предводители просили меня самым энергичным образом протестовать против этого и поставить в известность заинтересованные державы, что эти народы охотнее согласятся остаться под властью Австро-Венгрии, чем быть присоединенными к Италии. Далее эти народные предводители поклялись организовать и вести жесткую борьбу с итальянской армией, если она явится к ним в виде завоевательницы»³³. Подобных примеров можно привести много.

Встает, однако, вопрос — откуда такой страх перед Италией, и почему, как явствует из телеграммы Пашича, югославяне Австро-Венгрии охотнее остались бы под властью Вены и Будапешта, чем перешли бы под власть Рима.

Дело в том, что главной целью хорватов и словенцев, как уже не раз упоминалось, было объединение в единое целое хорватских и словенских земель, чего они, решись «адриатический вопрос» в духе планов Италии, добиться не смогли бы. Вспомним содержание Лондонского договора в части, касающейся этой проблемы. «Независимая» Хорватия без Далмации, подлежавшей включению в состав Италии, и даже без собственного, хорватского приморья* Вопрос же о каком-либо политическом самоопределении словенских земель вообще не поднимался. Для хорватов и словенцев, таким образом, реализация договора означала бы лишь консервацию того национально-территориального расчленения их земель, против которого они со всей страстью боролись. Причем, в новых условиях их земли пересекались бы уже государственными границами, а отнюдь

* Супило говорил Трумбичу, что «если Хорватия останется изолированной (независимой. — А. Ш.), Италия проглотит нас как макароны».

не внутренними, как это было в Австро-Венгрии — здесь они все-таки входили в состав одного, хотя и построенного на принципе дуализма, государства. Как видим, прежний их статус действительно представлялся многим югославянским политикам «меньшим злом» по сравнению с грозящей итальянской оккупацией. Не зря тот же Крупенский доносил из Рима Сазонову: «Планы Супило и... вообще славянская идея имеют для них (югославян.— А. III.) смысл лишь под условием недробления словинских и хорватских земель, иначе большинство населения... решительно станет за временное господство Австрии и даже Венгрии, приняв добровольное участие в борьбе против Италии»³⁴. Консул в Питтсбурге Чирков в своем донесении также отмечал: «Югославянский комитет полагает, что всякое расчленение югославянских национальных территорий не только задерживало бы развитие югославянского единения, но возвратило бы стремящиеся к нему народы к австрийской системе плачевного существования и лишь дало бы новый повод к бесконечным конфликтам и международным осложнениям»³⁵. Кроме указанного выше обстоятельства, надо иметь в виду, что по австрийской конституции 1867 г. признавалось равноправие народов в сфере культуры и языка, хотя практически славянам Австрии надо было приложить много усилий для обеспечения своих прав. Австрия была официально признана многонациональным государством, и славянским народам удалось добиться немало (от печати на родном языке — до — минимум — начальных школ, а кое-где гимназий и даже высших учебных заведений). Италия же являлась моноэтническим государством и не пошла бы на уступки славянам. В этом также причина «италофобии» далматинцев (хорватов и сербов) и словенцев.

Итак, совершенно очевидно, что геополитические претензии Рима оставались на протяжении всей войны сильнейшим «раздражителем» не только для политиков-югославян, но и для хорватского и словенского общественного мнения как и на родине, так и за океаном. Необходимость защиты населенных соплеменниками территорий от притязаний Италии толкала хорватских и словенских деятелей к тесному союзу с сербским правительством и укрепляло их определение в пользу югославянского объединения. 11 апреля 1915 г., к примеру, в Триесте состоялось тайное собрание представителей хорватских и словенских партий из Триеста, Истрии,

Горицы, Крайны, Хорватии и Славонии. От словенцев участвовали молодые либералы — Г. Жерьяв и В. Равнихар. Представительство хорватов было более широким. На собрании присутствовал даже член лояльной правительству Венгрии Хорвато-сербской коалиции И. Лоркович. Кроме него в Триест прибыли и оппозиционные политики — А. Павелич, В. Спинчич (Истрия), Д. Хрвой и другие. Участники собрания выдвинули две главные задачи — достижение независимости и объединение трех югославянских народов под скипетром Карагеоргиевичей. В решении собрания говорилось, что югославяне не желают оставаться в теперешнем рабском состоянии и одновременно не желают гибели, которая их ожидает под властью Италии.

Торги Рима по поводу вступления в войну на стороне Антанты не оставили безучастными даже клерикальные круги. Уже в самом начале войны А. Крек высказался за объединение сербов, хорватов и словенцев в единое политическое образование, которое должно существовать вне пределов Австро-Венгрии. Неслучайно, поэтому, что именно он стал наиболее энергично искать пути противодействия итальянской экспансии. К тому же стремились и хорватские клерикалы. В марте 1915 г. в Риеке Крек встретился с представителями хорватского духовенства. На встрече было решено, что при любом исходе войны хорватские и словенские земли должны быть вместе. Одновременно ее участники выразили пожелание, чтобы словенцы, хорваты и сербы объединились в единую Югославянскую державу. Как и либералы, главного своего врага хорватские и словенские клерикалы видели в Италии.

* * *

Военная катастрофа, постигшая Сербию, заставила Н. Пашича внести в сербскую национальную доктрину соответствующие коррективы. В новых условиях на первый план выдвигалась задача освобождения страны от оккупантов, а также сохранения ее территориальной целостности (в прежних границах) при любом возможном исходе мировой войны. В своей телеграмме в МИД от 12 декабря 1915 г. князь Трубецкой писал, что «Пашич высказал убеждение, что союзники не бросят Сербии, которая решила связать свою судьбу с державами Согласия. Лично он верит в победу последних, но даже если бы, как некоторые думают, война кончилась

вничью, он надеется, что в этом случае Сербия сохранит свою территорию, а союзники возьмут на себя ее долги (за поставки военных материалов.— *А. Ш.*)»³⁶.

Параллельно с этим реанимировались и «старые» югославянские лозунги. По словам сербского историка Николы Поповича, «если в предыдущий период (1914 — октябрь 1915 г. — *А. Ш.*) о сербском или югославянском вопросе размышляли и рассуждали в контексте борьбы за новых союзников, то теперь сербское руководство открыто поставило его перед правительствами союзных держав, причем самым непосредственным образом и на высшем уровне — именно этот вопрос был главным предметом переговоров Пашича и Александра (Карагеоргиевича.— *А. Ш.*) в Париже и Лондоне, а затем и одного премьера в Петрограде. (Визиты сербских руководителей во Францию, Англию и Россию состоялись сразу же по завершении эвакуации разбитых сербов на остров Корфу, весной 1916 г.— *А. Ш.*)»³⁷.

«Возвращаясь» к политике югославизма и не желая делить с кем-либо руководство юнионистским движением, сербское правительство, как уже отмечалось, весьма ревниво отнеслось к стремлению Югославянского комитета играть в нем самостоятельную политическую роль, равно как и к настойчивым попыткам целого ряда его членов наделить теперь уже Хорватию «правом» считаться новым югославянским Пьемонтом («Столицей будущей Югославии,— упоминалось в памятном мартовском «Дополнительном меморандуме» Комитета,— должен стать Загреб, а не Белград»). 20 апреля 1916 г. в своей первой публичной речи престолонаследник и верховный главнокомандующий Александр Карагеоргиевич по-военному прямолинейно обрисовал амбиции сербской стороны: «Мы будем бороться за Великую Сербию, которая объединит всех сербов и югославян». Столь значительная разница в подходах заставляла сербских политиков весьма длительное время воздерживаться от каких бы то ни было официальных шагов в сторону Югославянского комитета.

Лишь более года спустя, 20 июля 1917 г., на острове Корфу представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана компромиссная Корфская декларация, в которой стороны однозначно высказались за создание единого государства сербов, хорватов и словенцев. Почему же только теперь Пашич

пошел на сближение с Комитетом и установил с ним официальные контакты?

Все дело, как представляется, в том, что коренным образом изменились внешнеполитические обстоятельства. Речь идет о крахе в феврале — марте 1917 г. царской России — главного союзника и опоры Сербии. До Февральской революции Пашич, предполагавший, что именно Россия сможет в конце войны поставить перед союзными державами австро-венгерский вопрос во всем его объеме (быть или не быть монархии Габсбургов, а если быть, то в каком виде) и защитит при этом жизненные интересы Сербии, не желал связывать себя какими-было посторонними обязательствами. Когда же Россия фактически «вышла из игры» т. е. «с тех пор, как русский голос потерял свой вес и значение в решении международных проблем, стало очевидным, — писал Пашич престолонаследнику в начале августа 1917 г., — что остальных наших союзников — Францию, Англию, а тем более Италию меньше всего заботят сербские интересы»³⁸. Что же сербам оставалось делать в такой ситуации? Только одно — последовать рекомендации своего военного представителя при главнокомандующем французской армии генерала М. Рашича тому же Александру Карагеоргиевичу от 20 марта 1917 г.: «Не надо себя обманывать, Ваше Высочество. Сейчас, когда мы потеряли опору в лице русского императора Николая, нам надо действовать самим»³⁹. И Пашичу пришлось перестраиваться на ходу — в лице Югославянского комитета был найден новый союзник, а совместная Корфская декларация была призвана поставить перед правительствами стран Антанты австро-венгерский вопрос уже от имени нового политического тандема. Кстати, позднее, в октябре 1918 г., в разговоре с Г. Уикхем-Стидом сербский премьер прямо заявил, что «он подписал Корфскую декларацию только для того, чтобы произвести впечатление на европейское общественное мнение»⁴⁰.

Следует также отметить и то, что Корфская декларация сербского правительства и Югославянского комитета явилась как бы ответом на Майскую декларацию Югославянского круга австрийского Рейхсрата, обнародованную 30 мая 1917 г. В документе, зачитанном А. Корошецем, выдвигалась задача объединения всех территорий Австро-Венгрии, населенных словенцами, хорватами и сербами, в самостоятельный государственный организм с теми же правами, какими располагали Австрия и Венгрия под скипетром

Габсбургов. Так югославяне Австрии предполагали нейтрализовать опасность как пангерманизма, так и «великосербства», грозящую, по мнению словенских и хорватских депутатов, югославянским народам Империи. Кроме того, не была ли Корфская декларация и неким превентивным шагом? Ведь в начале 1917 г. упорно ходили слухи о предстоящей в Сараево коронации молодого императора Карла Габсбурга югославянским королем. Опасаясь, как бы со сменой монархов в Австро-Венгрии дело не дошло до преобразований, повышающих статус югославянских областей, сербское правительство и Югославянский комитет стремились своими опережающими акциями дезавуировать их возможный эффект.

Как бы то ни было, совместное заявление, сделанное на Корфу, стало для Пашича не более чем следствием изменившейся политической конъюнктуры. Дальше него дело не пошло. Он продолжал маневрировать. И потому не кажется чем-то удивительным резкий «вираж» сербского премьера в сторону от «согласованной» югославянской политики в начале 1918 г., когда США и Великобритания сочли вдруг целесообразным сохранение Австро-Венгрии (речь Д. Ллойд-Джорджа в Палате Общин 5 января и знаменитые «Четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона). Реагируя на этот поворот, Пашич срочно поручил сербским дипломатическим представителям в Лондоне и Вашингтоне поднять вопрос о Боснии и Герцеговине, чтобы обеспечить Сербии хоть что-нибудь в той ситуации. «Если наши союзники требуют исправить ошибку Германии 1871 г. относительно Эльзаса и Лотарингии, — писал он 22 января 1918 г. посланнику в США Л. Михайловичу, — то имеются гораздо более веские причины требовать отмены аннексии Боснии и Герцеговины и предоставления сербскому народу права на самоопределение... Как же можно поддерживать восстановление справедливости для Франции и молчаливо не замечать ту вопиющую несправедливость, с которой поступили по отношению к сербскому народу в Боснии и Герцеговине, и оставлять его в рабстве... В рамках именно такого подхода постарайтесь убедить американское правительство, чтобы оно выступило по крайней мере за наказание нарушителя Берлинского трактата, если оно находит, что монархию Габсбургов следует сохранить... Этот разговор постарайтесь провести так, чтобы всем было ясно, что это только ваше личное мнение, и чтобы о нем не разнеслось слухов, ибо наши братья могут вознегодовать, когда услышат,

что Босния и Герцеговина может освободиться, а они вынуждены будут оставаться под Австрией... Наши братья стоят на позиции — все или ничего. Эта позиция весьма эгоистична, так как требует, чтобы и другие страдали, когда страдают они»⁴¹.

Югославянские деятели, полагавшие, что отделение Боснии и Герцеговины от Австро-Венгрии привело бы лишь к ослаблению в ней славянского элемента, и, следовательно, к уменьшению шансов на благоприятный исход в их борьбе за автономию югославянских областей в рамках империи в случае ее сохранения, упрекали Пашича за то, что колебнувшись в сторону «Великой Сербии»^{*}, он нарушил югославянскую солидарность. Для того же подобная постановка вопроса являлась чистой абстракцией. Отнюдь не «Великая Сербия» или «Югославия» была той главной дилеммой, стоявшей перед сербским правительством и его премьером в условиях войны (а особенно при выходе из нее России), как об этом нередко утверждается в исторической литературе; сохранится (а если да, то в какой форме) или распадется Австро-Венгрия — вот как она формулировалась. А это, естественно, зависело от общего хода боевых действий и решимости союзников. Не случайно на заседании сербского кабинета 14 июля 1917 г. констатировалось: «От успехов союзных войск зависит сможем ли мы выполнить три пункта нашей политической программы: во-первых, сохранить Сербию; во-вторых, объединить все сербские земли; в-третьих, объединить все югославянские земли»⁴². По точной оценке Н. Поповича, эти три пункта соотносились с тремя возможными исходами войны — поражением, половинчатым успехом и полной победой⁴³.

Верил ли Пашич в то, что Австро-Венгрия обязательно развалится, т. е. что победа будет полной? Вряд ли он был абсолютно уверен в этом. Отсюда и его мгновенная реакция на ход англо-американской дипломатии. Когда же союзники, наконец, определились в своем принципиальном решении «разменять» Австро-

^{*} Термин «Великая Сербия» многозначен. Здесь и далее под «Великой Сербией» и «великосербством» мы подразумеваем вариант присоединения к Королевству только сербских (или считавшихся тогда таковыми) территорий Австро-Венгрии. В данном случае — Боснии и Герцеговины. Термин же «Великая Сербия» в югославянском контексте (вспомним высказывания Г. В. Чиркова и Александра Карагеоргиевича) следует понимать уже как стремление к реализации лозунга «Сербия — Пьемонт югославян», т. е. к созданию единого унитарного югославянского государства с центром в Белграде.

Венгрию на несколько национальных государств, сербский премьер вернулся к своему «югославизму». Как видим, его политика была гибкой. Стремясь при любом «раскладе» обеспечить в первую очередь интересы Сербии и сербского народа, он, в зависимости от изменений международной обстановки, колебался от «великосербства» до «югославизма» (вспомним здесь и его более раннюю подстановку — разрабатывая в конце сентября 1914 г. интегральную югославянскую программу в противовес панадриатическим замыслам Италии, Пашич как мы показали, параллельно готовил и «запасной» — всесербский вариант).

Оценивая деятельность Николы Пашича на завершающем этапе первой мировой войны, приведем высказывание авторитетнейшего сербского историка С. Йовановича — автора блестящего исследования о нем: «После краха царской России он сначала пришел к выводу, что без сотрудничества с австрийскими югославянами Сербия сама не в состоянии поднять австрийский вопрос. Пойдя же в этом направлении, он все больше убеждался в том, что о б ъ е д и н е н и я в с е х с е р б о в н е в о з м о ж н о д о б и т ь с я н и в к а к о й и н о й ф о р м е, к р о м е Ю г о с л а в и и (выделено нами. — А. Ш.). Его попытка поставить вопрос о Боснии и Герцеговине объясняется дипломатической ситуацией, которая объективно способствовала сохранению Австро-Венгрии и соответственно делала весьма сомнительной возможность югославянского объединения. Но как только все изменилось, и обстановка стала благоприятствовать этому объединению, Пашич поспешил к ней приспособиться...»⁴⁴.

Действительно, президент США Вильсон 28 июня 1918 г. заявил, что «все ветви славянской расы должны быть полностью освобождены от немецкого и австрийского господства», а 28 октября 1918 г. — в ответ на австро-венгерское предложение перемирия — подтвердил: правительство США «полностью признало справедливость национальных стремлений югославян к свободе». Американцы к этому времени убедились в подлинном характере настроений всех славянских народов Монархии.

* * *

Дальнейшее известно. Вслед за империей Романовых рухнула и монархия Габсбургов. 29 октября хорватский сабор издал декларацию о разрыве «всех государственно-правовых отношений и свя-

зей Королевства Хорватии, Славонии и Далмации с Королевством Венгрией и Австрийской империей». Декларацию прочитали массе народа, собравшейся на площади, и она вызвала ликование. Одновременно было указано, что «Далмация, Хорватия, Славония и Риека провозглашают себя государством, полностью независимым от Венгрии и Австрии и в соответствии с современным принципом национальности, на основе национального единства словенцев, хорватов и сербов^{*}, вступают в общее национальное суверенное Государство Словенцев, Хорватов и Сербов на всем этнографическом пространстве этого народа независимо от каких-либо территориальных и государственных границ...» Вслед за хорватами, словенский Национальный совет также принял решение об отделении Словении от Австрии и вхождении ее в Государство СХС. Верховным органом власти нового государства стало Народное Вече в Загребе. 31 октября Народное Вече в ноте союзным державам заявило, что «не находится в состоянии войны с ними». 1 декабря 1918 г. Государство СХС объединилось с Королевством Сербией и Королевством Черногорией^{**} в единое югославянское государство — Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев. Почему же независимое Государство СХС с центром в Загребе просуществовало всего лишь чуть больше месяца?

В начале ноября 1918 г. Италия, желая получить территории, обещанные ей по Лондонскому договору, приступила к оккупации Словенского Приморья, Далматинского побережья, а также некоторых районов собственно Хорватии и Словении. В связи с отсутствием у Государства СХС своих вооруженных сил ситуация складывалась угрожающая. Великие державы, несмотря на все просьбы Загреба о международном признании, отнюдь не спешили и откладывали этот

^{*} Речь идет о сербах Австро-Венгрии.

^{**} 26 ноября 1918 г. собравшаяся в Подгорице Великая народная скупщина Черногории приняла решение о том, что «Черногория объединится в единое государство с братской Сербией под жезлом династии Карагеоргиевичей, и вместе с Сербией, как единое с ней целое, вступит в объединенное государство трехплеменного народа: сербов, хорватов и словенцев». Великая народная скупщина низложила династию Петровичей-Негошей и запретила эмигрировавшему во Францию королю Николе возвратиться в страну. Она избрала исполнительный комитет, который должен был осуществлять временное управление страной до того, как начнет функционировать новый государственный аппарат. Из Подгорицы в Белград была отправлена специальная делегация из 12 человек для вручения соответствующего заявления королю Петру Карагеоргиевичу.

вопрос до мирной конференции. А время не ждало. В Хорватии царствовала анархия. Повсюду действовали большие группы бунтовавших крестьян, дезертиров из австро-венгерской армии и вернувшихся из России военнопленных. Даже члены Народного Веча не всегда могли прибыть в Загреб, так как их имения находились в осаде. Внутренний хаос являлся второй важной причиной того, что политические лидеры и средние слои ожидали сербские войска для «наведения порядка». Отсутствие вооруженных сил и государственного аппарата, фактическая итальянская интервенция* угрожали только что созданному Государству распадом и требовали кардинальных решений.

16 ноября областное правительство Далмации известило президиум Народного Веча о своем намерении в самое ближайшее время обратиться к Сербии с предложением о присоединении области к Сербскому королевству, мотивируя это решение отсутствием собственных сил для борьбы против итальянской экспансии. «Письмо из Сплита» произвело сильное впечатление в Загребе, Любляне и других центрах Государства СХС. 23 ноября состоялось решающее заседание Народного Веча, посвященное обсуждению вопроса о будущем страны. В ответ на критику «Письма» со стороны деятелей ряда хорватских и словенских политических партий представители Далмации и Боснии и Герцеговины прямо заявили, что обе эти области примут самостоятельное решение об объединении с Сербией. Угроза развала Государства заставила противников объединения снять свои возражения. «Перед нами,— вспоминал лидер хорватской старчевичевой партии права Анте Павелич,— стояла дилемма: либо сохранить самостоятельную Хорватскую республику, состоящую всего из четырех областей вокруг Загреба, либо присоединиться к Сербии»⁴⁵.

«Республика» же эта в тех условиях вряд ли обладала жизнеспособностью, что отчетливо понимали сами хорваты. Газета «Хрватска Држава» (Хорватское государство) писала: «Если посмотреть на географическую карту, то можно легко заметить, что территории, на которые претендуют хорваты, вряд ли подходят для создания сильно-

* В середине ноября итальянские войска начали продвижение к Любляне. Наряду со словенским ополчением сопротивление им оказали вооруженные отряды, сформированные посланным сербским правительством полковником Душаном Симовичем из числа оказавшихся в Австрии бывших военнопленных сербов.

го государства. Сербь, которых в Хорватии живет 20 процентов, с правом желали бы объединиться с Сербией. Итальянцы требовали бы выполнения решений Лондонского договора, и мы, таким образом, попали бы между итальянцами и Сербией, которая, по правде говоря, едва ли имела веские причины ради нас рисковать столкновением с Италией». И далее: «Если бы Сербия не желала объединения, то мы, хорваты и словенцы, должны были бы его требовать сами, так как это было в наших интересах». Последнее замечание весьма рационально — в тогдашних конкретных условиях, войдя в 1918 г. в единое югославянское государство, Хорватия и Словения приобрели значительно больше, чем могли бы потерять при попытке иного решения хорватского и словенского вопросов. Выделим главные их приобретения.

Во-первых, объединившись с Сербией, Хорватия и Словения автоматически перешли в лагерь победителей. Статус же побежденного неприятеля (как части бывшей Австро-Венгрии) не сулил им никаких радужных перспектив. Хорватская печать писала: «Мы должны были или опираться на Сербию, которая была членом Антанты и пользовалась в ней уважением или ожидать того, что Антанта сможет поступить с нами, как представителями враждебной стороны, как ей вздумается». И опять тот же вывод: «Нам были необходимы сербы, а не мы им». Во-вторых, в рамках Югославии Хорватия и Словения (по большей части) смогли защитить свои этнические границы, что вряд ли бы им удалось в одиночку. И в-третьих, что касается Хорватии, то она только в условиях Югославии завершила процесс национально-политической консолидации — Загреб и Сплит наконец-то оказались «под одной крышей». В случае же независимости Хорватии, как уже отмечалось, Далмация была бы непременно аннексирована Италией, как это и предполагалось Лондонским межсоюзническим договором.

Итак, можно заключить, что в критический момент принятия представителями югославянских областей бывшей Австро-Венгрии решения о политическом самоопределении внешний фактор (в различных его формах) сыграл определяющую роль. Логика событий «толкала» политиков Загреба и Любляны к государственному союзу с Сербией и Черногорией, несмотря на откровенные опасения и даже нежелание части из них.

В Хорватии Хорвато-сербская коалиция осенью 1918 г. отстаивала централистское устройство Югославии и полное слияние «пле-

мен», тогда как весьма влиятельная Хорватская старчевичева партия права защищала идею федерации, говоря, что лишь годы совместной жизни с сербами и словенцами смогут создать «единый национализм».

В этом отношении показательна судьба решений Женевского совещания (6—9 ноября 1918 г.) представителей политических партий Сербии (во главе с премьером Пашичем) с деятелями загребского Народного Веча и Югославянского комитета — хорватами, словенцами и сербами. Стремясь сохранить открытой возможность придания будущему государству южных славян элементов федерализма, представители Веча и Комитета добились согласия Пашича на создание общего узкого кабинета для ведения военно-политических дел в составе представителей обеих сторон. В «Декларации» от 9 ноября было заявлено об учреждении общего министерства сербов, хорватов и словенцев и вместе с тем сохранении «правительства королевства Сербии» и «Народного Веча в Загребе» для управления всеми внутренними делами — каждое на своей территории. По-видимому, со стороны Пашича это был тактический шаг. «Декларацию» отвергло не только правительство Сербии, но и большинство Народного Веча, в котором преобладающее влияние получила Хорвато-сербская коалиция, придерживавшаяся теории единого «трехименного» народа. Народное Вече спешило провести объединение обоих государств.

24 ноября Народное Вече приняло декларацию об объединении с Сербией. Государственное устройство будущей «общей родины» предполагалось обсудить на Учредительном Собрании, кроме вопроса о династии Карагеоргиевичей, которая изначально признавалась правящей в новом объединенном государстве.

Именно в вопросе внутреннего устройства единого Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев и столкнулись вскоре унитаризм Белграда и федерализм, граничивший нередко с требованиями конфедерации и даже независимости, со стороны Загреба, что незамедлительно привело к появлению первых трещин в фундаменте единого югославянского дома. Попытка Белграда воплотить в жизнь идею «единого народа» в виде теории «интегрального югославизма» с целью сцементировать новое государственное образование в конечном итоге потерпела крах. Но это уже иной сюжет...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Никола П. Пашић. (10.12.1926—10.12.1936). Београд, 1937. С. 247.
- ² Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. (Далее — МОЭИ). Серия III. Том 2. М.; Л., 1933. С. 220 (Н. Г. Гартвиг — С. Д. Сазонову).
- ³ МОЭИ. Серия III. Том 6. Часть I. М.; Л., 1935. С. 18—19 (В. Н. Штрэндтман — С. Д. Сазонову, 6 августа 1914 г.).
- ⁴ Там же. С. 198. (Г. Н. Трубецкой — С. Д. Сазонову, 1 сентября 1914 г.).
- ⁵ Там же. С. 356—357.
- ⁶ Милојевић Предраг. О људима и чудима. Београд, 1982. С. 42.
- ⁷ Србија 1918. године и стварање Југословенске државе. Научни скуп. Београд, 1989. С. 428.
- ⁸ Цит. по: Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары ТТ. 1—2. М., 1934. С. 280.
- ⁹ Михайловский Г. Н. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. М., 1993. Кн. I. С. 99.
- ¹⁰ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 325.
- ¹¹ МОЭИ. Серия III. Том 7. Часть 2. М.; Л., 1935. С. 64 (Г. Н. Трубецкой — С. Д. Сазонову, 31 марта 1915 г.).
- ¹² Там же. С. 296. (Г. Н. Трубецкой — С. Д. Сазонову, 29 апреля 1915 г.).
- ¹³ Там же. С. 346 (Г. Н. Трубецкой — С. Д. Сазонову, 4 мая 1915 г.).
- ¹⁴ Там же. Том 8. Часть I. С. 57 (В. Н. Штрэндтман — С. Д. Сазонову, 30 мая 1915 г.). Сазонов вполне согласился с этим мнением Штрэндтмана. (Там же. С. 58.).
- ¹⁵ Там же. С. 48. (В. Н. Штрэндтман — С. Д. Сазонову, 29 мая 1915 г.).
- ¹⁶ Там же. С. 126. (В. Н. Штрэндтман — С. Д. Сазонову, 10 июня 1915 г.).
- ¹⁷ Ллойд-Джордж Д. Указ. соч. С. 287.
- ¹⁸ МОЭИ. Серия III. Том 8. Часть 2. М.; Л., 1935. С. 87 (Г. Н. Трубецкой — С. Д. Сазонову, 16 августа 1915 г.).
- ¹⁹ Там же. С. 191. (Г. Н. Трубецкой — С. Д. Сазонову, 1 сентября 1915 г.).
- ²⁰ Архив Внешней Политики Российской Империи. Ф. Политархив (1914 г.). Д. 532. Л. 484.
- ²¹ МОЭИ. Серия III. Том 7. Часть 2. С. 65 (Г. Н. Трубецкой — С. Д. Сазонову, 31 марта 1915 г.)
- ²² МОЭИ. Серия III. Том 7. Часть 1. С. 469.
- ²³ Там же. С. 264 (Г. Н. Трубецкой — С. Д. Сазонову, 15 февраля 1915 г.).
- ²⁴ Там же. (А. А. Гирс — С. Д. Сазонову, 26 января 1915 г.).
- ²⁵ Там же. С. 259, 265—266 (Г. Н. Трубецкой — С. Д. Сазонову, 13 февраля 1915 г.).
- ²⁶ Там же. С. 479. Разговору Супило с Гулькевичем состоялся 14 марта 1915 г.
- ²⁷ «Главнейшие задачи юго-славян». Донесение российского консула в Питтсбурге Г. В. Чиркова в посольство России в Вашингтоне. 1916 г. // Исторический Архив. 1994. № 3. С. 106. (Далее — Донесение российского консула в Питтсбурге...).

- ²⁸ МОЭИ. Серия III. Том 7. Часть 1. С. 114 (Г. Н. Трубецкой — С. Д. Сазонову, 26 января 1915 г.).
- ²⁹ Донесение российского консула в Питтсбурге...//Исторический Архив. 1994. № 3. С. 105.
- ³⁰ МОЭИ. Серия III. Том 7. Часть 1. С. 112 (Г. Н. Трубецкой — С. Д. Сазонову, 26 января 1915 г.).
- ³¹ Там же. Том 7. Часть 2. С. 19.
- ³² Там же. С. 77.
- ³³ Там же. С. 346.
- ³⁴ Там же. Том 7. Часть 1. С. 77 (А. Н. Крупенский — С. Д. Сазонову, 3 марта 1915 г.).
- ³⁵ Донесение российского консула в Питтсбурге...//Исторический Архив. 1994. № 3. С. 108, 110, 111, 113.
- ³⁶ МОЭИ. Серия III. Том 9. М.; Л., 1937. С. 665.
- ³⁷ Поповић Н. Србија и Русија 1914—1918. Београд, 1977.
- ³⁸ Дипломатска преписка српске Владе. 1917. Збирка докумената. Крагујевац, б/г. С. 193.
- ³⁹ Там же. С. 128.
- ⁴⁰ Јанковић Д., Кризман Б. Грађа о стварању Југословенске државе. Београд, 1964. Том 1. С. 346.
- ⁴¹ Там же. С. 44—45.
- ⁴² Записници седница Министарског Савета Србије. 1915—1918. Приредили Д. Јанковић и Б. Храбак. Београд, 1976. С. 430.
- ⁴³ Поповић Н. Да ли су постојали «велики» и «мали» програми Николе Пашића (1914—1918)?//Србија 1918. године и стварање Југословенске државе. Научни скуп. Београд, 1989. С. 211.
- ⁴⁴ Јовановић С. Никола Пашић//Србија и коментари. Изд. Задужбине М. Црњанског. Београд, 1989. С. 306.
- ⁴⁵ Цит. по: Писарев Ю. А. Образование Югославского государства. М., 1975. С. 346.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновению Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в 1918 г. способствовал ряд обстоятельств: общественно-политическая и военно-стратегическая ситуация, сложившаяся к концу Первой мировой войны в Сербии, Черногории, на югославянских землях Австро-Венгрии, да и вся международная обстановка того времени. Появление на политической карте Европы югославянского государства, ставшее одним из прямых последствий распада двух многонациональных империй — Австро-Венгрии и Османской Турции, — явилось результатом долгих и сложных процессов, развивавшихся в Юго-Восточной и Центральной Европе. Анализ этих процессов помогает понять причины возникновения Югославии, а также разобраться в исторических корнях тех противоречий, которые периодически на протяжении всего XX века порождали кризисы, сотрясавшие этот регион.

Переломным для югославянских народов стал конец XVIII и начало XIX веков. В условиях важнейших перемен, наступивших после Великой французской революции, здесь ускорился процесс формирования наций, национального самосознания, неуклонно ширились и развивались различные формы национально-освободительных и культурно-национальных движений. Все эти народы в силу своей малочисленности не могли добиться осуществления своих национальных целей в одиночку. Отсюда поиски союзников как среди югославян, так и среди великих держав. Общность происхождения, языковая близость югославянских народов способ-

ствовали развитию объединительных процессов, расширению общественных и культурных связей между ними, порождали различные интеграционные идеологические построения.

Национальные движения в Юго-Восточной и Центральной Европе наряду с общими их особенностями, имели специфические черты и задачи. Они развивались с различной интенсивностью. Наиболее четкая грань в этом отношении пролегла между «турецкими» и «австрийскими» югославянами. У югославянских народов, входивших в состав империи Габсбургов, развитие протекало в рамках европейской цивилизации, хотя и с некоторым запозданием по сравнению с передовыми европейскими народами. Эта часть югославян могла бороться за свои национальные права преимущественно мирными средствами, оставаясь на почве легитимизма.

По сравнению с Дунайской монархией военно-феодальная Османская империя была отсталым государством, ее распад на протяжении XIX — начала XX шел достаточно интенсивно. Режим восточной деспотии был несовместим с историческим прогрессом поработенных турками балканских народов. В этих условиях вооруженные восстания и войны часто были единственно возможными средствами борьбы югославянских народов не только за свободу и независимость, но часто за их физическое выживание.

В связи с указанными особенностями политические идеи югославян Австрии и Османской империи имели определенные отличия. Для сербов и черногорцев, которые первыми начали вооруженную борьбу за свое освобождение, на первом плане стояла задача создания независимых государств.

Уже в конце XVIII в. фактически независимой стала Черногория. В результате двух сербских восстаний и русско-турецких войн к началу 1830-х годов получило международное признание находившееся под верховной властью Порты автономное Сербское княжество. Сербия и Черногория также искали себе союзников и видели их прежде всего в государствах, враждебных Турции, т. е. в России, а на определенных этапах в Австрии и Франции. Новые балканские государства включали в себя лишь часть населенных сербами земель и не имели полной независимости. Интеграционные тенденции между Сербским княжеством и Черногорией были достаточно сильными, но возглавить политическое объединение, став «сербским Пьемонтом», могло лишь одно из них. Данный вопрос

оставался открытым вплоть до 1840-х годов, когда стала очевидной главенствующая роль в осуществлении этих национальных задач более развитого в общественно-экономическом отношении Сербского княжества. Однако соперничество черногорской и сербской династий за право возглавить национально-освободительную борьбу сербов и черногорцев на этом не прекратилось.

Наряду со стремлением создать национальные государства южным славянам в турецких владениях не чужды были идеи установления государственного объединения, которое бы включало в себя обширный комплекс югославянских земель. Такие проекты возникали у сербских деятелей еще в XVIII в., затем в годы Первого сербского восстания. Они имелись и у сербского князя Милоша Обреновича. В середине 1840-х годов, во внешнеполитической программе Или Гарашанина — «Начертании» была выдвинута задача основания крупного сербского государства с возможным включением в него югославянских земель, находившихся в составе Австрии. Идея создания такого государства обосновывалась «историческим правом» сербов — правом на возрождение средневековой державы Неманичей и была популярна в кругах интеллигенции, прежде всего молодежи.

Вопрос о политическом объединении южных славян в среде югославянских национальных деятелей Австрийской империи возник в 20-е годы XIX в. Почвой для него стали научные представления того времени. Во второй половине XVIII — начале XIX вв. ученые считали славян единым народом, разделенными на разные наречия. В начале XIX в. возникло представление о южных славянах как об особой общности внутри славян. Иллиризм, появившийся в хорватских землях в конце 20-х годов стал первой формой югославизма. Сторонники иллиризма считали южных славян единым народом и стремились к созданию единого литературного языка и единой культуры для всех них. Вплоть до начала 40-х годов иллиризм развивался как чисто культурное движение. Его приверженцы имелись среди национальных деятелей всех югославянских народов Австрии: главным образом хорватов, но также среди словенцев и воеводинских сербов. В 40-е годы в связи с политизацией национальных движений иллиризм стал приобретать политические черты. Часть его деятелей выступила за политическое объединение южных славян в пределах Габсбургской монархии или вне их.

Иллиризм в княжество Сербию принесли наиболее радикальные из хорватских иллиров, которые возлагали надежды на полунезависимую Сербию как на будущую объединительницу южных славян. Идеи иллиризма как бы дополняли планы возрождения обширного сербского государства, являясь для них дополнительным обоснованием.

Так что уже в первой половине XIX в. югославизм имел разное содержание и по-разному воспринимался югославянскими национальными деятелями Австрии и политиками княжества Сербии.

Революция 1848—1849 гг. стала важным рубежом в развитии югославянских идей. Национальные деятели австрийских славян (словенцев, хорватов, сербов) наряду с политическими программами, предусматривавшими автономные права для своих народов, выдвинули объединительную югославянскую программу. Согласно ей эти народы образовывали свою федерацию в рамках Габсбургской монархии, которая должна была иметь свое представительное собрание, свое правительство, свои финансы. Но дело не ограничилось созданием этой общей югославянской программы. В период революции югославянские народы доказали возможность самого широкого практического сотрудничества в борьбе за свои национальные права. Особенно четко оно проявилось в совместной борьбе сербов и хорватов против венгерского правительства, не желавшего удовлетворить их национальные требования. При этом активную поддержку австрийские югославы получили от сербов княжества.

В восточной части югославянского ареала некоторые объединительные устремления во второй половине XIX века перешли из области идей в область конкретной политики. Однако это были попытки организации не государственного объединения на этнической основе, но союза государств против конкретного противника — Османской империи. Некоторые подобного рода проекты были реализованы на практике. (Балканский союз 60-х гг. XIX века во главе с Сербией, Балканский союз 1912 г.) Как правило, удавалось достигнуть согласия между участниками во время переговоров, когда дело касалось объединения усилий для совместной борьбы против Османской империи. Однако когда дело доходило до обсуждения принадлежности освобожденных территорий участникам соглашения, то здесь договориться оказывалось неизмеримо труднее, зачастую противоречия сторон приобретали непримиримый характер.

Во второй половине XIX в. национальные движения южных славян Габсбургской монархии окончательно политизируются, их цели усложняются. У молодых наций, уже осознавших себя особой общностью, наряду с главной задачей защиты своих национальных прав от посягательств господствующих наций, начинают выходить на первый план и другие задачи: определение своих этнических границ и взаимоотношений с другими, прежде всего соседними народами. И если первая задача заставляла югославянские народы искать себе союзников, спланивала их, то вторая группа задач вела к недоразумениям между этнически близкими нациями, к росту враждебности между ними. Разрешение противоречий путем переговоров становилось все более сложным, особенно когда к этому процессу подключились национальные радикалы, не желавшие идти на компромисс.

Националистические группировки появились прежде всего у сербов и хорватов. Это объяснялось, во-первых, тем, что оба народа имели практически единый язык, жили вперемежку друг с другом на одной территории (особенно с Славонии и Боснии). Этническим различителем для них было вероисповедание. Во-вторых, как сербское, так и хорватское национальные движения были самыми развитыми из всех югославянских, их традиции восходили к средневековью. Каждое из них претендовало на руководящую роль среди югославян.

Националистические течения в других югославянских национальных движениях были значительно слабее. Они стали проявляться в конце XIX в. — начале XX в. у македонцев, у славян-мусульман. Эти этнические общности именно в указанное время стали ощущать себя отличными от своих соседей народами: македонцы — от болгар, славяне-мусульмане — от сербов и хорватов, (хотя славяне-мусульмане чувствовали свое отличие издавна).

Этническая пестрота югославянского ареала приводила к неизбежному столкновению национальных программ югославянских народов, предусматривавших установление национальных независимых государств. Прежде всего это относилось к сербам и хорватам. И те, и другие претендовали на одни и те же территории, при этом население этих земель провозглашалось то сербами, то хорватами. К этим противоречиям добавлялось соперничество внутри сербского национального движения между представителями Белграда и

Цетинья за право стать центром объединения сербского народа. Все это вместе создавало весьма сложную и взрывоопасную смесь. Интеграционные югославистские идеи позволяли при помощи создания единого государства предотвратить возможные столкновения и конфликты по территориальным спорам. Но немедленно возникали новые вопросы относительно природы этого государства, роли и положения различных народов в нем. Идеи демократической федерации югославянских народов, выдвигавшиеся С. Марковичем и его единомышленниками, не имели под собой реальной исторической почвы. Балканские монархи не проявляли желания поступаться своими правами.

Борьба двух тенденций в югославянских национальных движениях — объединительной и националистической — стала характерной чертой к началу Первой мировой войны. Стремление к интеграции росло во время усиления инационального гнета (со стороны немцев, венгров, турок) и отходило на второй план, когда он ослабевал. И тогда национализм занимал более прочные позиции.

Однако вплоть до создания в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев объединительные тенденции в идеологии югославянских национальных деятелей являлись ведущими. Созданию Югославии, помимо победы югославистской идеологии в национальных движениях словенцев, хорватов, сербов, способствовали и международные отношения, сложившиеся в результате Первой мировой войны. Югославянские народы оказались в разных военных лагерях: словенцы, хорваты, воеводинские сербы на стороне Центральных держав, сербы и черногорцы на стороне Антанты. Сербь и черногорцы прошли через жесточайшие испытания, понесли огромные потери, но к концу войны чаша весов стала явно склоняться на сторону Антанты. В таких условиях перед словенцами и хорватами всерьез встала опасность утери даже тех национальных позиций, которые удалось завоевать к началу войны. Хотя большинство их политиков сочувствовало Антанте, эти земли находились в пределах блока Центральных держав и поэтому стали предметом торга между Антантой и Италией. Последняя за вступление в войну против Центральных держав требовала для себя часть словенских и хорватских территорий. После победы стран Антанты и ее союзников Италия двинула свои войска в обещанные ей области, намереваясь захватить больше, чем ей удалось выторговать. Только объединение

с Сербией давало возможность словенцам и хорватам по мере возможности уберечь свои земли от нового агрессора и перейти из стана побежденных в стан победителей. Указанные моменты сыграли большую роль в решении руководства югославян Австро-Венгрии объединиться с королевством Сербия.

Таким образом объединительные югославистские тенденции, долго эволюционировавшие и вызревавшие в среде югославянских народов, привели к созданию югославского государства — Королевства сербов хорватов и словенцев (позднее — Югославия). Оно явилось определенного рода компромиссом не только со стороны австрийских югославян. Сербия, лишившись после революции в октябре 1917 г. своего главного союзника в лице России, также должна была отказаться от планов установления объединенного сербского государства.

Многим тогда казалось, что создание Югославии являлось оптимальным решением, которое позволит надолго установить мир и стабильность в балканском регионе. Однако многочисленные национальные, конфессиональные, экономические противоречия не исчезли, а лишь приняли другие формы. Югославянский вопрос еще не раз вставал во весь рост в истории Европы XX века.

БИБЛИОГРАФИЈА

- Бажова А. П.* Россия и югославяне в конце XVIII века. М., 1996.
- Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.
- Балканы в конце XIX — начале XX века. М., 1991.
- Балканы и Россия. Общественно-политические и культурные связи. Конец XVIII в.—1878 г. М., 1996.
- Богишич В.* Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия» // Отчет о тридцатом присуждении наград графа Уварова. СПб, 1872.
- Борошник М.* Антон Ашкерц. Београд, 1957.
- Буне и устанци у Босни и Херцеговини у XIX в. Београд, 1912.
- Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908—1909 гг. Ленинград, 1964.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. М., 1960—1972. Серия первая. Т. I—VIII. М., 1974—1995; серия вторая. Т. IX—XVI (I—VIII).
- Вукићевић М.* Карађорђе. Књ. 1—2. Београд, 1907—1912.
- Вучковић В.* Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије 1859—1974. Београд, 1965.
- Гавриловић М.* Милош Обреновић. Књ. I—III, Београд, 1908—1912.
- Гавриловић С.* Војводина и Србија у време Првог устанка. Нови Сад, 1971.
- Грачев В. П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII—XIX вв. М., 1990.

Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848—1849. март—јуни 1848. Београд, 1952.

Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

Данченко С. И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878—1903. М., 1996.

Достян И. С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972.

Борђевић Д. Царински рат Аустро-Угарске и Србије 1906—1911. Београд, 1962.

Боновић Ј. Уставне и политичке борбе у Црној Гори 1905—1910 гт. Београд, 1939.

Бурковић-Јакшић Њ Љ. Србијанско-црногорска сарадња (1830—1851). Београд, 1957.

Екмечић М. Стварање Југославије. 1790—1918. Књ 1—2. Београд, 1989.

Екмечић М. Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973.

Жебокрицкий В. А. Болгария в период балканский войн 1912—1913 гт. Киев, 1961.

Жебокрицкий В. А. Болгария накануне Балканских войн. 1911—1913 гт. Киев, 1960.

Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини XIX века. Књ. 2, Београд, 1924.

Зарубежные славяне и Россия. М., 1975.

Иваноски О. Балканските социалисти и македонского прашање. Од 90-тите години на XIX век до создавањето на третата интернационала. Скопје, 1970.

Историја српског народа. Књ. IV—VI. Београд, 1981 — 1986.

История Югославии. Т. 1. М., 1963.

Јакшић Г., Вучковић В. Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез). Београд, 1963.

Јанковић Д. Нишка декларација (Настајање програма југословенског уједињења у Србији 1914 г.)//Историја XX века. Зборник радова. Књ. X. Београд, 1969.

Јанковић Д. Кризман Богдан. Грађа о стварању Југословенске државе. Том 1. Београд, 1969.

Јовановић Сл. Влада Александра Обреновића. Књ. I—III. Београд, 1934—1936.

Јовановић Сл. Никола Пашић//Србија и коментари. Изд. Задужбине Милоша Црњанског. Београд, 1989.

Јовановић Сл. Уставобранитељи и њихова влада. Београд, 1933.

Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967.

Казимировић В. Никола Пашић и његово доба. Књ. 1—2. Београд, 1990.

Караџић Вук. Скупљени историјски и етнографски списи Вука Караџића. Београд, 1896.

Кацлеровић Т. Мартовске демонстрације и Мајски преврат 1903. Београд, 1950.

Кондратьева В. Н. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70-е гг. XIX в.) М., 1971.

Кондратьева В. Н. Уједињена Омладина српска. Нови Сад, 1977.

Концепција националне художественој културе. М., 1985.

Косев Д. Русија, Франција и бугарско ослободително покрет 1860—1869, Софија, 1978.

Крестић В. Историја срба у Хрватској и Славонији. 1848—1914. Београд, 1992.

Крестић В. Историја српске штампе у Угарској. 1791—1914. Нови Сад, 1980.

Крестић В. Хрватско-угарска нагодба 1868 г. Београд, 1969.

Крестић В., Љушић Р. Програми и статуту српских политичких странака до 1918 године. Београд, 1989.

Културно-политички покрети народа Хабсбуршке монархије у XIX веку. Нови Сад, 1983.

Лешиловска И. И. Обществено-политичка борба у Хрватии у 1848—1849 гг. М., 1977.

Лешиловска И. И. Српска култура XVIII века. М., 1994.

Ллојд Джорџ Девид. Военне мемуари. Т. 1—2. М., 1934.

Љушић Р. Књежевина Србија. 1830—1839. Београд, 1986.

Марковић Л. Југословенска држава и хрватско питање. Загреб, 1935.

Международне одношенија у епоху империализма. Документи из архивов царског и Временног правителства. 1878—1917. Сериа III. Тома 6, 7, 8.

Милетић С. Изабрани чланци. Нови Сад, 1939. Нови Сад, 1977.

- Митровић А.* Србија у првом светском рату. Београд, 1984.
- Никифоров К. В.* Србија в средине XIX в. (начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995.
- Никола П. Пашић.* (10.12.1926—10.12.1936) Београд, 1937.
- Нотович Ф. И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. М.; Л., 1947.
- Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. Документы в 3-х томах. М., 1988.
- Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981.
- Павићевић Б.* Стварање Црногорске државе. Београд, 1955.
- Пандев К.* Национално-освободителното движение в Македонија и Одринско. 1878—1903. Софија, 1979.
- Пантелић Д.* Београдски пашалук пред Први српски устанак. Београд, 1949.
- Пашић Никола.* Моја политичка исповест//Србија и коментари. Изд. Задужбине Милоша Црњанског. Београд, 1989.
- Пејовић Г.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981.
- Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия, Сборник документов Кн. 1. М., 1980; Кн. 2. М., 1983.
- Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века. Књ. 3. Београд, 1995.
- Петровић П.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1951.
- Пирочанац М.* Кнез Михаило и заједничка радња балканских народа. Београд, 1895.
- Писарев Ю. А.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии в начале XX в. М., 1962.
- Писарев Ю. А.* Образование Югославянского государства. М., 1975.
- Писма И. Гарашанина Ј. Мариновићу. Приредио Н. Шкеровић. Књ. 2 (1851—1874). Београд, 1939.
- Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984.
- Поплыко Д. Ф.* Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983.
- Попов Н. А.* Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856. Ч. I—II. М., 1869.
- Поповић Н.* Србија и Русија. 1914—1918. Београд, 1977.
- Радикална странка и Тимочка буна. Књ. 2. Зајечар, 1988.

Ракић Л. Радикална странка у Војводини (до почетка XX века). Нови Сад, 1975.

Ракић Л. Радикална странка у Војводини. 1902—1918. Нови Сад, 1983.

Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888.

Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991.

Скоко С. Други Балкански рат 1913 г. Београд, 1968.

Србија 1918 године и стварање Југословенске државе. Научни скуп. Београд, 1989.

Стајић В. Светозар Милетић. Живот и рад. Нови Сад, 1926.

Станковић Б. Никола Пашић и југословенско питање. Књ. 1—2. Београд, 1985.

Становление национальной классики. М., 1991.

Стојанчевић В. Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1966.

Страњаковић Д. Влада уставобранитеља. 1842—1853; Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932.

Тепић И. Босна и Херцеговина у руским изворима 1856—1878. Сарајево, 1988.

Терзић Славенко. Србија и Грчка. (1856—1903). Борба за Балкан. Београд, 1992.

Тет З. И. Кошут и национални проблем. Будапешт, 1954.

Тошев Тодор. Животът на Летописец Захариј. Часть 3. Пловдив, 1989.

Трговчевић Љ. Научници Србије и стварање Југословенске државе. Београд, 1986.

Трубецкой Г. Н. Воспоминания, Монреаль, 1983.

Уједињена омладина српска и њено доба. 1860—1875. Грађа из совјетских архива/Кондратјева В. Н., Петровић Н. Нови Сад, 1977.

Уједињена омладина српска. Зборник радова. Нови Сад, 1968.

Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII—70-е годы XIX в.). М., 1986.

Фрејдзон В. И. Борба хорватског народа за националну слободу. М., 1970.

Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении и русско-черногорские отношения в 50—70 гг. XIX в. М., 1979.

Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX в. М., 1979.

Черногорско–русске одношенија с 1711 по 1918 гт. Руске архивне документи о Черногорији (конец XVIII в.—середина XIX в.) Т. 1, Подгорица — Москва, 1992.

Чуркина И. В. Словенско национално-освободително подвижение в XIX веке и Россия. М., 1978.

Чубриловић В. Босански устанак. Београд, 1930.

Шемякин А. Л. Радикално подвижение в Србији. Зарождение, становление, первые шаги (1875—1883). М., 1993.

Шкеровић Н. Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964.

Шкеровић Н. П. Записници седница Министарског савета Србије 1862—1898 гт. Београд, 1952.

Шенић Д. Италија, савезници и југословенско питање. 1914—1918. Загреб, 1970.

Шишић Ф. Документи о постанку Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Загреб, 1920.

Boršnik M. Fran Celesten. Ljubljana, 1951.

Čulinović F. Državopravna historija jugoslovenskih zemalja. Zagreb, 1961.

Čurkina I. Matija Majar-Ziljski. Ljubljana, 1974.

Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki. Ljubljana, 1995.

Ekmečić M. Ustanak u Bosni. 1875—1878. Sarajevo, 1960.

Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca osenajstegastoletja do 1918. Ljubljana, 1966.

Gross M. Počeci moderne Hrvatske. Zagreb-Ljubljana, 1985.

Gross M. Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973.

Gross M. Vladavina hrvatsko-srpske koalicije. 1906—1907. Beograd, 1960.

Hriban J. Moji spomini. Ljubljana, 1980, I del.; 1984, II del.

Horvat J. Politička povijest Hrvatske. Zagreb, 1936.

Horvat J. Supilo. Život jednog hrvatskog političara. Zagreb, 1938.

Imatović M. Pravni položaj i unutrašnji politički razvitak Bosne i Hercegovine od 1878—1914. Sarajevo, 1970.

Kapidžić H. Bosna i Hercegovina pod Austrougarskom upravom. Sarajevo, 1968.

Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1970.

Kernavner D. Začetki slovenske socialne demokracije. Ljubljana, 1963.

- Korunić P.* Jugoslavenska ideologija u hrvatskoj i slovenskoj politici. Ljubljana, 1986.
- Kvaternik E.* Politički spisi. Zagreb, 1971.
- Levstik F.* Zbrano delo. Ljubljana, 1958, zv. 7; Ljubljana, 1959, zv. 8; Ljubljana, 1961, zv. 9.
- Lovrenčić R.* Geneza polike «novog kursa». Zagreb, 1972.
- Murko M.* Spomini. Ljubljana, 1951.
- Novija politička istorija jugoslovenskih naroda. Beograd, 1971.
- Petrovic R.* Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoleću. Sarajevo, 1968.
- Pleterski J.* Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965.
- Pleterski J.* Prvo opredelenje slovenca za Jugoslavijo. Beograd, 1976.
- Pogačnik J. Jernej Kopitar.* Ljubljana, 1977.
- Prijatelj J.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Ljubljana, 1955, zv. I; Ljubljana, 1956, zv. II; Ljubljana, 1959, zv. III; Ljubljana, 1961, zv. IV.
- Staršević A.* Politički spisi. Zagreb, 1971.
- Strossmayer J. Rački F.* Politički spisi. Zagreb, 1971.
- Šidak J.* Studije iz Hrvatske povijesti XIX stoljeća. Zagreb, 1973.
- Šidak J.* Studije iz Hrvatske povijesti za revolucije 1848—1849. Zagreb, 1979.
- Šidak J., Gross M., Karaman J., Šepić D.* Povijest hrvatskog naroda 1860—1914. Zagreb, 1968.
- Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1982.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Национальное возрождение югославянских народов Габсбургской империи (<i>Чуркина И. В.</i>)	8
Глава 2. Революция 1848—1849 г. в югославянских землях Австрии (<i>Чуркина И. В.</i>)	37
Глава 3. Сербь и черногорцы в борьбе за национальное освобождение (<i>Достян И. С.</i>)	59
Глава 4. Укрепление государственности Сербии и Черногории и возникновение первой внешнеполитической программы (<i>Достян И. С.</i>)	82
Глава 5. Сербские национальные программы и борьба за их реализацию в 1856—1878 гг. (<i>Карасев А. В.</i>)	111
Глава 6. Сербская национальная идея в 1878—1903 гг. Время разочарования и осмысления (<i>Шемякин А. Л.</i>)	132
Глава 7. Босния и Герцеговина: между Западом и Востоком (начало XIX—1878) (<i>Вяземская Е. К.</i>)	186
Глава 8. Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине XIX в. (<i>Фрейдзон В. И.</i>)	201
Глава 9. Становление национальных программ словенцев (1850—1894) (<i>Чуркина И. В.</i>)	230
Глава 10. Проблемы югославизма в Хорватии в начале XX в. (<i>Фрейдзон В. И.</i>)	249
Глава 11. Национальный вопрос в программах словенских партий накануне первой мировой войны. (<i>Чуркина И. В.</i>)	270
Глава 12. Пороховой погреб на Балканах — Босния и Герцеговина 1878—1918 гг. (<i>Вяземская Е. К.</i>)	286
Глава 13. Сербия и Черногория 1903—1914 гг. Балканские войны (<i>Карасев А. В.</i>)	318
Глава 14. Македония — споры, соглашения, войны (<i>Косик В. И.</i>)	318
Глава 15. Первая мировая война. Рождение Югославии (<i>Шемякин А. Л.</i> , с использованием материалов В. И. Фрейдзона и И. В. Чуркиной)	341
Заключение	382
Библиография. (<i>Карасев А. В.</i>)	389

Научное издание

**На путях к Югославии:
за и против**

**Очерки истории
национальных идеологий югославянских народов.
Конец XVIII — начало XX вв.**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики РАН

Foreign customers may order the above titles
by E-mail: root@indrik.msk.ru
or by fax: (095) 290-68-91

ЛР № 070644, выдан 26 октября 1992 г.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
26,0 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 39
Отпечатано в Типографии № 2 РАН
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

Библиотека Института славяноведения и балканистики 9